

И.Мардов

О Б Щ А Я Д У Ш А

(о народной душе, ее структуре и росте)

Галине Петровне Бельской

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

О ВЛАСТИ

- Гл. 1. Эпизод из жизни Льва Толстого. Пьер Безухов в плену. Штрум в Царстве темного ОНО.
- Гл. 2. Вопрос Толстого об основаниях власти в душе человека. Ответ С.Л.Франка.
- Гл. 3. Решение вопроса душевного основания власти у Льва Толстого.
- Гл. 4. Дальнейшие разъяснения постановки проблемы власти.
- Гл. 5. О модели власти в душе человека. Толстовское учение о "суеверии государства" и его происхождении. Недостаточность объяснений Толстого и Франка. Власть - категория Общей души.

Часть первая

СВОЙСТВА И ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ДУШИ

- Гл. 1 (6) Агапическая жизнь и Общая душа. Лично-душевная и общедушевная стороны человека. Лично-душевный рост и общедушевный рост. Об Общей душе.
- Гл. 2 (7) Общая душа как сфера межлюдского обмена жизнью на разных уровнях ее. Лестница жизни и любви. Вожделиние интерплотской жизни. Эрос и интерпсихическая жизнь. Филическая любовь. Эрос и Филия.
- Гл. 3 (8) Сторгическая любовь. Поле духовной близости. Любовь к ближнему. Агапия и Сторгия.
- Гл. 4 (9) Самость и духовное Я человека. Самоотречение.
- Гл. 5 (10) Ненависть сторгическая, филическая и эротическая.
- Гл. 6 (11) Интерплотская общедушевность. Материнское национальное чувство. Нулевой этаж Общей души. Магическое сознание человека.
- Гл. 7 (12) Интерпсихическая общедушевность. Интерпсихический страх. Сознание общего строя. Устрашение и насилие. Властолюбие.
- Гл. 8 (13) Свет животности и свет разумности души человека. Степени свободы света разумности. Общедушевный разум. Общая душа как целостность.
- Гл. 9 (14) Этнический общедушевный разум. Этнический разум и магическое сознание. Закон и Власть. Нижняя половина Общей души (Этнос).
- Гл. 10 (15) Свет человечности. Культурная и моральная жизнь, ее доподлинность. Филическое и эротическое оживление души. Филическое поле жизни. Творчество, филическая воля и филическое самопленение. Сила выразительности и ее роль.
- Гл. 11 (16) О душевном переносе сторгической и эротической жизни в жизнь филическую. Самоотречение, самоотрицание и самопожертвование. Жертва. Слава. О центрах филической общедушевности.
- Гл. 12 (17) Соборный общедушевный разум. Вера и Истина как категории соборного разума. Верхняя половина Общей души (Собор). Соборный разум и филическая

общедушевность. Связь соборного разума и этнического разума. Филический перекоп
Общей души. Мнимодушевность.
Гл. 13 (18) Сторгическая общедушевность. Сознание справедливости. Сторгическая
совесть. Сторгическая воля.
Гл. 14 (19) Центр справедливости и ответственности Общей души. Отцовское
национальное чувство. Чувство жизни Общей души. Отец Общей души. Религиозно-
сторгическое творчество общедушевной жизни. Особый характер образования
сторгической общедушевности.
Гл. 15 (20) Общедушевные основания власти. Религиозно-сторгическое сознание "места
Отца" Общей души. О любви к Богу. Сознание власти.
Гл. 16 (21) Государственность как род филической жизни. Филиогосударственная
общедушевность и источники ее жизненности. О власти безответственной и
ответственной.
Гл. 17 (22) Этнос и Собор. Материнское и отцовское национальные чувства. Отец Общей
души и власть. Зло порчи власти. Власть и закон.
Гл. 18 (23) Приливно-отливные процессы в общедушевных полях жизни.
Гл. 19 (24) О болезнях Общей души. Некоторые черты русской Общей души.
Гл. 20 (25) О структуре Общей души. Национальная Самость и ее роль в Общей душе.
Гл. 21 (26) Народность Общей души. Национальная Самость и Народность. Приливно-
отливный процесс Общей души в целом. О характерных типах Общей души и их роли.

Часть вторая

ПУТЬ САРИМ

Гл. 1 (27) Единая душа и ее разрушение.
Гл. 2 (28) Увядание сафа ахад. Сарим.
Гл. 3 (29) Сыновья Ноя. Падение Хама и его последствия.
Гл. 4 (30) Кнаан.
Гл. 5 (31) Нимрод.
Гл. 6 (32) В шатре Ноя. Порча Единой души и дело ее восстановления в Истории и на
Пути.
Гл. 7 (33) Сар в Общей душе.
Гл. 8 (34) Сарим Силы и Сарим Власти. Решение вопроса власти в душе.
Гл. 9 (35) Личный Сар и общедушевный Сар. Борьба и смена общедушевных Сарим.
Инакодуховность. Мир Общих душ и мир Сарим.
Гл. 10 (36) Помрачение Сарим в Общей душе. Кнаанство и Сарим.
Гл. 11 (37) Сар, национальная Самость и Народность. Германский и российский Сар
Власти.
Гл. 12 (38) Взаимодействие Сарим и Общих душ, Сарим и Культуры.
Гл. 13 (39) Сарим в Истории и на Пути.
Гл. 14 (40) История и Путь Общей души.
Гл. 15 (41) Варварский возраст Пути.
Гл. 16 (42) Языческий возраст Пути.
Гл. 17 (43) Вероисповедальческий возраст Пути.
Гл. 18 (44) Период Иефета на Пути.
Гл. 19 (45) Интеллектуально-филический этаж Общей души. Филио-магическое
сознание. "Другой фундамент" Общей души.
Гл. 20 (46) Структуры путепрохождения Общей души. Филио-националистический
режим работы Общей души.
Гл. 21 (47) Итоговая структура Общей души. Соборная Народность. Филическая
территория Сарим.
Гл. 22 (48) Путевое значение общедушевного сторгического роста.
Гл. 23 (49) Путевое значение роста соборного разума. Интеллектуально-соборный разум.
Основные проблемы возраста Иефета. Сарократия.
Гл. 24 (50) На подступах к возрасту Шема. Последний возраст Пути.

Часть третья

ПАДЕНИЕ ИЕФЕТА

- Гл. 1 (51) О мнимодушевности.
- Гл. 2 (52) Интеллектуальная мнимодушевность. Легкомысленность.
- Гл. 3 (53) Мнимодушевность в общественной жизни. Газетное сознание. Свобода слова и свобода мысли.
- Гл. 4 (54) Советская мнимодушевность.
- Гл. 5 (55) Второе общедушевное грехопадение Иефета.
- Гл. 6 (56) Мнимодушевность и одухотворенность. Сторгический ближний и филический ближний.
- Гл. 7 (57) Иефет и Хам. Филиоязычество. Значение вопроса бессмертия в Общей душе.
- Гл. 8 (58) Дорога падения Иефета. Филические бесы.
- Гл. 9 (59) Гневливость и другие показатели падения Иефета.
- Гл. 10 (60) Свет тьмы. Творческие игры. Культурная толпа во второй русской революции.
- Гл. 11 (61) Каинианство и кнаанство. Роль кнаанства в Истории.
- Гл. 12 (62) Общедушевный критерий оценки состояния общества. Опасность фашизации Общих душ.
- Гл. 13 (63) Царство темной сафа ахад.
- Гл. 14 (64) Каиново чувство жизни. О магическом сознании и темном ОНО в Царстве темной сафа ахад.
- Гл. 15 (65) Критическая пора Пути Сарим. Псевдосар Иефета.
- Гл. 16 (66) Следующий этап падения Иефета. Царство ненависти.

ГРЯДУЩИЙ ИЕФЕТ (вместо Заключения)

- Гл. 1 (67) О русской Общей душе нашего века.
 - Гл. 2 (68) Об интеллигенции.
 - Гл. 3 (69) Вавилонские бесы, их самосознание и их судьба.
 - Гл. 4 (70) Неовавилонская душа.
 - Гл. 5 (71) Кратократия.
 - Гл. 6 (72) Кнаанство двадцатого века.
 - Гл. 7 (73) Каинова Народность. Псевдосарократия. Падший Сар.
 - Гл. 8 (74) На развилке путей.
- Приложения.

Вступление

О В Л А С Т И

В июле 1866 года в деревне Ясенки близ Ясной Поляны случилось событие, которое загодя пробудило душу Льва Толстого на ту неустанную борьбу, которую он вел последние 30 лет своей жизни.

"Случай этот имел **на всю мою жизнь** гораздо больше влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей", - вспоминает Толстой через 40 лет.

Неподалеку от Ясной Поляны была расквартирована рота Московского пехотного полка. Командир ее капитан Яцкевич и ротный писарь Шабунин враждовали друг с другом. Отношения дошли до взаимной ненависти. Кончилось тем, что солдат ударил офицера по лицу. Судить Шабунина приказано по полевым военным законам. Председателем военного суда был командир полка полковник Юноша и членами - подпоручик Гриша Колокольцев, товарищ брата Софьи Андреевны Толстой, и прапорщик Стасюлевич, который, сочувствуя солдату, и предложил Толстому выступить защитником.

Толстой доказывал невеняемость подсудимого и, значит, невозможность применения смертной казни. Судя по всему, он был уверен в желаемом исходе процесса. Стасюлевич заранее был на стороне солдата. Гриша Колокольцев дорожил и гордился своим близким знакомством с аристократом и знаменитым писателем и находился под его мощным влиянием.

Суд состоялся 16 июля в Ясенках. Юноша стоял за смертную казнь. Стасюлевич - против. "Колокольцев же, - вспоминает Толстой,- добрый, хороший мальчик, хотя и наверное желал сделать мне приятное, все-таки подчинился Юноше и **его голос решил вопрос**. И был прочтен приговор смертной казни через расстреляние".

Толстой был так взволнован приговором, что в своей частной просьбе о помиловании упустил название полка, в котором служил приговоренный. Пока шла переписка, приговор был утвержден, и солдат расстрелян 9 августа 1866 года.

Шабунин не был душевнобольным, как в целях защиты утверждал Толстой на суде. Но он не был и героем, хотя, не дрогнув лицом, выслушал смертный приговор, твердым шагом шел к месту казни и перед смертью спокойно приложился к кресту. В защитительной речи Толстой привел разительные факты его биографии (так Шабунин крадет у товарища и пропивает казенный мундир и тесак) и четко определил качество его душевной жизни: "Вот он стоит перед вами с опущенными зрачками глаз, с равнодушным, спокойным и тупым лицом, ожидая приговора смерти, ни одна черта не дрогнет на его лице ни во время допросов, ни во время моей защиты, как не дрогнет она и во время объявления смертного приговора и даже в минуту исполнения казни. Лицо его неподвижно не вследствие усилия над собой, но **вследствие полного отсутствия духовной жизни** в этом несчастном человеке. Он душевно спит теперь, как он спал всю свою жизнь".

Не острое сочувствие Шабунину было причиной того потрясения, которое испытал Толстой после его казни. Он ощутил, "что свершилось нечто такое, чего не должно быть, не может быть, и что это дело не случайное явление, а в глубокой связи со всеми другими заблуждениями и бедствиями человечества, и что **оно-то лежит в основе всех заблуждений и бедствий человечества**".

Что же это за "ОНО", которое лежит в основании всеобщих бед? Его познал Пьер в плену.

"Вот оно!.. Опять оно! - сказал себе Пьер, и невольный холод пробежал по его спине. В неизменном лице капрала, в звуке его голоса, в возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную и безучастную силу, которая заставляет людей **против своей воли** умерщвлять себе подобных, ту силу, действие которой он видел во время казни. Бояться, стараться избегать этой силы, обращаться с просьбами и увещеваниями к людям, которые служили орудиями ее, было бесполезно. Это знал теперь Пьер".

Какая-то невидимая темная сила гнала и гнала лошадей и людей. Все они "выплывали из разных улиц с одним и тем же желанием поскорее пройти; все они одинаково, сталкиваясь с другими, начинали сердиться, драться; оскаливались белые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и те же ругательства, и на всех лицах было одно и то же молодечески решительное и жестко-холодное выражение, которое поутру поразило Пьера при звуке барабана на лице капрала (...). От офицеров до последнего солдата было заметно в каждом как будто личное оскорбление против каждого из пленных, так неожиданно заменившее прежде дружелюбное отношение".

Роковое и страшное "оно" в романе Толстого мяло душу Пьера, стремилось раздавить ее, подмять под себя. В душе Пьера "как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все заваливалось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожалась вера в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога (...). Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь - не в его власти".

Если темное "оно" пожелать назвать по имени человека, то для этой цели подошел бы председательствующий на суде Шабунина полковник Юноша. Состояние таких - душевно несвободных - людей точнее всего описать отрицательно: как состояние противоположное пробуждению души. Душа их невозмутима, ввергнута в апатию и как бы забывает самую себя. В пожилом возрасте это застойное состояние души, как мы видим вокруг себя, отпечатывается на лицах весьма рельефно.

Можно понять, чем случай с Шабуниным переменял направление всей жизни Толстого. Его потряс не сам казненный и не казнь вообще, а необоримость той темной силы, которую нес в себе полковник Юноша. Казнить солдата или не казнить решал голос доброго мальчика на красивой лошадке, решал Гриша Колокольцев, который сам ничего решать не мог. На него с одной стороны действовала безличная сила темного "оно" полковника Юноши, а с другой - вся личная и нравственная мощь, идущая от Льва Толстого. И что же? - Одолеет Юноша... И Лев Толстой понял, что это не случайность, что именно так совершается в человеке и человечестве то, что "не может быть".

Но все же: кто приговорил к казни несчастного солдата? Гриша Колокольцев? - Невозможно. Полковник Юноша? Но лично он этого не желал. Так кто же? Вопрос многократно заостряется, когда его задает Пьер перед расстрелом. "Кто же это, наконец, казнил, убивал, лишал жизни его - Пьера со всеми его воспоминаниями, надеждами, мыслями? Кто делал это? И Пьер чувствовал, что это был никто. Это был порядок, склад обстоятельств. Порядок какой-то убивал его - Пьера, лишал его жизни, всего, уничтожал его".

Где же "порядок какой-то" коренится? Над людьми? В обществе, то есть между людьми? Между людьми он действует, но причина и основание его не в обществе, а в человеке, в душе его. "Капитан тоже был в походной форме, и из холодного лица его смотрело тоже "оно", которое Пьер узнал в словах капрала и треске барабанов". Бывают моменты, когда темное "оно" само поднимается из глубин души наружу и становится зримым.

Дело солдата Шабунина заставило Толстого признать могущество и силу темных сторон души. Что привело к обострению его интуиции на эти темные стороны (большей частью на природу насилия, покорности и подчинения). На последней странице романа ужас охватывает Николеньку, когда Николай Ростов говорит "в грозной и строгой позе": "Я любил вас, но Аракчеев велел мне, и я убью первого, кто двинется вперед". Все то же "ОНО" появляется в устремленной в будущее финальной сцене великой книги и грозит.

х х
х

Герой романа Василия Гроссмана физик-теоретик Штрум в минуту душевного раскрепощения (что особенно подчеркнуто автором) сделал в годы войны важное открытие о природе внутриядерных сил. Научное начальство Штрума, не понимая еще военного значения этого открытия, видело в ученом конкурента власти в науке и обвиняло его в идеологической неблагонадежности. Чтобы избежать ареста, Штруму предстояло "признать и покаяться". Но что же может заставить духовно свободного человека совершать откровенно отвратительный и наспех фальшивый ритуал? Трусость, страх перед неизбежным наказанием? Да, конечно, и такой страх. Но куда сильнее его действовал на души людей того времени страх другого рода. Вот как описывает его Василий Гроссман, очевидец и жертва.

Штрум ночью, запершись, пишет покаянное письмо.

"Охваченный стыдом, он разорвал письмо и тут же стал писать текст своего выступления на ученом совете. Перечтя его, он стукнул ладонью по столу и изорвал бумагу.

- Вот и все, кончено! - сказал он вслух. - Пусть будет, что будет. Пусть сажают".

Но что-то еще давило Штрума. Кроме страха ареста, который он в ту минуту преодолел, в нем властвовало что-то темное, внеличностное и безучастное, какая-то "невидимая сила", которая обволакивала и сминала его.

"Он был один, дверь была заперта, кругом все спали, за окном стояла тишина - ни гудков, ни шума машин. Но невидимая сила жала на него. Он чувствовал ее гипнотизирующую тяжесть, она заставляла его думать так, как ей хотелось, писать под свою диктовку. **Она была в нем самом**, она заставляла замирать сердце, она растворяла волю, вмешивалась в его отношение к жене и дочери, в его прошлое, в мысли о юности. Он и самого себя стал ощущать скудоумным, скучным, утомляющим окружающих тусклым многословием. И даже работа его, казалось, потускнела, покрылась каким-то пеплом, пылью, перестала наполнять его светом и радостью".

Грозная и безучастная сила, которая "заставляет замирать сердце" и "растворяет волю", похожа на страх, но это не тот животный страх, который каждое существо склонно испытывать при опасности, и не страх перед чем-то всесильным и великим, перед которым падаешь ниц, и не страх перед роком. Это то, что люди нашего века пытаются вместить в понятие "тотального страха" и что есть прямой результат воздействия темного ОНО на душу. Но с какой силой и эффективностью действует на душу Штрума эта "гипнотизирующая тяжесть"!

На Штрума, как и на Пьера, жал "порядок какой-то". И все же сила темного ОНО, которую видел на лицах и чувствовал в себе Пьер Безухов, не идет ни в какое сравнение с мощью темного ОНО, заставляющего Штрума "думать так, как ей хотелось, писать под свою диктовку" покаянное письмо. И Пьеру, и Штруму "страшно" - и одинаково, и различно.

"Пьер чувствовал, что та роковая сила, которая смяла его во время казни, и которая была незаметна во время плена, теперь опять овладела его существованием. Ему было страшно, но он чувствовал, как по мере усилий, которые **делала роковая сила, чтобы раздавить его** (то же делала эта сила и в душе Штрума - И.М.), в душе его вырастала и крепла независимая от нее сила жизни".

А вот что пишет В.Гроссман:

"Только люди, не испытывавшие на себе подобную силу, способны удивляться тем, кто покоряется ей. Люди, познавшие на себе эту силу, удивляются другому - способности вспыхнуть хоть на миг хоть одному гневно сорвавшемуся слову, робкому, быстрому жесту протеста".

В глубине души современного человека европейской цивилизации Лев Толстой высветил таинственную, грозную и безучастную силу, которая, подавляя совесть человека и его духовную свободу, заставляет его совершать то, что не хочет душа, что она человеку запрещает - силу, которая заставляет человека действовать против своей же нравственной воли. "Бояться, стараться избегать этой силы, обращаться с просьбами и увещеваниями к людям, которые служили орудиями ее, было бесполезно" - знал Пьер. Вполне доброжелательный и участливый французский офицер под влиянием темного ОНО ожесточается и наполняется презрением к каким бы то ни было делам сострадательности. Темное ОНО враг всякой одухотворенности - и в себе, и в людях вообще. Человек, оказавшийся во власти темного ОНО, совершает нечто вроде невольного духовного самоубийства и, хуже того, агрессивно стремится подавить признаки духовности в других людях. Не потому ли Толстой считал, что это начало "лежит в основе всех заблуждений и бедствий человечества"?

В полную силу темное ОНО действует в обществе редко, время от времени, только в пору "войны". В общем случае общественной жизни темное ОНО не властвует, проявляется в человеке и обществе эпизодически, порывами. Лучшее доказательство тому - непонятость толстовской проповеди ненасилия в "мирное" время конца прошлого века.

Василий Гроссман описывает совсем другое время. Темное ОНО действует в нем непрерывно, постоянно, обуславливая, пронизывая и наполняя собой всю общественную

атмосферу, тотально задавливая все свободное в человеке, проникая в самые сокровенные уголки души его, "вмешиваясь в его отношение к жене и дочери, в его прошлое, в его мысли о юности". Темное ОНО захлестывает личность до такой степени, что Штрум "самого себя стал ощущать скудоумным, скучным, утомляющим окружающих тусклым многословием". Писатель точен, уподобляя темное ОНО пеплу, заваливающему огонь и свет.

Гроссман пишет последнюю часть своей книги в конце 50-х и начале 60-х годов, когда выросло новое поколение, которому в полной мере была уже непонятна "гипнотизирующая тяжесть" прежней эпохи полного господства темного ОНО над душами людей, полной победы его над внутренней свободой человека - эпохи **Царства темного ОНО**, где безучастное и безличностное изнутри заправляет личностным, где нет греха, но все виноваты.

"Все очевидно-несомненно знали, что они были преступниками, которым надо было поскорее скрыть следы своего преступления". Цитата эта не из "Жизни и судьбы"; она взята из описания темного ОНО в сцене расстрела Пьера. То же желание скрыть свои следы принадлежит целой исторической эпохе, в которую жил Гроссман.

"Нравственная подобранность" Пьера в плену почти невозможна в Царстве темного ОНО. Ее могла заменить мгновенная вспышка протеста, неизбежно и тотчас (так всем тогда казалось), завершающаяся исключением человека из жизни. Но и кое-что испытанное Пьером было знакомо людям в Царстве темного ОНО.

Я был отроком в конце 40-х, жил в московских дворах и много что видел и знал. Это мое знание больно било меня в пору душевного созревания. Больнее всего было отношение окружающих ко всему происходящему, которое осталось в моей памяти в словах: "ну и что?". Все - смерть, репрессии, разруха, измены и подлости всякого рода, так же как жертвы и героизм - "ну и что?". Все для всех "ну и что?". Так говорило равнодушие от душевной усталости и тяжкого жизненного опыта, накопившегося десятилетиями. Но и совсем не равнодушные, не подмятые, душевно сильные люди твердили, и совершенно искренне, все то же "ну и что?". То была позиция в жизни. Многие годы я не мог понять ее, пока уже в зрелости, не нашел у Толстого:

"С той поры, как Пьер сознал появление таинственной силы, ничто не казалось ему странно или страшно: ни труп, вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины, спешившие куда-то, ни пожарница Москвы. Все, что видел теперь Пьер, не производило на него никакого впечатления - как будто душа его, готовясь к трудной борьбе, отказывалась принимать впечатления, которые могли ослабить ее".

Одна эта фраза, описывающая человека 1812 года, раскрывает душевное состояние, наверное, всех лучших людей в Царстве темного ОНО. Душа каждого из них "отказывалась принимать впечатления", и это, быть может, единственно возможное, что тогда оставалось для нее.

После расстрела поджигателей, пишет Толстой, люди стали расходиться, все еще находясь под влиянием темного ОНО. Кто-то по-французски сказал: "Это научит их поджигать".

"Пьер оглянулся на говорившего и увидел, что это был солдат, который хотел утешиться чем-нибудь в том, что было сделано..."

Сколько простых людей находили тогда (и до сих пор находят) оправдание и утешение содеянному в такого рода словах. Не будем уличать их. Продолжим оборванную на полуслове фразу Толстого:

"...хотел утешиться чем-нибудь в том, что было сделано, и не мог. Не договорив начатого, он махнул рукой и пошел прочь".

2.

Философская часть Эпилога "Войны и мира" не есть трактат, и к ней не следует относиться как к трактату. Это собранные воедино заметки и междусловия, объединенные темой движения истории. Надо помнить слова Толстого, что "высказанное мною здесь, без цитат и ссылок, в Эпилоге романа, не есть минутная фантазия мысли, а есть неизбежный для меня вывод семилетних трудов, который я не властен был не сделать".

Впервые (и не единственный ли раз? - не знаю) попытался понять мысль Толстого Семен Людвигович Франк в статье, опубликованной в 1905 году, то есть через три с половиной десятилетия (таковы сроки!) после завершения "Войны и мира".

С.Франк обладал огромной философской эрудицией, и можно доверять его утверждению, что на вопрос, поставленный Толстым в Эпilogue романа, "мы не только не имеем еще ясного и бесспорного ответа - но сознательно и в общей форме он даже почти и не ставился". И так, культурные люди не восприняли мысль Толстого еще и потому, что они не поняли его вопроса, т.к. в умственной философии он не рассматривался.

С.Франк так разъясняет толстовскую постановку проблемы власти: "Юристы и политики укажут тут, вероятно, на понятие права, закона, государства, напомним нам о существовании государственной организации, в силу которой все люди принуждены повиноваться отдельным лицам, обладающим государственной властью. Но эти указания не могут нам помочь, ибо все понятия права, закона, государственной власти сами основаны на той же самой загадке - на необъяснимом подчинении одних людей велениям других. И если нам скажут, что люди повинуются своим военачальникам и судьям потому, что **закон** предписывает им повиновение, то нам еще менее понятно, каким образом груда печатной бумаги, носящая название "собрание законов" и хранящаяся в шкафах присутственных мест, может иметь такую чудодейственную силу над живыми людьми, обладающими разумом, сознанием своих интересов и способностью согласовывать с ними свои поступки".

Ни теория права, ни наука история, ни социология и политика не объясняют, по словам С.Франка, "непостижимую нелепость факта власти".

Сама по себе возможность признания власти над собой, своего подчинения ей зиждется на исходных представлениях о власти и подвластности. Откуда они в человеке? Рассуждений и соображений о мотивах, предпосылках, внутренних и внешних побуждениях человека к власти всегда было и есть множество. Но каков духовный фундамент власти в душе, фундамент, на котором возникают и держатся все эти мотивы и побуждения? Каково исходное **душевное основание власти**, откуда в нас само **сознание власти**, делающее возникновение власти в обществе неизбежным? Вот вопрос Толстого.

Надо сказать, что С.Франк, отвечая на толстовский вопрос, несколько препарирует его. Толстой спрашивает, что **в душе** и для души есть власть; Франк же - "в чем **состоит то отношение между людьми**, в силу которого воля одного человека определяет жизнь и участь многих миллионов, и как такое соотношение возможно". Толстой ищет причину власти **внутри** человека, Франк - **между** людьми.

Ищущая мысль века, в котором жил С.Франк, исходила из априорного убеждения, что высшее производимо из низшего, сложное из простого и, следовательно, понять явление значит проследить путь его возникновения из элементарных форм, движений, проявлений. С.Франк берет некие "элементарные моменты общения", из которых, как тело из клеток, можно получить в конце концов общественные отношения и связи. Таков в составе простой личной связи момент психического покорения слабovolьного человека человеком с сильной волей. Последнему, по словам С.Франка, свойственна "неуклонная решимость во что бы то ни стало осуществлять свои желания, способность не пугаться чужого требования и гнева, а спокойно настаивать на своем, пренебрежение к чужому страданию, инстинктивно ощущаемая властность взора или голоса". Первому же сопутствует "робость, отсутствие настойчивости, боязнь гнева и ссоры, чувствительность к страданиям окружающих". Его связанность чужой волею для него самого иррациональна. Испытывая "инстинктивный страх перед суровым блеском властного взора", он как бы загипнотизирован. С.Франк не задается вопросом, что такое это внедрение одного человека в другого и какую подмену, и подмену чего "сильный" производит в душе "слабого". Ему важно, что между людьми состоялась интерпсихическая связь, прикрепляющая их друг к другу. Такого рода "связи" между людьми действуют вне индивидуальной душевной жизни. Они сами по себе "рождаются", "разрываются", "ломаются", "вырастают", "растворяются". Существует "неуловимый признак мистического общественного нечто", благодаря которому личность в действительности чувствует себя связанной тяготеющей над ней "неопределенной объективной силой, которая выросла из ее отношения к другой

личности". В сознании человека происходит непроизвольное гипостазирование интерпсихической связи.

Если объект связи двух людей - живая личность другого, то объект связи группы людей не просто все участники, "но и та гипостазируемая связь, которая имеется между ними" и которая становится для каждого члена группы "реальным фактом внешнего мира, фактом, который принадлежит к психической жизни других людей и потому для данной личности неустрашим". Союз людей есть нечто большее, чем совокупность лиц: "к этой сумме присоединяется еще одно слагаемое - та безличная, объективированная психическая атмосфера, которая возникает из общения и взаимодействия индивидуальных психик". В этой общей духовной атмосфере, в этой "безличной, всеми чувствуемой, но никому в отдельности не принадлежащей объективной психической силе", - в ее внеиндивидуальности и сверхиндивидуальности - все и дело.

Произошедшее бессознательное слияние отдельных психик в одно органическое целое обуславливает бессознательную же "круговую поруку чувств" членов союза. Теперь сюда вводится "вождь" (при "возникновении некоторой власти" - пишет С.Франк, никак не объясняя возникшее), принимающий сверхиндивидуальный статус, основанный на сознании "гармонии и солидарности воли вождя с настроением и складом той безликой психической силы, которая образует связь и общее достояние группы; общая духовная атмосфера как бы химически сливается с личностью вождя или главы и - не по рациональным мотивам, а в силу темных, иррациональных ассоциаций, мыслей и настроений - отражается в особой специфической **авторитетности**, которую приобретает воля главы для всех участников союза".

С.Франк доказывает, что гипостазирование интерпсихической связи усиливается с усилением и ужесточением "союза", при возникновении организации, "организованного союза" и, далее, союза государственного, где каждый гражданин психически обязан подчиняться тем объективным, безличным велениям (темное ОНО), которые в виде законов или декретов устанавливает законодательная власть, какая бы она ни была. "Живых, разумных людей оковывает и замыкает неразрывной цепью какая-то мистическая сила, вырастающая из их среды и подавляющая их своей непонятной могущественностью". "Власти" и "закону" люди, хотя бы они того или нет, придают мистический характер. Проявления социального мистицизма заметны и в почитании особых символов государства (короны, знамени, гимна), и в символической обрядности государственных актов, и, более всего, в той благоговейной преданности, с которой большинство повинует государство (закону или властям).

Концепция С.Франка в общем виде выражена им так (подчеркнуто нами):

"Всякое, даже чисто индивидуальное, отношение власти по самому существу своему **ИРРАЦИОНАЛЬНО**, сводясь к инстинктивному, за пределами разумного, мотивированного сознания лежащего внушению воли, **аналогичному гипнозу**. В индивидуальном отношении это внушение власти обусловлено личными психическими качествами участников отношения. В массовом же, социальном общении власть есть не что иное, как **переносимая** на известное **лицо психическая сила**, слагающаяся из неопределенной массы солидарно настроенных индивидуальных сознаний и, в качестве таковой, **господствующая** своим безотчетным давлением над каждым участником общения, взятым отдельно. Давление это тем более неустраимо, что **коллективная психическая сила**, ввиду бессознательного характера своего происхождения (...) получает значение объективной, выше людей стоящей, а потому нередко даже прямо **обожещаемой сущности, органами или выразителями** которой являются властвующие лица. Миллионы повинуются одному потому, что **объективная сила, называемая законом или государственным строем** и, неведомо для подчиняющихся, **бостоящая из слияния их собственных настроений и поступков**, держит их в своей власти и заставляет их повиноваться тому, кого эта сила, опять-таки **на основании** образующего ее бессознательного **коллективного настроения**, признает своим выразителем".

Темное ОНО действует на донравственном уровне (см. выше характеристику "сильного" человека), на животво-психической ступени жизни, "стоит вне контроля логического и нравственного сознания", работает "как сила природы", то есть слепо и безлично. Побороть в обществе эту темную силу, убежден 30-летний С.Франк,

индивидуальным самосовершенствованием нельзя. Ей может противостоять светлая организация, **общественность**, соединяющая людей не на животнo-психическом, а на культурно-нравственном уровне. В противовес несвободе, неразумности, бессознательности, безотчетности и безответственности психической стихии "государственного союза" общественность несет разумную, свободную и нравственно ответственную волю. Личностность и зрячесть этой коллективной воли, выражаемая в демократических институтах, способна, по мнению Франка, одолеть безличность и слепоту всегда идолопоклоннической интерпсихической силы темного ОНО.

3

Для разрешения вопроса власти мы все привычно ищем две стороны, между которыми происходит действие власти: властвующих и подчиняющихся. Для Толстого действие власти есть прежде всего особое внутреннее движение души, происходящее **внутри** человека, в его глубинах.

Первые пять глав второй части Эпилога ставят указанный вопрос и доказывают "неизбежность понятия власти для объяснения исторических явлений" историком любого направления. Последние семь глав представляют собой заметки при всей недосказанности приближающие читателя к решению поставленного вопроса.

"Власть, с точки зрения опыта, есть только зависимость, существующая между выражением воли лица и исполнением этой воли другими людьми" - начинает Толстой, понимая под "властью" руководство любого рода: и в администрировании, и в торговле, и в земледелии, и в войске - где угодно. Во всяком соединении для общей деятельности люди объединяются всегда в отношении власти - подчинения. Зачем?

Житейскому сознанию задачи власти представляются чисто прагматически: защищая людей от внутренних и внешних врагов, власть обеспечивает всем спокойное существование. Для Толстого задачи власти не прагматические, а нравственные, и служат не для защиты, а для прикрытия нападения. Да, власть дает людям спокойствие, но не только в том смысле, что ограждает общество от возмутителей спокойствия, а более всего в том, что **решает совесть человека как члена общества**.

По Толстому власть в обществе устанавливается "для общей деятельности" - ее возможности и ее производства. Для совершения совокупного действия ("преступления, войны, убийства и т.д.") людям в соответствии с их человеческой природой необходимо прежде сложиться в такие соединения, так устроиться, **чтобы снять с себя ответственность** за свои действия. Достигается это путем разделения функций. Одни, большинство, производят события; другие, немногие, правители, представляют из себя ту высшую инстанцию, которая берет на себя всю полноту ответственности, в том числе и нравственной. Чтобы снять с себя давление внутренней ответственности, сковывающей любую деятельность, люди согласны исполнять любые приказы и передают управление собою в руки специально выделенных людей власти. Вот почему против очевидности и против своего собственного опыта люди в массе своей хотят верить и охотно верят в безошибочность и непререкаемость власти.

Власть обязана разрабатывать и поставлять обществу всевозможные оправдания, смыслонаполнения и восхваления тому, что в нем происходит. К таким оправданиям и соображениям почти не предъявляется никаких требований правдоподобия. Во все времена они, как пишет Толстой, не имели "никакого общего смысла" и приобретали необходимое значение только "в современном смысле" исключительно для "временных целей".

И все же не это главное. Основная функция власти в том, чтобы внутренне разрешить совокупности людей то, что они желают, но что не легко могут позволить себе. Власть служит актуализацией потенциальных хотений человека, тех сторон его воли, которые не соответствуют его нравственной природе. Есть хитрый расчет воли на подвластность, умышленный самообман души подчинением ее, дающий возможность людям совокупно совершать исторические движения определенного рода. Вот почему, по Толстому, "в нравственном отношении причиной событий представляется власть".

Темное ОНО, та "таинственная безучастная сила, которая заставляет людей против своей воли умерщвлять себе подобных", основана на таком соединении людей в единое целое, при котором основная масса людей **сама снимает** с души своей духовную ответственность за все совершаемое ими, а другие, единицы, сами ничего не совершая, как бы берут на себя всеобщую ответственность. Пьер узнавал "ОНО" на лицах по отсутствию на них печати внутренней ответственности за себя, **по душевной самобезответственности**. Печать несвободы, самосмыывания свободного сознания с души несет в себе образ любого функционера в любом обществе. Именно эта добровольная (и потому духовно агрессивная) душевная и нравственная зависимость добрых людей, основания которой коренятся где-то глубоко в их природе, и ужасала Толстого.

Пьер Безухов видит не только интерпсихическую силу, подавляющую людей извне, но и какую-то темную душевную силу, которая вырастает в них изнутри и решает совесть в противоречие их же собственной духовной природе. Пьер не только ощущал действие таинственной силы "ОНО" в душах других людей, но и чувствовал, как эта сила действует **на него самого**, овладевает им. Пьеру было страшно, но не от вида этой силы в душах других и не от гипнотического действия ее извне на него, а от того, что темное ОНО поднималось в нем изнутри, захлестывало его, лишало личности и духовной свободы.

Человек несет в себе как свободное сознание - источник его духовного роста и, значит, жизни, так и несвободное сознание - начало мертвящее, обеспечивающее духовную неподвижность человека. Темное ОНО не столько результат невольного гипостазирования интерпсихических животных сил, сколько непосредственное выражение мощи несвободного сознания - человеческого несвободного сознания - в людях, благодаря которому человек исходно находится в состоянии душевной зависимости, подзаконности, подчиненности, готовности к подвластности как таковой.

При таком взгляде, казалось бы, в учении о жизни человека неизбежно явное противопоставление свободного сознания ("свободы") и несвободного сознания ("необходимости"). Однако Толстой не сталкивает "свободу" и "необходимость", а соединяет их в единое целое. "Только при соединении их ("свободы" и "необходимости") получается ясное представление о жизни человека. Вне этих **взаимно определяющихся** в соединении своем, - как **форма с содержанием**, - понятий, невозможно никакое представление о жизни" (подчеркнуто нами). Предмет науки истории - "проявление силы свободы людей" в поступательном движении народов и человечества, в изучении законов этого движения, но не самой свободной воли (отдельных исторических личностей, скажем), и не той метафизической сущности, которая движет человечеством.

Сама по себе толстовская мысль о "неразрывно связанных между собой бесконечно малых элементах свободы", конкретно делающих историю, уже взята на вооружение современной наукой. Но отвечают ли рассуждения эти на главный вопрос и душевную боль Толстого: о добровольной духовной несвободе человека и сочетании в нем одновременно свободного и несвободного сознания?

Историей двигает и в истории движется интегральная сумма сил свободы отдельных людей. Для ретроспективного взгляда (то есть для науки истории) и только для него в этом поприще движения начинают быть видны законы, выявляется необходимость произошедших исторических движений. Не свобода, и не какие бы то ни было законы являются причиной исторических явлений. Исторические движения суть **проявления** "сознания свободы людей в настоящем". Становясь прошлым, это настоящее **становится "законом"**, неизбежностью и необходимостью. Неверно думать, что история движется только в соответствии с такими-то и такими-то законами. Но нельзя и считать, что история - плод свободных волей кого бы то ни было одного или многих. Ни то, ни другое, а вместе: двигатель - свобода, но движение - в условиях и формах подзаконности, несвободы. Именно в этом замерзании некогда текущего, в этом льде - как в форме - продолжает **в настоящем течь река жизни**, продолжает дальше творить историю "непостижимая сущность жизни", свободное сознание. Вот, собственно, позиция Толстого.

Таким образом, и темное ОНО, и функционер полковник Юноша, и все то, чем Толстой нагружает понятия "война" и "власть", есть "форма" для "содержания"; для свободного образования души, светлых сил тяготения, свободного сознания жизни.

4

"Люди сознательно вяжут себя так, чтобы один человек или немногие могли двигать всеми; потом, - пишет Толстой, - веревку от этой самой связанной толпы отдадут кому попало и удивляются, что им дурно". Отчего это?

Лет в 40 Толстой сказал бы: для производства движений в истории люди, то есть большинство людей несвободного сознания, складывают с себя нравственную ответственность за происходящее, вынуждены связываться вместе в отношении подвластности, передавать власти всю ответственность за происходящее. И в 70 лет Толстой не раз говорил, что низшие в обществе не могут действовать без убеждения, что высшие берут на себя за них всю ответственность, а высшие не могут без убеждения, что их руководство необходимо низшим для их блага. Но происходит это, учил старец Толстой, не по общественной необходимости, а в силу тех соблазнов, которым свойственно владеть душой и от которых горе миру, но которые должны придти в мир.

Соблазны в терминологии Толстого "это ложные представления об отношении людей к людям". Благодаря им люди создали устройство государственной иерархии, где они сами теряют (вернее: не обретают) как сознание своей свободы, так и сознание нравственной ответственности. Из-за этих же "ложных представлений" люди, смешивая понятия власти и понятия духовного влияния, склонны приписывать власти несвойственный и незаслуженный ею статус высшей, духовной авторитетности. Власть в действительности есть средство принуждения человека поступать по чужой воле. Под влиянием же соблазна человек начинает думать (и сам себя уверяет), что он действует не по чужой, а по высшей воле, с которой его воля должна, нравственно обязана совпадать. Вот для чего люди раздают друг другу различные социальные роли и свято верят в действительность этих надетых на себя ролей. **Функциональная роль, взятая на себя человеком в системе иерархии власти, заменяет ему утраченное духовное сознание.**

Именно в таком состоянии подмены духовного сознания и находился объект темного откровения Толстого в деле солдата Шабунина полковник Юноша, которого Толстой описал так:

"Юноша был толстый, румяный, добродушный, холостой еще человек. Он был один из тех так часто встречающихся людей, в которых **человеческого совсем не видно** из-за тех **условных положений**, в которых они находятся и **сохранение которых они ставят высшей целью своей жизни**. Для полковника Юноши условное положение это было положение полкового командира. Про таких людей, **судя по человечески**, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли он человек, так как **Неизвестно** еще каким бы он был если **стал бы человеком** и перестал бы быть полковником, профессором, судьей, министром, журналистом. Так это было и с полковником Юношей. Он был исполнительный полковой командир, приличный посетитель, **но какой он был человек - нельзя было знать**. Я думаю, **не знал и он сам, да и не интересовался этим**" (подчеркнуто нами). Юноша был функционером власти, и этот его статус полностью заслонил в нем его свободное, лично нравственное, "человеческое".

Носители социальной роли, "обозначаемые особенными названиями", представляют себе и другим "условными существами", находящимися в воображаемом положении, и потому "начинают смотреть на себя и всех людей только с этой условной точки зрения и только этой условной точкой зрения руководствуются в оценке своих и чужих поступков". Состояние их сходно с тем состоянием, когда загипнотизированный человек действует под влиянием **волько одной** внушенной ему мысли, в данном случае мысли об его общественном положении и роли. Среди таких людей выделяются те, которые, ко всему прочему, находятся в состоянии некоторого душевного опьянения, то есть внутреннего раскрепощения души от контроля совести.

И это не какое-нибудь временное пьяное состояние, а "хроническое, постоянное состояние опьянения, которое одинаково испытывают и люди, имеющие какую бы то ни было власть, от власти царя до полицейского, стоящего на улице, и люди, подчиняющиеся власти и находящиеся в состоянии опьянения подобострастием, для оправдания этого своего состояния всегда приписывающие, как это проявлялось и проявляется у всех рабов, наибольшее значение и достоинство тем, кому они повинуются".

Опьянение власти и подобострастия проистекает из самых глубин человека, из основ его общего сознания жизни, того духовного сознания, в котором происходит установление всего мировоззрения человека - в основах его знания о жизни и его убеждения, его веры. Уровень этот глубже уровня "ложных представлений", соблазнов и, более того, устанавливает сами соблазны и оправдывает их в душе. Это - глубинный уровень "суеверия", "ложной веры" жизни, как писал Толстой. Несвободное сознание души так твердо и непререкаемо потому, что берет на вооружение установку мирозерцания и мировоззрений "ложной веры".

Суеверие государственности - учил Толстой - вечное суеверие человечества. Оно из собственной глубины производит сплоченность людей, духовное сознание которых попорчено в изначальности, в установке веры и воззрений на человеческую жизнь.

Толстой доказывал, что государственное устройство неразумно, не имеет никакого рационального смысла. То есть, что оно - иррационально. Но иррациональность власти именно и указывает на глубинный, духовный источник ее. Недаром Толстой говорил о "наваждении государственности".

Власть для Толстого, в первую очередь, не общественный институт, не правительство, а **темное душевное начало, суеверие, свойственное отживающему жинесознанию человечества**. Стремиться надо не к тому, чтобы уничтожить это жинесознание или разрушить власть в обществе, а к развитию в душе нового, нарождающегося **жинесознания любви**. Надо расчищать ему путь, разоблачив суеверие власти как **начало противодуховное**. Ведь "единственное средство" (так названа одна из статей Толстого) борьбы со злом это духовное очищение себя.

Что есть власть для души человека? **Власть в душе человека**, отвечает Толстой, **узурпирует место и право Хозяина жизни**. Более того, самого Хозяина жизни подменяют тем, что придают ему свойства противодуховного начала власти в душе - в представлениях и чувствах путают Его и власть. "Чужого человека" ставят вместо Хозяина жизни (принимают его за господина), и Хозяина жизни видят как "чужого человека". Религиозное чувство и чувство власти схожи уже по одному тому "детскому состоянию, в котором обиженному человеку кажется легче, если есть кому пожаловаться".

Подмена эта (веры на суеверие) происходит не в наружных, а в глубинных пластах души. Добровольное подданство неизбежно связано с представлениями о непогрешимой, добродетельной и мудрой власти. Тут власть явно принимается за что-то другое. Основная задача Толстого: и в чувствах, и в мысли, и в поступках расцепить в душах людей Хозяина жизни и "чужого человека", столкнуть их в душе и во внутренней борьбе поднять человека на новую ступень жинесознания.

Закон Бога, про который говорит Толстой, это закон любви и единения людей. Власть тоже единит, но единит внешне, в кучу, а внутренне - разъединяет. "Главное зло государственного устройства не в уничтожении жизни, а в уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми".

Начало власти в душе, доказывал Толстой, производит развращение духа человеческого, и не в какой-то части или области, а в его целостности. Организованное же насилие, поддерживаемое властью - лишь средство и верное орудие этого духовного развращения.

По Толстому, духовно развращает все, что только соприкасается с властью. Власть тем или иным образом входит в побуждения людей, заставляет изменять самому себе, своей совести, угнетать самого себя ("в государстве все граждане являются угнетателями самих себя"), для достижения своих целей она "развращает целые поколения детей и взрослых ложными религиозными и патриотическими учениями", она "убивает всякую самодеятельность человека", порождает духовное безучастие,

рушит естественную человеческую потребность в труде псевдотрудом государственной службы, прививает человеку похоть подданства, которая, как и всякая похоть, разъедая, лишает душу ее свободы, самобытности и творчества. И действительно, мы, бывало, поражались, что такой-то писатель или ученый на наших глазах трусил, изменял себе, предавал и уступал нажиму, хотя что ему грозило в конце 50-х или 60-х, 70-х, а тем более в середине 80-х годов? Ничего. Но душу его растлила власть; не только та, которая над ним, и не только та, которой он сам обладает, а та, которая в нем и которую он не мог (или уже не желал?) преодолевать в себе.

Для легкости руководства и по природе своей власть стремится ослабить человека, приведя его в состояние покорности угнетающими душу страхом и наказанием. Государственное насилие, как становится очевидным при усилении его, всегда огрубляет нравы общества. Из-за угрозы государственного насилия люди активно или пассивно притворяются верующими в то, во что не верят. Такое растлевание веры в человеке обессиливает его во всех отношениях, и в результате лишает веры как таковой. Толстой даже уверял, что в этом одна из главных причин поражения русских в японской войне.

Лев Николаевич не говорит, что все зло **порождается** властью. Государственное устройство, говорит он, "вредно и опасно потому, что при этом устройстве все то **зло, которое существует в обществе**, не только не уменьшается и не исправляется, а только усиливается и утверждается".

Власть, и внутри человека и в человеческом обществе, всегда подавляя человека, оправдывает зло, скрывает зло, выставляет зло добром, то есть злу служит. Но тут надо учитывать еще вот что.

Воля графа Николая Ростова в романе Толстого не подавлена извне и не гипнотизирована аракчеевской силой. Конечно, граф подчиняется власти, но подчиняется **сам** - по долгу и чести. Тут нет психического насилия над его волей, о котором писал С.Франк. Тут воля служит, но не интерпсихической силе, а той инстанции, откуда воля получает назначение - своей душе. Так что если говорить о внешнем подавлении, то не психики и воли, а души, которая воздействует на волю. Но и это не совсем так.

"Если что не принято всеми, он ни за что не согласится", - говорит про брата Наташа Ростова. Николай Ростов у Толстого держится общего взгляда, но не потому, что его душа захвачена общественным мнением, а потому, что он человек несвободного духовного сознания и в соответствии со своим духовным сознанием сам - добровольно - руководствуется, как своими, теми установлениями, которые в данный момент существуют в обществе.

То же самое, хотя и не столь очевидно, происходит и в других местах романа, где действует темное ОНО. Пьер наблюдал: забили военные барабаны, и души людей как бы перевернулись. Есть ли тут интерпсихическое воздействие? Несомненно. Но дело не обстоит так, что душа отдельного человека изо всех сил **сопротивляется** внешнему интерпсихическому влиянию, но, обессилив вконец, сдается. Вовсе нет. По сигналу барабана души людей перевернулись сами, охотно, иногда даже радостно, во всяком случае не принудительно, а в значительной мере **добровольно**.

В сценах расстрела и плена Пьера солдаты смутно чувствовали, что они совершают что-то недолжное, и каждый раз они сами, по своей собственной душевной потребности, старались подавить в себе указующий голос совести, не услышать его, не допустить его действие в себе. Почему? Да потому, что центр совести заранее перенесен ими из себя и перенесен добровольно.

Будучи в строю, человек словно меняет душевное начальство: высвобождаясь от диктата своей совести, он отдает душу под нравственный диктат общества и властей. Человек в толпе вообще с удовольствием раскрепощается от совести - как личной, так и общественной. Сила толпы в том, что каждый в ней чувствует прикрытие себя толпой, сознает свою безнаказанность - и нравственную, и юридическую. Толпа, как говорят, "стихийна" и самовольна. Но это не стихия природы, и не коллективное действие стада животных. Толпа состоит из людей, каждый из которых рад (или доволен) предоставившейся возможности снять изнутри себя духовное давление, -

словно оно угнетает душу. Тут не подавление воли извне, а, скорее, раскрепощение воли изнутри, со стороны совести.

Герой Достоевского говорил о мучительном стремлении человека отдать свою свободу. Толстой, который сдержанно относился к речам Великого Инквизитора, видимо, не признал бы глубину этих слов. Духовную свободу человек не получает в дар, с ней он и не рождается. Ее он обретает, заработав трудами духовного роста в течение своей жизни. Только так.

Все духовные качества, в том числе и духовную свободу, человек должен реализовать. Они даны ему на рост и навыврост. Что и есть задача его жизни. Трудная задача. И нельзя сказать, что всегда приятная. Скорее, наоборот. Сил свободного духовного сознания на усилия духовного роста - усилий искренности, истинности, любовности, идеальности, вдумчивости, пылливости разума, смыслонаполненности - этих сил человеку не хватает. А если и хватает, то всегда впритык. В общем случае человек живет в ситуации, когда он как бы **принужден** к работе совести и разума; поэтому, чаще всего, они обременительны ему. Недаром для усилий духовного роста нужен, как правило, дополнительный мотив, посторонний импульс тщеславия ли, гордости, честолюбия и прочее. Вообще же говоря, человек втайне рад случаю "решить свою совесть" и чувствует при этом **душевное облегчение**. Такого позыва на душевное самооблегчение, то есть на самопогашение души, и устранился, как только почувствовал его в себе, Пьер Безухов.

Да, "коллективная психическая сила" существует и прививает людям, так сказать, "инстинкт повиновения". Но не более того. Могущество этой силы специально преувеличено человеком (дабы не делать непосильные усилия свободного сознания). Такова действительность. Человек готов бежать от собственной и заданной ему душевной работы. Однако бежать только так, чтобы при этом он мог чувствовать душевные движения, напоминающие движения совести, но не грозящие заставить его делать реальные свободные усилия. Это **добровольное бегство в несвободное сознание** (в том числе и нравственное) общества и ужасало и Толстого и его героя.

Статья С.Франка, несмотря на то, что она названа "Проблема власти", именно эту проблему не решает. Франк ее обходит. Он говорит только, что, когда власть возникла, она действует как источник интерпсихической силы и ее управитель. Ясно, что по существу она таковой не является (темное ОНО толпы власти не признает и в ней не нуждается). Так что же такое власть и откуда она в душе?

5

Прежде, чем люди смогли разделиться на властвующих и подвластных, необходимо, чтобы в человеке возникло само представление о власти. Значит, душа человека исходно содержит в себе модель власти? Для теистического сознания сама собой напрашивается модель взаимоотношения человека и Бога. Однако с внутридушевной точки зрения, на которой стоял Толстой, эта модель невозможна. И вот почему.

Несвободное сознание правит над установившимся ходом жизни, обеспечивает его устойчивость, инерцию, неизменность. Образцовое несвободное сознание признает все существующее совершенным, должным, неизменным, не подлежащим пересмотру по существу. Такому сознанию близко богословское представление каменного совершенства Бога и философское представление о разумности всего существующего. Человека, находящегося под властью несвободного сознания, легко узнать по тому ритму естественной самоуверенности, в котором он живет, по выражению нерастопимой замороженности на лице, по отсутствию душевной потребности входить в себя и всегдашним его стремлением приспособиться к существующему как к должному, свыше установленному.

Несвободное сознание (или след его действия) есть всегда в каждом. Рефлексы, комплексы, роли, установки, нравственные табу, просто привычки, все выученное с детства, все тем или иным путем заложенное в меня отдельными людьми и обществом, разные душевные пристрастия, все нажитое в человеке и, наконец, даже

его характер - все это область функционирования несвободного сознания. Сознание власти, "власть в душе" есть одно из предельных выражений несвободного сознания.

Свободное сознание не правит над установившейся жизнью, как несвободное сознание, а творит становящуюся жизнь. Оно и только оно есть тот резервуар, из которого берет энергию духовный рост. Степень духовности (одухотворения) человека увеличивается с ростом свободного сознания в нем. Духовный рост - рост духовного Я в человеке - и есть рост свободного сознания. Внутри себя человек обращен к Богу только своим свободным сознанием, которым воспринимается призыв Его. Свободное сознание служить моделью власти не может. Внутри себя человек не знает Бога как власть над собой. Он, попросту говоря, обращен к Богу не той стороной, где власть.

Взаимоотношения души человека и Бога это взаимоотношения такого типа, из которого никак не могут произрасти представления властвования и подвластности. Да и сознание свободно духовных глубин в душе - сознание Бога - может быть получено только в результате чрезвычайных усилий духовного роста в человечестве, тех самых, которые привели его к монотеизму. На ранних стадиях духовного развития, на которых зародилась власть, человек еще не мог иметь достаточного опыта свободного сознания, не был обращен душой к Высшей Духовной Инстанции, не знал Бога внутри себя и вообще не имел никакой внутридушевной модели взаимоотношения с Ним.

Другое дело, что духовные представления, полученные работой свободного сознания, легко вульгаризируются для использования в несвободном сознании. Когда человек знает себя "рабом Божиим" и обращается с мольбой к Владыке Неба и Земли, то такого рода представления о взаимоотношениях Бога и человека вторичны, сами основаны на модели государственной власти. Указанная Толстым подмена Отца и Хозяина жизни на "чужого человека" проистекает от использования данных свободного сознания для практики несвободного сознания.

Мысль о том, что власть в обществе основана на какой-либо модели ее в самой душе человека, не раскрыта как Львом Николаевичем, так и С.Франком. Ответ на вопрос о том, как из роста свободного (духовного) сознания возникает несвободное сознание власти в душах, в толстовском учении темно и малоубедительно. Позиция С.Франка, производившего сознание власти в душе из интерпсихического подавления воли человека, еще менее удовлетворительна. Толстой смотрел на власть с внутридушевной стороны, С.Франк - с интердушевной стороны, и оба не нашли то, что искали. Смотря внутрь души Лев Николаевич в результате обнаружил, что там **власти нет** - и тем решил свой вопрос. Смотря в межличностное пространство жизни, Семен Франк вынужден был обойти вопрос душевного основания власти; его взгляд для такого вопроса оказался исходно непродуктивным. Мы можем констатировать, что ни с той, ни с другой стороны фундамента власти в душе **не видно**...

И для Толстого, и для Франка власть в душе оказалась по сути **фикцией** - результатом гипостазирования у Франка и ложной верой ("суеверием"), наваждением в душе, недоразумением в сознании - у Толстого. Так есть ли то, что они искали? Если и есть, то не там, где искали и не нашли Толстой и Франк. Видимо, тут нужна иная, третья точка зрения.

Франк смотрел "между" людей, и, конечно, нужно смотреть между людей; Толстой смотрел "в душу", и, конечно, нужно смотреть в душу. Но Толстой видел, желал видеть только одну из двух сторон нашей души - **ее внутридушевную сторону**; нужно же, я думаю, попытаться проникнуть в другую ее сторону, которой всякий человек обращен и сообщен со своим народом.

И та, и другая сторона нераздельны в душе, но все же в ней различимы. Внутридушевная сторона заключает в себе личное Я, живет собственной, "личной" жизнью, со всеми теми душевными связями, которые это Я находит себе на путях своей жизни. Другая же сторона заключает в себе душу народа или **Общую душу**.

Общая душа не результат гипостазирования интерпсихических явлений. Общая душа столь же подлинна, едина, целостна и личностна, как и душа отдельного человека. Как и всякая душа, Общая душа имеет свои пределы, заключена в границы собственной душевной отделенности, сквозь которые она взаимодействует с другими

Общими душами. Общая душа - это **душа** в полном смысле этого слова. Когда славянофилы и народники прошлого века говорили о "Руси", о "народе", то они имели в виду совокупную душевную целостность Общей души русского народа. Каждый человек **в себе** знает, что есть Общая душа, каждый из нас не может быть необщедушевен - признает ли он важность национального чувства самого по себе или нет.

Душа человеческая, скорее всего, бинарна; одной своей лично-душевной стороной она обращена к своей личности, другой стороной - к личности народа, в Общую душу. Общая душа не между душ и не над ними, она не есть их сложение или совокупность. Общая душа имманентна каждой душе, составляет ее сторону, которая реализует себя иначе. Общая душа живет собственной жизнью.

Фундаментальные основания власти есть в душе, но не в личной душевности, а в общедушевности, в Общей душе. Сознание власти в нас - явление общедушевное. Более того, сознание власти есть неустранимая черта общедушевности, есть одно из **собственных корневых свойств** Общей души, изучение которой только и может привести к решению толстовского вопроса основания власти в душе.

Наша задача - не ответы и не вопросы к мировой Истории, к конкретной национально-политической жизни. Наша задача - вскрыть новую, общедушевную точку зрения на человека, ту точку зрения, с которой видна или с которой **можно научиться видеть** национальную жизнь изнутри.

Нам предстоит ввести понятие Общей души, в первом приближении разобрать и понять ее структуру, ее собственное функционирование как души, и ее собственную жизнь, которую она проживает в своем же - историческом - времени.

часть первая

СВОЙСТВА И ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ДУШИ

1.(6.)

Любовь, которая способна соединить людей в Боге, это любовь ко всем без различия, любовь к каждому, в том числе и к врагу - чувство агапическое. "Сойтись по-настоящему" можно только "настоящей любовью", добывать которую, как считал христианин Толстой, Бог человека и послал на Землю.

Любить родных, близких или хотя бы тех, кто приятен тебе, значит любить за что-нибудь - любить несвободной любовью. Толстой в старости укорял себя за то, что он "слишком" любит друзей и домашних. Как же матери не любить особенно своих детей, а мужу жену? Но носителю агапической любви тягостно всякое проявление в себе несвободы любви, в том числе и к дочери, ближайшему другу, родному брату, жене, своему народу. Несвободная любовь любого рода сама собой изживается в том, кто знает в себе высшую свободу, свободу агапической любви.

Все мы не столь духовно достойны, чтобы испытывать агапическую любовь, соединяющую души на практически недоступной нам глубине и свободе духа. И все же мы внутренне сочленены между собой. И не можем жить без той или иной душевной сцепленности друг с другом. Я имею в виду не только связи дружеские или семейные, но и душевную сочлененность и солидарность всего сообщества, в котором живет человек. Конечно, это не та, единственно подлинная связь, связь в Боге. В сравнении с ней наша сплоченность - наружная душевная связанность. Но в ней-то реально и живут люди. Человеческое общество потому есть единое душевное целое, что оно объединено Общей душой. Общая душа не "одна во всех", а одна на всех, одна у всех.

Душа человеческая состоит как бы из двух сторон. Одна ее сторона принадлежит Общей душе, есть одновременно и "моя" и Общей души ("всех"). Благодаря этой

стороне души **человек есть существо общедушевное**. Каждая человеческая душа несет своей стороной общедушевности какую-нибудь народную (Общую) душу и в этом смысле принадлежит ей.

Агапическая любовь - явление другой, личной стороны человеческой души. Процесс проявления духовного Я в душе, духовный рост, к которому призывал Лев Толстой, есть рост именно личной стороны души. Что не означает, что человек душевно работает или, что одно и то же, растет, только своей лично-душевной стороной. Работа общедушевной стороны иная. В ней идет рост отдельной души, но **только вместе со всеми**, с кем она соединена в Общей душе.

Духовный рост личной стороны души идет в направлении агапически живущего духовного Я; общедушевный духовный рост имеет **другое** направление, которое и следует разглядеть нам. Пока что отметим, что как есть личная духовная работа, так есть и совокупная, общедушевная работа. И то и другое - достойный и законный труд души. Но агапическое чувство не общедушевное, а лично-душевное чувство жизни, принадлежит не Общей душе, содержится в другой от Общей души стороне души. Достигнуть агапического состояния возможно только вне Общей души, трудами лично-душевной жизни. Агапическая жизнь не для Общей души, каких бы вершин она ни достигала. Уровень объединенности в Общей душе всегда будет ниже агапического. Это надо признать и сделать выводы.

Есть религиозные доктрины, которые постулируют и предписывают правоверному только и исключительно рост вместе, со всей Общей душой, только в составе ее и на ее благо. Лично-душевный духовный рост признается тут постольку, поскольку он служит общедушевности и включен в нее. Не смей расти духом одному **вне** всех и для себя! - вот крайняя позиция, в грубом виде выражающая жизнь одной, общедушевной стороны души.

Конечно, она вызывает протест. Но столь же вызывает протест и позиция, в которой третируется общедушевная стихия жизни и общедушевный рост. Общедушевность легко представить явлением несвободным и потому в духовном отношении низшим. Но это недоразумение. Темп лично-душевного роста, конечно, больше темпа роста общедушевного, но первый относится к дистанции жизни отдельного человека, а второй - ко "всем", к Общей душе в Истории.

Одухотворенность человека в Общей душе и его одухотворенность в личнодушевной жизни несопоставимы. Это разные виды свободного сознания, принадлежащие разным сторонам души. В каждой из сторон души есть свои высшие и низшие духовные явления, но никакая из них не выше и не ниже духовных явлений в другой стороне души. Хотя уровень одухотворенности Общей души, в которой человек воспитан и которой принадлежит, вполне может служить для исчисления труда личной одухотворенности и его продуктивности.

Душа человека выполняет два рода работы, растет двумя видами роста. Одна работа не противоречит другой. Лично-душевный рост и общедушевный рост **не встречны**, а существуют, условно говоря, параллельно друг другу. Человеку в каждый данный момент его жизни дан от Творца выбор: расти духом со всеми, общедушевно, или духовно возвращать себя отдельно. Человек, - когда более общедушевен, когда более личнодушевен, перемещает центр своей жизни из одной стороны души в другую, а то живет и работает ими вместе. Но, понятно, в разной, индивидуально обозначенной в данный момент степени.

Есть два типа духовно разнонаправленных людей, которые часто не понимают друг друга. Одни устроены душой так, что могут работать лишь общедушевной стороной ее. И пусть будет так! Другие устроены душой иначе. В человечестве предусмотрена необходимость как роста Общей души, так и самостоятельного духовного роста отдельной души. Недолжно и вредно как засилие Общей души, детерминирующей личнодушевный рост, так и отрицание духовных достоинств движений Общей души как таковой. Будем различать и признавать как общедушевную свободу личности в обществе, так и личнодушевную духовную свободу души человека.

С точки зрения Общей души каждый отдельный человек есть ее достояние, которому она навязывает и свою волю и свое понимание жизни. Таковы условия духовной жизни человека, в том числе и условия личнодушевного роста. Отдельной

личности следует признавать эти ограничивающие ее условия, пробивать себе свою дорогу, а не бунтовать.

Альтруистическая жертва обществу - явление общедушевное, вытекающее из переживаний Общей души, побуждающей переносить центр жизни из отдельных душ в нее. Альтруизм и самопожертвование без Общей души, лишаются того, отличного от "Я" лица, ради которого производятся эти действия.

Тщеславие - обострение чувства Общей души в отдельном человеке. В тщеславии человек стремится получить одобрение не от каких-то людей, а от Общей души; поэтому ему, по сути дела, все равно, хорошие ли сами по себе или плохие люди его одобряют.

Общая душа - поток жизни, в который включены люди. Чувствуя этот поток, человек старается стать "как все", быть "как всегда", разделять общее мнение, какое бы оно ни было, осуждать то, что всеми осуждается, верить общей верою, лгать общей ложью, ненавидеть общей ненавистью, любить кого все любят. Так что у Общей души есть и свои мнения, и своя нравственность, и своя вера. Она лжет, ненавидит, любит, боится и страдает, подобно душе отдельного человека.

Общая душа как и душа отдельного человека, сегодня - такая, в таком-то состоянии, а завтра - другая, в другом состоянии жизни. В ней есть приливы и отливы, фазы жизни, она дышит, она проходит возрасты, она рождается, взрослеет и старится, она живет и может ... умереть.

Общая душа - субъект Истории. И собственной национальной Истории и Истории всеобщей. История народов творится взаимоотношениями их Общих душ. Понять Историю значит понять действующие лица Истории - Общие души.

Научникам трудно признавать существование того, что они не умеют изучать. Душа отдельного человека не поддается методам науки, которая все еще не знает, как подойти к душевным явлениям, и потому изучает то, что может: "психику", "рефлексы", "комплексы" и прочее. То же самое и с Общей душой. Наука история, не умея изучать Общие души, изучает все, что в состоянии изучать: классы, сословия, экономику, систему власти, судьбы исторических личностей, быт, нравы и прочее. Тогда как сама по себе История - "поприще движения" Общих душ. Научиться бы понимать Историю как встречу дорог жизни Общих душ от их рождения и до их исчезновения.

Прежде, чем пытаться понять жизнь Общих душ в Истории, надо видеть собственную целостную структуру Общей души, знать то, из чего она состоит, и как то, из чего она состоит, сообщается и взаимодействует в ней. Общая душа это многоэтажное здание, имеющее свой фасад, свой фундамент, крышу, расположение апартаментов. Здесь на разных уровнях ("этажах Общей души") проживают витально и ментально различные общедушевные инстанции. Чтобы различить и выделить их, надо уяснить тот **принцип жизни**, на основании которого существует Общая душа.

2.(7)

При взаимодействии тела с внешней средой, при его питании, дыхании и прочее, в нем происходит обмен веществ, который составляет необходимое условие продолжения жизни тела. При взаимодействии людей друг с другом между ними произвольно или произвольно идет, никогда не прекращаясь, **взаимообмен жизнью**. При всяком общении и в каждое мгновение кто-то из нас отдает другому частичку энергии своей жизни, а кто-то получает от другого или других жизнь в себя; или отдает на одном уровне жизни, получая для себя ее энергию на уровне ином.

Никто не в состоянии удержать всю свою жизнь в одном себе, внутри границ своей отделенности. Чтобы жить, надо постоянно излучать жизнь из себя, отдавать ее и получать ее в себя. Обмениваясь с другими жизнью в себе, вступать в соединения своей жизни с жизнью в другом или других - вот неустранимая потребность, приданная всему живому и, особенно, человеку.

Обмен жизнями друг с другом есть необходимое условие существования живых душ и принцип жизни Общей души. Будучи в составе Общей души, люди так или иначе замкнуты друг на друга и обмениваются жизнями друг с другом. **Общая душа**

есть та сфера жизни, где между людьми через их душевное сочленение происходит на разных духовных уровнях накатанный взаимный обмен одной жизни с другой жизнью.

Потребность живых существ и человека в особенности сочетаться и делиться с другими существами жизнью в себе наводит на мысль, что жизнь не только одна для всех и на всех, но и одна и та же во всех. Однако жизнь, которой сочетаются между собой муравьи, и жизнь, которой обмениваются друг с другом люди, не одна и та же. Существуют **разные единства жизни**, Совершать обмен жизнью можно только в одних и тех же водах жизни. Надо знать, какие это воды жизни.

Нельзя утверждать (хотя нельзя и отрицать), что Общая душа состоит из суммы отдельных душ. Общая душа, прежде всего, есть область обмена жизнями между людьми. Сочлененность в Общей душе и ее целостность есть результат с неизбежностью возникающего между людьми взаимнообмена жизнью. Общая душа есть совокупность тех единств жизни, в водах каждой из которых люди способны обмениваться жизнью. Общая душа содержит в себе те единства жизни, в которых человек, по двусторонней структуре своей души, не может не состоять. Чтобы выявить структуру Общей души, надо определить те поля (единства) взаимнообмена жизни, из которых она состоит.

Как природные существа животное и человек живут в одном и том же поле жизни, жизни природной. Но дополнительно к этой жизни человек живет ("обитает") и в полях сверхприродной жизни. Есть разные ступени жизни. Есть лестница полей жизни. Мы все живем на ступенях этой лестницы.

На низшей ступени соединение и взаимнообмен жизнью принудительны; это рутинный обмен жизнью, при котором жизнь крутится на месте - так, как и какая есть. На высшей ступени становится необходимо **творчество** обмена жизнями **личностей**, процесс духовно более свободный, в результате которого жизнь на этой ступени совершается творчески, то есть совершенствуется. На еще более высокой ступени неизбежен еще более свободный обмен жизнями, при котором на основе соответствующей высшей свободы взаимнообмена жизнью мог бы продолжаться процесс самого творения жизни, ее восхождения.

Я пока что говорю не о конкретных ступенях жизни, а только обозначаю саму лестницу - от ступени наименьшего достоинства жизни и наименьшей духовной свободы до ступени наибольшего духовного достоинства и высшей свободы.

Сила потребности сочетания жизнями друг с другом и переживание в себе этой потребности включается в силу любви. Если есть разные единства жизни, разные духовные степени ее, то есть и разные уровни любви. Лестница любви выстраивается по таким же ступеням свободы и одухотворения единств жизни, что и лестница ступеней взаимнообмена жизнью.

Связывая понятия любви и единства поля жизни, не будем отождествлять их. Любовь - восторг жизни, ее всплеск, ее прилив, ее самовыражение в порыве. Любовь - это прорыв жизни из себя через пределы отграниченности существ, **пробой** между ними, необходимый для последующей работы перевода жизни из себя в другого и из него в себя. Сама по себе работа перевода жизни от одного к другому, хотя и подготавливается любовью, но производится не ею. **Любовь - обострение жизни для осуществления прорыва ее сквозь отделенность.** Любовь - сила пробойная и векторная, направляемая на жизнь в другом, на осуществление связи жизней и на поддержание этих связей.

Единство **принудительного обмена** жизнями осуществлено в **общеприродной жизни**. Оно и принудительно потому, что осуществлено, завершено в Творении. Пробойное состояние природной жизни - состояние вожделения, а не любовь. И вожделение - порыв, восторг переизбытка силы жизни. Но сила вожделения подобна переизбытку сил нежизни, напоминает силу физическую, которая вообще стремится растратить себя и тем возвратиться в нулевое состояние - стремится к самопогашению, к ликвидации возмущения, к стабильности и успокоенности. Вожделение есть предусмотренное временное нарушение инерции жизни для сохранения этой инерции в следующей порции природной жизни.

Вожделение - разрядка после порыва природной жизни в себе на другом живом существе, в другом живом существе, совместно с другим живым существом. Вожделение безличностно и слепо, так как оно функционально.

Про вожделение сексуальное говорят, что оно начало духовно разъединяющее, отчуждающее. Сам по себе секс не объединяет и не разъединяет, а функционирует внутри принудительного единства природно-человеческой жизни, удовлетворяя самого себя. У секса нет свободы брать или отдавать, соединять или разъединять жизнь. К нему неприменимо понятие свободы.

Следующая ступень единства жизни соответствует любви-Эросу. Эрос, конечно, избирателен и индивидуализирован. Но в нашем понимании Эроса он избирает не тело, не индивидуальность облика природного объекта, а направлен на целостный **образ и волю** этого объекта.

Конечно, эротическое возбуждение производят особенные психо-физиологические черты другого человека, его наружность, выраженность его облика, свойственное только ему обличье, действующее на меня потому, что через него проступает некий мне желанный образ психической жизненности, непосредственно и чарующе зовущий меня, тянущий к себе, на себя мою волю, всю мою психическую личность. Эротический призыв, исходящий от другого человека, я переживаю как обещание возможности приобретения его теплоты жизни через обладание его образом, наружность которого впечатляет и вдохновляет меня именно на **захват его**.

Эротическое восхищение одного это не что иное, как стремление **взять себе** то тепло жизни, которое проступает в выражении образа другого. Если я откликнулся на его эротический призыв, если для моей жизни стал нужен этот образ, если пришло страстное желание взять накал жизни в нем для себя **в себя**, то все мои психические и плотские силы, все горение воли во мне превращаются в страсть и направляются на **обладание** кипением жизни этого образа, на включение его (образа) в себя, в мою самость, в состав своего собственного образа. Эротический обмен кипящих жизней идет между образом и образом, одной психической личностью и другой психической личностью. Это действие не на телесном, а на **психическом уровне жизни**.

Психическая жизнь, заключенная в образе эротически привлекающего лица, необходима для усиления и вместе успокоения психической личности, для полноты самоощущения ее. Эротическая любовь выражает восторг и порыв предчувствия усиления жизни своей самости от овладения теплотой плотско-психической жизни другой самости. Воля Эроса всегда одна и та же: брать себе. Образность и воля женщины стремится привлечь и потом внедрить себя, мужчины - забрать в себя, но это разные способы одного и того же взаимообмена жизнью.

Эрос действует на том поле единства жизни, в котором свобода обмена жизнями осуществляется как **свобода брать**, вбирать в себя жизненное тепло другого, принимать и использовать в себе и для себя, для своей самости центр психической жизни другой самости. Поле жизни, где происходит такого рода взаимообмен жизнями, мы будем называть либо **эротическим полем**, либо, вслед за С.Франком, **интерпсихическим** полем жизни.

Эрос, вообще говоря, может быть и не связан с сексуальными действиями. Первобытный охотник наверняка испытывал эротическое чувство к преследуемому им зверю, которого он собирался съесть, то есть и употребить в пищу части его тела, и взять внутрь себя его самого, образ его для усиления своих жизненных сил. Вместе с чувством неутоленного голода была тут и эротическая магия принятия в себя "образа" зверя. Не исключено, что людоедство - род эротомании. Есть, наверное, эротические мотивы и в жертво-приношении.

Страстность обращенных к женщине эротических чувств мужчины близка желанию психического потребления ее образа. Эрос обычно сочетается с плотско-природным вожделением, но сам по себе не нуждается в нем. Эросу надо усилить не столько природную жизнь в себе, сколько, как сказал бы Толстой, жизнь своей "животной личности", которая - подчеркну еще раз - страстью и страстно желает захватить в себя накал психической жизни (самость и волю) другой "животной личности". Каждый из

нас одарен своим гастрономическим вкусом на потребление горения самости другого. В этом человек даже большой привереда.

Эрос интимно связан с полом, так как, во-первых, пол - основной параметр животной личности и, во-вторых, один пол дополняет другой, дополнителен другому. Ева в лучшем переводе Библии сотворена из **стороны** Адама. Эротическое стремление лица одного пола захватить в себя определенное, необходимое ему лицо другого пола действует в силу потребности обладать целостной полнотой жизни "животной личности" за счет включения в нее в качестве дополнительной и дополняющей ее стороны другой животной личности. Тут, конечно, возникает множество любопытнейших вопросов, требующих остановки изложения, которую мы позволить себе не можем.

Следующая ступень единства жизни более всего сочетается с возвышенным чувством влюбления. Основные черты этого чувства "большой любви" - душевная чистота, сексуальное и общежитейское бескорыстие и надплотскость. Как и эротическая любовь, любовь-влюбление направлена на образ другого, стремясь к усилению жизни в себе через него. Но и этот образ и это усиление жизни совершенно иные, чем в эротических водах жизни.

Поэтически влюбленный обращен к тому же самому образу, что и пылающий эротической любовью, но видит в нем не психическую личность (и поэтому-то часто так жестоко обманывается), а какое-то невидимое глазом мерцание иного, сверхпсихического образа. Та же самая образность теперь переживается как видение, как личность "неземная", к которой эротическое влечение (в нашем смысле) уже неприложимо. Видение, которое вдохновляет влюбленного, нельзя "брать", потреблять, пользоваться им для нужд. В единстве жизни, о котором мы говорим, вообще нет свободы брать, какая есть в эротическом поле жизни. В этом поле жизни осуществляется иная, более высокая свобода обмена жизнью - **свобода отдавать** жизнь.

Любящие глаза выражают готовность отдать из себя жизнь; степень такой готовности определяется весь накал этой любви. Порыв и восторг влюбления - это порыв и восторг предчувствия перенесения себя в горние сферы жизни другого, включение своей жизни в явленную видением жизнь другого Я, как бы приобщение к его вершинам жизни, отдавание своего центра жизни в центр жизни высшего духовного существа в другом, вливание себя в него.

В отличие от эротического взгляда, которым человек жадно смотрит перед собой, взгляд влюбленного устремлен ввысь, на лицезрение, на чистое созерцание и выражает восторг умиления собою, своим стремлением припасть к другому и отдать ему себя, жизнь в себе. Надо ли говорить, что такое единство жизни несет в себе, вместе с большей духовной свободой, и большую одухотворенность.

Любовь, направляемая ввысь по исходящей, от себя, на прикрепление себя к высшему предмету любви, можно в самом общем смысле назвать **филической** любовью. Мыслитель, стремящийся отдать результаты или плоды жизни в себе людям, действует по филическим побуждениям жизни. То же и художник. И ученый. Активная филическая жизнь и ее самоумиление нередко выражается на лицах молящихся или причащающихся.

Эротическое единство жизни и филическое единство жизни - это разные ступени жизни, различные ее этажи. Человек может испытывать к кому-то филическую любовь, а к другому, и в то же время - любовь эротическую. И еще мучиться этой раздвоенностью. Человек, бывает, испытывает к одному и тому же лицу вместе и филическую и эротическую любовь, но и тут эти виды любви не смешиваются, а чередуются и завязываются именно через чередование и в чередовании. Филическая жизнь и эротическая жизнь находятся на разных ступенях лестницы жизни, образуют самобытно существующие и действующие единства жизни. Понятно, что в человеке все отдельные потоки жизни взаимосвязаны, но это вопрос структурного синтеза душевной жизни, который мы пока не ставили.

Эротическое приобретение теплоты психической жизни происходит за счет убыли жизни в другом. Конечно, эротический обмен жизнями в каждом конкретном случае имеет свой баланс, складывающийся из взятого от самости и обретенного для нее.

Потребление жизни другого зачастую желаемо последним, даже необходимо ему и, по-видимому, идет за счет той доли психической энергии самости, которая для этого предназначена. И все же подчеркнем убыль жизни в одном для усиления ее в другом.

Филическая передача жизни (или: передача филической жизни) от себя к другому идет без убывания жизни в себе и другом. Во взаимообмене филической жизни нет убытка жизни ни в ком. А жизненная энергия тратится. Тратится, но не расходуется, а обретается. Видимо, тут какая-то не та энергия, к которой приложимы привычные понятия об энергетике жизни плотской или психической. Тут совершенно иная жизнь, в ином поле, на иных началах.

Если эротическое чувство жизни переживается как наслаждение, то филическое чувство жизни переживается как некое удовлетворение, всегда схожее с моральным или эстетическим удовлетворением. В эротическом восторге человек жадно восклицает: "какое наслаждение!", в филическом восторге: "как хорошо!". Моральное чувство переживается как благо должностования отдачи себя, своего, от себя, во исполнение призыва, звучащего в себе. Моральное чувство - род филического чувства жизни. Недаром влюбление непременно обостряет этические переживания. Они в одном и том же поле жизни, сливаются, дополняют и легко переходят друг в друга.

В культуре нет агрессии захвата жизни в другом. Через культуру осуществляется либо перевод филической жизни от одного лица к другому, по свободному решению передающего, либо свободно принимается то, что для передачи предназначается. Область культуры это тоже область филической жизни. Культурные переживания, как переживания усиления жизни, отличимы от чувства влюбления только по конкретности напора в последнем реалий эротической и плотской жизни. Если культуру, "чистое" влюбление и мораль поставить рядом, то едва ли разберешь: то ли культура от чувства влюбления и морали, то ли они от культуры. Хотя, конечно, моральные устои и устремления весьма стабильны, влюбленность же - быстротечна, так как человеку трудно долго выдержать стремление полностью (а именно так требует это чувство) отдать себя. По этой причине недолговечен -то есть филически **нежизнеспособен** - поэтический экстаз, этический максимализм, жертвенный героизм.

Поле жизни, в котором действует филическое чувство, мы будем называть либо филическим полем, либо **морально-культурным полем жизни**. Разнородные филические переживания наполняют морально-культурное поле жизни, в котором человеку так же свойственно жить, как свойственно ему жить в интерпсихическом и природном полях жизни.

3.(8)

Кроме эротической, филической, агапической любви греческий язык различает еще четвертый род любви - **любви сторгической**. Так в древней Греции называлась семейная любовь, чувство родственной привязанности. Говорят, этим словом определялось и родовое чувство как таковое. Мы переосмыслим сторгию, как давно переосмыслена и агапия, и филия, и эрос.

Сторгическое чувство жизни во всей полноте его испытывают супруги, сохранившие через годы и нажившие свою любовь друг к другу, ставшие единым неразрывным душевным целым, одной супружеской душой. Конечно, их связывает или связывала и сексуальная стихия, и эротическое проникновение, и филическая самоотдача, но я выделяю сторгическое чувство жизни именно как чувство **душевной близости** - то, что их души живут **совместно**, две как одна. Сторгическое чувство - это чувство ближнего, переживаемого так же, как переживаешь себя.

Супруги часто похожи друг на друга. Естественно, это имеет причины в совместной природно-эротической и филической жизни, в которых они долго разряжали жизнь в себе, брали и отдавали ее друг другу. Но ни то, ни другое, ни третье не обладает наивысшей свободой обмена жизнью - духовной **свободой совмещения жизни**, основанной на сторгическом чувстве, осуществляющем не сожителство и сосуществование, а **со-жизнь**, взаиможизнь, где центры жизни двух сводятся вместе, складываются и образуют общий и единый центр жизни, не отменяющий

составляющие его центры. В старину это называлось "единством душ" - продуктом сторгического чувства.

Я думаю, что эротическое и филическое чувства действуют как бы в предвидении и в преддверие сторгического чувства, пробивают ему дорогу, желают его осуществления. Но действуют они в своих полях жизни, каждый на своем уровне одухотворенности и свободы.

Эротическая жизнь имеет свободу брать образ и волю психической личности другого, филическая жизнь имеет свободу отдавать самость, сторгическая жизнь имеет свободу единения, но не психических личностей и не самостей, а душевностей. Сторгическая любовь действует там, в той глубине человека, где находится точка приложения заповеди любви к ближнему. Чтобы осуществить сторгическую любовь, надо отречься от своей самости. На филическом уровне самость преобразуется, духовно возвышается и усиливается (отсюда и ее самоумиление), иногда приносится в жертву, но без самоотказа от нее. Сторгическое чувство, будучи бесполом и надживотным, исходит оттуда, из таких глубин, где самости нет. Воды жизни сторгии текут глубже самости. Самость в сторгии не укоренена.

Сторгическое чувство жизни работает в **поле духовной близости** - в том единстве жизни, где только и возможно взаимоусиление собственно душевной жизни. Два человека сторгически объединились, - и от одного этого каждый внутренне возвысился, стал духовно выше самого себя, на порядок одухотвореннее, обрел новую, высшую полноту жизни, буквально стал больше жить жизнью, проживая в высших, глубинных ее слоях.

Супруги - надежная иллюстрация жизни в поле духовной близости. Вообще говоря, сторгическое чувство жизни свойственно человеку так же, как эротическое чувство жизни. Другое дело, какое из них реально человеком правит, каким из них он по большей части живет. Есть люди - их немного, конечно, - которые особенно и, видимо, от рождения одарены способностью реализации сторгического чувства. На таких людях видна суть и этого чувства жизни и заповеди любви к ближнему.

Вспомним еще раз Толстого и солдата Шабунина. В дни те Лев Николаевич был завален работой и ему вряд ли не терпелось влезать в юридическое дело. Но Стасюлевич уговорил его потратить день-два и выступить на суде защитником. Сам солдат Толстому был неприятен. Лев Николаевич согласился защищать этическую идею, а не человека. Мотив вполне филический. И вдруг, сам того не ожидая, он горячо принялся за дело, начал искренне переживать за Шабунина, даже хлопотать за солдата перед царем. Лев Николаевич, вступив в прямой контакт с человеком, тем самым сделал себя **душевно ответственным** за его жизнь. Совсем бездуховный Шабунин стал для Льва Толстого **ближним**. Чувство душевной ответственности за другого и есть чувство ближнего, сторгическое чувство. Кто хоть раз в жизни не завязал в нем? Вспомнил сейчас рассказ Жженова, герой которого, известный своей безжалостностью надзиратель, километры, в холод, тащит на себе доходягу заключенного...

Под одним и тем же словом часто понимаются самые разные, только внешне схожие явления, даже не находящиеся в одном и том же слое жизни. Скажем, "сострадание". Я ужаснулся видом другого человека, и этот мой ужас от него заставил меня с полувотвращением принять его образ в себя (действие эротическое), содрогнуться от присутствия этого безобразного образа во мне и совершить по отношению к нему некоторое действие - более всего для того, чтобы вычерк-нуть из себя этот образ, отделаться от него в себе. То, что я пережил, не вышло из рамок эротического чувства, и я назвал его жалостью или состраданием.

В другой раз я впечатлился несчастным человеком и, ясно вообразив его состояние и переживания, тем самым на миг поднялся над собой и перенесся своим центром жизни в его центр жизни. Я стал переживать за него, чувствовать "за" него, как бы его чувством. И это филическое чувство назвал жалостью, состраданием, сочувствием.

Но вот случилось так, что я узнал этого человека чуть глубже; и оттого стал чувствовать **вместе** с ним и **своим** чувством. Он стал мне **близким**. Это обрадовало и, вместе, испугало меня - я испугался трудностей немедленно, по внутренней необходимости реализовать эту близость в реальной жизни. Сторгическое чувство

звало меня принять непосредственное участие своею жизнью в его жизни. Это было тоже сострадание и сочувствие, но требовавшее не просто оказать помощь и уйти, а встать рядом и спасти.

В тот момент я не был готов принять вызов своего сторгического чувства и дал этому человеку уйти. И пережил особенное чувство. То не был стыд за себя, чувство филическое, которое я наверняка испытал бы, если бы не помог ему. Моральный судья во мне молчал, но душа болела. Я почувствовал душевную боль, явно схожую с болью утраты близкого человека.

Не исполнив требования филического чувства, я бы сердцем познал, что, не сделав добра, поступил дурно. Не исполнив же требований сторгического чувства, я сердцем узнал, что, отказавшись от этого человека, я совершил душевное преда-тельство, предал ближнего своего. Моральный суд осудил бы и, скажем честно, дело, скорее всего, закрыл. Сторгическая боль душевной ответственности притупляется, но не снимается, **не искупается** иначе как удовлетворением требований заповеди любви к ближнему.

Вам ближний тот, от кого до вашей души донесся зов, вызвавший сторгическое переживание. Но для того, чтобы процесс усиления близости перешел в сторгическое единение, дошел до того предела, после которого ближний становится другом - моим "другим я", - необходимо нечто большее, чем просто возбуждение сторгического чувства жизни.

Сторгический рост (род духовного роста), будучи ростом близости, **не безличностен**. На определенных ступенях его необходимо соответствующее совпадение личностей. Либо тонкое совпадение личностных установок разума на жизнь (что характерно, хотя и не обязательно, для исходных позиций мужской дружбы), либо одинаковое восприятие и переживание фактуры окружающей жизни (что характерно для начала женской дружбы), либо таинственное личностное совпадение направлений глубинных устремленностей душ, которое (совпадение) ищут друг в друге все люди, и, конечно, мужчина и женщина, которым легче пробить канал от одного к другому.

До начала процесса сторгического единения должен быть момент узнавания себя в другом, чтобы оба разом радостно понимали или одну и ту же мысль или чувства друг друга - необходим **момент встречи** и взаимное душевное движение навстречу. Без взаимности личностей сторгический процесс вскоре гложет.

Сторгическое чувство жизни может, умозрительно говоря, быть задействовано при душевном контакте с любым чело-веком. Другой вопрос, следует ли к этому стремиться, так как сторгический рост - чем дальше, тем больше, - лично-стно пристрастен, строго избирателен. Высшая сторгическая свобода обмена жизнью основана не на обмене жизни, исходящей из отдельной души, а на совместном творении, сотворении **высшего типа жизни** из взаимообмена душ; вероятность полного душевного взаимопроникновения в практике земного проживания не велика. Сторгические ресурсы каждого из нас по-своему ограничены.

Агапическая любовь не есть предельное усиление и расширение сторгической любви, не есть ее экстраполяция, как хотелось бы кому-то видеть. Агапическое чувство жизни, раздражая или давя на сторгическое чувство, не получишь. Агапия совсем другое чувство жизни, присущее высшему единству жизни, это **иная свобода** - уже жизни не человеческой, а "божеской". Агапическая любовь это порыв, восторг, прилив Божественной жизни во мне.

Агапическая любовь отрицает - не отрицает, а отрекается от сторгической любви. Ведь в монастырь идут, убегая от сторгических привязанностей мирской жизни. Житийные святые, покидая отчий дом для подвига святости, вообще не обращали внимания на стоны близких, так как сторгическое в некотором роде даже соперничает с агапическим.

Агапическое чувство, в противовес сторгическому, внелично-стно. Агапический ближний - всякий человек (а то и каждое живое существо) или все вместе. Агапическое чувство не делает различий между людьми потому, что агапическая любовь не специально, а спонтанно изливается на них - в силу того, что агапическая любовь сама есть истечение из Источника жизни, восторг человека от полноты Его

жизнеизливания через человека. Агапическая любовь не видит в человеке ничего и никого - только Бога. Потому-то ненавистных для нее нет.

Сторгическая любовь всегда знает, что и для кого делает. В агапической любви, в агапическом милосердии правая рука не знает, что творит левая. Сторгическому чувству сопутствует страх за ближнего, агапическое чувство "изгоняет страх" и вместе со страхом всяческое любовное мучение. Агапической любовью не мучаются, ее не берут, не отдают, она выявляет самую себе - и только. Ею выражается жизнь в Источнике жизни, который есть одновременно и источник всей лестницы жизни, и вершина ее.

Движения филической жизни идут без убыли жизни, но обычно форсируют ее природно-психические затраты. Движения сторгической жизни тоже требуют затрат (хотя и не форсированных) природно-психических сил, но ведут к приращению сторгической жизни, к ее прибытку в узле сторгического единства. Сторгическая жизнь **по мере необходимости** включает в работу все новые и новые порции себя. Движения агапической жизни никаких затрат в других слоях жизни не требуют. Самоистечение агапической жизни питается само из себя и вряд ли предназначено для смертного человека и его дел.

4.(9)

Говоря о природном единении жизни, мы вовсе не имеем в виду какое-либо физическое взаимодействие в пространстве. Природное взаимодействие - не телесное, а внепространственное взаимодействие **плоти с плотью**. О взаимодействии такого рода, происходящем **в низшем поле** жизни, пусть рассуждают знатоки вопроса - всякого рода теософские и индуистские учения, заостренные на низшем природном слое, его энергии жизни и том внебиологическом плотском субъекте, который пользуется этой жизнью и приписан к ней.

Другое надплотское интерпсихическое единство жизни есть соединение **волей**. В интерпсихическом поле происходит эротическое (в нашем смысле) взаимодействие воли одного с волей другого или других. В эротическом поле жизни обитает тот, кто обладает волей. Кто же это?

Животность, и в животном и в человеке, образует некоторую психическую целостность. Но животное не личность в человеческом смысле, не та своя личность, которой человек гневается и гордится и которой он сам в себе горд. Человеческая "животная личность" - его самость - содержит и несет несвободное сознание человека, то есть вмещает в себя все то, что к данному моменту жизни внутренне стало, установилось в человеке, прекратило духовно расти в нем. Самость включает в себя то, что называется характером человека и его натурой, в том числе и все его психические особенности, его таланты, эстетические вкусы, этические устои, все то заложенное, воспитанное, накопленное в душе, что не может быть отменено в процессе дополнительного духовного роста, что само по себе уже не подлежит пересмотру в личности. Из самости нельзя сделать несамость, от нее можно только **отречься**, как от завершенной цельности в себе.

Именно самость обладает волей, действует в эротическом поле, вносит в него свой образ. Но особенно важно подчеркнуть, что та же самость есть субъект филического действия в морально-культурном поле жизни. Самость обитает сразу в двух полях жизни. В низшей части, в интерпсихическом поле, самость эротически берет, в верхней части самость отдает в морально-культурном поле жизни. Причем верхняя филическая составляющая самости **назначает** (в том числе и морально) **исполнение** (волей) низшей эротической составляющей самости. Через это-то назначение морально-культурное поле жизни **связано в человеке** с интерпсихическим полем жизни.

Напрашивается представление, по которому духовное Я (носитель свободного сознания и субъект духовного роста души, которым она обращена к Богу) проживает в самости так же, как по бытующим туманным представлениям проживает душа в теле. Но тела живут **отдельно** друг от друга. Понятие же отдельности неприменимо к душе и самости. Они не отдельны в пространстве и времени, а **отделены** одна от другой в

поле жизни. Самость это те границы или пределы отделенности, которыми каждый из нас психически (в эротическом поле жизни) и "человечески" (в морально-культурном поле жизни) отделен от других людей, находится вместе со всеми своими индивидуальными качествами, способностями и талантами в состоянии внутренней отделенности как таковой.

Работу роста духовное Я производит, воздействуя на самость, вместе с ней. Совесть - суд над собой в себе: духовное Я судит самость. Одним этим движением человек переносит ударение жизни из самости на духовное Я. Это и есть первый, всем понятный образчик самоотречения, отречения от самости. Без самоотречения от самости работа духовного роста не пойдет.

Между духовным Я и самостью существуют разные отношения: и партнерства, и противоборства, и судьи с подсудимым. Но возможны ли между ними отношения власти и подвластности? Может быть, на такой модели отношений обосновывается в душе власть? Согласитесь, нам нельзя не задать такого вопроса.

В реальной жизни людей заправляет самость, она - сильнее, она подавляет ростки духовного Я. Тут, скорее, другая модель, модель подавления высшего низшим, господство тьмы над светом, а не искомая нами модель правления предположительно достойного и высшего над низшим, которая в чувствах и сознании людей реализуется в обществах.

Есть, конечно, степень духовного совершенства человека, при которой духовное Я главенствует над самостью. Но, во-первых, о ней большинство знает понаслышке, а во-вторых, даже в этом случае духовное Я, понятно, не подавляет, не держит в страхе и не властвует. Если на практике человек, будучи духовным существом, и передает некоторые функции или качества духовного Я в институты общества, то эти функции делегируются им той инстанцией, которая уже до того определилась в обществе.

5.(10)

Агапическое единение, то есть объединение духовных Я, в Боге, по самому смыслу такого соединения не разрушаемо. Сторгическое единение разрушению подвержено. Не потому, что оно так уже хрупко, напротив, оно весьма прочно, а потому, что человека в сторгической жизни подстерегает множество опасностей, словно специально заготовленных для испытания сторгических связей на прочность. Духовная биография всей дистанции человеческой жизни по большей части и состоит из картин возникновения, развития и крушений сторгических связей. От первых сторгических порывов в отрочестве и до закрытия сторгических каналов в старости человек имеет благо жить в поле духовной близости. Но это духовное благо жизни дано не в дар ему, не даром и не в праздность, а в работу, в добывание. Сторгическое благо жизни надо душою заслужить, потом им особо дорожить и трудом сохранить, проходя через все соблазны и заносы жизни. Иначе благо духовного единения превратится в сторгическое зло.

Любовь сплошь и рядом переходит в ненависть. От вершины сторгического единения до пропасти сторгической антилюбви, как говорится, один шаг. Но что за чудовищный и непостижимый шаг!

Непросто найти одного из всех, еще труднее сделать его своим **другом** ("другим Я") и себя другом его, войти после встречи в глубинную связь душ, узнать счастливостью объединения двух душевных центров, сторгически осуществиться, стать двоим одно - и затем, одним махом, это единое целое взять и разодрать, да еще столкнуть друг с другом?! - Непостижимо.

Постепенное ослабление нитей взаимного духовного тяготения от длительной разлуки или по другим причинам превращает душевную близость в душевное равнодушие и ближнего в дальнего. Дела житейские. В поле духовной близости происходят, конечно, душевные катастрофы, когда друг, "другое я", переделывается в чужого человека, жена в чужую женщину. Но что творится с душами в поле духовной близости, когда друг разом обращается не в дальнего или чужого, а во **врага**, когда взаиможизнь вдруг становится противожизнью? Тут нужны духовные усилия

разлучения особой мощи и, главное, особой душевной свободы, которой обладает душа в мучительном духовном состоянии сторгической антилюбви.

Возможность превращения любви в ненависть, друга во врага указывает на то, что душа наша способна на замену светлой сторгической одухотворенности, которой она живет в сторгической любви, на темную сторгическую одухотворенность, которой она живет в том же поле духовной близости, но уже в сторгической ненависти. Есть темное сторгическое горение душевной жизни, и в нем человек горит **той же духовной свободой** и с той же духовной силой, что и в огне сторгической любви. Сторгической ненависти верны так же, и кладут на нее жизнь так же, как на сторгическую любовь. Удовлетворения сторгической ненависти душа желает и добывается не менее, чем удовлетворения любви. И это несмотря на то, что состояние темной одухотворенности сторгической ненавистью есть одно из самых тяжелых состояний души.

Зачем одна душа ненавидит другую? Что ей от нее нужно? Своей ненавистью одна душа стремится **наказать** другую душу, покарать ее за что-то. Поразительно, но избежать человеку этого душевного наказания невозможно. Сторгическая ненависть производит нужное действие на другую душу до полного разрыва сторгических связей, до абсолютного разъединения душ в поле духовной близости. Сторгически ненавидящему необходимо не просто разобщение, разъединенность в поле духовной близости, а глубинное **разодушевление**, погашение **души другого** человека. Пыточный инструмент сторгической ненависти используется для надругательства над душой вчера еще родного человека - да пусть душа его и живет в поруганности! Подлинный враг это тот, кто твою душу желает изгадить, отдать на поругание. Разумеется, его душа при этом тоже губится, как бы вытекает из себя в никуда. Силами темного сторгического одухотворения одна душа в поле душевной близости стремится **проникнуть внутрь** другой души и в глубине ее произвести разрушение. Отсюда прямо-таки сверхъестественная пронизательность ненависти, способная въедливо, догола разоблачать другую душу, видя в ней то, что иначе и не могло быть увидено.

Разоблачающая пронизательность сторгической ненависти намного превышает силу пронизательности в любви. И не только потому, что вторая видит светлые стороны души, а первая - одни темные. Сторгическая любовь действует в своей душе, между двумя душами и в душе "другого я". Сторгическая ненависть орудует только "в нем", в душе врага своего. Для сторгической любви необходимо узнавание себя в другом, и для сторгической ненависти необходимо такое же узнавание, но своего врага в другом. Враг это "другое я" с отрицательным знаком. Для узнавания его (тоже своего рода "встречи" с ним) тратятся все ресурсы сторгической жизни, которые душа накапливала для любви. В ненависти она **истекает** из себя, теряет силы, скудеет духовно, самопогашается.

Для возможности осуществления взаимонаполнения жизнью в сторгической связи необходимо самоотречение от самости. Разрушение сторгической связи запускает обратный процесс восстановления самости. Усиление самости пропорционально сторгическому ослаблению. Самость потому и самость, что сама по себе. Сторгическое разлучение неизбежно сопровождается резким усилением филической отделенности, реконструкцией самостей и их утверждением во взаимной вражде. Вражда сторгическая неизбежно переносится на морально-культурную ступень жизни и вызывает потоки **филической ненависти**.

Филическое объединение или общение это всегда соединение самостей. Филическое разобщение - противостояние самостей, испытывающих душевное негодование - чувство **Гнева**. Гнев это личностное филическое чувство, чувство самости, окрашенное в тона морального или морально-культурного негодования. Есть **темная филическая одушевленность гнева**, которая раздирает самости, значительно облегчая тем самым процесс сторгического распада. Сторгическую ненависть без громкого сопровождения филической ненависти я не представляю. Но это еще не самый страшный род темной филической одушевленности.

Человеку свойственно жить в сторгическом поле жизни. Именно в этом поле исполняется в сердце заповедь любви к ближнему. По своему плотскому существу

человек проживает в природном поле жизни; по своему душевному естеству человек проживает в сторгической поле жизни. Есть, так сказать, естественный душевный пласт, пласт сторгической жизни, которым человеческая душа обладает как в силу своего особого статуса, так и в силу того, что одна искра Божья во всех нас. Понижение этого естественного уровня души, благодаря которому внутренне сообщен весь род человеческий, равносильно аннулированию заповеди любви к ближнему в человеке и, значит, обезбоживанию его.

Темна и тяжка сторгическая ненависть, заменившая уже разгоревшуюся сторгическую любовь двух людей. Трагична и мрачна каждая наша сторгическая неудача. Но тьма сторгической ненависти, пылающая не взамен сторгической любви, не в результате неудачи сторгической связи, сторгически, так сказать, "беспричинно", есть прямая измена Воле Творца и, следовательно, делает существование человека ненужным Ему...

Столкновения самостей, раз самость существует в людях, неизбежны. Следовательно, неизбежны и гордость и гнев. Однако в состоянии темной филической одушевленности гнева человек способен "снизу" возбуждать себя до состояния сторгической ненависти к другому человеку. "Идейные" (а тем более идейно-литературные) противники тому пример. Сторгическая ненависть изживает уже не духовные ресурсы души, а ее резервы, необходимые для ее жизнедеятельности, в полном смысле разодушевляет человека. Разодушевленный же человек - главный источник зла в мире.

Гнев - один из самых мощных возбудителей зла в человеке. Гневится в нас самость, проживающая в двух полях жизни: филическом и эротическом. Где возникла филическая ненависть, там в дополнение к ней возникает и **ненависть эротическая**. Гнев всегда филичен и эротичен одновременно.

Действие по интерпсихическому полю жизни направлено на целостный образ человека. Выражение образа другого человека, его обличье в одних случаях возбуждает на эротическую любовь, то есть стремление взять в себя и себе его образ, в других случаях оставляет эротически равнодушным. В общем случае целостный образ другого человека передает по интерпсихическому полю множество сигналов, которые воспринимаются по-разному. Так, большинство людей одной расы воспринимают сигнал эротического запрета, исходящий от людей другой расы. Люди двух рас обычно эротически чужды друг другу. Эротическая чуждость дело естественное и ее не надо смешивать с эротической ненавистью.

Есть темное эротическое горение воли на чужой образ, стремление уничтожить, полностью погасить этот образ как таковой. Так, наверное, животное ненавидит вражеское животное. Но интерпсихическая ненависть у животного служит для форсирования всех сил при необходимости агрессии или обороны.

Животному в природных условиях необходимо иметь мощный дополнительный резерв психической силы, который в нем мобилизуется всегда в порыве на короткое время. Человек смеет превращать эту единичную струю эротической ненависти в поток. Надо к тому же добавить, что у людей эротическая ненависть чаще всего самоцельна и есть, говоря клиническим языком, симптом **бешенства** самости человека.

Самость человека легко становится психически брезгливой. Некоторые человеческие обличья вызывают у определенных людей какое-то чувство эротической отвратительности, отвратности, чего-то противно несъедобного с интерпсихической точки зрения. Иногда это чувство так разрастается, что портит человеку вкус, вкусность всего эротического поля, из которого берутся дополнительные ресурсы психической жизни. Тогда ему хочется вообще изжить этот отвратительный образ из своего интерпсихического слоя жизни. Конечно, психическая брезгливость часто утрируется для самоутверждения самости или для прикрытия ею сознания своей неполноценности.

Но есть и иной вид эротической ненависти. Естественная эротическая любовь желает завладеть образом и волей любимого для включения в самого себя, для самовос-полнения. Противоестественная же, **жуткая эротическая любовь** сладострастно желает употребить образ и волю другого человека только для

подавления его воли и уничтожения его образа - чтобы самого его не было! - Садизм? Возможно. Но такой садизм **эротического убийства**, который входит составной частью в знакомое всякому чувство гнева самости. Правда, одни удовлетворяют свою жуткую эротическую любовь в гневливом воображении, не выходя из рамок филического поля жизни; другие реализуют ее в действии, исполняют ее в натуре, на живых объектах - и получают от этого темное эротическое удовлетворение. Грань между первым и вторым родом эротического убийства хрупка.

Но вот о чем нельзя говорить без содрогания, так это о таком чувстве эротического убийства, которое не возбуждено филически, возникает само по себе, по чистой эротической потребности. Памятно литературное описание простых мужиков, ставших исполнителями ЧК, у которых со временем возникла мощная и чисто эротическая потребность расстреливать людей. Это, конечно, крайний случай.

Восторг и порыв "чистой" эротической ненависти усиливает и обостряет самоощущение взбешенной самости не менее эротической любви. И в эротической любви и в эротической ненависти желаем образ психической личности другого, но эротическая любовь им питается, чистая же эротическая ненависть его уничтожает и уничтожает, как питается, утоляя свой психический голод от ненавистной образности объекта. Если для этого необходимо прежде измучить человека физически, то его мучают.

Довести человека до полного погашения его образа, до полного обезволивания, психически растоптать другого человека дает чистой эротической ненависти такое же удовлетворение и успокоение, какое дает эротическая любовь. Есть мужья, которые доводят до такого состояния жен, и психически счастливы. Для того же самого паханам в лагерях нужны "шестерки". Эротическая ненависть мотивирует иерархическую структуру некоторых преступных групп. Жуткая эротическая любовь - во всех ее видах - желает власти. Ей нужно властвовать, чтобы иметь возможность удовлетворить самую себя. Эротическое насилие смыкается с эротическим властолюбием, единственное средство реализации которого - устрашение. Темная воля, желающая власти над другими волями, стремится произвести устрашение их тьмой своей воли, стать страшным в глазах остальных, ужаснуть их психику. Таких охотников сеять ужас всегда полно в обществе. Первейшая задача Общей души - подавить властолюбивые устремления эротической ненависти, не дать им широко распространиться в обществе, внести в общее бытие интерпсихический порядок.

С общедушевной точки зрения, а значит, и с точки зрения общедушевной власти, эротическое властолюбие преступно. Когда обе эти власти совмещаются в ком-то из обладателей власти, он старается скрыть это обстоятельство. Только в редкие моменты истории эротическое властолюбие почти открыто захватывает институты общедушевной власти - и начинается пир Царства темного ОНО.

6.(11)

Каждый из нас принужден жить со всеми теми людьми и животными, кто живет рядом. Воробей вспорхнул от меня - он передал мне что-то от своей природной жизни, а я ему чуть-чуть от своей. Цветок в горшке чувствует не только солнечный свет и тепло, но и мою жизнь рядом с собой. И я чувствую его жизнь. Поля и леса неприметно дышат на меня, всей огромностью резервуара своей природной жизни поддерживают меня, делятся со мной ею, чтобы я не захирел. Но и я что-то вкладываю от себя в чан Природы.

И дерево, и воробей на дереве, и кошка, следящая за воробьем, и я, видящий кошку, воробья и дерево, все мы не можем вынуть из себя друг друга, живем в режиме принудительного обмена природной жизни, интерплотски зависим друг от друга, непрерывно получаем и отдаем, не можем не брать и не отдавать жизнь. Общеприродные жизненные связи людей, зверей, полей, садов заключены в **единство места жизни**, которое я знаю в себе по подспудной нежности сознания солидарности со всеми участниками нашей совместной жизни. Совокупная общеприродная жизнь всего этого места заключает меня в себя и входит внутрь меня, содержится в моем Я, в

самой личности. Общеприродную жизнь я чувствую не вовне, а в себе. Таково **чувство Родины**.

Родина - **духовное** единство. Она по-матерински питает плотской жизнью. Но питает не тело, не физиологически, а духовно - на уровне жизни плоти. Кроме того, чувство Родины и ее образ содержатся в самости человека, влияя на ее темперамент, на ее характер, пристрастия, даже стиль мышления и воображение.

Надо отметить, что духовное Я чувство Родины не переживает. Это не значит, что оно антинационально или ненационально. Духовное Я иначе национально, чем самость. Чувство Родины - одна из составляющих национального чувства, которую принято называть "патриотизмом", и которую мы определяем как **материнское национальное чувство**.

Материнское национальное чувство заложено в фундамент Общей души, лежит в ее "земле". Земля Родины - и общедушевное, и общеприродное, и территориальное понятие. Часть народа, оказавшаяся в иных краях, разорвавшая природное единение со страной предков, все же держит в душе родную землю как общедушевное чувство. Они узнают ее друг в друге по своей интерплотской, интерпсихической и культурной общности, и этого оказывается достаточно для существования материнского национального чувства. Общедушевные (межлюдские) национальные связи при необходимости способны подменить общеприродные национальные связи, но не заменить их. Ущерб Общей душе от разрыва их до конца не восполним.

Животное, конечно, тоже общеприродное существо, тоже питается энергией плотской жизни от Природы, в том числе, и от человека, но не как человека, а как от такого же, как оно, животного. Передавать от себя жизнь туда и тому Целому, из которого сам питаешься плотской жизнью, есть действие естественно-принудительное, не требующее выделения особых душевных или плотских усилий для исполнения. В том числе и усилий любви. Животное знает свою природную зависимость и сознает природную солидарность, но не любит и не служит. Только человек способен в чувстве Родины переживать общеприродное чувство любви и поднимать сознание природной солидарности на уровень общедушевного служения, предполагающего самоограничение по любви.

Надо различать общеприродное и природно-человеческое. Из Природы человек выделил себя. Именно благодаря этой выделенности, а далее и оторванности человека от Природы и, главное, по мере этой оторванности, природно-человеческое усиливается и обостряется, все более и более подменяя общеприродное, занимая его место в структуре жизни человека. В результате общеприродное, замененное природно-человеческим, переходит из состава Природы в Общую душу и становится, так сказать, **нулевым общедушевым этажом**, где обитает духовно интерплотское, природно-человеческое чувство и сознание. Только на основе его из племени, обживающего свое место, может образоваться нация, обживающая как собственность необозримые для человека племени пространства **страны**.

Материнское национальное чувство это природно-человеческое общедушевное **чувство** жизни. Однако нулевой этаж Общей души обладает не только своим чувством, но и **своим сознанием** жизни.

Не замечая того, мы непрерывно живем в поле излучений духовной плоти, идущих от живого к живому и пронизывающих все вокруг, даже неживое - воздух, стены, мебель. Существование этих излучений, как и духовно-интерплотских связей, для ограничивающего нас рационализованного сознания сомнительно. Первобытный человек, остро чувствующий общеприродное единство жизни и себя в нем, должен был обладать ярким сознанием нераздельности жизни своей плоти с жизнью всякой другой плоти. По этому **магическому сознанию** жизнь в другом существе та же, что и моя жизнь. Магическое сознание, выражающее интерплотскую истину, видно в детях, для которых все вокруг, даже неживое, живет одной с ними жизнью, где наравне действуют человек, зверь, дерево. Первобытный человек жил магическим сознанием в куда большей мере, чем мы. Скорее всего, магическое сознание было базовым сознанием его жизни.

Магическое сознание детей в нашем мире не успевает достигать зрелости, навсегда остается детской магической ментальностью, не доросшей до взрослости. Люди нашей

цивилизации понятия не имеют о знающем интерпсихические тайны взрослом магическом сознании. Взрослея, мы, так сказать, "входим в сознание", то есть все более выходим из магического сознания жизни и входим в аналитическое сознание, в другую разумную ментальность, качественно отличающуюся от магической. Но магическое сознание не стирается. Оно в полной мере остается в нас. Правда, мера эта - детская. Тем не менее, магическое сознание продолжает функционировать и в частной жизни, и особенно в жизни общественной, общедушевной, густо покрытой магическими понятиями и символами.

Именно незрелое ("детское") магическое сознание побуждает взрослых людей принимать на веру (а то и на идеологическое вооружение) в качестве очевидной истины явно нелепые, прямо-таки сказочные представления и положения, ничего общего не имеющие с окружающими их реальностями природной, общественной или духовной жизни. Конечно, такие представления и положения зачем-то нужны взрослой душе, но без магического сознания они никогда не могли быть приняты как реальность. Мы еще продолжим этот разговор.

В словосочетания "наши деревенские", "наши земли", вкладывается нечто большее, чем собственность и социальная общность. "Земляк" - сродственник по одному тому, что земляк. Пусть мы с ним во многом различны, но магическое сознание нашей "земельной" общности единит нас. На патриотическое сознание в целом всегда наброшен магический флер. Своя Страна - понятие ментальное, в котором магический элемент сознания превалирует открыто. Знамя, герб и прочее не мистичны (как показалось С.Франку), а магичны, действуют на магическое и, значит, докритическое сознание людей.

Чувство Родины - самочувствие нулевого этажа Общей души. **Сознание Страны** - самосознание нулевого этажа Общей души. Материнское национальное начало ясно чувствуется, но сознается не непосредственно, а в магическом затемнении. Магическое сознание современного человека отодвинуто в тень ментального существования, но тем не менее вполне исполняет свою роль на нулевом этаже Общей души, застроенной общедушевностями всех других этажей жизни.

7.(12)

Для совместного делания трудного дела - скажем, в альпинистской связке или группе старателей - люди соединяют свои воли. Такие **интерпсихические солидарности** недолговечны и цементируются только в акте исполнения дела, для которого они создаются. Более прочны общес-твенные интерпсихические солидарности, которые цементируются сродством психики отдельных людей. Люди одного и того же типа психики редко объединяются в открытую, но четко узнают друг друга в толпе, нуждаются друг в друге, так как у них один и тот же образ действия в обществе и борьбы за себя в нем. Они "свой" по типу психической агрессивности и понимают друг друга, сообщаясь внесловесно. Их интерпсихическая солидарность безгласна, неприметна и охватывает все общество. Но это еще не сплоченность общедушевности.

В интерпсихической связи человек, вообще говоря, желает захватить, отобрать, взять себе и для себя запасы психической жизни другого, включить в свой образ и волю его образ и волю или в эротической ненависти уничтожить их для себя. Обратная сторона этого чувства - чувство психической агрессии на себя, **эротический страх**. Им-то более всего и цементируются интерпсихическая общедушевность.

Эротический страх, в нашем смысле, это чувство психической побежденности и бессилия, захваченность своей воли, сознание утраты свободы выражения своего образа, скованность или даже отобранность его от себя. Конечно, Франк прав, именно такое чувство испытывает слабовольный человек перед человеком сильной воли. Но, чтобы человек человека мог послать властным взглядом на смерть, нужно, чтобы властвующий действовал не от себя, а от имени Общей души. При этом посланный на смерть человек в самоощущении остается свободным и идет добровольно. Вот факт, который рассуждениями о гипостазировании не прояснишь.

С одной стороны, эротическая общедушевность явно подавляет индивидуальную волю, и, значит, ослабляет ее. С другой стороны, индивидуальная воля в составе интерпсихического единства знает силу этого единства как свою силу и, значит, усиливается в эротической общедушевности. Происходит и то и другое тогда, когда воля отдельного человека **сама перемещает себя** в интерпсихическую общедушевность, а последняя **берет себе и в себя** индивидуальную волю. Как такое возможно?

Прежде всего, благодаря тому, что интерпсихическое поле жизни неотрывно от интерплотского поля жизни. Что хорошо видно в стае животных, в которой интерпсихическое поле действует с принудительностью общеприродного поля. Общая душа, конечно, не "общая животность", но и в ней эротическая общедушевность накрепко свита и интерплотской общедушевностью нулевого этажа, которая единит чувством Родины и магическим сознанием Страны. Эротический страх сам по себе не собирает людей вместе, а действует как бы в подтверждение и утверждение природно-человеческого единства.

С точки зрения **этнической общедушевности**, то есть свитых вместе интерплотской и интерпсихической общедушевностей, человек, действительно, есть "общественное животное". На низших этажах Общей души его можно воспринимать и в таком качестве. Главное свойство человека как "общественного животного" это его сознание **общего Строя** и чувство интерпсихической преданности.

Эротический страх, как и общеприродный страх перед опасностью, вообще говоря, подавляем в себе волей. Но общедушевный эротический страх преодолеть так же трудно, как страх смерти. Тут некоторое значение имеет боязнь индивидуальной воли остаться без прикрытия эротической общедушевности, в бессилии и бессознательности. Но главное все же во **влиянии насилия** на действие интерпсихической общедушевности.

Насилие форсирует интерпсихическое воздействие и резко усиливает эротический страх в человеке. Каким образом? Конкретной угрозой карающих органов? Нет, дело не в самом по себе факте грозящей физической расправы. Дело в психическом **устрашении** - в действии отвлеченного и анонимного **образа насилия в душе человека**.

Подавляющее плоть физиологическое чувство страха преодолевается волею. Образ же насилия, внедряясь в душу, воздействует на волю каждого и всех вместе. Перед страхом такого рода человек в психическом отношении беззащитен. Это и есть темное ОНО. Его способны побороть лишь свободные духовные движения души, действие свободного сознания, энергия которого прибывает при духовном росте. Только в росте, только силой духовного Я можно разорвать "круг насилия", как говорил Толстой, вывести себя из-под власти несвободы темного ОНО. Так оно и происходило с Пьером и Штрумом.

Как "общественное животное" человек не может не находиться в психической зависимости от темного ОНО. Темная эротика насилия возводит эротический страх на степень темного ОНО и, одновременно, усиливает всю психическую жизнь человека, вызывая в нем порывы интерпсихического восторга и эротической жадности. Интерпсихическая похоть неминуемо захватывает человека, находящегося в эротической общедушевности, ставит его в общий строй и единит в строю особым **чувством наслаждения** существования в **эротической общедушевности**, свитой с патриотизмом и магией Страны и еще чем-то, о чем мы расскажем в своем месте.

Эротическое поле Общей души - поприще властолюбивых устремлений. Властолюбие - вот чисто эротическая алчность воли, стремящейся взять на употребление эротические чувства жизни других, вплоть до полного погашения в своей самости всей энергии психической жизни Общей души. Обладающие сильной волей властолюбивые люди для своего успеха в обществе должны уметь как восхищать собой, так и гипнотически устрашать собой - и тем возбуждать эротический страх до интерпсихического наслаждения в состоянии темного ОНО.

Одного явления властолюбия, казалось бы, достаточно, чтобы внести хаос и раздор в интерпсихическое бытие общества. Надо помнить и о силах эротической ненависти.

Чем больше эти жуткие силы вольно гуляют в обществе, тем больше люди заражаются ими, тем яснее чувствуют их в себе и тем больше **боятся сами себя**.

Из сказанного легко выводится необходимость власти, психически обуздывающей "общественное животное" с помощью людей власти. Однако необходимость - необходимостью, число необходимостей несчетно, но откуда, спрашиваем мы, у "общественного животного" само представление о правящих и подвластных? Само по себе властолюбие реализоваться в общедушевную власть не может. Представление об общедушевной власти может основываться только на образе Главы Общей души, который каждый человек носит в своей душе. У "общественного животного" нет образа общедушевного центра и общедушевного Главы. "Общественное животное", как таковое, живет в толпе, никакой власти не знающей и не желающей знать. Главари толпы - не власть, а разовый ее возбудитель. Толпе, кстати, нужно насилие для взбудораживания состоянием темного ОНО. Но само из себя это состояние власть не предусматривает и с образом ее незнакомо.

Для предотвращения интерпсихического хаоса нужен **закон**. В животном мире действуют природные законы, которые человек вольно нарушает. Человеческий закон иной. Но и он правит не как власть. В идеале правление закона - без власти. Демократия, по сути, отрицает общественное устройство под управлением власти, заменяя его на общественное устройство под управлением закона. Деспотия - наоборот. Понятия Власти и Закона смешиваются неправомерно. Как общедушевные явления они могут действовать согласно, могут и противопоставляться. У них разная общедушевная природа.

8.(13)

И животные связаны интерплотски. Иногда даже теснее, чем люди. Не разъедаемые властолюбием, самоволием, гиперсексуальными и эротическими аппетитами людей, плотско-психическое единение животных не менее свито, чем общество. Но у животных нет Общей души. Их единение и целостность совместного проживания - не Общая душа, а общая, совокупная животность. Общую душу делает то же, что делает и человека, - разум.

Животность, каков бы ни был уровень ее организации, обладает только одним, единственным взглядом из себя на мир. Животное знает себя живущим, себя живым, благодаря тому, что обладает **животным ВИдением** себя и Мира. Полнота животной жизни обеспечивается свойствами этого ВИдения, которое зависит от органов чувств, инстинктов, рефлексов, особенностей ориентации и жизнепереживания, специфики пристрастий, характерности воли, яркости впечатлений, четкости восприятий и прочее. Животное видение бывает самой разной силы и достоинства, разной степени изошренности и широты (охвата взгляда), придает живому существу различную степень сообразительности и качество соображения, то есть делает живое существо более или менее чутким и умным.

Человек в полной мере обладает животным видением жизни. Хотя он как животное - далеко не самое умное и чуткое. Но животному все существующее видно с одной стороны, с единственной точки зрения (видения), односторонне, человеку же весь Мир и все в Мире видно с двух сторон, двусторонне. У человека не один, а два взгляда из себя на мир: первое - животное видение, второе - **разумное ведение**.

Полнота человеческой жизни зависит не только от того, как он видит в **свете животности**, но и от того, как он ведает в **свете разумности**. Причем свет разумности не есть нечто дополняющее свет животности, придающее животности новое высшее достоинство и иное качество **Его** жизни. Без света разумности человек не обращается в животное. Разум не приплюсован, и его из человека нельзя вычесть, изъять. Вынуть из человека взгляд разумности значит то же, что вынуть из него взгляд животности. И то и другое - в полном смысле есть лишение жизни, распадение ее, разрушение человеческой жизни как таковой. Без разума, вне света разумности человек не знает себя живущим - он не мертв и он не жив...

Свет животности и свет разумности - вместе, в едином свете человеческой жизни. Их можно расчленить только для удобства понимания.

В свете животности видны образы действительности, от которых душа получает впечатления и представления, черпает себе материал для чувства. В свете разумности душа черпает из действительности **другой** материал: знание и знания, - ведает их в мире, их постигает, познает, берет их из действительности для человеческой мысли.

Чувства - в том числе и чувства животности - из души светят в мир и освещают в нем то, на что они направлены. Свет чувств, озаряя свой предмет, вырывает его из тьмы существующего, открывает его для души. Но тот же предмет открывается человеку еще в другом отношении. Разум, светя в мир, постигает и тем открывает Мир, все более раскрывает его перед душою. То, в чем мы живем, мы открываем лучами чувств и лучами разума, и этими раскрытиями Мира, которыми мы проникаем в него из себя, мы и живем - их ежемгновенно поглощаем бодрствующей душой.

В свете животности получают образы, со-ображают и действуют волей. В свете разумности получают знание, думают и действуют мощью убежденности. Как в нас совмещаются два этих света и эти две светоносные мощи? Какова модель их взаимопроникновения и совмещения в человеке?

Может показаться, что мы, схематически говоря, видим Мир как бы двумя "глазами": от животности и от разумности; глаз чувств видит свое, и второй глаз разума видит свое; и, параллельно видя, они как-то складываются и дополняют друг друга. Совсем не так! Это в науке человек устроил действие разума так, чтобы оно было как бы вне субъективных чувствований и независимо от них. Чувствование в науке искусственно исключается и **Под-меняется** средствами (измерениями, экспериментами, фактами), специально изобретенными на такой случай разумом. Но даже здесь сам по себе свет разума, в своей натуральности, не обособляется от света животности. В практике же повседневной жизни свет животности сплошь и рядом слепит разум, заслоняет, перекрывает свет разумности, как бы не допускает его **зerez себя** в мир. (Этого, кстати, и опасается наука).

Человек имеет два взгляда на Мир. Но не так, чтобы один взгляд, рядом другой взгляд, а затем - оба вместе. А **один взгляд в другом**. Свет разумности светит **сквозь** свет животности, внедряется в него словно из его же глубин. Откровения разума возникают в открытиях чувств, мысль работает в чувстве, убеждение - в воле.

Взгляд животности содержит как бы внутри себя взгляд разумности и в некотором состоянии представляет ему свои пронизательные возможности жизневидения. И вместе с тем он пользуется для себя жизневидением света разумности. Убеждения содержатся в нашей воле. Можно сказать, убеждение руководит волей. И можно сказать, что воля берет убеждения себе на вооружение, допускает их в себя и сама руководствуется ими. И то, и другое одинаково верно. Но не в самоиграющем диалектическом смысле, а потому, что на деле возможно и так, и эдак.

Есть разные степени света разумности в человеке. Низшая степень разумности постоянно присутствует при воле и принудительно руководит ею. Другая, более высокая (глубокая) степень разумности то включается на самость, то выключается, и схожа с референтом, который приходит, когда его призовут. Еще более глубокая степень разумности может быть так и не задействована в душе в продолжении всей жизни, быть вовсе неизвестна воле и самости человека. Чем выше степень разумности человека, чем выше степень одухотворенности разума, тем с меньшей принудительностью он непосредственно воздействует на волю и самость человека. Одухотворение - не что иное, как обретение большей духовной свободы, при которой принуждающая сила, сама по себе жесткость внутреннего воздействия духовных сил, ослабляется. Наиболее жесткий контроль над животностью осуществляет разум наинизшего духовного достоинства.

Так это для отдельной человеческой души. Так же это и для Общей души.

Нулевой интерплотский этаж общедушевности вместе с поприщем игры эротических сил жизни, с интерпсихическим общедушевым полем составляет человеческий аналог общей животности. Но Общая душа отличается от общей животности тем, что она обладает своим **общедушевым разумом**.

Общая душа составляется из пластов жизни, на которых или по которым между людьми совершается взаимообмен жизнью соответствующего духовного уровня.

Пласты эти, как и эти уровни жизни, существуют, по-видимому, не в отвлечении сознания, а вполне реально.

В человеке, в отдельной душе и в Общей душе - одни и те же пласты (поля) жизни. Общедушеские поля жизни связываются между собой через отдельные души. Таким образом, общедушеские поля, по которым идет обмен жизнью, существуют сами по себе, но Общая душа, как целое и единое - **как душа - завязана в человеке**.

Душа человека - связка Общей души, без которой последняя не существует. Чтобы Общая душа могла быть именно душою, чем-то целым и цельным, нужно, чтобы общедушеские пласты не только соединились между собой, проходя через человека, а были бы объединены в нем в живую целостность, в единую душу, составляли единство жизни как в каждом человеке, так и во всей совокупности людей, принадлежащих одной и той же Общей душе. Следовательно, в Общей душе работает некоторое единящее начало, **одинаково** воздействующее на каждого человека и производящее внутри каждого **одинаковое** объединяющее разные уровни жизни действие. Такое единящее начало должно быть в Общей душе, но быть в ней как бы с другой стороны от общедушеских пластов жизни, как бы напротив них, в другой от них стороне и действовать в отдельной душе не по тем каналам, по которым происходит обмен жизнью. Это начало, единящее общедушеские пласты жизни в цельную душу, и есть общедушеский разум.

Общедушеские пласты жизни соединяются в душе отдельного человека и единятся в душевную целостность разумом Общей души, действующим на отдельную душу. Общедушеский разум сам не мыслит. Но он сообщает всем одну и ту же установку образа мышления, одну и ту же сумму убеждений и один и тот же стиль убежденности.

В разуме Общей души веками накапливаются знания Мира и знание жизни, полученное людьми в конкретной жизнедеятельности, в результате опыта освоения Мира разумностью. Это процесс превращения действительности усилиями разума в знание и убеждение. Усилия и открытия человеческого разума - не исчезают. Из поколения в поколение идет процесс **накопления взгляда разума** в общую копилку, откуда каждый входящий в жизнь новый человек получает готовые основы жизневедения и мироведения. Общедушеский разум это и архив накопленного веками отношения людей к жизни, и активно действующий склад результатов постигновения всех, на всех уровнях жизни, связанных воедино поколений, и резервуар общей мудрости.

Общедушеский разум сцепляет поколения, которые, уходя из жизни, остаются в Общей душе и, следовательно, в действующей Истории. Общедушеский разум содержит то знание о жизни, которое на доосознанном субъектном уровне обуславливает взгляд людей на жизнь, указывает на ценности и приоритеты жизни, и тем предугадывает стиль и характер жизнепроектирования, особый ход течения жизни данного сообщества и человека в нем.

Знанием разума Общей души человек пользуется как исходным знанием своего личного разума, как основой своего взгляда разумности. Общедушеский разум несет в себе заряд убежденности, который, внедряясь в каждого человека, одинаково воздействует на его волю, направленно воспитывает ее, определенным образом формирует общее для всех жизненное ощущение, образует стереотипы поведения и вообще делает весь специфический душевный облик тех, кто принадлежит к Общей душе.

9.(14)

Общедушеский взгляд разумности основан на заранее определенном стиле и содержании жизневедения и мирознания, которыми общедушеский разум светит на волю и чувства людей, формируя в них один и тот же характер жизненного ощущения и мирознания, а значит, их общую душевную походку на всей дистанции их жизни. Только на основании некоторого единого жизневедения и мирознания люди получают общее жизненное ощущение и мирознание, при котором обмен жизнью в разных

общедушевных пластах находит свое русло, интенсифицируется в этом русле и замыкается в ограниченном Общей душой интердушевном пространстве.

Общая душа способна захватывать такое интердушевное людское пространство, которое в данный исторический момент способен удержать под своим контролем (в сфере своего влияния) общедушевный разум. В противном случае Общая душа дробится.

Однако морально-культурный (филический) общедушевный слой жизни и, скажем, интерплотский слой общедушевной жизни не находятся под действием одного и того же общедушевного света разумности. Разум Общей души имеет не один выход, светит не только в одном направлении. Один свет общедушевной разумности направлен на филическую и сторгическую жизнь, воспринимается ими, единит их в свое целое, создает им их собственные русла жизнеобмена и контролирует именно сторгическую и филическую область жизни. Другой свет общедушевной разумности направлен на свитость интерпсихической и интерплотской жизни, воспринимается ими, еще крепче свивает их и руководит ими. Первый свет разумности несет в себе то миро- и жизневедение, в которых заключена вероисповедальческая сверхистина человеческого существования, соборно объединяющая людей. Второй свет разумности несет в себе общежитейское миро- и жизневедение, в котором выражено то необходимое знание конкретного проживания нации, которое этнически объединяет людей. Первое мы будем называть **соборным общедушевым разумом**, второе - **этническим общедушевым разумом**.

Этнический общедушевный разум выдает человеку готовые ответы жизни без всякого запроса с его стороны. Самый разумом ленивый человек без усилий заполучает отсюда самодостаточные ответы на основные вопросы повседневности. Этнический общедушевный разум имеет характер жесткой **принудительной убежденности**, внедряет в волю человека бесспорное знание аксиом жизнепрохождения и жизнеотношения всех и каждого.

Этнический общедушевный разум принудительно закладывает во всех одно и то же знание житейских основ жизни, одинаковый стиль убежденности и тем ориентирует интерплотски и интерпсихически связанных людей на жизнеспособное национальное единство. Именно этнический разум скрепляет плотско-психическое единство в степени, когда оно превращается в **целое нации**, наполняется содержанием изъявления воли всех людей Общей души, обеспечивает порядок эротических жизнепритязаний и указывает на построение, необходимое для всех членов сообщества.

Этнический общедушевный разум вводит в каждого человека **закон течения** его жизни. Этнический закон внедрен в сознание человека и **через** сознание каждого контролирует и направляет как природную, так и интерпсихическую жизнь всех.

Закон природно-человеческой интерплотской жизни действует через магическое сознание человека, которое во всей полноте раскрыто в детстве и продолжает - уже в тени и безотчетно - воспринимать окружающее во взрослом состоянии. Магическое сознание как бы выдвинуто наружу, к самым границам отделенности человека, и далее, за его пределы отделенности - к другим существам и предметам Мира. Проникая через пределы отделенности, магическое сознание воспринимает действительность совершенно непосредственно, как нечто являющееся продолжением себя самого. Именно магическое сознание обуславливает в детстве чистое природное благоволение ребенка, которое во внешних проявлениях схоже с агапическим чувством ("будьте как дети"), но не сходится с ним по сути. Во взрослости то же магическое сознание получает установку этнического закона, по которому в природном поле жизни ближайшими априорно признается только одна единственная группа интерплотски связанных людей. Магическое сознание взрослого человека становится границей отделенности Общей души, отделяющей "своих" от "чужих". Отделенность по магическому сознанию не вызывает враждебность к другой Общей душе. Такая отделенность не ревнива, а всего лишь охранительна.

Магическим сознанием, как экстерорецепторами, мы самым непосредственным образом сообщены с действительностью, им же узнаем и собираем "своих" и им же признаем закон своего этнического общедушевного разума. Таким образом, самая

действительность, проникая в нас, становится в магическом сознании под этнический закон, организуется в субъектности и внутренне замыкается. На этом уровне сплоченность Общей души выражает себя в сознании магической отделенности и магического единства Отчизны, неприкосновенной священности ее Земли и ее рубежей. В магическом сознании человека его Земля и его Страна не просто среда и область обитания, а нечто от него неотличимое, неотъемлемо пребывающее вместе с ним в Мире, составляющее с ним одно магическое целое и являющееся опорой его природно-человеческой жизни. Сила этого сознания в человеке как раз в том, что оно в нем **убрано** глубоко **в тень**, некритично по сути и потому **неопровержимо**.

Закон этнического разума неопровержимо и подспудно действует в безотчетности магического сознания человека. Но тот же закон уже открыто выражает себя в том сознании взрослого человека, которое в отрочестве заменяет на переднем плане и оттесняет в тень детское магическое сознание. Каждый здоровый взрослый человек обладает сознанием, которым он аналитически знает этнический разум, и сознавая который, он способен отдавать себе отчет в своем знании. В своем **этническом сознании** человек несет убежденность этнического разума, который упорядочивает его интерпсихическую жизнь. Все осознанные устои и обычаи национальной жизни, особенно все ее запреты и ограничения есть область этнического сознания, которое на, так сказать, правовом уровне устанавливает законность или незаконность тех или иных плотских и психических удовольствий, наслаждений, возбуждений, действий.

Важно отметить, что **Закон** как таковой, само понятие Закона в нас, основано на общедушевном разуме и есть его конкретное выражение в сознании жизни человека. Закон пользуется Властью поскольку она есть и ее можно использовать для исполнения Закона, в служебных целях. По общедушевной сути Закон во Власти не нуждается. Он сам подтверждает сознание общего Строя, учитывает необходимость обуздания эротической ненависти, узаконивает насилие, устрашение, образом которого формируется интерпсихическая основа темного ОНО, держащего в узде все общество.

Общедушевный разум через этническое сознание в известном направлении воспитывает эротический страх - так, чтобы он интерпсихически сколачивал людей в Строй. Воздействие этнического разума на интерпсихическое поле весьма и весьма рационально. Организуя жизнь Общей души в этом поле, этнический разум вынужден решать проблемы, возникающие из-за эротической ненависти. Этнический разум концентрирует эротическую ненависть в некотором фокусе, находящемся вне Общей души, и при необходимости разряжает энергию эротической ненависти на этом фокусе, в который может быть помещено нечто "чуждое", находящееся за границами магической отделенности данной Общей души. Ревнива и враждебна Общая душа - по интерпсихическому полю.

Этнический разум чутко реагирует на перенасыщение общедушевного интерпсихического поля эротической ненавистью и, снимая темное напряжение, направляет агрессивность эротической ненависти на объект вовне. "Чужой" для этнического разума - потенциальный "враг", который может пригодиться для разрядки "народной ярости". Иначе Общая душа в известных случаях действительно может уничтожить самое себя. Так что понять принципы функционирования этнического разума, эротического насилия, темного ОНО, магического и этнического сознания в Общей душе жизненно необходимо.

Интерплотский и интерпсихический пласты жизни, свитые вместе в этническую общедушевность и объединенные под законом и контролем этнического общедушевного разума, составляют вместе **нижнюю половину** Общей души, которую будем называть **ЭТНОСОМ**.

Этнос - законодатель, ставящий каноны общеприродной и общепсихической жизни людей, воспитывающий в них общие стереотипы психики и поведения и согласовывающий различные устремленности чувств. Этнос объединяет людей по-одинаковому поставленных житейским разумом, одинаково и в одном и том же житейски убежденных, одинаково установленных на жизнь.

Этнический разум действует на том, уже сугубо человеческом уровне ментальности, на котором разумность обладает высокой духовной возможностью

выражать себя в слове. Язык - это и образ общедушевной жизни, жизни нации. Этническое сознание способно воспринимать речь и обладает силой переводить порожденное в ментальности слово в указание для воли, действующей в психической жизни нации. Таким образом, Этнос есть создатель, базовый носитель и воспитатель национального языка. Все иные инстанции Общей души суть пользователи и разработчики того языкового богатства, которое порождено и накоплено в Этносе.

Через слово Этнос стремится привести психическую жизнь всех к общему знаменателю. Он умеет усмирять эротические аппетиты, в том числе и властолюбия. Этнос требует быть "как все", руководствоваться общим мнением, не лезть из общего строя и домогаться одобрения окружающих, возводимого в показатель полноценности и достоинства личности. **Тщеславие - сознание жизни Этноса**, его самосознание, внедряющее закон общедушевного разума в волнения интерпсихической жизни. Вполне лишиться тщеславия может только тот, кто возвысился над эротической общедушевностью как таковой и вышел из-под ее влияния.

Этнос - распорядитель общепсихической жизни. Человек постоянно сознает и чувствует на себе узду Этноса, включающего в себя и материнское национальное чувство, и сознание Строя и эротический страх. Только в общем строю человек чувствует себя в безопасности, защищенным Этносом от "чужих" и от "анархии" своих.

Нижняя половина Общей души переживается самостоятельно в качестве целого, владеющего каждым как своей частью и неизмеримо превышающего силы каждого. Этнос не разбирает личностей. Он - грозный гарант, который стоит за спиной общего строя, где человек чувствует себя в **безопасной подзаконности**, дорожит безопасностью и подзаконностью как своим собственным благом.

Этнос - жестко действующая, диктующая подзаконность нижней половины Общей души. Законоустановитель Этноса, этнический разум, есть **несвободная** составляющая общедушевного разума. Другая его, более **свободная** составляющая - соборный разум. Он назначает филическому и сторгическому пласту общедушевной жизни и тем объединяет их в **верхнюю половину** Общей души.

Соборный разум держит под контролем верхнюю половину Общей души, и мы будем называть ее СОБОРОМ.

10.(15)

У человека, говорили мы, два взгляда из себя на Мир: один взгляд **видит** в свете животности, другой взгляд **ведает** в свете разумности. Но человек видит Мир не в одном лишь свете животности, а еще и **в свете человечности**, на морально-культурном, филическом уровне жизни.

Нужно прежде всего решить, что мы имеем в виду, говоря о филической **жизни**. Подлинная ли это жизнь - так же ли подлинна она, как жизнь природная и животная, - или морально-культурный и интеллектуальный слой жизни всего лишь есть область "отражения", вторичных проявлений, по отношению к которым слово "жизнь" надо понимать как-то фигурально?

Воспринимая явления действительности, человек доподлинно живет чувством, мыслью, волею. Когда те же явления предъявляются через книгу, устные описания, нравственную проповедь, интеллектуальное осмысление, то человек откликается на них и чувством, и мыслью, и волею. Более того, он сплошь и рядом переживает то, что в столкновениях реальности переживать не в состоянии, понимает то, что недоступно его уму, ощущает в себе силы, которые он не смог явить в действительности. Он тут и проявляет их иначе - сам в себе, но **как** в действительности. Если такие силы прорываются в реальность, то и тут они продолжают действовать "как" в реальности, - так же, как они действуют в отрыве от реальной жизни, в субъекте воображения, действуют в реальности как в воображении.

Под напором филического возбуждения один человек совершает геройский поступок, требующий такой решительности и силы, которых в нем отродясь нет; другой воодушевляется на протест или проповедь, горит в моральном негодовании на обычное событие или рядовое явление жизни, адекватно вызывающее в душе куда

более умеренную реакцию; третий так впечатляется идеей, что готов за нее разрушить мир Божий; четвертый, самоослепившись музыкой или поэзией, возбуждается на возвышенные чувства к человеку, к которому без предварительного филического возбуждения никогда бы не возникли. Все эти люди продолжают в поступках жить, **словно в воображении**, как бы в действительности - жить не так, как в реальной жизни, а в реальной жизни жить так же, как как в самом себе. Вопрос в том, живут ли они при этом иной, новой, особой, самобытной метапсихической жизнью или продолжают жить все той же животностью и разумностью, которой они живут без филического возбуждения? Есть ли филические движения жизни самая жизнь, и жизнь новая, отличная от других пластов жизни, или это **волько** нечто искусственно действующее на резервуар одной и той же жизни, будоражащее, горячащее и взвинчивающее ее?

Пафос культурного или морального действия **практически** требует такой траты энергии жизни (иногда, казалось бы, по пустяку), что диву даешься, откуда ее столько у человека! Не тратит ли он какие-то другие силы и силы иной жизни, не той, какая тратится в подобных обстоятельствах умным животным? Вглядитесь, и вы обнаружите, что в филическом возбуждении человек живет совсем иначе, в особенном жизненном пространстве и тратит другие, надживотные запасы жизненности. Сама действительность для филической жизни есть лишь повод, область, откуда идут импульсы возбуждения, иногда поприще вторичного самовыражения, но никогда не сфера собственного обитания, в которой возникает и развивается филическая жизнь.

Правда одновременно и то, что филическая жизнь в человеке возбуждает эротическую и природную жизнь, протекающую в контакте с окружающей действительностью, и то, что образность и значимость действительности пробуждает и возбуждает собственно филическую жизнь.

Самость человека снизу укоренена в эротической жизни, сверху - в жизни филической. Самость, вообще говоря, способна жить по-отдельности: как одной филической, так и одной эротической жизнью. Филическая и эротическая жизнь соседствуют в самости или перемешиваются в ней, но слой филической жизни все же можно выделить как самостоятельный пласт жизни. Слова "культурная жизнь" или "этическая жизнь" - не условные иносказательные выражения, их надо понимать буквально. Есть заряды эротической и природной жизненности и есть совсем другие заряды филической жизненности.

В интерпсихическом поле жизни самость стремится отобрать у другого и все больше и больше усилить свою собственную эротическую жизнь. Такое **эротическое оживление самости** испытывает мужчина, когда у него возникает любовное желание завладеть образом женщины, несущим в себе для него вожделенный запас эротической жизненности, который ему не удается приобщить к себе. Эротическая жизненность как таковая по большей части находится в полуоживлении, в состоянии готовности забить ключом. Филическая жизнь находится в таком состоянии далеко не всегда. Произведение искусства в полном смысле **включает** филическую жизнь (тем оно и ценно), зажигает ее от себя, переводит ее из невозбужденного в возбужденное состояние.

Сам переход личности в филически возбужденное состояние требует притока в нее новых сил, усиливающих ее жизнь. **Филическое оживление** не раз на дню испытывает каждый из нас. Этот несомненный факт своего оживления - буквально: оживления - в метапсихическом морально-культурном поле жизни человек культурной толпы нашего времени склонен принимать за одухотворение, за проявление наивысшей духовной жизни в себе. Филическая жизнь (будучи жизнью самости) так же похожа на духовную жизнь (жизнь духовного Я), как бижутерия на ювелирное изделие. Этим сравнением я нисколько не пытаюсь унижить проявления филической жизни: стекляшки искусственных драгоценностей созданы в подражание Природе творческим **Гением человека**, который незачем умалять.

Филическое поле отличается от всех других полей жизни тем, что жизнь в него **занесена самим человеком**. Как таковое филическое поле, конечно же, сотворено Творцом, но все запасы филической жизни, которые есть в этом поле, накоплены

людьми, вложены от **свободного труда** человеческой души. Есть сферы жизни и повыше, но только эта одна от начала до конца заполнена трудами человека. Филическое поле жизни самостоятельно вспахано и засеяно творчеством человека, действующим в продолжение Творения. Но вот задача: Бог творит из "ничего", откуда же человек берет в себе филические семена, чтобы заложить их на пустом поле?

Морально-культурный слой жизни наполнен плодами конкретной душевной работы. Здесь сложены и хранятся самые различные картины душевных движений. Но не все, какие были в жизни, а только те из них, которые человек **сам захотел внести** в филическое пространство жизни. Все оно заполнено вынесенными из себя **специальными** свободными усилиями души человека.

Как и общедушевный разум, филическое поле жизни содержит следы неисчислимых возмущений, срывов и подъемов опыта жизнепрохождения разных поколений. Тут продолжает жить опыт душ предков, пот их целостной - эротической, сторгической, природно-человеческой жизни. Но чтобы заложить в морально-культурное поле жизни итоги сторгической или эротической жизни, душе прежде надо **суметь перевести** явление сторгической или эротической жизни в явление жизни филической. Душа человека так устроена, что обладает чудесной способностью в любое мгновение переводить пот и опыт своего сторгического или эротического проживания в филическое пространство жизни и самой жить в нем **как в собственном**, человеческом слое жизненности. Специальные свободные усилия перевода всех родов жизни в явления культурной и этической жизни люди и называют **творчеством**.

Человек вправе прожить жизнь, ничего не заложив в филическую копилку жизни, ничем не пополнив ее от себя. Это вовсе не значит, что в каких-то других отношениях он тоже прожил нерезультативно; он жил, жил полно, но не выдал в продолжение жизни филической продукции, не оставил след свой в этом поле жизни. Только сам, творчеством своим должен отдельный человек внести плоды жизнепрохождения своей души в филическое поле жизни. Он свободен вносить сюда или не выносить из себя. Филическое поле имеет только те запасы жизни, которые люди свободно пожелали вложить в него. Вполне может статься, что огромные духовные ресурсы множества людей так никем и не введены в филическую жизнь, пропали для нее. Что, разумеется, сказывается на полноте и качестве той общедушевности, с которой такое происходит.

Для включения в общую филическую жизнь совсем не обязательно что-то написать, нарисовать, слепить или каким-то другим способом прозвучать на людях. Достаточно, я думаю, **филически осуществить** себя, то есть **в себе** довести результаты своего душевного труда до необходимой степени ясности, четкости, полноты выражения их, - и они тем самым уже переводятся в филическое поле и остаются в нем. Рукописи, в этом смысле, не горят. Но сожженные (или ненаписанные) рукописи не прочтешь так, как они были выражены автором. Все филически осуществленное хранится в лунках филического поля жизни, но теряет своеобразие, авторство. Были времена, когда люди не нуждались в авторстве. Но жили ли они при этом полноценной, личностной филической жизнью?

Сторгическое, эротическое, природные поля жизни сами втягивают (или отторгают) человека, которому остается доля свободы, необходимая для того, чтобы втягиваться самому или упираться. Филическое действие требует проявления большей степени свободы. В филическое поле надо самому **суметь включить себя** - как для того, чтобы заложить в него, так и для того, чтобы питаться из него. Филическая жизнь наполняется и **добывается** по свободному желанию и особыми волевыми усилиями. Чем больше затраты **филической воли** - воли творчества, - тем больше включенность души в филическое поле, тем больше у нее возможностей жить филической жизнью.

Как есть переходящее в неволю психическое безволие, так есть и филическое, творческое безволие, приводящее к такому же результату на ином уровне. Различие в том, что психическая воля всякому дана, филическую же волю надо самому добыть, добыть, как в древности добывали огонь, и разжечь его в себе. Психическое безволие - погашение, филическое безволие - невозгорание. Разжигать огонь филической жизни всегда приходится своим огнем.

Так ли велика разница: сложить песнь самому или пропеть сложенную кем-то другим песнь? Филическое действие всегда есть стремление отдавать жизнь и себя. Автор песни перевел переживания своей души в импульс филической жизни, чтобы в таком виде передать его. Направленность филической воли автора очевидна. Певец же, исполняющий созданную не им песнь, на первый взгляд, представляется потребителем чуждого вдохновения, повторителем подлинного творческого акта, невесомаго как эхо в пустоте, филически безвольно, несвободно. Казалось бы, тут не отдача, а потребление, и весьма схожее с эротическим потреблением. - Ничего подобного!

Один человек филической волей создал песнь, заложил в ней и отдал частицу себя. Другой человек пленился этой песнью, то есть так же, как и первый, филически отдал себя. Получить жизнь из филического поля можно только через культурное или моральное **самопленение**, осуществляемое филической волей в акте сотворчества: воодушевления, воспарения, восторга или просто вхождения души в известное состояние или настроение. Душевная переимчивость в морали или культуре требует таких же затрат творческой (сотворческой) воли и в духовном отношении столь же достойна, что и собственно творчество.

Более того, и в одном и в другом случае душа почти в одинаковой степени **становится на подзаряд** от источника филической жизни. Что такое филическое оживление, как не **дополнительная полнота жизни**, которой человек заряжается из филического источника. Стремясь отдать себя, душа охотно пленяет себя с помощью своей же филической воли, сама подключается для подзаряда и только тогда получает заряд филической жизни, который переживается как исток жизни из себя, ее трата и отдача.

Сопоставьте единичную энергию творчества автора песни и сумму энергии сотворчества ее многочисленных исполнителей. - Они несопоставимы. Энергию филической жизни певцы черпают, конечно, не из души автора песни, а из филического поля жизни. Автор же песни - лишь их **Проводник** в закрома филической жизни. Но без автора **труднее брать жизнь** из филического поля. А бывает, и невозможно взять.

Самобытной филической волей обладают немногие. Из хранилища филической жизни подавляющему большинству людей достались бы крохи, если бы между кладами этого пласта жизни и ими не существовали бы проводники и посредники: художники, философы, проповедники. Их дело - **средствами выразительности усилить филическую волю людей** до степени, при которой **они сами смогли поставить себя** на подзаряд, то есть смогли бы сами себя филически оживлять. Мы имеем все основания быть благодарны тем, кто предоставил нам возможность увеличения собственной полноты жизни в филическом самооживлении.

Усиливающие филическую волю средства выразительности искусства и мысли, к счастью или сожалению, рано или поздно устаревают. Выразительность приписана к определенному времени, к определенному моменту развития Общей души и рассчитана на современника. Она словно дряхлеет в бурях Истории и теряет силу. Только личностность и, значит, авторство может подольше сохранить ее. В редчайших случаях автор столь прочно внедряет себя в филический пласт Общей души, что надолго становится мощным действующим фактором ее и даже ее выразителем.

Филической волей, как и волей эротической, обладает самость человека. Чем сильнее филическая воля, тем, казалось бы, возможней и доступней слой культурной и моральной жизни, тем основательнее самость должна была бы переключаться на филическую жизнь с жизни эротической, подальше от ее ненависти и темного ОНО. Ставка людей нового времени на культуру, науку, мораль, "общественность", теоретически говоря, оправдывает себя с точки зрения эротического утишения самости. В веке же нашем получилось наоборот: филическая жизнь все более и более обслуживает жизнь эротическую, интерпсихическую, всегда в той или иной степени агрессивную, а, бывает, и гибельную. Что-то неладно в современной филической жизни людей, и мы в своем месте попытаемся найти ответ: что именно?

Изначально человек помещен в природное, эротическое и сторгическое поля жизни, но способен сам в себе превращать все эти виды жизни в жизнь филическую и выносить заряд ее в общее филическое поле, от которого он сам же потом и заряжает себя. На явлениях филической жизни есть след того рода жизни, с которого они в нее переведены. Красота природной жизни превращается в прекрасное филической жизни. Тем же путем эротическое оживление перегоняется в филическую влюбленность. Перевод сторгической жизни в жизнь филическую не столь очевиден, и потому их часто путают.

Случается, хотя и редко, что собственно сторгическая жизнь нарастает в человеке круто, но все же толчков и взлетов сторгическая жизнь не знает. Усилие сторгической жизни всегда сопряжено с принятием большой душевной ответственности и, следовательно, с утяжелением трудов души. Поэтому рост, скажем, добролюбия, сторгического добра в душе идет, как правило, незаметно, медленно, по ступенькам. Другое дело, филический моральный пафос, который легко узнается по горячности воодушевления добром, отчетливо схожим со страстностью творческого вдохновения. Когда человек упивается добром, как стихами, когда его этические переживания напоминают переживания эстетические (к которым лишь условно приложимо понятие внутренней ответственности), тогда, очевидно, он из капли подлинного переживания своей (а то и чужой) сторгической жизни репродуцировал для себя потоки сладостного филического оживления. Такое, конечно, возможно только при богатстве культурных и этических традиций, в хорошо разработанной филической общедушевности, к которой (а не к какому-либо другому источнику) и припадает воодушевленный "чистым добром" человек.

Запомним и предлагаем проверить правило: превращенный из сторгического в филический импульс жизни всегда резко усиливается и громко вопиет о себе в душе.

По степени духовной свободы филическое поле "выше" эротического поля и "ниже" сторгического поля. Поэтому на филических явлениях обычно совместно отпечатываются явления высшие, сторгические и низшие, эротические.

Обитая в отдельной душе, Общая душа требует от нее некоторого действия на себя. Чтобы стать вместе со всеми в общий интерпсихический строй, нужно личностное **самоотрицание**, при котором своя эротическая воля добровольно становится под начало Общей души. В сторгическом поле от человека требуется **самоотречение**, то есть отречение от благ жизни самости для осуществления блага сторгического единения. Переживание эротического самоотрицания, с одной стороны, и сторгического самоотречения, с другой стороны, в совместном переводе в филическую жизнь предстают в виде переживаний **самопожертвования**: отказа от благ жизни самости ради другого человека (благ его плоти или его самости), всего сообщества, общедушевности как таковой, Общей души в целом.

Общий строй Этноса эротически завладевает человеком. При филическом возбуждении душа начинает активно смешивать воедино свое сторгическое чувство жизни и свое материнское национальное чувство и в такой смеси переводить их в филическое чувство жизни. Чувство и сознание Этноса в филическом пласте самовозвышается, облагораживается, обретает высший духовный статус. Геройство патриотизма и восторг жертвы своей жизнью ради народа, братства, войска - филического свойства.

Самопожертвование свойственно филической жизни как таковой. Сколько принесено в жертву науке и искусству! Есть люди, которые ради сохранения самой по себе нравственной чистоты, готовы принять муки, во всяком случае воспринимают утрату своей нравственной стерильности как крах жизни. В творчестве любого рода, в каждом культурном действии человек стремится выдать из себя заряд филической жизни. Он ищет как через нее и в ней передать другим себя - всю свою филическую личность, часть ее, всего один ее мотив, что возьмут. Природа филической жизни предполагает жертвенность. Моральная жизнь и этическая воля в общедушевности столь же искренно жертвенны, как и творчество, как жертвенна творческая воля.

Самопожертвование и общая жертвенность филической жизни имеет глубокий смысл. Каждое движение жертвенности несет в филическое поле заряд жизненности, обогащая его. Душа филически вкладывает себя в то или иное излюбленное ею место

филического поля, которое сплошь усеяно ростками от того или иного рода филической жертвенности. Чем больше кладут жизней, скажем, на культуру, тем в буквальном смысле больше масса культурной жизни, ее ресурсы, ее объем, ее значимость в Общей душе. Филическая общедушевность распоряжается только тем, что "пожертвовано" ей отдельными людьми. Хотя жертвуют ей люди не обязательно бескорыстно.

Мы различаем лично-душевную и общедушевную стороны души. Если говорить о той стороне души, которая проживает в сфере филической общедушевности, то в ней прежде всего, выделяется одна душевная потребность. Человеку хочется, чтобы люди приняли от него его жертвенность и тем самым оценили плод его личной жизни. Эта филическая общедушевная потребность нередко сдобрена корыстью тщеславия или корыстным расчетом властолюбия, или сторгическими устремлениями, но сама по себе, в собственно филическом пласте жизни, она означает жертвенное желание отдать плод души своей другим **для корысти известности**.

Общественное самопожертвование - одна черта филической общедушевности. Славолюбие - другая ее черта. Эта черта, в отличие от первой, основана на желании получить филическую жизнь, но получить не по-эротически, не забирать под себя, не быть захватчиком филической жизни (что почти невозможно), а получать добровольно отдаваемое, брать филически жертвуемое другими - то, что они сами горят отдать и ищут как и кому бы.

Филическая жизнь распирает душу и при известной степени возбуждения рвется из себя так же страстно, как жизнь эротическая. Влюбленный взгляд выражает филическое ожидание: возьми мою жизнь в жертву себе и сам пленись жизнью во мне. Вся морально-культурная сфера строится на том, что на нее со всех сторон изливаются потоки филической жизни, которые **ищут своего адресата**. Филический заряд идет от самости и ищет тоже самость, в которую хотелось выстрелить и попасть этим зарядом. В филическом поле жизни имеются специальные места для адресатов, которые должны быть, которые не могут не быть тут по самой сути филической общедушевности.

Жадные до славы люди конкурируют между собой за то, чтобы занять то всегда ограниченное число мест в филической общедушевности, к которым могут направляться филические ручки. Вот для чего им нужно любым путем добиваться известности. Любая выставленность одного лица на обозрение всех уже ставит это лицо в положение потенциально близкое адресату векторов филической жизни людей. Творческая воля взвинчивается от желания занять место **центра филической общедушевности** и стать им.

Искусный писатель усиливает филическую волю читателей своим творчеством, адресуя ее при этом на самого себя. Геройство подвига или самопожертвования, вызывая восхищение, фокусирует на себя потоки филической любви. К тому же стремится и публицист, и проповедник, и телевизионный комментатор, и вообще каждый, кто имеет дело с публикой.

Обычно филическая общедушевность забита разного сорта личностными центрами. Для них в ней нет свободных мест. Хотя есть мертвые филические центры, которые некогда активно воздействовали на своих современников, но теперь, хотя и не вычеркнуты из общедушевности, но "постарели" и никого уже не притягивают к себе. Среди других центров есть и такие, которые заняли это место на год, и такие, которые заняли его на столетия. Последние обычно выставляются в качестве образцов, достойных быть главными центрами филической общедушевности. Таковы герои национальной Истории, некоторые из канонизированных святых, искренне почитаемые миром, всеми признанные и любимые писатели; таков Пушкин для русских, Шекспир для англичан.

Драматургия Шекспира в наибольшей степени распахивает перед душой ворота филического поля жизни, не предрекая при этом, **это** именно каждый может или должен взять себе за этими воротами из массы зарядов филического поля. Поэзия и проза Пушкина до того выразительны и без усилий благородны, что от них мигом загорается филическая воля каждого говорящего на русском языке. Понятно, почему Шекспир и Пушкин на столетия остаются живыми адресатами филических устремлений людей. Вопрос в том, почему они становятся общедушевными святынями, без которых, всем кажется, люди остались бы обездоленными? В чем тайна особой общедушевности

избранности их, какой смысл этой избранности, ставящий филический центр на центральное место в Общей душе? Если таково таинство национальной жизни, имеющей свой высший Центр и трепетно хранящей его, то почему он помещен в филическое поле жизни? Как такое становится возможным?

Огромное большинство религиозных культурных людей нашего времени не столь верят в искупление первородного греха, сколь восторгаются Славой Бога-Сына и умиляются представлением грандиозности Его Жертвы. Их восторг и умиление на Его жертву и славу как раз и указывают на то, что христианские переживания их все того же, филического качества жизни. Иисус для них являет высочайший, небесно-земной ("Богочеловеческий") Адресат их филической жизни. Богословы и религиозные философы всесторонне разработали именно такой Божественно-филический образ Христа, занимающий вершину Олимпа филической жизни как таковой. В молитве христианствующей души ныне филический порыв там, где место вдумчивому духовному углублению для серьезного и ответ-ственного общения человека и Бога.

А к Пушкину в России сегодня отношение вполне религиозное. Он - светило, задеть которое означает оскорбить народ. Филический адресат занимает место, которое ему не по чину. Разве **кто** его место? Что за путаница?

12(17)

Соборный разум - верхняя, духовно-свободная составляющая общедушевного разума, содержащая ответы на главные вопросы человеческой жизни, и то ведение Бога, Мира, Жизни, Истории, самого себя, которое определяет основные задачи жизнепрохождения. Говоря о ведении Бога, Мира и самого себя, я имею в виду не мистическое знание тайн основных Сущностей, а то высокое знание, которым устанавливается положение общественного человека в отношении основных Сущностей.

Прежде всего, это взгляд человека на своего Бога, на Его отношение к человеку и на отношение человека к Богу. Это и основа мировоззрения человека, то есть тех его представлений о Мире, из которых вытекает направляющая установка отношения к Миру. Это и основа жизнепонимания человека, из которой вытекает его понимание своей задачи в жизни, ее целенаправленности и смыслонаполненности, должного прохождения пути жизни от рождения до смерти и понимание основных ценностей на этом пути. Это и отношение человека к смерти и посмертному существованию, в том числе и вопрос спасения. Это, наконец, общие представления человека об Истории, ее процессе, ее цели и ее завершении.

На такого рода вопросы человек, вообще говоря, способен искать ответы сам, не прибегая к соборному разуму. Но сейчас мы говорим только о данных **общедушевного** разума, которые выдаются и даже навязываются всем. Соборный разум несет в себе сверхистину, истину религиозную, которую душа принимает **верой**. Вера - высшая степень и высшее качество убежденности, раскрывающей глубинное ведение, то есть истину. Вера **исповедует** Истину. В исповедании Истина соборного разума внедряется в отдельную душу.

То самое, что в действии этнического разума есть убежденность общежитейского знания, то в действии соборного разума есть Вера. Отдельная душа верой сознает и признает общедушевный соборный разум.

Верхняя половина Общей души объединена в целое под лучами соборного разума. Собором мы называем общедушевленную целостность филической и сторгической жизни, высвеченную соборным разумом. Люди объединяются в Вере и Истине соборным разумом, который светит сквозь их общую сторгическую и филическую жизнь так же, как этнический разум светит сквозь жизнь психическую и плотскую.

Свечение соборного разума сквозь филическую жизнь мы обнаруживаем в "идеях" и "принципах" культурного мира и в тех общих "законах этики", которые обеспечивают морально-культурную солидарность общества. В каждом новом поколении истина соборного разума каждый раз обкатывает себя в филической общедушевности, а в некоторых поколениях как бы даже заново обкатывает себя. Духовный рост соборного разума, по-видимому, использует филическую общедушевность в качестве своего испытательного полигона. Борьба "идей", моральных установлений и ценностей **внутри**

остающейся единой Общей души - вот обычная работа соборного разума на своем собственном филическом полигоне.

Филическая общедушевность выдвинута Общей душой впереди себя, на сообщение с другими Общими душами. И потому чужой соборный разум, пытаясь завладеть другой Общей душой, внедряется именно в ее филический слой. Так что филический пласт есть еще и область столкновения между своим и чужим соборными разумами. Повидимому, и эта "брань духовная" так же необходима для роста соборного разума. Застой в саморазвитии соборного разума опасен и прежде всего свидетельствует о творческом бесплодии или лени филических волей Общей души.

Творчество филической жизни "обличает" соборный разум, позволяет видеть невидимый предмет вероисповедания, соборную Истину. Ведение соборного разума светится видениями и видениями филической жизни. Это нормально, когда филическая жизнь направляема и контролируема соборным разумом.

Этнический общедушевный разум, внедряясь в эротическую волю, не нуждается в ее запросах и насильно завладевает ей. Соборный разум вносится в творчество (сотворчество) человека, воздействует на филическую волю иначе. Чтобы получить в свое распоряжение истины соборного разума, их надо добыть творческими усилиями, хотя бы проявить духовную пылкость, спросить самому у себя, вопросом в душе запросить соборный разум. Иначе он не выдает ответ. Этнический разум сам собой берется на вооружение людьми, данные соборного разума люди творчески ищут. Располагая богатством религиозной и мировоззренческой мудрости, соборный разум не бросает ее куда попало, а выдает в строгом соответствии с усилиями филической воли и веры запрашивающих его. Так что вернее сказать, что филическая жизнь самообъединяется в общих усилиях постигновения соборного разума, а не приводится им к соединению.

Являясь частью общедушевного разума, соборный разум замкнут с этническим разумом. Наиболее жесткая часть вероисповедальческих установок соборного разума как бы спускается вниз, в этнический разум, где складываются результаты жизнедействий несвободных сознаний всего сообщества. Соборный разум в тех случаях, когда он принуждает душу и диктует воле, делает это не непосредственно от себя, а через нижнюю половину Общей души, через Этнос.

Еще раз вспомним, что самость укоренена сразу в двух половинах Общей души: в филическом пласте Собора - вверху и эротическом пласте Этнуса - внизу. Самость обладает как филической волей, запрашивающей соборный разум, так и эротической волей, нуждающейся в жестких установках этнического, а через него и соборного разума. Когда эротическая воля самости подминает ее филическую волю, то соборный разум не может действовать иначе как диктаторски. Жесткие установки соборного разума, тем или иным путем достигая эротической воли, переводятся отсюда в филический слой души, гипертрофируясь, как обычно, и мощно задействуют филическую волю, делая человека фанатиком. Религиозный фанатик обычно управляем с эротической стороны, и вера его особая, пропущенная через "низ", через Этнос.

Через Этнос же соборный разум в состоянии воздействовать на магическое сознание. Симбиоз соборного разума и магического сознания порождает дикие (в прямом смысле слова) суеверия и всяческие "верования", вносящие языческую стихию в высшие религии. Это своего рода отравления Общей души. Воспринявшая "верования" магического сознания филическая общедушевность наиболее консервативна и, по сути, перестает быть рабочим полигоном соборного разума. Стагнация соборного разума ведет к ужесточению его установок и, следовательно, к усилению Этнуса и ослаблению Собора. Общая душа перекашивается. Перекошенной Общей душе нелегко проходить через бури Истории, испытывающие ее на полноценность и прочность.

Если по каким-либо причинам жизнь в филическом поле усиливается в условиях стагнации соборного разума, то это приводит к самоутверждению филической воли через отказ от принудительности вероисповедания, переживаемого как диктат. Освобожденная филическая воля взвинчивается, филическое поле все более и более оживает, входит в самодвижение и самоцентрируется. Филическая жизнь выбивается

из своей Общей души, стыкуется с филической жизнью в других Общих душах и утверждает себя уже в рамках всей цивилизации, вне сродственных общедушевных связей. Идеи, саморазвиваясь без направляющего влияния соборного разума, превращаются в "идеологии", которые подменяют истины соборного разума. Мораль, более не имея соборного критерия, обсуждается с какой-либо филической - общедемократической, рациональной и прочее - точки зрения. Филическая жизнь все более и более возносится над общедушевностью, все более и более отрывается от подлинности жизни, все более становясь особой внеобщедушевной областью жизни.

Переносясь в такую, накатанную несколькими веками особую душевную сферу, человек нашего времени покидает поприще действительной рабочей жизни и попадает в омут мнимой жизни, в "как бы жизнь", душевно праздную и развращающую. Нормальная филическая жизнь души становится **мнимодушевной** жизнью.

Когда вы сегодня читаете талантливо написанную книгу по общим вопросам психологии, социологии, педагогики или о жизни, мироздании, наследственности, то вам невольно начинает казаться, что вы понимаете то, что чаще всего ни вы, ни автор книги, да и вряд ли кто другой сможет понять. Чуть ли не всякий человек нашего времени, пусть по-разному и в различной степени, но обязательно живет в такой сфере сознания, переводя себя в которую он начинает понимать то, что его пониманию недоступно. Обозначить какое-либо и особенно новое (и потому неведомое) явление, назвать его каким-либо (желательно странным) словом уже значит, не понимая, понять его. Мы все сплошь и рядом произносим слова в подмену осмысления, сочленяем эти слова и сами варим свой ум в их пару.

Нынешним людям уже столь необходима мнимодушевная сфера жизни, что они создали целую индустрию мнимодушевности на все свои чувства и мысли, на все случаи жизни. Искусство, наука, культ, идеология не просто пропитаны мнимодушевностью, а выражают ее и ею являются.

Мы, не любя, как бы любим; не творя, как бы творим, воодушевляемся без воодушевления, верим, во что не верим, и часто сами не можем разобрать, где действительное, где мнимое. Явление это всеобщее, всестороннее и охватывает все области современного человека.

Нельзя, чтобы человеческий свет филической жизни превратился в мнимодушевное освещение, сквозь которое смутно виден соборный разум. Филическая жизнь только тогда на своем законном месте в Общей душе, когда ее филическое направление и развитие назначаются соборным разумом и само питает его рост своей работой. Иначе - беда: становясь мнимодушевной, филическая стихия жизни, наподобие стихийного бедствия в природе, в состоянии разрушить Общую душу, а вернее - ее верхнюю половину, ее Собор.

13.(18)

В эротическом пласте жизни человеческое "я" замкнуто в самости и ниже самого себя. В филическом пласте жизни "я" выбивается из самости и выше себя. В сторгическом пласте жизни "я" вне самости и равно самому себе. Более того, в сторгическом пласте жизни "я" не только равно самому себе, но и равно "другому я", ближнему своему, к которому обращается во втором лице - "ты".

В сторгическом поле духовной близости "я" и "ты" складываются и совмещаются во взаимной душевной ответственности, в со-жизни целостного "мы", обладающего своей собственной одушевленностью, основанной на обладании одним и тем же чувством ближнего.

Сторгическим чувством ближнего обладает "мы", которое сообщает его каждому входящему в него "я". Всякая душевно состоявшаяся семья имеет особый семейный стиль одушевленности, свое чувство семейной близости. Взаиможизнь религиозной общины спаяна особым, только ей свойственным чувством братства. Каждая нация обладает своим национальным общедушевым стилем одушевленности, выражающим особый тип сторгической солидарности, которым живет ее Общая душа. Национальная одушевленность из века в век сохраняет свой характер переживания радости и боли ближнего, свой образ любовности, добропорядочности, ласковости,

душевной ответственности и жалости; и, конечно, свой особенный стиль самоотреченности - во всех ее ступенях, начиная с простой вежливости и предупредительности повседневного общения и кончая высшими образцами самоотреченного прохождения всей жизни.

Соборный разум светит не только сквозь филический, но и сквозь сторгический общедушевный слой жизни. В филическом слое соборный разум лучше всего виден в идеях и принципах; в сторгическом чувстве ближнего соборный разум являет себя правящим в нем сугубо национальным **сознанием справедливости**.

Естественно, что закон справедливости устанавливался соборным разумом для всей национальной Общей души. Для этнического разума закон справедливости есть то основание, которое из глубины обеспечивает его установления. Филическая общедушевность превращает этот закон в моральные общественные принципы и идеи, на которых строится юридическое право. Одна сторгическая общедушевность **непосредственно** принимает в себя установку справедливости от соборного разума. Чувство ближнего обязательно включает в себя чувство справедливости. Чувство справедливости, правящее в общедушевном чувстве ближнего, переживается **сторгической совестью**, требующей справедливости между "я" и "ты", их взаимной душевной ответственности и самоотреченности.

Мы все знаем, что такое сторгическая совесть. Но знаем в своей частной жизни, по опыту своих личных сторгических связей. Что же такое сторгическая совесть в общедушевном мире, людям, обществам, народам еще не ведомо. Без полноты переживания общедушевности сторгической совести не может существовать общество, основанное на любви к ближнему. Ни один народ, ни одна Общая душа в нашем мире не доросла еще до той духовной зрелости, при которой в обществе вполне задействуется сторгическая совесть, а, значит, и любовь к ближнему. Так что чувство справедливости, действующее в нашем ощущении общественной жизни, - лишь отдаленный образчик того далекого состояния сторгической общедушевности, на которое в заповеди любви к ближнему указывает Библия.

Как бы то ни было, у каждого народа своя особенная сторгическая совесть, свое выражение ее в чувстве ближнего и своя особенная (а то и не одна) филическая трансформация ее. В представлениях, идеях, принципах общественного и социального равенства (или установленного неравенства) сознание справедливости представлено как через трансформацию сторгической совести, так и непосредственно от соборного разума. Сознание справедливости, таким образом, пронизывает все инстанции верхней половины Общей души.

Подобно тому, как тщеславие есть сознание Этноса, так Справедливость есть сознание Собора.

Слово "правда" в русском языке означает и "истинность" и "справедливость". Жить "по правде" означает жить по справедливости и жить в соответствии с Истиной и Верой, то есть по установлениям соборного разума. Толстой говорит об особой черте русской сторгической жизни, проявляющейся в "готовности полной жертвы всем во имя того, что считается религиозной истиной". Конечно, Толстой имеет в виду не филическое самопожертвование самости, а часто грубо понятое самоотречение от самости, которым возвращается сторгическая жизнь. Русские сектанты оскотпляли себя в соответствии с грубо понятой религиозной истиной. Но дело все же не столько в их понимании истины, сколько в силе их **веры**. Именно вера давала силу воли, давала **волю** совершить оскотпление. Давала, разумеется, волю не филическую и не эротическую, которыми действует самость, а другую волю, которая способна абсолютно подчинить себе филио-эротическую волю на акт самоотречения и которая не принадлежит самости. Такова **сторгическая воля**, вызываемая свечением **веры** через сторгическое чувство жизни.

Мы все знаем сторгическую волю в себе. Воздействие Веры на чувство ближнего вызывает специфически сторгическое переживание - волевое переживание **верности**. Именно сила верности религиозной истине заставляла скопцов оскотпляться. Той же силой сторгической воли производится и любое другое отречение от самости. Самоотречение и верность всегда вместе работают в сторгическом чувстве ближнего. Любой сторгический союз, а тем более сторгическая общедушевность, крепок

верностью. Верность - воля, мощью которой в действительности осуществляется сторгическая солидарность.

Да, любое явление сторгической жизни обязательно филически перенимается и переиначивается. Но тут случай особый, так как превращению подлежит воля; и более того - воля общедушевная, действующая в силу сторгической близости душ.

На филическом уровне сторгической верности соответствует волевое переживание преданности. Преданность имеет свое общедушевное филическое обеспечение, свой кодекс, но не он филически подхватывает и выражает общедушевную сторгическую волю, хотя и может быть окрашен в тона религиозной веры и истины.

14.(19)

Любить друг друга агапической любовью, тем более группе людей сразу - чудо для конца времен. Читая некоторые описания, у меня создалось впечатление, что первохристианская община была не агапическим, как принято считать, а сторгическим союзом, братством отрекшихся от животности и самости людей, связавших себя тяготением взаимной душевной ответственности, сторгической любовью.

Община древних христиан издавна представляется воплощением одной верхней половины Общей души, Собора, без нижней половины, без Этнуса. Община эта была объединена общей верой, общей истиной и своей особой сторгичностью. Распоряжалась она и интеллектом иудаизма и филическим слоем язычества. Но всего этого для полноценной жизни Собора мало. Нужно еще, чтобы сторгический союз был объединен в вере и истине **вокруг** некоторой высшей духовной точки. Первые христиане были сторгически объединены соборным разумом во Христе. Иисус реально переживался как глава общины.

Сторгическому объединению для его существования необходимо иметь - реально или в воображении - свой сторгический Центр. Семейная сторгия всегда берет себе в качестве образца семейной одушевленности личностный стиль одушевленности кого-то одного, по смерти которого сторгическое единство семьи заметно ослабевает, дробится. В религиозной общине или секте место Центра сторгического союза занимает наставник, пастырь, учитель, гуру, образ личности которого оказывает решающее влияние на стиль одушевленности конкретного союза.

Сторгический союз основан на верности, общей вере и истине и жив самоотречением и взаимной душевной ответственностью. Сторгический лидер должен прежде всего являть образец самоотверженности и высшей душевной ответственности, которому стремится подражать каждый сторгический брат. Сторгический лидер - **центр душевной ответственности** и ответственности **за всех**. Он же либо Божественный Источник, либо по крайней мере - высший носитель Истины и Веры, то есть Источник или носитель действующего соборного разума.

О сторгическом ближнем говорится во втором лице: "ты". О сторгическом Центре так не скажешь. И не только потому, что Источник или высший Носитель Истины неизмеримо выше рядового "я". А потому, что он одновременно и "Я", и "Ты", и "Вы", и "Он", и "Мы", и сверх того еще что-то.

Сторгический Центр есть высшая инстанция сторгического ближнего. Сторгический Центр сознается всем сторгическим союзом как тот, на ком фокусируется жизнь всего союза.

Сторгическое поле жизни строится конусом. В семье или общине конусность сторгии видна отчетливо. В общедушевности она менее заметна. Но сторгия Общей души вообще трудно вычленима из слитности всех полей жизни Общей души. Каждый народ, будучи природно-человеческим объединением, обладает материнским национальным чувством.

Это тот фундамент, на котором выстроен его дом. У каждого народа есть свой общедушевный разум, по указаниям которого его дом возводился и продолжает строиться. Но каждый народ - если он народ, а не людское скопище, - объединен еще и сторгически. Общедушевная сторгичность - и несущий каркас народного дома, и его крыша.

Народу, чтобы быть живым, надо, чтобы каждый знал в другом ближнего своего, перед которым он душевно ответственен. Солидарность взаимной душевной ответственности, как и природная интерпсихическая солидарность, переживается национальным чувством. Но не материнским, а **отцовским национальным чувством**. Первое связано с Этносом и обращено к матери-Родине. Второе связано с Собором и обращено к сторгическому Центру как своего рода Отцу. Материнское национальное чувство и отцовское национальное чувство составляют вместе **чувство жизни Общей души**.

Материнское национальное чувство в Общей душе заявляет о себе явно и бесспорно. Сторгическую общедушевность, хотя и сложно, но можно описать и признать в качестве одной из основ национального чувства. Сокрыто от глаз только то, что это не просто сторгическое, а отцовское национальное чувство, что оно имеет Лицо, к которому оно обращено, и Лицо это - не то лицо Родины, к которому обращено материнское национальное чувство.

Каждый человек несет в себе некий особый сторгический образ. Это образ "настоящего русского человека", если вы русский, или "настоящего грузина", если вы грузин. Образ дан в **чувстве**, и именно в чувстве ближнего, в сторгическом чувстве.

Как есть не имеющий внешности сторгический образ, который затем находит (или не находит) себя в любви и дружбе, так есть **личный сторгически желаемый образ** любимого, любимой, друга, так есть и общедушевный сторгический образ ближнего **бвоего**. У человека сильной сторгической воли образ этот живой и яркий, у человека слабой сторгической воли, не любящего жить в своей сторгической общедушевности, образ этот вял и туманен. Но есть почти всегда и почти в каждом.

Сторгический образ ближнего своего - это не образ какого-то другого человека, это - образ "ближнего", "другого я", то есть по сути свой собственный образ в общедушевной сторгической жизни. Сторгический образ ближнего своего есть образ **себя самого**, но себя, конечно, высшего, в совершенстве сторгически осуществленного, себя такого, каким самому нужно бы стать в общедушевной сторгической жизни. Сторгический образ ближнего своего по своей природе **идеален** и служит идеалом ближнего своего. В нем - все, что любят, что сторгически желает и ждет каждая душа.

В "Войне и мире" Толстой отчасти вывел себя в Безухове, а свой сторгический образ русского человека - в Каратаеве, который на всю жизнь остался для Безухова учителем жизни, его духовно-сторгическим идеалом. Идеальные переживания общедушевного образа всегда указывают на гипотетический сторгический Центр. Отцовское национальное чувство и есть чувство переживания сторгического Идеала, воплощение которого каждая душа желала бы иметь **во главе** всего общедушевного единства жизни.

Каждая душа в степени, соответствующей ее сторгической воле, с большим или меньшим нетерпением желает иметь и **иметь зримым**, "воплощенным" свой идеальный сторгический образ. Берусь утверждать, что всякая Общая душа желает **видеть свой сторгический Центр**. Это с одной стороны. А с другой стороны, по отцовскому национальному чувству Общая душа как бы восходит к своему сторгическому Центру, имеет его в своем истоке, истекает из него.

Стремление видеть и иметь Отца Общей души возбуждает религиозное воображение. Образ Отца так или иначе становится объектом религиозно-художественного творчества человека. По созданным в таком творчестве религиозным "кумирам", по богам народа можно, наверное, судить о стиле сторгической одушевленности этого народа. Но надо иметь в виду, что само по себе религиозное творчество человека не есть то творчество, волей которого создается искусство, - **не творчество филическое**, которое только наряжает религиозное творчество, делает его религиозно-художественным. Данные религиозного творчества передаются внутри Общей души как опосредованно, через слово и искусство, по каналам филической общедушевности, так и непосредственно **из души в душу** по сторгическим каналам, **сторгическими каналами сообщения** Общей души. Религиозные мифы древних народов - не более, чем разукрашенная скорлупа от их **живой религиозно-сторгической общедушевности**. Само религиозно-сторгическое творчество творит не произведения искусства, а **Произведения жизни**, жизни живого человека и живой Общей души.

Отцовское национальное чувство Общей души - религиозно-сторгическое чувство. Именно оно есть **чувство жизни Собора**. Собор чувствует свой сторгический Центр, и Центр этот по его чувству ответственен за справедливость в обществе. О чем Собор громко возвещает своими национальными средствами выражения религиозно-художественного творчества. Таким образом, "Отец" на вершине конуса сторгической общедушевности есть еще и **центр душевной ответственности за справедливость**, заданную соборным разумом.

Кто же субъект верности то, есть общедушевной сторгической воли? Соборный разум? Да, он светится в сторгической общедушевности через сторгический образ ближнего, быть может, даже высвечивает Центр Общей души, но не он есть субъект общедушевной сторгической воли.

Субъектом верности является та самая инстанция в душе, которая производит религиозно-сторгическое творчество жизни. Верность, по сути, явление религиозное, вероисповедальческое. Но ею же, как сторгической волей, осуществляется в реальности сторгическое складывание, образующее в итоге верхнее общедушевное поле жизни. Сторгическая воля привязана к тому самому месту в душе, которое в религиозном творчестве устремлено к Отцу Общей души, которое образует сторгическую общедушевность и творит произведения сторгической жизни Общей души. Стиль одушевленности сторгической солидарности, характер сторгической воли, сторгический образ ближнего своего, религиозно-художественное творчество Общей души, ее соборный разум, ее сторгическая совесть - все это **совпадает** в идеальном образе Отца и ждет его.

Сторгическое складывание душ - не складывание предметов в кучу или людей в толпу, не "один плюс все", а один, малая единица плюс к другой большой единице. **сторгическое складывание идет через идеальный образ Отца Общей души**, в переживании отцовского национального чувства. В этом смысле **Общая душа творится по образу своего Отца**.

Этот глубинный потаенный процесс, если не форсировать его, идет в историческом времени чрезвычайно медленно и неустойчиво. Единый сторгический образ ближнего своего и идеал Отца отчасти дается при рождении, отчасти воспитывается в родственной общедушевной стихии, но не задается с очевидностью и меняется от поколения к поколению, а то и в продолжение жизни одного поколения. Укрепить этот хрупкий процесс, сделать его необратимым и спорым, быстро включающим в себя всех вновь прибывающих в Общую душу людей, можно разными путями. Но легче всего - выразить духовный образ Отца Общей души в зримых человеческих чертах, **воплотить** духовное, Отца, в плотское, человеческое, явить дух во плоти и сделать его объектом и сторгической воли, и разного рода творчества.

15.(20)

Общая душа состоит из двух половин: нижней, Этнота, и верхней, Собора. Этнос расположен в природном и интерпсихическом полях жизни и направляется этническим разумом. Собор расположен в филическом и сторгическом полях жизни и направляется соборным разумом. Сторгическая общедушевность конусом обращена к своему центру и вершине. Но это **центральное** место Общей души существует только точкой, как духовное место, как Центр душевной ответственности и справедливости. Вершина Общей души **не занята** и, видимо, может быть занята только под конец Истории и в ином течении исторического времени. Общие души в Истории живут без Отца, в сиротстве.

В силу отцовского национального чувства Общая душа стремится к Отцу, желает быть с ним во главе. Вот это **неудовлетворенное чаяние Общей души об Отце** отчасти и ведет к зарождению душевных, вернее, общедушевных оснований власти.

Люди в качестве существ общедушевных желают в настоящем иметь, знать и видеть Отца Общей души. Как так: его место - есть, а его самого - нет? Общедушевные переживания сторгического Отца как общенародного центра ответственности за полноту, достоинство, за солидарное и справедливое проживание национальной души, находя

какого-то адресата, тем самым форсируют процессы **сторгического оживления нации**, во всяком случае в пору ее активного становления. Первыми суверенами наверняка были патриархи племени или народа, его старейшины, имеющие родовой статус Отца.

Нечеткое **сторгическое сознание** места Отца как центра общедушевной ответственности и справедливости только закладывает основания для модели власти. В самой по себе сторгии, основанной на любви к ближнему, власти нет. Правда, есть еще сторгическое сознание Отца, точнее сказать, места Отца, которое может быть наполнено образами в результате религиозно-художественного (филического) творчества. Сторгическое сознание Отца **Общей души**, высвеченное в необходимой степени религиозно-сторгическим творчеством, неизбежно вызывает порыв **сторгической любви** к Отцу, которая тем самым становится основным фактом религиозной жизни народа. Отца **Общей души** любят той же самой сторгической любовью, которой любят ближнего своего, только неизмеримо сильнее - всем сердцем, всей мощью сторгической воли (верности). Общедушевное религиозное чувство - высшая степень сторгического чувства, может быть новое его качество, но не иная, высшая, агапическая любовь, которая вне рамок **Общей души** и над нею. Моисеева любовь к Богу - чувство общедушевное, народное, авраамово.

Религиозное общедушевное чувство любви к Богу могло, наверное, стать основанием власти. Но **такое** основание власти прямо не вытекает из структуры **Общей души**, хотя как возможность и заложено в ней. Возможность эта, как известно, только единожды реализовалась в древнем мире. Из Библии мы подробно знаем, как это было и как развивалось еврейское общество под воздействием общедушевного религиозного чувства. Кроме одного этого исключительного случая в Истории, все остальные **Общие души** до христианской эры не ведали, что такое любовь к Богу. А власть, языческую власть, разумеется, имели.

Власть, рожденная из общедушевной религиозной любви, не та языческая власть, душевные основания которой мы ищем. Всегдашняя уловка властителей - возводить свою власть к Божествам - указывает на то, что боги наделялись властью от людей. При наличии, конечно, самих представлений о власти и подвластности в обществе. Общедушевную механику возникновения таких представлений мы, в частности, и попробуем понять и вчерне проследить.

Само по себе смутное сознание места сторгического Отца модель власти в сознании человека заложить не может. Этому "сознанию места" мы обязаны сознанием духовной ответственности **Общей души**, которое может перейти в **сознание суверенности народа**, которое в свою очередь способно персонифицироваться в Суверена, как **магического** покровителя **Общей души** народа (а то и города, даже деревни).

Как отцовское национальное чувство стыкуется с материнским национальным чувством в единое чувство жизни **Общей души**, так и сознание сторгического Отца на вершине **Общей души** стыкуется с магическим сознанием в природно-человеческом фундаменте ее. Вот этот сплав верхнего и нижнего, сторгического (духовного) и магического (природного) сознаний в некоторой мере и закладывает в души сознание власти. Именно **магическое сознание**, накладываясь на духовное сторгическое сознание, составляет одно из главных душевных оснований власти. Мы это ясно видим на тех одновременно магических и священных символах власти, которые С.Франк считал выражением социальной мистики государственности. В силу магического сознания человек не критичен к власти.

Магическое сознание в **Общей душе** производит со сторгическим сознанием места Отца то же самое действие, которое в ином случае производит с ним религиозно-художественное творчество, - высвечивает его. Но не до любви к Богу, как в последнем случае, а до природной любви, любви-вожделения к **Власти**. Общедушевная **любовь к власти** столь же схожа с религиозным отношением к Богу, как похоть схожа с религиозной любовью. Я не говорю, что этого сходства вовсе нет (смотри Песнь Песней), но оно таково, какое оно есть: духовное благо в исполнении Воли Бога, с одной стороны, и душевно-похотливое удовольствие подвластностью Суверену с другой.

Впрочем, **чувство** подвластности может широко развиваться в человеке только при наличии **представлений** власти и подвластности. Без них чувство подвластности лишь

предпосылка властвования, душевная готовность к нему. В Общей душе непременно должно быть еще и другое основание власти, на которое мы укажем во второй части книги. Но как бы то ни было, рискуя утверждать, что сама по себе государственность создается по модели **филически воображаемых** взаимоотношений между властью и народом.

Требования власти, всем кажется, исходят как бы даже не от людей, а от каких-то особых высших существ, которых называют Начальством, Правительством, Монархом. Модель института власти создана не Богом и не Природой, а филической творческой волей **человека** - той самой, которой он создает культуру, свой интеллект и цивилизацию.

16.(21)

Власть это не каратель, не вертухай на вышке, вообще не принудитель. Государственная власть - это **начальство**. Должность. Чин. Звание. Сан. Посадите кого угодно в начальственное кресло, и он в 99 случаях из 100 начнет меняться на глазах. В нем появится начальственная повадка, которая в данном обществе принята для людей власти. Кажется, что он наполняется изнутри скрытыми водами общественной значительности. Изменился лишь его статус, и он ощущает себя выше тех, в среде которых он на равных много лет жил. Но самое интересное, он сам чувствует себя явно **выше себя**. Напускное? Нет. Он действительно в чем-то **становится** выше, исполняется сознанием власти, ее силой и достоинством, ее особым сановным взором, подразумевающим высшее знание, дающее ему **внутреннее** право указывать и повелевать. Лишите его кресла - и он в самом себе лишится этой начальствующей силы. Опять посадите - вновь обретет ее. Причем, преобразования эти в основе своей произвольны и глубинны. Вместе с властью в человека поступает заряд активности жизни, он реально заряжается и чувствует приток жизненности в себе, - не поддельно, а подлинно **оживает душой**, обеспечивается дополнительной силой и полнотой жизни.

Вы скажете, он играет социальную роль и оживает от исполнения этой роли? Конечно! Только он входит в эту роль так, как погружается в нее, что оживает не условно и не поддельно. Он занял то **место** в государственной жизни, откуда можно выбирать на себя заряды дополнительной полноты жизни. Какой же жизни? Той самой, свежими ресурсами которой пользуется талантливо перевоплотившийся в героя актер на сцене. Когда талантливый актер играет владыку, то зрительный зал вместе с партнерами актера ощущает нечто схожее с трепетом перед его взором. И зал и актеры в тот момент вместе живут единой филической (здесь: сценической) жизнью.

Актер отличается от других тем, что обладает способностью по желанию и на время вытягивать на себя воды филической жизни и временно ими жить на сцене, как в подлинной жизни. Начальник, в отличие от него, живет не "как в подлинной", а в подлинной жизни, но "как на сцене". И получает ресурсы филической жизни не для сцены, а для исполнения важной государственной функции в реальностях **особой сферы филической жизни - жизни государственной**. Государственная жизнь потому так и театральна, что она и сценичность - в одном и том же пласте жизни.

Филическое "наваждение государственности" лучше всех чувствовал Лев Толстой. Государственность для него - дурная общественная сценичность, сцена, на которой люди ловко и зло играют власть и подвластность. Проснитесь все, призывал Толстой, взгляните и увидите, что это не подлинность жизни, что это фикция; уберите властвующих, как актеров со сцены, и, поверьте, ничего не изменится!

"Как удивительно, - переводил Толстой Монтескье, - что короли так легко верят тому, что в них все, и что народ так твердо верит в то, что он ничто". Действительно, загадка. Но загадка до тех пор, пока мы не усвоили, что народ и **Его** король состоят в

единой филической общедушевности и живут вместе по ее канонам. Король занимает место **филического Центра** Общей души и **по положению** (по чину правителя) является тем лицом, которое фокусирует на себя вектора филических волей всех живущих в данной общедушевности людей. По природе филической жизни все они добровольно направляют к нему - и в него - заряды филио-государственной жизни. Правитель принимает их в себя, ими заряжается и от обладания всей полнотой филио-государственной жизни "легко верит", что он - "все".

Король не только филический Центр государственной жизни, он еще основное и самое ценное **произведение творческой воли** всей государственно-филической общедушевности. В филическом мире государственности король то же самое, что величайшее, заглавное произведение искусства в филическом мире культуры. Работает на короля и **идея** легитимизма - светящийся в филическом поле луч, идущий со стороны соборного разума.

Образом вождя, созданным творческой энергией филио-государственной жизни всего народа, подданные **самопленяются** так же, как они пленяются любым другим созданием филического творчества. Разница лишь в том, что государственная жизнь есть **самый доступный** разряд филической жизни, для включения в которую не требуется ни талант, ни специальные усилия творческой (со-творческой) воли, ни язык культуры, ни обладание понятийным аппаратом для, скажем, восприятия этической идеи. Навыки, позволяющие душе легко включаться в государственную жизнь, подсознательно обретаются магическим сознанием с детства. Жить филио-государственной жизнью охотно помогает магия власти, поражающая воображение театральной силой почестей, роскоши, могущества, всеми магическими своими символами и прочими **средствами выразительности** власти, усиливающими филическую волю людей до степени, при которой они сами себя могут просто и легко ставить на подзаряд от этого рода филической жизни.

Хочу подчеркнуть, что орудия выразительности власти направлены на усиление именно филической воли государственной жизни людей, а не на их эротическую волю, действующую в интерпсихическом строю государственности. Однако самой по себе энергии филической жизненности и филической воли, как мы знаем, неоткуда взяться, как только из поля сторгической или из поля эротической жизни.

Филическая энергия государственной жизни вырабатывается человеческой душой прежде всего из источника интерпсихической общедушевности. Устрашение (то есть сам по себе образ насилия, внедренный в души), как мы говорили выше, во-первых, превращает естественный эротический страх в темное ОНО, и, во-вторых, форсирует всю наличность жизни эротической общедушевности. Резервуар, из которого черпаются запасы филической жизни государства, в огромной степени обеспечивается устрашением насилия. Часть пополнений эротической энергии непосредственно тратится на нужды интерпсихической жизни, весь же избыток или прибыток ее перегоняется в энергию филической жизни. Устрашение насилием производит в обществе двойное действие: ужесточает хватку эротического страха и поставляет горючий материал для пылания огня филио-государственной жизни.

Вспомним еще раз Пьера у Толстого и Штрума у Гроссмана. Невидимая таинственная темная сила тотального страха давила на Штрума. "Она заставляла его **думать** так, как ей хотелось, **писать** под свою диктовку. Она была в нем самом, она заставляла замирать сердце, она растворяла волю (нравственную волю - И.М.), вмешиваясь в его отношение к жене и дочери (вмешивалась в сторгическую сферу жизни - И.М.), в его прошлое, в мысли о юности". И далее, внимание:

"Он и самого себя стал ощущать скудоумным, скучным, утомляющим окружающих тусклым многословием (то есть узнал себя бездарным, филически безвольным - И.М.). И даже работа его, казалось, потускнела, покрылась каким-то пеплом, пылью, перестала наполнять его светом и радостью".

Ясно: темное ОНО гасит ("пеплом, пылью") горение творческой воли и подавляет волю нравственную, то есть **производит глобальное разрушающее воздействие на душу**. Пьера и Штрума "жал порядок какой-то". Что такое этот "порядок", которым выражает себя филио-государственная общедушевность? Это не угроза, не опасность, не стихия, не психическое или волевое принуждение, не что-то интерпсихически или

природно давящее, а нечто в конкретности неосязаемое, словно наносное, придуманное и между тем обладающее силой "жать" на душу, жать как бы сверху - оттуда, откуда возможно подавление "света человечности" души, ее филической свободы и содержания.

Темное ОНО в значительной мере давит на психический строй, на который ссылался С.Франк; но в еще большей части темное ОНО принадлежит Государству, которое мнет под себя и подавляет душу **в морально-культурном поле жизни**, жмет своей государственной **филической силой**. Темное ОНО, которое пыталось раздавить души Пьера и Штрума, - сила филио-государственная, и обессилить она пытается филическую волю человека. Она стремится лишиться самость человека **духовной** свободы. Внутренняя филическая свобода - вот объект, на который направлена стрела темного ОНО. И если человек человека посылает властным взглядом на смерть, то это возможно потому, что повелевающий взгляд заставляет идти на смерть не только интерпсихической силой, а всей находящейся в его распоряжении филической силой Общей души, которой интерпсихическая сила ассистирует.

Государство - это **общедушевная филио-эротическая Самость**, которая грозной силой темного ОНО стремится подавить и подменить индивидуальную филическую свободную волю самости человека. Откуда же у общедушевной филической Самости государства взялась эта самоубийственная (ибо тут общедушевная филическая сила уничтожает такую же, как она, филическую силу жизни отдельного человека) мощь? Не есть ли она порождение **незаконного** форсирования интерпсихической общедушевности? Само добывание филической энергии жизненности от избытка эротической жизни, достигнутого путем устрашения насилем, **порочно**. Не тратятся ли тут неприкосновенные, не для филической жизни припасенные аварийные запасы психической и природной жизни Этноса? Трата такая еще оправдана в войске на войне, когда под вопрос ставится выживание народа (как было во времена Пьера Безухова), но беда, когда то же производится с гражданским населением, да еще в мирное время. Запасы жизни Этноса, сколь бы молоды и могучи они ни были, далеко не безграничны и иссякают. Темное ОНО - во всех случаях - ведет к самоистеканию жизни нации, разрушает ее Общую душу, подрывает фундамент, держащий ее, и дом, в котором Общая душа живет.

Как и всякая другая область филического поля жизни, государственная жизнь существует благодаря самопожертвованию людей, отдающих от себя в нее частицы жизни. Филической Самости Государства для его собственного проживания требуется пища - жертвы и жертвы. Без них у нее нет жизненных ресурсов. Чем в обществе больше самопожертвований, тем полнокровнее филио-государственная жизнь Общей души. И - наоборот. Люди, черта которых "жертва всем", обычно складываются в сильное и жесткое Государство. В демократических обществах Государство ослаблено потому, что люди в нем ставят во главу угла свободу жизнедеятельности самостей и, следовательно, не настроены на слепое самопожертвование. Если представить себе общество, состоящее из одухотворенных людей, перенесших ударение своей жизни из самости, отрекающихся от нее, то в таком обществе, где самопожертвование заменено самоотречением, Государству - прав Толстой - не на чем существовать.

Государство сильно самопожертвованием самостей. Оно само есть общедушевная филио-эротическая Самость, которая время от времени подвигает общество на "великие" государственные дела, в том числе и на войны, во времена которых самопожертвование становится законной нормой существования. В известном смысле Государство "живет" войной. Однако для достижения целей войны, для победы обществу приходится использовать порочную силу темного ОНО. Государственная жизнь, как в военное, так часто и в мирное время, заключена между жизненной необходимостью в самопожертвованиях и самоистеканием в темное ОНО.

Как эротическое самоотрицание и сторгическое самоотречение переводятся в филическое самопожертвование, так и служение, покорность, покорство (явления эротического строя жизни) и сторгическая верность переводятся в филическую подчиненность (чин и приказ - явления филической государственности). При этом душа самоподключается к чину как к некоторому центру филио-государственной жизни. Подданные исполняют свою филио-государственную роль тем, что они самопленяются образом начальства и тем обретают сознание подчиненности, благодаря которому

самость человека прочно подключается к филической жизни государства, как бы переносит на филическую Самость государства ударение жизни своей самости - явление внешне схожее с самоотречением, с отречением от самости ради духовного Я. Душа, признающая Самость государства в качестве высшей духовной инстанции, путает духовную жизнь с филио-государственной жизнью и верит, что король - это "все". Хочу подчеркнуть, что как подключение своей самости к Самости государства, так и демократическая установка на свободу жизнедеятельности самости - явление одного и того же (филического) порядка, в духовном отношении одно другого не выше и не ниже.

Образ начальника ("Правительства") включает ток государственной жизни в человеке подобно тому, как иные стереотипы и образы зажигают в нем культурную или этическую жизнь. Еще и поэтому "государственная жизнь" принимается, как и жизнь культуры, за высшую духовную жизнь, которую в представлении подчиненных ведут начальники. Подключение себя к государственной жизни, как это и ни странно звучит, благо того же рода, что и подключение себя к культурной жизни.

И Государство требует от людей жертв, и люди **сами**, живя государственной жизнью, приносят Государству жертвы. В самом по себе чувстве подчиненности есть желание филического самопожертвования. Но в том же чувстве - почва для темного ОНО. Чувство подчиненности, как чувство государственной филической жизни, всегда на перекрестке самопожертвования и темного ОНО. Ненасилие, которому учил Толстой, перекрывает приток энергии, необходимый для темного ОНО и одновременно усиливает сторгическое чувство ближнего своего. Для Льва Николаевича это было ценно особенно.

Государственная жизнь, будучи областью филической общедушевности, создана самим человеком, его "светом человечности", в который включен свет соборной разумности. Самость государства живет так же, как любая самость, то есть более или менее тратит или накапливает энергетические заряды своей жизни. Брать их из интерпсихического слоя жизни опасно из-за темного ОНО. Есть и другой источник государственной жизни - сторгическая общедушевность. Из капли сторгического оживления, как выше сказано, получают потоки филического оживления. Сторгия, переводясь в филиа, гипертрофируется и кричит о себе. В сторгическом питании филической государственной жизни тоже есть плюсы и минусы.

Чувства подначальности, подчиненности суть чувства филио-государственной жизни. Они имеют два источника: эротический и сторгический. В реалиях общественного бытия они смешаны с интерпсихической покорностью и сторгической верностью. Без сторгической воли государственная жизнь вырождается - сколь ни форсируй эротическую энергию общественной жизни.

При переводе воли сторгической жизни в филический пласт общедушевной жизни она становится **творческой волей государственной жизни**. Воля эта, как всякая творческая воля, обладает своей спецификой, окрашена в тона своей Общей души, имеет свое особенное воображение, по-своему создает (или заимствует) разнообразнейшие институты государственной жизни, комбинирует их или их преобразует. Творческий подъем реформаторов государственной жизни по душевной сути не отличается от творчества художников и философов. Есть художество государственной жизни, и куда как иногда причудливое. Можно понять тех историков, которые, осмысливая пути стран и народов, склонны смотреть на свой предмет как на художественное произведение исторической жизни. Культурное творчество столь близко к творчеству государственному, что филическое воображение некоторых философов вообще не различает, где их творческое умозрение, а где действительная общественная жизнь. Художество общественного утопизма тому пример. А "формации", которые выдаются за объективную реальность и в качестве таковой изучаются? А "классы" (да еще с "надстройками"), сей неспелый плод воспаленного филического воображения, породившего новые - чисто филические! - государственные Самости, псевдосуверенные чудовища филио-государственной жизни, которые люди серьезно приняли за доподлинно существующие и укрепляли...

В филио-государственном чувстве подчиненности есть две стороны, соответствующие двум его источникам. Одна, нетворческая сторона, проистекает от интерпсихических явлений; другая, творческая сторона, - от сторгической общедушевности. Не надо ни презирать, ни умиляться на сценический энтузиазм и

идеалистическое горение подданства в общественном человеке или на его восторг холопства. Все это - наглядные проявления преданности, филио-государственной творческой воли рядового члена общества, взятой от сторгической воли-верности. Преданность - вторичная верность, гипертрофированная, как и все то в филической жизни, что взято из пласта жизни сторгической. Творческая воля преданности подвигает человека на общественное самопожертвование. Она есть высшее общедушевное свойство самости и лучшее ее переживание.

Все то, что попадает в филическое поле, взвинчивается и обретает непропорциональную огромность. Как капля сторгического оживления порождает потоки филического оживления, так и тихое предчувствие сторгического Отца в Центре справедливости и ответственности Общей души превращается в неправдоподобное величие Центров филической жизни. Мы спрашивали себя: почему таинство национальной жизни, ее высший Центр помещается именно в филической общедушевности? Да потому, отвечаем мы теперь, что подлинное место Центра Общей души в сторгическом поле жизни не занято, стоит пустым и перенесено Общей душой в филический Центр, где оно отдается королям, историческим деятелям разной руки и даже поэтам. Дошло до того, что люди устроили себе Божественно-филический Центр жизни и используют его по преимуществу для удовлетворения своих мнимодушевных потребностей.

В Центр филической жизни - предмет восхищения, умиления и славы - стекаются все струи этого рода жизни. Личность, занявшая филический Центр, тем самым сообщает свой адрес, на который каждому следует посылать из себя филический заряд. Все - в него. Король знает, что он "все", народ знает, что он "ничто". В силу чего? Отчасти в силу того, что король восседает там, куда Общей душой перенесено пустующее место сторгического Отца.

Власть существует и потому, что место Отца Общей души свободно и ждет Восседающего. Сторгическая верность Отцу переводится в филическую преданность, в **мнимую верность, обращенную к верховной власти**. Толстой прав: власть - "ложная вера", как говорил он. Но все же - "вера", потому что "власть" включает в себя не только суррогат истины соборного разума, не только государственные верования, филически подменяющие Веру.

Ложной верой власть предьявляет себя человеку в качестве подлинного Отца Общей души. Без такого "отцовского" статуса никакая общедушевная власть недействительна. Верховная власть духовно обеспечена верой людей в то, что она занимает место Центра справедливости и общедушевной ответственности за все происходящее. Власть либо, как говорил Толстой, "поставляет оправдания" темным устремлениям людей, либо сознает ответственность за **всех** и проявляет себя в соответствии с этим своим качеством.

Надо, правда, учитывать, что, в отличие от сторгических центров, на филические центры в действительности никакой душевной ответственности не возлагается. Все идет в них. Центр филической жизни, в том числе и филической общедушевности, хотя и не безответственен, но и не ответственен. Но он **может быть** (или стать) ответственным. Что бывает в двух случаях,

Невозможно представить, чтобы общедушевное чувство чести (о нем мы еще скажем) длительное время направляло переживания преданности на объект бесчестия. Граф Николай Ростов у Толстого по чести повинуется Аракчееву, презирая его. Но присягал он не Аракчееву, а Царю Александру Павловичу. Александр 1, будучи объектом общедушевной чести, не мог не быть благородным властителем. Дело только в степени его личного благородства. Чувство чести подданных заставляет монарха быть **ответственным по благородству**.

Как есть филио-государственное чувство подчиненности, так есть и филио-государственное чувство властвования. Как и первое чувство, оно имеет две стороны: от эротического господствования - сторона нетворческая и безответственная, и от сторгического чаяния Отца Общей души - сторона в высшей степени творческая и ответственная. Ответственность по благородству возможна только на духовных основаниях - если чувство властвования носителя высшей власти восходит к сознанию Отца (и еще к другому Общедушевному Лицу, о котором речь пойдет во второй части).

Историческое благородство власти не может не идти в ущерб амбициям и удобствам власти, но не считается с этим. Историческое благородство власти похоже на чудо. Не каждая нация имеет в своей Истории примеры его.

Вторая возможность власти стать ответственной заключается в способности общества поставить носителя (носителей) высшей власти под диктат Закона и тщательно следить на ними. Такова **ответственность по Закону**, на основании которой решается вопрос власти в демократических обществах. Но надо отдавать себе полный отчет в том, что тут **нет** Власти в собственном ее смысле, что место Центра ответственности, место Власти тут занимает главный Страж и **Исполнитель Закона**, более или менее свободный в своих действиях. Главный Страж и Исполнитель не имеет отношения к Отцу Общей души и, в лучшем случае, является органом общедушевного разума, в худшем же обслуживает постоянно меняющееся настроение (а не сознание) общества.

В филио-государственной жизни общедушевный разум более всего являет себя в художествах юриспруденции. Правовая область государственной жизни наиболее близка к мнимодушевности. Каждый, кто хоть раз сталкивался с судопроизводством, знает, что событие, происшедшее в реальности, не совпадает с событием, изучаемым в суде, где происшедшее в подлинной жизни предстает только как условное действие в сфере законов, статей, указов, прецедентов, улик и доказательств. Закон тут подозрительно нарочито отчужден от власти и в таком виде окончательно омнимодушевлен. Есть, надо полагать, общества, в которых право до таких крайностей не доходит, но суть явления остается.

Сами по себе демократии основаны на возможности перевода "света разумности", общедушевного разума в филио-государственную жизнь. Демократическое общество основано не на Разуме, а на филио-государственной трансформации разума, возводимой в ранг суверенности и потому склонной к самоцентричности и самодвижению. Человек в демократических обществах так свободно критичен к власти потому, что это не "власть", а исполнители Закона, которые по природе своей должны быть обсуждаемы тем самым разумом, который создает законодательство. А это всегда разум филически трансформированный, иногда даже до степени мнимодушевности.

Государственная жизнь сама располагает ум и воображение к художественному теоретизированию. Что пагубно во многих отношениях, и прежде всего потому, что, становясь воплощением какой-либо идеи, пусть даже самой возвышенной моральной идеи, филио-государственная жизнь неизбежно отрывается от источника соборного разума, в котором возникла эта идея, и вырождается. Филио-государственная жизнь, я думаю, должна быть построена не на идее или каком-либо представлении, а на подлинно существующей Общей душе. Все инстанции Общей души так или иначе переводятся в область филио-государственной жизни. Так что то устройство государственности правильно, цельно и естественно, которое в своих структурах восходит к структуре Общей души, - конечно, с учетом ее своеобразия и степени ее развития в историческом времени.

17.(22)

Задача, которую, начав писать, я поставил перед собой, одной статьей и даже одной жизнью неисполнима.

Можно попытаться посмотреть на жизнь человека и общества свежим взглядом, с новой точки зрения - и таких личностных точек зрения множество, но все они смотрят в мир одними и теми же, прежними глазами, - и можно попытаться посмотреть на мир, жизнь и человека новыми глазами, **обрести новый взгляд**. Но мало обрести самому и самому взглянуть новыми глазами; в задачу, о которой я говорю, входит еще и передать другим умение видеть ими. Логично было бы сначала самому вполне освоить приемы нового видения, а потом уже постараться сообщить их людям. Однако логика хода жизни другая, и откладывать нельзя. Придется, путаясь и постоянно прозревая, учиться видеть самому и тотчас предъявлять увиденное другим. Все, что я вижу и показываю, - это видение, результат многих усилий вдумчивого взглядывания.

Общая душа обладает общедушевым разумом и распадается на две половины - верхнюю, Собор, и нижнюю, Этнос. Этнос объединен этническим общедушевым

разумом, дающим свой закон природной интерпсихической (этнической) жизни. Собор объединен соборным общедушевым разумом, назначающим направление руслу филической и сторгической жизни. Этнический и соборный разум неразлучны. Так что две половины Общей души, Этнос и Собор, прежде всего, связаны между собой единством общедушевного разума.

Этнос - всегда нечто уже состоявшееся, уже укоренившееся в существовании как цельность. Практически это так на любых стадиях зарождения и развития Общей души. Если есть Общая душа, то в ней непременно есть целостность Этноса. Общая душа уже существует, когда образована нижняя половина ее, Этнос. В отличие от Этноса Собор всегда есть нечто несостоявшееся, только находящееся в становлении, образующееся. Это так при зарождении Общей души и в ее зрелости. Собор - и его соборный разум, и его филическая жизнь, и его сторгическая общедушевность - это то, что призвано к росту, к саморазвитию, к духовному движению, в чем нет завершенности, нет окончательной целостности, что всегда мучается родами перехода из одного качественного состояния в другое, не обязательно высшее, но обязательно новое и продуктивное для дальнейшего становления.

Важно отметить, что сообщение разных Общих душ между собою возможно только через общедушевности Собора. Сторгически вступать в общение нынешние Общее души не в силах. Но весьма свободно общаются по морально-культурному слою, в филической жизни, испытывая культурные, этические или филио-государственные влияния. Общаются Общие души хотя и не так легко, через соборный разум, который может быть один на несколько Этносов, во всех других отношениях вполне самобытных. Факт соборного или филического взаимовлияния еще не указывает на сродственность Общих душ. Родство и чуждость Общих душ определяется по близости их национальных чувств, либо материнских, либо отцовских.

Эротически, природно и в этническом разуме, то есть в Этносе, границы Общей души закрыты. Скорлупы Общих душ не взаимодействуют друг с другом. Так что близость по материнскому национальному чувству только свидетельствует об их общем этническом источнике. Близость же по отцовскому национальному чувству - это общность исторической судьбы, взаимответственность Общих душ и их неодинокость среди народов мира. Уникальность, а, значит, и чуждость отцовского национального чувства оставляет народ в одиночестве, даже в изоляции.

Святая святых Собора - его сторгический Центр, таинственное "пустое место" Отца Общей души, к которому направлены усилия общедушевной сторгической воли-верности. Сходство в переживаниях сторгической воли и отцовского национального чувства указывает на глубинное, духовное сродство Общих душ, предполагает естественного партнера в драме исторической жизни.

Этнос хранит Собор. Собор хранит место Отца. Этнос работает свою работу. Собор исполняет свою. И сторгический Центр не только ждет своего часа, когда прорастет росток семени, а тоже трудится. Сторгический Центр подспудно оказывает влияние на всю жизнь Общей души. Но не он сочленяет Собор и Этнос в единое Общей души; это делает другая инстанция, о которой мы подробно поговорим во второй части.

В сторгическом пласте общедушевной жизни человек несет идеальный образ Отца, и это обстоятельство существенно сказывается на всей его общественной жизни. Сторгическая тоска по Отцу Общей души оборачивается настоящей нуждой души в начальстве. Перенесенный в филический пласт общедушевной жизни образ сторгического Отца превращается в воображаемое высшее существо филио-государственной жизни - в Чин. Таковы нормальные процессы в Общей душе.

Иерархическое ступенчато-пирамидальное строение государственности внутренне обусловлено конусной структурой сторгической общедушевности, искаженно копируемой на свой лад филио-эротическими построениями государственности. Правитель руководит Общей душой вместо Отца, но власть его - не "от Бога", не делегирована свыше. Не говоря уже о том, что в реальности власть часто удерживается самовольной эротической силой (но редко ею обретается!). По филической своей природе власть неотвественна, хотя и в состоянии **сама возлагать на себя** ответственность. В этом Общей душе дана свобода, которая необходима, наверное, для того, чтобы место Отца Общей души навечно не осталось пустым...

Если Отца Общей души в соответствии с религиозно-сторгическим чувством почитать Богом, то только глубоко ответственная власть - от Бога. Недаром властелин обретает желаемый им сверхчеловеческий статус, как только он удачно сыграл роль Центра душевной ответственности, роль Отца, сумел представить себя людям в ожидаемом ими сторгическом образе. У каждой Общей души есть **бвой** идеальный образ Отца, во многом определяющий специфику Общей души. Стоит только властелину угадать эту специфику, искусно сработать на нее, и "народная любовь" ему обеспечена. Тут тайна успеха тиранов, любимых своими народами.

Общая душа жаждет иметь Отца и потому крайне доверчива. Но обретая фиктивного Отца, она, по крайней мере первое время ... **счастлива**. Как это ни ужасно, но надо признать, что при Сталине и при Гитлере Общие души были счастливы. Что объяснимо, если вспомнить, что усиление сторгического складывания происходит "через" Отца. "Отец народа", даже самый обманный, интердушевно спланирует общество, производит эффект **сторгического оживления**, вызывающий в нации общедушевное переживание сторгической счастливости.¹ Сталин и Гитлер одно время были признанными источниками общедушевного счастья своих народов, несмотря на то, что они-то и несли им горе, страдания и гибель.

Власть ("власть в душе", душевные основания власти) отчасти обеспечена отцовским национальным чувством, через которое укрепляются и усиливаются общедушевные связи. Государство берет эту функцию "власти в душе", использует ее, попутно ее извращая и портя. Правильнее говорить не о зле власти в душе, а о зле порчи ее в обществе.

Общая душа - одна из двух сторон души нашей, одна из частей ее. Общедушевная жизнь многими "входами" сочленена с лично-душевной жизнью и способна возвышать ее или портить.

Общедушевная порча прежде всего состоит в том, что через инструмент "власти" общество подавляет душу отдельного человека, лишает его силы свободного сознания и тем духовно принижает его. Надо ли говорить, как это опасно и какими чревато бедами? Однако следует помнить и то, что человек склонен подчинять сам себя власти не как бы и не обманно, а подлинно и добровольно, по истинной душевной потребности включения себя в состав сторгической общедушевности. Власть, с одной стороны, духовно принуждает душу снаружи, а с другой - внутренне нужна ей. Есть и то, и другое. Тут - **баланс** добровольности и принудительности. В балансе этом вся проблема, которую приходится **практически** разрешать, **по-своему** разрешать в течение всей исторической жизни **каждой** Общей души.

В государственной жизни существуют два начала ее организации и управления: начало Власти, идущее отчасти от сторгического Центра, и начало Закона, идущее от общедушевного разума. Соотношение воздействий этих начал на Общую душу определяет **Государственное самосознание**, которое у каждой нации в данный исторический момент свое. Сознание государственности соответственно ее началам разделяется на два типа. Одно сознание более обращено к Власти, другое сознание более обращено к Закону. Первое подвигает к диктатуре, второе - к демократии. Какое из них одолевает, зависит и от особенностей Этноса, и от общего состояния Собора, и от религиозно-сторгического переживания образа Отца, и, более всего, от фазы развития общества, и от того, какое из двух начал филиогосударственной жизни имеет больший вес в Общей душе.

Без Собора, без верхней половины Общей души в исторической жизни не жил никакой народ. Но после распространения по всему свету Синайского Откровения роль и значение соборного разума выросли настолько, что Общие души стали сознать себя Собором более, чем Этносом. В огромной степени этому

¹ Ближе всего к образу сторгического Отца - патриарх племени, обладающий властью вождя. Я думаю, что по этой причине племенная общественная жизнь была в общедушевном отношении несравненно счастливее нашей, государственной. То же надо отнести и к сектатской жизни, которая обычно лучится сторгической счастливостью и ею-то и сильна.

²"Сарим" - множественное число от Сар

²первый том "Пути восхождения" выпущен в издательстве "Гендальф" в 1992 году; второй том готовится к печати.

способствовала мессианская вера. Христос и Магомет в религиозно-сторгическом чувстве людей заняли место Отца Общей души, придали четкость направления сторгических волей, интердушевно солидаризировали общество и тем сторгически оосчастливили Общие души.

Один и тот же Собор не может держать под собой чрезмерное число Этносов. И Общие души вскоре разделились по роду соборной общедушевности на шиитов и суннитов, православных, католиков и то есть Каждый Собор, утверждая себя, утверждает свою особую Истину и Веру и свое особенное переживание Отца Общей души.

В соборном разуме и в Отце Общая душа все более и более осознает самое себя и все более и более переносит ударение чувства жизни Общей души на отцовское национальное чувство. Именно в нем стали теперь решаться судьбы развития Общей души. Тип сознания государственности начал определяться относительной силой влияния на отцовское национальное чувство религиозного переживания Отца, со стороны общедушевных полей жизни, или соборного разума, со стороны общедушевного разума. Большее влияние с первой стороны предопределяет монархическое сознание и чувство государственной жизни. Большее влияние с другой стороны все усиливает и усиливает законнические тенденции сознания, постепенно оттесняя государственное сознание монархического типа. Но при этом не отменяя, а может быть, даже не погашая чувство-сознание Отца Общей души, без которого она томится и, бывает, страдает.

В нынешних западных демократиях Закон подавил Власть, низведя ее до уровня исполнителя Закона. Не исключено, что Общие души западной цивилизации не перестают тосковать о воочию явленном властном общественном Центре ответственности и справедливости. Без отчетливого центра Власти, замещающего Центр Отца, никакая Общая душа не может чувствовать себя полноценно и счастливо. Утешая себя, общество или оставляет лишенного власти монарха, или вяло камуфлирует его образ под образ Президента, Председателя и т.д. Существующие западные общества сохраняют свою государственную структуру и в силу "демократических традиций" (то есть прикладных филических факторов), и из-за достаточно высокой сторгичности этих обществ и их социальной потребительской благоустроенности. Не дай Бог, грянет гром исторической беды, расслабит сторгическую солидарность общества и расстроит экономику. Что тогда? Нужда в отцовской Власти может пересилить все остальные опасения, из-за которых общества пошли на демократию.

Общая душа не может перестать тосковать об Отце и, значит, Власти. Она тоскует, но боится, имеет огромный отрицательный опыт, не раз обжигалась безответственными диктатурами и потому постаралась так искусственно устроить свою государственность, чтобы избежать эксплуатации ее здорового отцовского национального чувства. Тут самоотказ, общедушевное самоограничение, отрицательное действие, а не положительное решение важной - не только в гражданском отношении - проблемы Власти.

18.(23)

Общая душа - самобытно живущая в историческом времени душевная целостность, **Единое духовное существо**, но существо сложное и составное, которое, как конструкцию, можно собрать и разобрать. Пока мы разбираем Общую душу, так сказать, по горизонтали и видим, что она обитает сразу в четырех полях жизни:

интердушевно, сторгическом поле духовной близости
филическом, морально-культурном
интерпсихическом, эротическом
интерплотском, природном.

Все живое живет в ритмах, или пульсирует. Приливы и отливы, восхождения и нисхождения, пробуждения и забытие. Есть свои ритмы и в жизни Общей души. На отливах происходит некоторое охлаждение Общей души, лишение подвижности, жизненной энергии. На приливе Общая душа духовно разгоняется, расправляется,

возносится. Приливо-отливное состояние духа в каждом из нас призвано обеспечивать наибольшую жизнеспособность отдельной души, ее обновление и самоочищение. Так в лично-душевной жизни раз за разом выковывается ее духовная сила. Вполне может быть, что и вся Общая душа, как целое, пульсирует в историческом времени. Сначала обозначим пульсации общедушевных полей жизни по отдельности.

Чем духовно полнее жизнь, то есть чем выше уровень общедушевного поля, тем свободнее явления, происходящие в нем. Волны интерплотского общедушевного поля скорее всего следуют одна за другой с природной необходимостью. Тут наверняка есть циклы и, возможно, с определенной длительностью периода. Естественно предположить, что кривая такого цикла плавна, непрерывна и уравновешенна во времени на приливе и на отливе.

Различить интерплотский цикл жизни сам по себе трудно, так как в составе Общей души интерплотское прочно свито с интерпсихическим и с ним неразрывно. Дыхание эротической общедушевной жизни, пульсация "варварской" животной силы в Общей душе накладываются на спокойный ход волн интерплотской жизни и составляет рисунок этнической жизни.

Интерпсихическая общедушевность живет не столько волнами, сколько валами, медленно нагнетаясь и быстро разряжаясь, каждый раз по-разному, с разной скоростью нарастания вала и его обвала. Эротическая общедушевность дышит всхлипами, с перебоями, постепенно накапливая заряд психической энергии и пробойно разряжаясь. Важно когда, где и как она заряжается и в каких исторических условиях разряжается. В результате получается весьма причудливая картина совместной жизни нижних полей Общей души.

Сквозь столь причудливое течение природно-интерпсихической жизни Этноса и общедушевной разум светит, то возгораясь, то погружаясь во тьму. Все движения жизни в Этносе оставляют метку памяти в этническом разуме, хранятся в нем и через него влияют на дальнейшие движения Общей души. Этнический разум высвечивает этнические общедушевноности в зависимости от предшествующего опыта, накопленного всем Этносом в историческом проживании.

Таким образом, дыхание всего Этноса неровно. На отливах Этнос хуже ограждает Собор, менее защищает его, оставляет его неприкрытым. На приливах скорлупа Этноса крепчает, и вся Общая душа обретает новую (с каждым приливом - новую) жизнестойкость.

Умозрительно говоря, Этнос дышит сам - так, как ему самому нужно дышать. В реальной же исторической жизни его дыхание более или менее деформируется, перебивается, глушится или, напротив, учащается. Путь Общей души зависим от этих деформаций приливо-отливного процесса в Этносе.

Собор в Общей души всегда находится в состоянии становления. Этим можно объяснить то, что у общедушевноностей Собора нет выраженных ритмов жизни.

Общедушевная филическая жизнь, являясь сферой подлинной жизни, все же вторична, образуется творческими усилиями человека из запасов эротической и сторгической жизни и связана с процессами в них. Но в то же время проявления филической жизни в духовном отношении куда более свободны, чем проявления жизни эротической, и потому точно не следуют за ее приливами и отливами. Филическая общедушевность вулканирует в Общей душе извержениями "культуры", всплесками активности филической жизни, более или менее длительными импульсами "цивилизаций". Всплески и извержения эти следуют то один за другим, то их нет вовсе. Что каждый раз имеет свои особые основания, зависимые от множества разнообразных обстоятельств проживания Общей души, но в итоге коренящихся все же в самом по себе филическом поле жизни, во внутренних его процессах.

Человек сам наполняет морально-культурное поле жизни. Жизнь в филической общедушевноности, ее масса, масса филической жизни **накапливается** в каждой Общей душе. Любой филический всплеск добавляет что-то к этой массе, увеличивает ее. Чем больше наполняется сосуд филического поля жизни, тем более автономно он живет. Достаточно развитая культура зависима прежде всего от самой себя. Не будем пока что судить, хорошо это или плохо.

В работу филической общедушевности входит особая задача, особая забота, незнакомая другим общедушевностям. Сторгической и эротической жизнью Общая душа живет то более, то менее активно, больше или меньше питаясь из таких источников жизни, которые сами по себе не иссякают. Жизнь же в филическом поле человеку и его Общей душе надо не только накопить, но и **сохранить**. Конечно, извержения филической активности оставляют после себя следы, но сама по себе масса филической жизни, без постоянной заботы о сохранности ее, тает, исчезает, как бы испаряется. Раз исчезнувшую массу филической жизни возможно реконструировать по ее следам, но не возродить, не вернуть обратно в жизнь. Одним и тем же запасом филической жизни нельзя жить дважды.

Всю накопленную массу филической жизни никогда нельзя сохранить полностью. Накопление филической жизни и таяние ее - нормальный процесс, процесс **свободных пульсаций** филической жизни. Свободных - и потому, что они зависимы от самостоятельных усилий Общей души, и потому, что они ни от чего не зависят, кроме как от автономного течения жизни в филическом слое. Надо особо отметить бесплодность попыток возрождения исчезнувшей массы общедушевной филической жизни. Не возрождать ее надо, а накапливать заново - и стараться лучше хранить.

Жизнь в верхнем общедушевном поле, в сторгической общедушевности глубинна, таинственна, течение ее непредсказуемо. В нынешнем состоянии всех Общих душ она еще менее ставшая, чем жизнь филическая. Накопление филической жизни (как мы увидим во второй части книги) в некотором смысле предворяет становление сторгической жизни. Говорить о пульсациях сторгической жизни рано. Они, возможно, станут заметны тогда, когда на сторгической жизни будет выставлено ударение самосознания Общей души, когда в достаточной мере высветится место общедушевного Центра, то есть тогда, когда строительство Собора в Общей душе будет близко к завершению. В идеале Общая душа должна сама, своими целенаправленными усилиями духа осуществить подъем вод сторгической жизни в себе. Иначе в полной мере она не состоится и рано или поздно должна погибнуть.

В исторической реальности наблюдаются неожиданные **провалы** сторгической общедушевности, как бы перекрывается источник сторгической жизни. Провалы сторгичности совершенно иррациональны. Вдруг Общая душа на какой-то срок оскудевает любовью. Отчего? Можно думать о невидимом глубинном общедушевном ходе времени, о необходимости для Общей души испытаний Истории, об одолении или неодолении их ею, но назвать конкретную причину сторгического провала все же нельзя. А между тем, от него часто зависит реализация судьбы, да и сама судьба внутреннего развития Общей души и само ее существование в Истории.

В полноценности и ходе сторгической жизни решается жизнь всего живого существа Общей души. От вод сторгической общедушевности питается жизнь в морально-культурном поле жизни; при оскудении сторгии филическая жизненность извращается, мельчает, пошлеет и глохнет. Есть, я думаю, и зависимость интерпсихической жизни от полноценности и ударности интердушевной жизни в Общей душе, от ее течения и силы. Валы эротической общедушевности отчасти ориентированы на ход и настрой сторгической общедушевности. Возможно, что и продолжительность исторической жизни Этноса (или цикла его отдельной волны) обуславливается в значительной мере сторгически.

Не сторгия ли регулирует быстроту смены поколений в составе Общей души? Тут можно усмотреть своего рода общедушевные пульсации, обусловленные сторгическими причинами. Чем глубже сторгический провал, тем скорее сыны сменяют отцов и младшие братья старших братьев; и тем слабее их преемственность. Не мудрено, что во времена провала сторгичности происходят общественные потрясения. Общедушевные движения, происходящие по причине оскудения любовности в Общей душе, есть, видимо, важный источник и зла исторической жизни и отдельного народа и межнационального бытия.

Общая душа - живое существо, которое, бывает, болеет, потом выздоравливает или погибает. Болезнь эта - не отлив в том или ином общедушевном поле, хотя отлив может усугубить болезнь, а болезнь - отлив. Общедушевные болезни и их лечение - огромная, не тронутая знанием область жизни.

Общедушевные болезни отчасти вызываются, так сказать, "внешними" причинами. Скажем, почему-либо - от прилива ли в Этносе, или просто улучшилось медицинское обслуживание населения - произошел демографический взрыв, и вскоре все общество оказалось под влиянием юношеского самосознания, заболело максималистско-легкомысленной болезнью, возбудилось и заколебалось. Но по большей части причины общедушевных болезней духовного свойства. Такие болезни не лечатся уколами искусственных утишений (или возбуждений) или таблетками экономических преобразований. Чтобы знать, как вылечить Общую душу от "внутренних" ее болезней, надо, по крайней мере, знать ее структуру и уметь ее изучать.

Структуру Общей души полезно изучать по горизонтали: Собор, Этнос, отдельные общедушевные. Каждая общедушевность в конкретной Общей душе имеет свой характер и стиль жизни. Начиная с природной общедушевности. Известно влияние на народные души русских просторов или кавказских гор. Несомненно, что жизнь Этноса в значительной степени зависима от его природного фона. Специфику общедушевностей следует изучать на примерах.

Я не ездил по миру, живу неподвижно, знаю народы понаслышке, из литературы и анализа других людей. Буду судить только о русских общедушевностях и отсюда брать примеры.

Считается, что русский народ более других народов почитает силу и крепость власти в обществе, ценит тот "порядок", который мят душу Пьера. Наверняка, в мире было и есть немало народов, которые не менее русского почитают и ценят это. Но в русской интерпсихической жизни, действительно есть черта, которая придает ее отношению к власти особенное звучание. Русский человек любит и уважает **мощь**, огромность самой по себе силы, все то, в чем можно почувствовать богатство, (или псевдобогатство): и физическую мощь, могучую мышцу, и подвиг воли (особенно, аскетизма и терпения страданий), и психическую силу лидера, подавляющего волю более слабых, и могущество государственное, всякую громадность, огромность и размах, море разливанное, широту и громогласие, само богатское "могу!" во всех сферах и формах. Зычный начальник вызывает не филическое, а интерпсихическое почтение - не потому, что он есть власть, а потому, что он "силища огромная": захочет и кого угодно свернет в бараний рог.

Черту эту легко опознать и превознести, но надо сознавать, что это чисто эротическая (и к тому же отроческая) черта. Конечно, где эротическая сила, там и насилие, где психически уважают сильного и властного человека, там уважают и сильную власть. Русский человек, наверное, идеальный подчиненный, подчиняющийся, но редко когда подвластный, любящий власть филически, как таковую, и с пылом ей повинующийся. "Русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы,- писал Толстой. - Русский народ никогда не боролся с властью и, главное, никогда не участвовал в ней, не развращался участием в ней... Этим же отношением к власти объясняется та покорность русских людей самым жестоким, безумным, часто даже не русским самодержцам".

Эта легкость признания "не русских самодержцев" определенностораживает наблюдателя. Тут явно сказывается особенность русской филической, и в том числе филио-государственной общедушевности. В русской филио-государственной жизни мало воображения, слабо искусство государственной жизни, русская государственная жизнь в значительной мере подражательна, взята напрокат от татар, немцев, теперь вот от американцев, а завтра, быть может, от персов. Толстой точно подметил это **нежелание** Руси активно жить своей творческой государственной жизнью. Отсюда нетворческий, голо бюрократический, малоподвижный и крайне централизованный стиль всей российской иерархической государственности.

В чем тут дело? Я думаю, причина этого нежелания кроется в особых **склонностях** русской Общей души, влияющих на ее ход в Истории. Кто только не говорил о прямо-таки фатальных бедах чуть ли не всех российских художников и мыслителей, кто

только не пытался осмыслить их общую драму, их судьбу на Руси. Надо, наконец, признать: Русь вообще не склонна жить филической жизнью, не придает особого значения своему существованию в филической общедушевности. У русской Общей души слаба потребность выявлять и выставлять себя филически. Русь не желает вовсе работать самой по себе филической жизненностью, которая в ней как бы приглушена и утишена. Неизощренность, неутонченность, бесхитрость, прямота, культурная грубость и неумность (а то и дурость) русской обиходной жизни очевидна. Это не говорит о потенциальных или актуальных творческих возможностях русской филической общедушевности или о неприятии творцов на Руси. Запрета на **личную** творческую деятельность от Общей души на Руси, конечно, нет. Филические Центры почитаются как своего рода "силища". Но с этого рода общедушевной жизни у русской Общей души снято ударение. Филическая общедушевность Руси, как бы замечательна она ни была, безударна. Русская Общая душа равнодушна к ней и в ней пассивна. Разумеется, это не мешает культурному слою русского общества цвести и развиваться, как ему угодно. Тут ему дана свобода, но свобода эта - от своего рода равнодушия.

Русский народ - хотя бы в том его состоянии, в котором его застали Толстой и Достоевский, - особенно привлекателен своей лучащейся сторгичностью, которую он вроде бы сам не замечает, не выставляет и как бы не ценит в себе. Но она проявляется (или проявлялась?) во всем. И в жалости к преступникам, в сострадании к ним как к падшим, отверженным и гонимым ближним. Отношение к ним, как и отношение к нищим, убогим, несчастным, несомненно продиктовано сторгической совестью народа. То же самое можно сказать и о так называемых социальных "уравнительных тенденциях" общинного типа в русском народе, которые порождены соборным сознанием справедливости и, следовательно, сторгически неустранимы. С этим нельзя не считаться. Прав был когда-то и Столыпин, разрушавший общины ради экономического и государственного процветания страны, но прав был и Лев Толстой, гневавшийся на него за это по соображениям общедушевного здоровья нации.

Русскому человеку без сторгической жизни, не испытывая чувство ближнего, жить просто трудно. Он, бывает, и пьет, чтобы раскрепоститься на секунду и ощутить сторгическую близость к собутыльнику. Поэтому непьющий человек для него - дурной человек, у которого даже нет потребности через алкогольное расслабление самости ощутить чувство сторгического братания. Конечно, на Руси есть всякого рода пьянство, но есть и это обаятельное пьянство, которого ни в каком другом народе нет.

Русская простонародная сторгичность чрезвычайно трогательна, органична и полновесна. И наверняка составляет главное достояние Руси. Но богатство это еще закрыто, от него наружу то слабее, то сильнее пробивается свет, озаряет поверхность общедушевной жизни, намекает на ее глубинные сокровища - но и только. Русский народ, его Общая душа может состояться тогда и только тогда, когда, сохранив, сможет раскрыть эти свои богатства и предъявить их Господу.

20.(25)

До сих пор мы разбирали и собирали Общую душу по горизонтали. Но Общая душа - двустоволовое существо, с двумя явно выраженными сторонами, или стволами. Ее можно разобрать и собрать по вертикали.

Один вертикальный элемент Общей души - общедушевный разум, состоящий из соборного разума и этнического разума - виден на ее ментальной стороне. На стороне витальности, в области общедушевных пластов жизни мы будем различать два вертикальных элемента, каждый из которых существенно характеризует Общую душу.

Эти два основополагающих элемента - или, лучше сказать, две **самостоятельные общедушевные целостности** - указаны на прилагаемой схеме структуры Общей души. Это **национальная Самость и Народность**. Различить Самость и Народность в народе или в человеке проще всего с точки зрения недругов народа. Когда им надо повергнуть национальную Самость, они ее осмеивают; Самость поражается смехом. Когда же они хотят унижить или поразить чуждую Народность, то они пытаются ее очернить, представить в качестве нравственно дрянного или дряблого.

Национальная Самость и Народность имеют одно и то же основание в интерпсихической общедушевности, но **живут разной жизнью**. Национальная Самость живет **филио-эротической жизнью**, совокупной жизнью двух пластов общедушевности: филического и интерпсихического. Народность живет **сторгио-эротической жизнью**, совместной жизнью сторгического и интерпсихического пластов общедушевности.

Изучать Общую душу по жизни национальной Самости и Народности продуктивнее, чем, скажем, по отдельным общедушевым полям. Впрочем, одно не исключает другое. Тщеславие - чувство Этноса; и тщеславие - чувство каждой личности относительно национальной Самости. И то и другое верно. На все общедушевные явления можно смотреть и тем и другим взглядом.

Первый попавшийся пример для ясности. "Обретение национального самосознания, - пишет современный советский автор - натолкнулось у нас на весьма своеобразное препятствие: всем хочется немедленного национального величия". Иначе говоря, в каждом народе Советского Союза заговорила о себе национальная Самость. Своей национальной Самостью Общая душа обращена вовне, ею она отталкивается от других Общих душ, ею утверждает себя и себя защищает.

У каждой Общей души есть свой темперамент и стиль национальной Самости, своя самостная индивидуальность. Так, два славянских народа, русский и польский, схожи по этническому типу, но как различны по переживанию национальных Самостей! Напряженно ищущая превосходства, чутко обостренная, аристократически переживаемая Самость польской Общей души и особо на себе не настаивающая, лениво самоутверждающаяся, как бы даже себя не чувствующая, "смирная" и беспасфосная Самость русской Общей души.

Одна из причин этого расхождения - различие филической жизни в той и другой Общей душе. Филическая жизнь поляков западная, латинская, в ней есть и элегантность и творчество форм разных сторон общественного бытия, и морализация, и эстетизм, и филическая страстность, чего в русской Общей душе нет. Русская морально-культурная филическая жизнь либо вовсе оторвана от общенародной жизни, либо снаружи приклеена к ней. Подозрительно анархическая интеллигенция и совсем другой народ, столица и провинция, власть имущие и подчиняющиеся существуют раздельно друг от друга. Российская Самость производит впечатление чего-то искусственно, из отчужденных частей собранного, огромного и вялого. В отличие от нее польская, а еще рельефнее немецкая Самость, это нечто слитное, накрепко сбитое, крепкое единство, в котором филическая и интерпсихическая части жестко ввинчены друг в друга. Немецкая национальная Самость - образец цельного характера, четко устремленного и организованного.

Национальная Самость более всего выражает себя в государственности. В главе 21 мы рассуждали о Государстве как об общедушевной филио-эротической Самости. Государственная власть, как сознание общедушевной зависимости человека, есть категория национальной Самости. Темное ОНО несет на себе не столько эротическая общедушевность сама по себе, сколько включающая ее в себя национальная Самость. Характер переживания темного ОНО - индивидуальная черта национальной Самости.

Национальная Самость - единственная общедушевная целостность, которая способна к волевому действию. Исполняющая воля Общей души сконцентрирована в ее Самости, которая есть общедушевный орган воли. Характер исполняющей воли Общей души непосредственно характеризует ее Самость. Так, воля русской национальной Самости стремится к могуществу, к богатырству в воле Самости, к "силище", а не к владычеству и разбуханию. Русская национальная Самость, вовсе не хищна, но желает чувствовать себя сильной, могучей. Конечно, это особым образом отражается на ее переживании власти.

В главе 18 мы оставили открытым вопрос общедушевного субъекта волевого переживания чувства преданности в человеке. Чувство преданности - филио-эротическое общедушевное чувство, которое человек испытывает в силу своей принадлежности к определенной национальной Самости.

Общедушевная **преданность - чувство национальной Самости**. Власть же, в значительной степени основанная на этом чувстве, **Есть сама по себе воля**

национальной Самости и выражение этой воли в общественных отношениях. Отсюда: Власть должна быть воплощением национальной Самости и организатором ее самобытной жизни. Этими утверждениями мы все еще не охватили полностью явление Власти. Но уже можем сделать один важный вывод.

Национальная Самость и ее волевое воплощение, Власть, действуют и в Соборе и в Этносе. По причинам филио-эротического единства Самости человек, занявший филическое место Начальника, тотчас становится в обществе повелителем строя Этноса. С одной, витальной стороны структуры Общей души Собор и Этнос по вертикали связаны Властью. С другой же, ментальной стороны Собор и Этнос объединены общедушевым разумом, его **Законом**. Закон и Власть - по разные стороны Общей души, объединяют ее и руководят ею по-разному.

При горизонтальном рассмотрении Общей души различия между Властью и Законом не столь заметны, но явны, когда мы глядим на Общую душу по вертикалям. Власть относится к области воли, чувств и образов Общей души; Закон как проявление общедушевного разума, относится к области знания, разумного сознания и убежденности Общей души. Вовсе не обязательно Государственность строить по принципу "разделения властей". Структурно правомерен другой принцип: **разделения Власти и Закона**.

Власть и Закон не следует смешивать. И не только в общедушевной жизни. Бога как Творца люди переживают в сознании тех рамок Мира и Природы, в которые они с рождения поставлены. Но это есть сознание (или знание) Закона, которому мы исходно следуем, а не сознание Власти, Божественного Начальства, Которое нами правит и Которому мы свободно повинемся, отдаем свою свободу. Бога-Творца мы как Власть над собой не знаем и сами придаем Ему общедушевные черты Верховного Властелина. Приписывать Господу качество властвования значит приписывать Ему статус Самости. Это надо осознать ясно.

21.(26)

Национальная Самость - наружная область Общей души, обращенная к другим Общим душам, живет среди других и с ними взаимодействует в Истории. Народность живет имманентно, в глубинах Общей души и определяет собственное, безотносительное к другим, внутреннее самочувствие Общей души. Действующая Самость выглядит мужским началом Общей души; чувствующая Народность - женским.

Народность - душа нации в узком смысле, собственно душевность ее. У Народности два основания, вернее сказать, два полюса круговой поруки: сторгический и эротический. Народность как бы двоятся на тепло сердечности общедушевного чувства ближнего и стихийную, природно-эротическую теплоту народно-земляной животности. Народность и "высока" и "низка" вместе. Когда вслед за Достоевским повторяют, что русский человек чрезмерно "широк", то имеют в виду именно резкую полюсацию и антиномичность русской Народности, являющейся в образах то "зверя", то "ангела". Но и во всякой другой Народности есть эта дипольность, это смешение противоположностей, более или менее сочетающихся друг с другом.

Анализ одной сторгической общедушевности рисует благодетную картину и малопродуктивен. Сторгичность замешана с эротичностью в Народности, которую и нужно видеть целостно. Так, правильнее говорить о конусности Народности, а не только сторгической общедушевности. Место Отца - это место "Отца народа" на вершине конуса Народности. Общедушевной сторгической волей, волей-верностью обладает Народность, которая выстроена конусом на эротической общедушевности как на своем основании и замкнута на месте Отца как на своей вершине. Религиозно-сторгическое внутреннее действие Общей души (см. гл. 19) принадлежит Народности. Действие это так живительно напряжено и упруго потому, что включает в себя сферу интерпсихической жизни и на нее опирается. То же можно сказать о напряженности религиозно-художественного действия, которое принадлежит национальной Самости.

Качество эротической общедушевности в составе Народности и в составе национальной Самости разное. Будучи в едином котле со сторгичностью

интерпсихическая общедушевность куда менее агрессивна, жадна и самовластна, чем когда она служит в национальной Самости. И образ эротической общедушевности двоятся в зависимости от того сочетания, в которое она взята. В национальной Самости это сила действующая, непосредственно производящая волящее движение, в Народности она ассистирует, создает душевную напряженность, более являясь объектом действия, чем сама действует.

Эротический фундамент национальной Самости имеет черты толпы, с ее легкой внушаемостью, стремлением к имитативности и склонностью к унифицированности. Черты эротического основания Народности другие: теплота этнической солидарности, не нуждающаяся в гипнозе, интерпсихическом раздражении, возбуждении и слепой взаимомимации. Интерпсихика Народности обращена к личностно-душевной индивидуальной жизни. Интерпсихика национальной Самости от нее отвернута и ее подавляет.

Национальная Самость более всего живет в настоящем, в текущей исторической самодеятельности. Память национальной Самости это память событий, природных бедствий, сюжетов Истории, филически сохранных в преданиях. Иначе переживается настоящее время в Народности. Настоящее время для нее это только точка между прошлым и будущим. Народность более живет в прошлом и будущем, живет воспоминаниями и чаяниями, любит бывшее ("старину") и Грядущее, заставляя людей страдать и за то и за другое. Память Народности хранит **душевную биографию** Общей души, ее испытаний и удач, ее мечтаний и усилий самосохранения. Память Самости скульптурна, былинна, архитектурна; память Народности иконописна, музыкальна, сказочна, возвышенно хилиастична.

Разумеется, национальная Самость и Народность, будучи весьма автономны, спаяны вместе в Общей душе. Темное ОНО Самости взаимодействует с солидарностью в Народности и на ней отчасти держится. Власть не только воплощение воли национальной Самости, на ней лежит отпечаток Отца Общей души. "Своя", родная власть та, которая принята за свою Народностью и подчинение которой поэтому имеет характер добровольности.

Одна Общая душа склонна более переживать свою Самость, другая - свою Народность. Но и одна и та же Общая душа в одни времена более переживает свою Самость, в другие - свою Народность. Некоторые историки уверяют, что только с эпохи наполеоновских войн на смену средневековому сознанию универсализма пришло сознание национализма. Это значит, что весь Запад в последние века резко качнулся в сторону национальных Самостей (следовательно, за счет Народностей?).

Общая душа живет, пульсируя и колеблясь. В одну сторону - активизируется чувство-сознание национальной Самости и ослабевает чувство-сознание Народности; в другую сторону - наоборот: активизируется, высвечивается Народность и затеняется национальная Самость. Такие качания "Самость-Народность" отражают **Корневые приливо-отливные процессы жизни Общей души в целом**. Общая душа на приливе, когда живет Народностью, и на отливе, когда живет Самостью. Фаза прилива или отлива, в которой находится в данное время Общая душа, есть важнейшая характеристика ее состояния. Болезнь гипертрофии национальной Самости (в том числе фашистского типа) подстерегает всякую Общую душу на отливе.

Главная волна прилива и отлива Общей души выражается в пульсациях "Самость-Народность". Почему и когда происходит отлив или прилив в Общей душе? Прежде, чем искать ответ на этот высшей сложности вопрос, надо достроить структуру Общей души. Отметим пока что достаточно очевидное: главная волна и не имеет строгого и размеренного ритма. Качания Общей души едва ли рационально предсказуемы. Какими-то действиями Общую душу можно, вероятно, сорвать в отлив, но вряд ли - приподнять в искусственно возбужденном приливе. Задача в том, чтобы научиться слушать и слышать свою Общую душу, другие Общие души и, быть может, даже их единый хор.

В главе 12 мы рассуждали о разного рода интерпсихических солидарностях, самоцементирующихся сродством психики отдельных людей. Теперь на это явление мы способны взглянуть шире. В Общей душе живут и борются **характерные типы**, определяющие важные оттенки общественного сознания. Бытие народное

определяется не борьбой классов, не столкновением социальных интересов, а борьбой или столкновениями своеобразных типов. Классы делят не народ, а "общество", и делят внешне, отвлекаясь от общедушевности. Правомерное разграничение народа внутри его Общей души - на типы.

Люди группируются по признаку "своих" тогда, когда признают друг друга "своими". Люди одного социального слоя или занимающие одно и то же положение в обществе тоже признают друг друга "своими", но это внешний признак и соответствующие ему поверхностные сочленения. Куда более глубинна близость по общедушевным типам. Есть типы психики, интерпсихические типы в составе эротической общедушевности или, беря шире, этнические типы, типы нижней половины Общей души, Этноса. В филической общедушевности можно выделить определенные культурные (или интеллектуально-культурные) типы, один из которых в каждый данный момент властвует в культурном мире, забывая другие. В верхнем общедушевном поле светятся сторгические типы, например, сторгические типы женщин, создающие в народе сторгически разные семьи, разные типы семейственности. Эти женские типы уже не только сторгичны, но и народны. Они - сторгио-эротические типы, типы Народности.

В русской Народности отчетливо выражены полюса, которые создают впечатление широты русской природы. В русской Народности странным образом совмещаются Каратаев и Орлов (из "Мертвого дома") - русский народный сторгический тип и русский народный эротический тип. Типы эти, как вообще все типы в любой Народности, **не борются между собой**; едва ли даже конкурируют. А между тем в каждый исторический момент те или иные из типов Народности выдвигаются на передний план народной жизни и передают всем свой особый настрой жизни, свое мироощущение и болезни. Народность окрашивается в тона какого-то сторгио-эротического типа Народности, и это приводит всю Общую душу в состояние готовности жить так, а не иначе, менять или не менять общее течение жизни, вводит Общую душу, скажем, в состояние склонности к спокойствию или к волнению.

В отличие от типов Народности, типы национальной Самости вечно борются между собой за государственную власть или за морально-психическое верховенство в нации. В государстве всегда правит определенный филио-эротический тип людей, которые допускают участие иных типов национальной Самости, когда они ему нужны или удобны. Революционная смена власти означает прежде всего замену типа властвующих. При этом прежний властвующий тип часто физически уничтожается и упор делается на молодых людей, способных образовывать иную сплоченность филио-эротического типа, несовместимого и враждебного (хотя бы на первых порах) с уничтоженным типом. Конечно, разные типы национальной Самости находят себе, обживают (или даже себе сами образуют) некоторую социальную, политическую, экономическую ("классовую") лагуну, но это дело производное и вторичное. Хотя борьба между типами национальной Самости (особенно в последние два века на Западе) и выражается в виде борьбы социальных интересов, но это более всего говорит о степени маммонизации общества.

Борьба филио-эротических типов - вернее, борьба между целыми кланами, состоящими из заинтересованных друг в друге характерных типов, - только выражает себя посредством столкновения социальных, политических, экономических интересов. Этого нельзя не учитывать в конкретной жизни. Так, драматизм общественной жизни в России нашего времени в том и состоит, что в ней просто не существует того филио-эротического типа людей, на который мог бы опереться Горбачев или другой реформатор, чтобы через него осуществить целебные реформы.

На приливе Общая душа более живет Народностью, в которой начинают преобладать светлые, сторгически насыщенные типы. Это само по себе утишает борьбу филио-эротических кланов между собой. На отливе Общая душа более живет национальной Самостью и менее Народностью, в которой выдвигаются эротически окрашенные типы. Одно это обстоятельство выдвигает на передний план общедушевной жизни активности эротических типов, взвинчивает борьбу типов национальной Самости, обостряет и ужесточает войну за власть или ведет к смене государственного строя.

Конкретные исторические исследования должны, я думаю, в первую очередь опираться на знание тех разнообразных общедушевных типов, которые определяли общедушевную атмосферу жизни народа в определенную эпоху. Особенно важны и интересны те изменения, которые происходят с характерными типами в процессе исторического движения. Наименее изменчивы во времени сторгические типы и типы Народности. Весьма резко меняются из поколения в поколение культурные типы и типы национальной Самости. Уловить эти перемены означает получить некоторую возможность исторического прогноза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Путь Сарим

"Благословен Господь - Бог Шема.
И пусть Кнаан будет рабом ему. И
раскроет Бог Иефегу, что будет
обитать он в шатрах Шема. И пусть
будет Кнаан рабом ему" (Б.9:26,27)

1.(27)

Всего один век люди жили когда "вся земля была **язык един и слова одни**" (Б.11:1). Через 101 год после потопа человечество разделилось на народы и языки.

Когда "слова одни", переводчик не нужен, у людей в ту пору не было лингвистических затруднений в общении. Но сыны Ноя обладали еще и другим качеством взаимопонимания, которое в Библии определяется выражением "сафа ахад" ("язык един"). "Сафа ахад" - нечто большее, чем понимание речи другого: в свежести обновленного послепотопного существования люди были настолько раскрыты душой друг для друга, настолько внутренне сообщены друг с другом, что каждый, слушая другого, мог изнутри слышать его душу и в этом смысле быть с ним единым. Степень раскрытости и взаимопонимания между людьми в первые послепотопные десятилетия позволяла им легко воспринимать мысли и побуждения друг друга, и свободно, из души прямо в душу передавать их и, тем самым, иметь общие мысли и общие душевные побуждения - "язык един".

После потопа человечество было едино, не разделено на народы, на отдельные народные души, жило **Единой душой**. "Сафа ахад это состояние жизни людей, сочлененных в Единой душе, где каждый человек согревался одним и тем же чувством общедушевного и общеприродного единства, наполнялся схожими и всем понятными нравственными, психическими и эстетическими переживаниями.

"Сафа ахад" - это особое состояние человеческой души в составе Единой души, состояние, в котором одна душа **чувствует и понимает душу другого как свою собственную**. Сафа ахад - естественная основа для выполнения заповеди любви к ближнему как к самому себе. В отличие от тех людей мы умственно и сердечно разделены, принуждены к совместному житию без сафа ахад, и потому исполнение заповеди любви к ближнему трудно для нас.

По замыслу Всевышнего люди в состоянии сафа ахад расселяются по всей земле - по своим "островам", по своим семьям и со своими диалектами.

Живя так, люди при их тогдашней внутренней раскрытости, взаимопонимании и душевной близости, были бы соседями по общему дому. Соседний народ переживался бы как народ "другой". Но не как народ "чужой", к которому всегда наготове чувства противоположные чувству близости - вражда, ненависть, злоба. **Зло Истории** невозможно в человечестве, в котором есть Единая душа и действует сафа ахад. Зло Истории неизбежно, как только сафа ахад разрушается.

Историческое зло не предусмотрено Всевышним после потопа. Вавилонскую башню строила не толпа, а сыны Ноя, несколько тысяч людей, все "ближние" друг для друга, совместно мыслящие, единые. Однако, Всевышний лишает их Единой души и в

значительной мере разрушает их сафа ахад. Затем, в состоянии помрачения и отчуждения их душ, Он расселяет людей по лицу земли. Тем самым в отношении между расселенными народами, в само историческое бытие впускается непонимание, подозрительность, а за ними следом и вражда. Произошло это после "вавилонского столпотворения" и в результате его. Рассказанная в Библии вавилонская история имеет роковое значение для человечества.

История начинается не с Адама, не с Каина и не с Ноя, а с того момента, как Бог разрушил сафа ахад и разделил Единую душу человечества. Если мы таким образом наказаны Богом, то надо бы знать: за что? В чем состоит второе, **вавилонское грехопадение** человека, последствия которого соизмеримы с последствиями нарушения заповеди Адамом в Эдене? Что на сей раз "нарушили" сыны Ноя? Почему и зачем Всевышнему пришлось лишать людей сафа ахад, отчуждать их по отдельным Общим душам и впускать, тем самым, зло в историческую жизнь?

В русском синодальном переводе Библии сказано, что люди, строя башню, желали сделать себе имя "прежде нежели" они рассеются по земле. На иврите разъяснено точнее. Всевышний повелел потомству Ноя наполнять землю, но люди попытались ослушаться Бога, устроили заговор, стали делать себе имя, строить башню, "чтобы не расселяться по лицу всей земли". Это, конечно, бунт. Расселяясь по земле, люди должны были наполнить ее собою, работать на ней, включать человеческое в общеприродное и общеприродное в человеческое. Вавилонские же строители специально искали и нашли особое пустынное место, где не было природного материала для строительства, где возможно было строить только искусственными методами, с помощью кирпичей и цементирующей смолы. Положившие начало нашей цивилизации вавилонские градостроители вообще не желали жить в Природе. Они затеяли деятельность ради деятельности, воздвигание ради воздвигания, нескончаемое строительство башни до небес.

Вот за что, значит, наказан человек? Вспомним, однако, что богоослушник Адам вторгся в глубину человеческой жизни и потому был изгнан и наказан. Вавилонские строители пожелали функционировать для себя, в обманной и искусственной деятельности на пустом месте. Их ослушание не на уровне причин и оснований, а на уровне поведения. За что же тогда Человечеству такая кара от Господа? Одно дело - Божья кара народа в какой-то момент Истории и совсем другое - наказание Человечества злом Истории, всем тем неисчислимым горем, которое накопилось с тех времен во всеобщей Истории народов. Нет, тут не наказание за ослушание, а что-то совсем другое.

Библия рассказывает нам то, что произошло, а не то, что **могло произойти**, продолжай люди действовать так, как они действовали в Вавилоне. Всевышний в самом начале оборвал вавилонское строительство, не дал осуществиться тому, что должно или могло случиться в результате его. И потому мы не знаем роковых последствий, во избежание которых Господь решил разделить единое человечество на народы и языки.

Когда Господь спустился посмотреть город и башню, то Он увидел, что люди сами по себе не отстанут от того, что задумали и начали делать, - что причины вавилонского действия глубоки и неустранимы, и люди не в состоянии отойти, не делать то и так, как делают. Нам, в наше время крайне важно понять: в чем эти неустранимые причины вавилонского дела и его краха?

В нашем XX веке самовозвеличивающиеся люди тоже, покинув Природу, попытались соединиться в деле искусственного строительства башни до небес. Век наш решился возродить и реконструировать вавилонское дело. XX век - Вавилонский век. Возможно, в этом его значение.

2(28)

Для спасения вновь заблудившегося человечества Господь пошел на экстренные меры, совершив в людях **две** разные операции, которые на русский язык почему-то переведены одним и тем же глаголом "смешал". Неточный перевод способствовал тому, что этот роковой и глубокомысленный эпизод жизни человечества воспринимается балаганом "смешения языков".

Первое из действий Божьих на человека в Вавилоне выражено в Библии словом "навля", что значит "увял". Последствия этого "увядания языка" взаимопонимания огромны и фундаментальны. Они, собственно говоря, существенно определяют с тех пор взаимоотношения между людьми. Божья операция по увяданию сафа ахад резко снизила в нас уровень "слышимости" друг друга, лишила людей полноты взаимопонимания, люди стали глухи друг к другу, перестали понимать друг друга с полувзгляда.

Из-за адамова грехопадения человек стал самостью, решающей что добро, что зло, и постоянно обманывающейся в этом. В результате второго вавилонского грехопадения произошло увядание языка взаимопонимания, и человек сделался **самостью самозамкнутой и отчужденной**. Сафа ахад давал людям возможность и силу легко пробивать кору самости друг друга. После того, как увял язык един, им стало куда труднее вступать в духовное общение и быть "ближними". Мы все знаем и сознаем эту особую трудность нашей жизни. Как-то иначе прервать вавилонскую деятельность было, значит, нельзя.

Вавилонское строительство показало Всевышнему, что человек **до самозабвения** привержен внешней совокупной деятельности, способен отдавать ей всего себя, полностью выливаться в ней наружу. Вавилонское поколение находилось в знакомом особенно XX веку состоянии порабощения внешней деятельностью. В таком состоянии никакая внутренняя работа души (и прежде всего духовный рост человека) невозможна. Да и сама внешняя деятельность имеет внутридушевные причины: как только накал духовной жизни в душе ослабевает, так тотчас человек стремится активизировать себя во всякого рода общественной деятельности, полагая исключительно в ней смысл и значение своей жизни. Вавилонская деятельность наверняка была вызвана духовным оскудением.

В самости своей человек противостоит высшему духовному Началу в себе. Ужесточив отделенность в самости, Господь тем самым в большей степени перенес ударение сознания жизни с общей (всеобщей) внешней деятельности человека в его самозамкнутую душу, во внутриличностную сферу, где борьба духовного Начала с самостью становится неизбежной и основной рабочей задачей души. Увядание языка, самозамыкание человека в самости загоняет его внутрь себя, заставляет его концентрироваться на своей внутренней жизни, сознавать и решать прежде всего ее проблемы.

Но если такова цель Всевышнего, то, надо признать, она не достигнута. В душевной отделенности сложнее получить необходимую для одухотворения духовную помощь от других людей. Да и пристрастие человека к внешней деятельности с тех времен не сошло на нет. Для увядания сафа ахад были, скорее всего, еще и другие причины.

Второе вавилонское действие Бога выражено в Библии словом "балаль". Балаль - это не путаница, перемешивание, смещение чего-то, а **Подмешивание** одного к другому - так, чтоб образовалось нечто третье. Таким путем масло, яйца и прочее подмешивают к муке, чтобы образовалось тесто.

Согласно стиху 7 главы II Господь спустился в Вавилон не один. Он сказал кому-то: "Давайте спустимся". И еврейские мудрецы, и христианские богословы согласны в том, что Бог сказал это 70 ангелам, которых христиане зовут "Престолами", а евреи - "Сарим"². Господь, спустившись в вавилонское поколение людей вместе со Своими "Сарим", подмешал их в человечество. Тем самым Он создал в человечестве 70 центров, вокруг каждого из которых образовались народные души, 70 отдельных народов и языков, обладающих своим чувством близости, своим стилем мышления, своей речью, своим особенным национальным переживанием жизни и взглядом на нее.

Сар - вершина и корень души народа, заключающая в себе ее глубинную мистику. Сар - дух-народоводитель. Сар (цар) устанавливает в душе народа цель и задачу в составе человечества, собственное направление ее развития. Тот особый склад Общей души, по которому она воспринимает свою грань религиозной Истины и имеет свое откровение реальности,

²"Сарим" - множественное число от Сар

придан ей Саром. В противовес всечеловеческой задаче вавилонского строительства Бог создал 70 разных задач и направлений развития, заложенных через Сарим в Общине души народов. Развитие послепотопного человечества привело к необходимости выделения из Единой души отдельных Общих душ, структуру которых мы изучали в первой части книги.

Общие души народов индивидуальны: каждая из них обладает своими психофизиологическими чертами, своей отличной от других культурой и моралью, руководствуется своими этническим и соборным разумом. Но Общая душа еще и личностна - и по тому особенному, только в ней действующему, только ей свойственному чувству ближнего, которое составляет основу ее интердушевного единства и потому, что в нее внедрен Сар, придающий ей **Персоналистическую целостность**. Обладая своим Саром, Общая душа через него мистически укоренена в Престоле Господа. Сар - глубинное "Я" Общей души. Через Сара, своим глубинным "Я", душа каждого народа по-своему переживает Бога, религиозно-персоналистически воспринимает и чувствует Его. Через Сара же Бог может сообщаться и обращаться к Общей душе.

Но, с другой стороны, Бог через Сарим разрушил сафа ахад, создал отделенные, друг друга непонимающие и отчужденные Общине души, живя в составе которых каждый человек начинает различать "чужих" от "своих". Что рано или поздно создает вражду между расселившимися в таком состоянии племенами. События Истории более всего обуславливаются различиями Общих душ, их личностными взаимоотношениями, их доверием или недоверием друг к другу, их приятием или неприятием друг друга, их близостью или чуждостью. Даже их близость друг к другу служит часто фактором раздора между ними, побуждая народы на взаимоотталкивание. Непонимание народом народа произошло вследствие разрушения Единой души и состояния сафа ахад.

Мы воочию видим, **Как** Господь Бог руководит жизнью человека. Во избежание соблазна вавилонской деятельности Он накаляет внутридушевную жизнь личности, выставляя ударение на борьбе человека с самим собою. Так же Он поступает, подмешивая Сарим. Вавилонское дело заводило человечество в какой-то тупик. И Бог, выводя его из тупика, не облегчает ему жизнь, а, напротив, выставляет на пути развития человечества новые ловушки, опасности и препятствия, которые реально угрожают народам гибелью. Тут, конечно, большой риск. Человек или народ, становясь духовно зрелым, не может, видимо, не идти на риск, на преодоление препятствий личностной или исторической жизни, на борьбу.

3(29)

Было время, земля растлилась, наполнилась злодеяниями и всякая плоть извратила свой путь на земле. Тогда и наслал Господь на землю потоп. Потоп - не просто всемирное наводнение, но и акт перетворения извратившейся плоти, в том числе и человека. Допотопный человек был выправлен с тем, чтобы стать пригодным для исполнения на Земле Воли Бога. Но человек сразу же после потопа задумал и пошел на противобожеское вавилонское дело. Как же так?

Ной - общий отец послепотопного человечества. Его три сына - три родоначальника всех людей. С сакральной точки зрения они суть три разных основания, три пласта жизни, на которых сначала была выстроена Единая душа человечества, а потом и Общине души.

Старший сын Сим (на иврите Шем - буквально: "имя") олицетворяет тот заглавный пласт духовного становления, где работают заповеди любви к Богу и любви к ближнему и где совершается духовный рост.

Другой сын Ноя, Хам, стал синонимом низменности, нечестивости, бесстыдства, человекопоругания, рабства и похабства. Но в изначальном библейском понимании Хам есть **теплота жизни** сама по себе. Эта та теплота жизни, которой, живя, живое существо разогревается от ощущений, чувств, эмоций, переживаний, возбуждений, от самого жизнедействия своего. Область Хама охватывает психику человека и его плоть, все его плотско-душевное целое. В качестве одного из трех начал Общей души Хам выражает интерплотскую и интерпсихическую свитость - этническую общедушевность.

Иафет, или Иефет - сфера открытости сердец друг другу, раскрытость света человечности в людях, общенность людей через культуру и мораль. Общедушевность Иефета - в морально-культурном слое жизни.

В лично-душевности Шем это полнота духовно-душевной Бого-человеческой жизни; Хам это полнота плотско-психической жизни; Иефет - полнота собственно человеческой жизни. Как начало Общей души Шем выражает чувство ближнего и религиозное сознание; Хам - чувство природной и психической сочлененности всех людей, ведущих род от Ноя; Иефет - чувство и сознание морального, культурного и интеллектуального единства. Все эти три основания, три пласта единства народа или человечества исходно равноправны и равнодостойны. Все вместе они должны были бы гармонизировать Единую душу и всю совокупность людей на Земле. Так должно было бы быть. Но так не стало. Причина тому - поведение Хама.

Если в Библии действует не только человек по имени Хам, но и хамово начало человеческой "теплоты жизни", то все сказанное в этом месте Библии обретает такой же глубокий и сакральный смысл, что и эпизод "грехопадения Адама". Ослушавшись Бога, Адам нарушил что-то в лично-душевной сфере человеческой жизни и был согнан из Эдена. Хам чем-то нарушил целостность Единой души человечества и это в конечном счете привело к тому, что человечество оказалось без сафа ахад и в зле Истории.

Ной - праведник, человек добра и доброты, человек душевной цельности, непорочности, человек, который ходил с Богом. Он - основатель обновленного человечества, его исток и его глава, всечеловеческий исходный центр, отец Единой души человечества, слышащего и говорящего на едином языке. Не просто отца и деда своего унизили Хам и Ханаан, они искохавили сам отцовский исток Человечества и испортили, внесли порок в душевную структуру нашего земного существования.

Мудрецы учили, что в результате поступка Хама плотско-душевное начало в человеке, его тепло жизни **нарочно разгорячилось**, человек плотски и эмоционально забурлил, пристрастился к чувственно-психическому самовозбуждению, закипел душой во плоти. Разгоряченное Хамом плотско-психическое начало стало алчным в человеке и нарушило непосредственное интерпсихическое взаимопонимание людей. Хам вышел из взаимного контроля братьев, предал отца своего и чувственно взвинтил себя.

Хам произвел порчу эмоционально-чувственной, плотско-психической жизни человечества - извратил жизнь души в плоти. Для исправления этой порчи и извращения потребовался бы новый потоп, исключенный по завету Бога с Ноем. Да и нужен ли он? Есть принцип человеческого существования: человек живет в тех грехах, которые сам же включил в свое существование. Так правит нами Господь. Всем и каждому из нас приходится жить с грехом Хама, и, неся грех этот, проходить дистанцию своей жизни.

Произведенное Хамом разгорячение плотско-психической жизни стало, как все мы знаем, порочной потребностью человека. В одни времена человек склонен почему-либо разгорячать себя больше, в другие меньше. Последние века эта склонность и потребность человека в саморазгорячении все усиливалась и усиливалась - немаловажная причина катастроф нашего и следующего веков.

Разгорячение теплоты жизни создает качественно новые различия между людьми: не только эротические, но и сугубо личностные. Разгорячение разгорячению рознь - и все индивидуальные особенности человека благодаря его психическому разгорячению громко заявляют о себе. В результате люди обособляются, скажем, по темпераменту, который сам собою выдвигается на несвойственную ему роль личностной характеристики человека.

Чем больше разгоряченность человека, тем рельефнее выражена его особость, его плотско-психические индивидуальные черты, его внутренняя отделенность от других, его выделенность, замкнутость и "единственность". Живостью и цветением нашей "личности" мы во многом обязаны праотцу Хаму. Немудрено, что человек нашего времени, духовно оскудненный в сравнении с человеком прошедших веков, вместе с тем так ценит свою "индивидуальность", стремится к ней и служит ей. Современная цивилизация и массовая культура обслуживают все возрастающие потребности разгорячения теплоты жизни и, следовательно, все более и более обозначающей себя плотско-душевной индивидуальности. Чем "цивилизованнее" страны, тем это явление заметнее. Но и в странах "нецивилизованных" теперь хотят того же.

Этнос определяется особостью теплоты жизни. Психические различия в облике народов - различия в национальном темпераменте, в характере интерпсихических связей, в своеобразной сдвинутой национальной психике - вызваны разгоряченностью хамова начала жизни. Каждая нация обладает своим типом разгоряченности, трудно совместимым с типом разгоряченности другой нации.

Опыт проживания со своим собственным типом разгоряченности теплоты жизни, оседающая в нравах, в обычаях, создает и свой особый стиль жизни каждой нации. Этот же опыт в конечном счете формирует установки этнического разума, который включает его в себя и работает в Общей душе в соответствии со стилем плотско-психической жизнедеятельности ее. Так возникает отделенность нижней половины Общей души, которую мы выше назвали Этносом. В условиях, когда один народ для другого неизбежно становился непонятным и чуждым, Этноты не могли не обособляться, и чем дальше они включались бы в историческую жизнь, тем больше они должны были расходиться и дробиться, становясь все более психически несовместимыми, чуждыми, враждебными. Произведенное разделение Единой души на Общие души спасало народы от всеобщей вражды и предотвращало бесконечную дифференциацию.

Хам повредил и извратил само основание плотско-психической жизни человека. В том числе он ввел в наше существование неживотный страх. Люди стали бояться друг друга и самих себя. Стало страшно разъединяться. В условиях готовых разбежаться и дробиться Этноты это было и действительно опасно. Понятно, что людей жало в кучу и под единое начало. Они пожелали быть вместе, держась друг за друга в едином городе-империи, Вавилоне.

Один из трех праотцов людей земли, олицетворявший одно из трех начал общедушевной жизни, совершил что-то такое, необратимое, что разрушает в человеке естественное сознание своего бессмертия - ставит под сомнение это сознание, обостряет страх смерти как полного уничтожения "Я", трагическим вопросом вводит смерть в сознание плотско-душевного естества человека. Делая себе Имя и воздвигая для воздвигания, вавилонские строители одновременно решали и вопрос бессмертия всего своего поколения - поколения могучих деятелей во главе с могучим вождем.

Имя, которое делают себе эти люди, - показатель бессмертия. Величие этого Имени и его бессмертие в веках принадлежит не отдельному человеку, а всем вместе, относимо не к "я", а к "мы". Рассеяться значит лишиться того бессмертия, которое есть в скоплении всех. Вечное и самоцельное строительство башни не для самоценности нужно им, а для сохранения сознания бессмертности **в сплоченности** людей друг с другом. Личное сознание бессмертия или бессмертия поблекло и заменено бессмертием сплоченности "мы". Отсюда внутреннее самоподавление "я" перед "мы" и сознание правоты и необходимости внешнего подавления отдельного человека сообществом всех.

С тех пор стало так, что чем сплоченнее чувствуют себя люди и чем больше их состоит в сплоченности, тем надежнее чувствуют они жизнь в себе, свою общую бессмертность. Усиление чувства сплоченности усиливает сознание единого целого, которое становится субъектом бессмертия. Так что человечество, вдруг ставшее единым целым, приобрело бы и ложное сознание абсолютного бессмертия. Подумайте над этим.

Впрочем, вавилонское дело совершилось до Истории, когда человечество еще не было разделено на отдельные Общей души, жило в Единой душе, разговаривало и слушало на едином языке, было объединено и по речи, и по душевному слышанию, и по установке этнического разума, и интерпсихически, и даже интерплотски. Такую сплоченность и, следовательно, такую силу сознания бессмертия сплоченности, а значит, и такое стремление к самовозвеличению и самосохранению общности, мы и вообразить теперь не сможем. Вавилонское "возвеличивание" создавала себе не отдельная нация, и не просто члены единого государственно-общественного организма, а то самое "всечеловечество", о котором мечтали, которое возвещали и ожидали многие мыслители последних веков... Первое, что стало делать это чаемое лучшими умами, состоящее из "ближних" и совместно мыслящее всечеловечество, - это строить башню до небес, делать себе Имя, дабы не исполнять Волю Божью.

Больше всего Ноя ужаснул младший сын Хама, Ханаан (Кнаан). Его-то и поспешил проклясть Ной. Он приказал ему быть и рабом у братьев своих, и рабом Шема, и рабом Иефета - быть **волько** рабом и рабом рабов. Что же должен был совершить внук, чтобы заслужить такую кару деда?

Ной узнал, что младший сын Хама что-то, как сказано в Библии, "сделал над ним" спящим. - Что? Из всего того, что мы знаем о кнаанстве в Истории, и о кнаанском начале в человеке, можно предположить, что младший сын Хама совершил нечто рационально не объяснимое: ударил ли, плюнул, дернул деда, помочился "над ним" или совершил какое-то иное бесцельное и бессмысленное действие над плотским и душевным отцом только что очищенного потопом человечества. Кнааном, видимо, движет память допотопного растреления Земли. Он сам есть остаток его. Сердце Кнаана, его натура требует зло гадить в мире. Таких людей называют подонками, мерзавцами, шпаной, хулиганами. Основная черта их поведения и движущая ими душевная потребность - **Глумление и глумливость**. Они грабят или насилуют не столько для того, чтобы завладеть чужим имуществом или удовлетворить половое влечение, сколько для того, чтобы при этом совершить акт глумления. Кнаан тот, кто может "просто так" убить, засыпать колодец или спалить дерево в пустыне.

Кнаанское зло часто недооценивается в обществе. А оно - мощное явление нашей жизни, общей жизни человечества. Кнаан - осквернитель человеческого в человеке, Ноя в нас. В этом его сущность. Адам и Ева обрели некий сугубо человеческий взгляд на себя и друг друга, по которому им стало стыдно. Кнаан не знает ни стыда, ни позора, он мало что бесноватый и растреленный, он демонстративно презирает совесть в человеке и моральные установления предков. Поэтому дом его, как и предрекал Ной, в неволе. Но немало кнаанов всегда ходит между людьми, таясь до времени, ожидая своего часа.

В отличие от всех остальных людей, в Кнаане нет искры Бога. Он остаток того жившего до потопа человечества, про которое сказано, что "все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время" (Б.6:5). Кнаан сохранил в себе и оставил в историческом человечестве тот род жуткой любви-ненависти, в которой самость нагло и зло утоляет свой психический голод, уничтожая образ личности другого и подавляя его волю (см. гл.10). На кнаанской душе были основаны культы Астарты, Ваала, Дегона, Молоха, нравы Содомы и прочее. Кнаанская душа определяет быт, нравы, представления и поведение блатного уголовного мира, где жизнь человеческая - ничто, мелочь.

В кнаанской душе отсутствует субъект духовного роста, духовное Я человека. Нельзя сказать, что в нем вообще нет верхней души, той самой, которая участвует в сплоченности общедушевного Собора. Она в нем есть, иначе он не был бы человеком. Но в Кнаане верхняя душа - с ее чувством ближнего, идеями и идеалами, с ее творчеством и верой - лишь **Прислуживает**, прикрывает и оправдывает главенствующую в нем нижнюю животную душу. Душа Кнаана в сущности подла, так как она не только пользуется высшее для нужд низшего, но и пытается в глумлении и унижении превратить высшее в то, что ниже низшего. Кнаан всегда стремится поставить духовных людей в положение своих рабов, - то есть в то положение, в котором по решению Ноя должен быть сам Кнаан.

Самый яростный атеист и материалист, как каждый человек, в глубине души знает и верит в ее несмертие. Кнаан же, в отличие от всех, знает, что он пришел **волько сюда**, только в земную жизнь, первый и последний раз. Его чувство себя, вся его психология и поведение определяются этим. Кнаан живет без имени. Ему присвоена кличка, прозвище. Он лишен **Имени собственного**, которое заменено наименованием или именем нарицательным. А Кнаану хочется сделаться персоной, обладающей своим Именем.

Сам Бог утверждал имена животных, которые они получили от человека. Получить Имя, значит укорениться в бессмертной ментальности слова, обрести бессмертие.

Животное укоренено в родовом Имени, человек - в Имени собственном, личностном. Ментальное, именное укоренение Кнаана "истреблено с лица земли" Господом во времена потопа. И Кнаану необходимо, если и не вновь укоренить себя, то заявить о себе в качестве личности, действующей в составе продолжающего быть человечества. Разумеется, это у него всегда обретает уродливые формы. Но иначе, не

уродливо, явить себя лично - псевдолично - Кнаан не может. Корень его мистически изъят из Слова и исключен из состава людей; Кнаан может только ужасать их, утверждая себя глумлением надо всем, что дорого их душе.

Всем Имя собственное "дано". Одному Кнаану - не дано. Отсюда его стремление "сделать себе Имя". Желание иметь Имя - одно из движущих мотивов Вавилонской деятельности. Строя "мигдаль" (на иврите одновременно и "башня" и "возвеличивание"), Кнааны желали сами делать себе Имя. Им нельзя расселяться - расселяться по земле без Имени...

Возможно, зараженных кнаанским духом людей было в то время не больше, чем между нами сегодня. Но в отличие от нас вавилонские строители находились в состоянии сафа ахад, в котором чувства, помыслы и движущие мотивы одних непосредственно в сопереживании воспринимаются всеми другими. Естественно, что кнаанское начало при его особой злобности, душевной агрессивности должно было чем дальше, тем больше заражать людей.

Резонно предположить, что Господь увидел в вавилонском поколении таких **носителей зла**, которые в условиях сафа ахад легко могли заразить злом всех других людей, передать им в души заряд зла. Если это так, то понятно, что людей - во избежание распространения зла между ними - нужно было душевно изолировать друг от друга и одну группу людей от другой.

Господь увидел, что в зараженных кнаанством людях сафа ахад начинает перерождаться. В по-кнаански сплоченных массах чувство ближнего не исчезает, но превращается в содомское чувство ближнего. Судя по всему, в Вавилоне возникла реальная угроза сплочения рода человеческого на основе **темной сафа ахад**.

Чтобы не допустить перерождения чувства ближнего в темное сафа ахад, Господь произвел "увядание" языка взаимопонимания, изолировал души друг от друга. Одновременно с этим Он создает персоналистический центр, общедушевное Имя собственное, "подмешивает" Сара и тем придает людям дополнительную устойчивость против кнаанства. Каждая Общая душа - личность, личностное существо, имеющее свое Я и свое укрепленное и "возвеличенное" Имя.

Вавилонское дело предполагает, что в сравнении с его "великими" задачами жизнь и личность человека ничего не значат. Это вполне соответствует кнаанской установке на жизнь. Потому-то в условиях вавилонского строительства Кнаан неизбежно выдвигается, конечно, мимикрируя себя. Вавилонские поколения создают лучшую почву для выхода Кнаана на свет в обществе. Надо учитывать и то, что вавилонские строители не могут опираться на верхнюю душу человека, так как именно она по духовному статусу своему должна главенствовать и руководить. Занятие вавилонским делом предполагает опору на нижнюю душу и приспособление верхней души для нужд нижней. Тут необходимо кнаанское глумление, напор которого только и способен предъявить святое в качестве паскудного. Мы знаем, как велика бывает в соответствующие времена потребность в глумлении, в специфическом кнаанском надругательстве и разбое, служащим для изничтожения прежде правящего типа национальной Самости.

Духовное помрачено в Кнаане. Но почему-то Кнаан не обессилен. С Кнааном небезопасно вступать в общение. Он имеет силу внедряться в другую душу. Он может заразить собою. Или хотя бы вызвать омерзение и тем все же испоганить другую душу. Даже в нашем, далеком от сафа ахад состоянии душ Кнаан находит черный вход в души людей. Возможность превращения человека в Кнаана, помрачение человека в Кнаане никогда не исключено. Особенно если с наркотиками или водкой. Кнаан - грозная опасность для человечества. Особенно в наше время.

5.(31)

Кнаан дословно означает "покорство". Такова другая сторона его природы. Кнаан или наглый мерзавец, презирающий все устои общества, или холоп, рабская натура, человек, испытывающий душевную потребность в покорности и наслаждающийся в ней так же, как в бесноватости и растлении. Для темного наслаждения и удовлетворения кнаанскому началу нужно властвование, нужен "хозяин". Кнаан - прирожденный раб

властолюбцев и сам жадно любит власть. Кнаан не мыслит себя вне самых грубых отношений власти-подвластности, отношений, которые составляют питательную среду для развития кнаанского начала, в душах. Но создать власть в обществе похотливый властолюбец Кнаан сам не в силах. Его власть - власть в шайке, в условиях разбойнической деятельности. Для захвата и осуществления власти в обществе необходимы качества, которыми Кнаан не обладает.

Нимрод - внук Хама и племянник Кнаана. Он первый, кто "начал быть" властелином: и в смысле обладания властью в обществе и в смысле главенствующего в человеке стремления к светскому могуществу властвования над людьми. Быть могучим на земле - вот поглощающая всю душу Нимрода страсть и его единственная задача в жизни. Этот внук Хама - первый, кто горит душою в похоти властвования над обществом.

Но чтобы удовлетворить эту похоть, чтобы суметь захватить власть, упрочить, расширить и распространить ее, надо обладать тем самым качеством, которое обозначено в Библии: быть могучим **в ловле** напротив Бога. Слово "неврод" означает "восстать", в смысле "подняться напротив". Нимрод поднялся супротив Бога, так как сделался могучим **ЛОВЦОМ ДУШ** в сети власти. Нимрод дал начало тому "суеверию власти" в душе, которое обличал Лев Толстой.

Кнаан и Нимрод близкие родственники. Хотя нимроды испокон веков обосновывают свою необходимость необходимостью защиты общества от Кнаана, усмирения его и приведения его к покорности. Кнаан - и когда он, как злокозненный разбойник, требует подавления и когда он покорная рабская душа - служит целям и стремлениям Нимрода. Нимрод и Кнаан - два полюса, между которыми все поле власти-подвластности общества. Нимрод и Кнаан **вместе** составляют **начало зла власти** в обществе.

Включение Сара в Общую душу зло власти не уничтожило, но в обществе введено еще одно, иное, высшее начало власти, о котором скажем ниже. Отныне Нимроды в своей власти должны так или иначе опираться на Сара, притворяться или стараться быть выражением Сара. Это делает власть Нимрода не абсолютной и шаткой, так как ему приходится присваивать себе духовное достоинство, которым он не обладает. Одновременно усиливается опасность обожествления властителя, приложения духовного переживания Общей души к земному Сару, к Царю. Как силен и понятен соблазн совместить в одном лице два начала власти!

Кнаан возвеличивает Нимрода, делает из него идола. Но Кнаан не знает Сара, действующего там, куда Кнаану нет доступа. Сар сплачивает в единое целое не кнаанов, а всех тех, кто не помрачен кнаанством. Народ, имея своего Сара, тем самым противостоит напору кнаанства. Отсюда ясно, что Кнаан может возобладать в обществе только тогда, когда в нем ослабнет духовное переживание общедушевности: чувство ближнего и сознание Сара. Созная Сара в себе, ни одна народная душа не пойдет на вавилонское дело и не допустит общество до заразы кнаанства. Однако Сар чувствуете и сознается в народе далеко не так отчетливо, как необходимо. И потому, в значительной мере лишая Нимрода и Кнаана силы зла, Сар все же не гарантирует защиту от идолопоклонничества и помрачения в кнаанстве.

6.(32)

Ной первый среди людей, кто насадил виноградники. Выпив от вина, он навеселе отправился в шатер жены своей. Это-то, по-видимому, и насторожило Хама, который уже прежде не раз вызывал недовольство отца и имел все основания опасаться появления конкурента, четвертого сына Ноя. И Хам решил обезопасить себя: порвать и свою связь с отцом и связь с отцом братьев. Расчет на то, что без единства с ними, тремя родоначальниками человечества, четвертый сын Ноя не сможет стать полноценной подменой ему, Хаму.

Когда заснувший Ной лежал раскрытый на брачном ложе, Хам, улучив момент, распахнул шатер матери своей, дерзко вошел внутрь его и посмел увидеть "эрва" Ноя. В узком смысле "эрва" это "срам" или нагота". В более широком и глубоком смысле "эрва" - кощунство, кощунственное отношение к тому, к кому должно быть трепетное и светлое

отношение. "Эрва", например, это кошунство кровосмешения родителей и детей. Взглянув в шатре матери на своего отца как "эрва", Хам тем самым злонамеренно нарушил вечную заповедь, по которой человек чтит отца и мать свою.

Эта заповедь, позднее занесенная на скрижали Завета, устанавливает особый род служения Богу. Завет "чти отца и мать" подчеркивает необходимость сохранять духовную преемственность сына к отцу. Смысл заповеди - сохранение связи поколений: и по психическому строю души (по началу Хама), и морально-культурно (по началу Иефета), и сторгически (по началу Шема). Вот такую-то преемственность сыновей к Ною и решил разорвать Хам. И немало преуспел в этом. С тех пор каждое новое поколение, поколение сынов, в той или иной мере психически не стыкуется, а то и противопоставляет себя поколению отцов. Хам ввел в человечество вечный конфликт психически недостаточно совместимых "отцов" и "детей" и тем нарушил нормальное течение потока жизни народа. Сохранять в таких условиях духовную преемственность поколений, несмотря на культуру и традиции, стало людям трудно.

Хаму мало разорвать свои плотско-душевные, психические связи с отцом Ноем. Ему нужно, чтобы одновременно были разорваны и морально-культурные и собственно душевные, сторгические связи с ним. Для этого он идет к братьям, живописует им то, что увидел, пытаясь заочно передать им взгляд на отца как "эрва" и приглашая их очно пойти и посмотреть. Произойди это, и устойчивая общедушевная жизнь стала бы окончательно невозможной. Однако Шем и Иефет ужаснулись на кошунство брата Хама. Взяв платье, они, пятась задом, плечом к плечу вошли в шатер матери и, отвернув лица свои от Ноя, прикрыли его плащом. Раздосадованный Хам тотчас принял свои меры.

Мы уже говорили о роли Кнаана в этом деле. В Библии рассказывается, что Ной, проснувшись, "узнал, что сделал ему младший сын его". О ком тут речь? О Хаме? Хам "видел" Ноя и хотел, чтобы братья "видели" - но он не "сделал" Ною, он "сделал" себе и всем нам, его потомкам. К тому же он не "младший сын" Ноя, и потому "сын его" это, надо полагать, не сын Ноя, а младший сын Хама, Кнаан, о котором, как о сыне Хама, здесь же специально упомянуто.

Когда братья отказались принять кошунственное предложение Хама, он, по видимому, предложил сыну своему Кнаану сделать что-то над дедом. Одни мудрецы полагают, что Кнаан довел "эрва" до последнего предела и изнасиловал деда. Другие считают, что Кнаан по заданию Хама оскотил Ноя. Так или иначе, но Ной проклял Кнаана и повелел ему быть рабом рабов у братьев своих. Что и осуществилось потом в реальной Истории.

Хам отказался от отца, разорвал связь с ним и братьями, которые сохранили духовную верность Ною. Внутренняя сплоченность Единой души человечества, основанная на трех началах его родоначальников, стала разрушаться. Надорвалась даже структурная связь между Шемом и Иефетом. К тому же Хам, совершив "эрва", порочно разгорячил человеческую психику как таковую, нарушил сафа ахад и ввел в сознание человека трагический вопрос смерти. Возникла угроза **Краха Единой души**.

Что же совершает Ной, спасая Единую душу? Его действия (гл.9, стихи 26 и 27, которые вынесены в эпиграф этой части) мы вполне сможем оценить впоследствии. Сразу же видно, что Ной, во-первых, выставляет Шема навстречу Богу, повелевает Шему благословлять Всевышнего, чтобы Господь смог сосредоточиться на начале Шема, выделить это начало в качестве основного исполнителя Своей Воли. Единая душа сохраняется от разрушения тем, что она поворачивается к Богу своей одной, шемовой, стороной. По замыслу Ноя, Бог Единой души прежде всего становится Богом Шема. Шем выставлен, поставлен впереди братьев, должен сохранять целостность Единой души и от ее имени служить Богу.

Во-вторых, Ной решает, что для целостности Единой души Иефет должен вселиться в шатры Шема. Сразу же осуществить это нельзя, но только вместе с Шемом и под его началом, понимает Ной, начало Иефета может нормально развиваться, не извращаясь и не замыкаясь. Третье ноево условие сохранения Единой души человечества состоит в том, чтобы Кнаан всегда и при всех обстоятельствах был в рабстве, в полном подчинении как у Шема, так и у Иефета. Место же Хама в Единой душе, как мы видим, Ноем не определено. Не поэтому ли меры, принятые им, оказались недостаточно эффективными?

Первоначальная структура Единой души не соответствует той структуре Общей души, которую мы разбирали в первой части книги. Вполне может быть, что в результате расселения человечества по всей земле в состоянии сафа ахад Единая душа обрела бы множество Этносов при едином для всех Соборе. В составе Единой души могли быть какие-то горизонтальные распластования, но не самостоятельные целостности вертикальных конструкций.

Из-за совершенного Хамом Единая душа **потенциально** приобрела новые черты вертикальных структур. Хам разорвал свои связи с Шемом и Иефетом, не может быть с ними вместе, и потому начало Хама стыкуется с началом Шема и началом Иефета **по-отдельности**. Связь начала Хама с началом Шема ведет к образованию вертикальной конструкции, которую в составе Общей души мы назвали Народностью. Очень важно, какая из этих двух вертикальных конструкций первой актуализировалась бы в Единой душе.

Ной в новых условиях озабочен судьбой и жизненной работой Иефета. Иефет трудится в собственно человечности, объединяя людей в морально-культурном поле жизни. Шем и Хам должны бы служить Иефету, а он - служить им. Но теперь, после поступка Хама, нельзя допустить, чтобы Иефет продолжал служить Хаму. Ной резонно боится возникновения хамской культуры и морали, которые, разумеется, только усугубили бы хамово падение человечества. Пожелание Ноя относительно Иефета далеко не всегда выполняется в Истории. И в древности, и в наше время Иефетова область лично-душевной и общедушевной жизни сплошь и рядом приспособляется человеком для дальнейшего разгорячения Хама в себе, для раздражения appetites эмоциональной сферы жизни и ее возвеличивания. Так, в современной европейской жизни Иефет в значительной мере выселился из шатров Шема и вселился в мешок Хама - то самое, чего боялся Ной.

Понятно, что в Единой душе первой актуализировалась бы ее филио-эротическая Самость. Да это уже и начало происходит само собой во времена Нимрода и Вавилонского строительства. Самость Единой души, как и национальная Самость, непосредственно выражает себя через филио-эротическую Самость Государства. Для первого строительства Государства нужен был гений человека Власти - Нимрода.

Нимрод - "силач в ловле перед Господом" в том же самом смысле, в каком "земля растлилась перед Господом". Как силач в ловле душ Нимрод есть орудие Самости Единой души. Нимрод мог словить душу в сети Самости, воплотить Самость Единой души в реальности, он уже создал как таковой "порядок" (темное ОНО) и установил Власть и Государство. Он же начал свойственное стремлениям Самости дело вавилонского "возвеличивания". Если ему удалось это, то, значит, **самость возобладала бы в Единой душе**. Ясно, что люди "теперь не отстанут от того, что задумали и делают", так как то, что они задумали и что делают, есть прямой результат того, что Единая душа человечества все более и более попадала бы в сети своей филио-эротической Самости. Единая душа грозила превратиться в **Единую Самость**, самовозвеличилась и заражалась кнаанством. Этого не предвидел Ной. Дело Божье на земле оказалось опять под угрозой. Спасти положение могло лишь Божественное вмешательство.

Конечно, Господь мог разрушить дело рук человеческих и более не допускать людей до неугодного Ему. Но важно понять задачу, которая встала перед Ним, когда Он спустился посмотреть на Вавилон. Задача эта была не в том, чтобы что-то прекратить и разрушить, а чтобы восстановить - **восстановить разрушенную целостность Единой души и увядшую сафа ахад**.

После адамова греха человек стал самовольной и самовоз-величивающейся самостью, был изгнан из Эдена на землю и должен сам восстанавливать свое духовное достоинство. Единая душа человечества в вавилонском грехе могла стать Самостью, а сам человек - самостью самозамкнутой. **Чтобы восстановить Единую душу и ее сафа ахад, Господь разделил ее на Общие души и изгнал человечество в Историю**.

Через Историю, в которой действуют Общие души, должна быть восстановлена Единая душа человечества и утраченная им сафа ахад. Вот смысл всего исторического процесса. Замысел мировой Истории в том, чтобы действующие в ней Общие души могли **сами**, пройдя **определенный Путь**, в результате его прийти к единству в Единой душе.

Не Бог восстанавливает Единую душу, а разделенное на Общие души человечество само должно восстановить ее. Бог намечает Путь, который Общие души в свободном духовном развитии должны сами **найти** и **Пройти**. Каждая из Общих душ может найти этот Путь или не найти, может найти и не пройти, пройти один какой-то этап, застрять в любом пункте Пути, зайти не туда, развиваться в тупик, сходить и возрождаться на Пути. Для этого и идет История.

Общие души образованы из Единой души, в которой стала возобладать Самость. И потому в Общей душе исходно преобладает потенция развития национальной Самости, которая, согласно своей филио-эротической природе, стремится быть самой звучной, самой великой в человечестве, поставить самое себя в центр его. Как Самости Общие души не могут не враждовать, не воевать, не бороться друг с другом. Человечество расселилось по Общим душам в борьбу. Зло Истории вызвано тем, что Общие души **участвуют в ней как национальные Самости**. Общие души в Истории сталкиваются между собой своими национальными Самостями.

Но Общая душа не только национальная Самость, но и сторгио-эротическая Народность. Одна из сторон Общей души по вертикали раздвоена. В столкновениях исторического процесса Народность всегда в тылах Общей души и выходит на передний план борьбы, побуждаемая национальной Самостью и в самые критические моменты, да и то ненадолго. Народность вовлечена в Историю, но неохотно участвует в ней. История часто грозит Народности разрушением, она опасна для нее. Первейшая задача Народности выжить в Истории, **выжить и развиваться**.

Дело восстановления Единой души человечества могло бы быть совершено, если бы Общие души состыковались не национальными Самостями, а непосредственно Народностями. Для этого, по крайней мере, нужно, чтобы Народность возоблала в составе Общей души. Но в реальных исторических условиях, когда национальная Самость постоянно находится в борьбе и раздражении, она не может вдруг сама собой стать безударной. Путь, предначертанный Общей душе Богом, предполагает перенос центра тяжести Общей души из национальной Самости на Народность. В нашей Истории это попросту невозможно. Хотя бы потому, что с каждым следующим поколением Национальная Самость меняет свое лицо, постоянно превращается, становится иной. Все попытки прочно и надолго поставить национальные Самости под единое начало бесполезны. Это и есть реставрация вавилонского дела, раз уже отвергнутого Господом.

Но, если даже предположить, что в конце концов человечество как-то исхитрится утихомирить национальные Самости и объединиться в Общий Дом или Соединенные Штаты, то и тогда задача воссоединения Народностей в единую Народность представляется неисполнимой. Интерпсихические общедушевности можно, положим, воспитать под единый шаблон, но унификация сторгических общедушевностей - главное условие для возрождения сафа ахад - немыслима и вряд ли даже желаемая.

Сама по себе Общая душа (такая, какой мы ее знаем) не может пройти предписанный Путь к Единой душе. Вот для чего Общей душе потребовался Сар. Бог разделил Единую душу на Общие души и "подмешал" в человечество **целый новый мир** - мир Сарим, чем и сделал возможным хождение Общих душ по Пути, ведущему к Единой душе, то есть в Царство Божье.

Восстановленная Единая душа не повторяет первоначальную Единую душу, которая была основана на благодати, единстве и целостности Начал Шема, Хама и Иефета. Восстановленная Единая душа должна быть основана **на единении Сарим**. Новая Единая душа это не сплоченность национальных Самостей и не единая Народность, а связь и единство Сарим.

Внедренный в центр Общей души Сар сам растет в ней и растит ее. Путь в Царство Божье к новой Единой душе, собственно говоря, проходит Сар вместе с Общей душой. Общие души должны под руководством Сарим достигнуть такого состояния, такой зрелости, которая дала бы возможность Сарим объединиться и тем ввести Общие души в новую Единую душу. В финале мировой Истории звучит хор Сарим.

Но это вовсе не значит, что основную путевую работу производит независимая от Общей души духовная сила Сара. Вершит Путь Общая душа в целом, давая Сару проходить Путь. Этот многосложный процесс мы в самых общих чертах и попытаемся уяснить.

Сар - одна из основополагающих инстанций души человеческой как таковой. Сар действует как в лично-душевной сфере, так и в общедушевной сфере человеческого существа. Сар "спущен" и в человека и в Общую душу. Учение о Сарим входит в число центральных пунктов общего учения о человеке и может быть полноценно развито только в составе целостного изложения духовной структуры человека. Пока что - предварительные замечания о Сарим, необходимые для дальнейшего проникновения в структуру и функционирование Общей души.

У человека две душевные области, две души: низшая (в области которой действует Общая душа), которую мы будем называть природно-душевное Я, и высшая душа, которую мы называем духовное Я. Духовное Я - центр духовного тяготения души, та высшая точка, на которую она ориентируется в духовном росте. Человек чувствует свое духовное Я в переживаниях идеала, слышит его голос, когда прозревает себя таким, каким должен быть и стать. Поднявшись на точку духовного Я, человек обретает способность судить себя судом совести и постигать в акте откровения новую для себя истину.

Сар входит в состав духовного Я, и вместе с тем это самостоятельное, самобытийственное, бестелесное духовное существо, заключенное в метаматериальные пределы отделенности. Как существо иноматериальное, Сар не обитает в мире природно-душевной жизни. Поэтому мы говорим об особом мире Сарим, а не о высшем пласте жизни или нашего существования.

В Вавилоне Господь продолжил творение человека, спустив в его природно-душевную жизнь и подмешав к ней мир Сарим. Конечно, и прежде мир Сарим имел некоторое отношение к человеку; но Сарим обитали в высших мирах, вне человека. После событий в Вавилоне положение Сарим и его функции в отношении человека кардинально изменились. Сар спущен в душу человека, внедрен в гущу ее, вошел в тесный контакт со всей природно-душевной человеческой жизнью. С этого момента Сар должен воспринимать и непосредственно реагировать на все движения низшей души человека. Оставаясь самостоятельным духовным существом, Сар стал рабочим органом духовного Я - **рабочей частью его**, обращенной к природно-душевному Я человека, в том числе, и к Общей душе.

Высшая душа связана с низшей душою силой Сара. Через Сара духовное Я влияет на низшую душу человека: осуществляет контроль над ней и направляет ее на духовное развитие, ее духовный рост. Однако мир Сарим не просто спущен и внедрен, а "подмешан" к природно-душевной жизни человека. Это значит, что не только Сар влияет на человека, но и человек на Сара. Сар **вбирает в себя** смыслы и образы природно-душевной жизни, ассимилирует их в себе с тем, чтобы затем влиять на них в природно-душевном Я.

Духовное Я напоминает дерево, питающееся и от Солнца, и корнями от почвы. Сар - корень духовного Я, который пущен в почву природно-душевной жизни, которым духовное Я укореняется внизу, в человеке (в том числе и в Общей душе) и которое, как корень, из глубины вбирает в себя человеческую душу, обогащается ею. Не только Сар нужен человеку, но и человек нужен миру Сарим. Это совершенно новое явление, которого не знал Адам. Это новый этап в сотворении человека - человека, вынужденного жить вне сада Эден, принявшего добро и зло, страдания и смерть. Сар, вбирающий в себя душу человека при его жизни, есть в некотором роде **бессмертная сущность** человеческой души. Повторю, однако, что учение о Саре может быть удовлетворительно развито только вместе с учением о духовном Я в составе общей душевно-духовной структуры человека как такового.

Сарим составляет Престол Господа - Его Трон, на который Он опирается, на котором Он восседает и с которого Он владычествует, престольничает. Бог спустил Сарим, спустил Свой Престол в душу человека. Он сказал Сарим: "давайте спустимся", - значит, и сам спустился вместе с ними. После Вавилона Бог имеет возможность править душами людей через Сарим, ставших рабочими органами духовных Я.

Божье управление душами посредством Сара не лишает человека его духовной свободы, так как Сар есть его же собственная духовная инстанция, которая "подмешана" к его душе и на которую он сам постоянно и активно влияет. Сар - посредник и орудие Божьего правления над существами, которые нужны Господу как существа свободно-духовные, именно в таком качестве исполняющие Его задание и работу.

Как же человек знает - чувствует и сознает - Сара в себе?

Все мы либо схожи, либо не схожи в вопросах веры, морали, культуры, в критериях разумности, в тех или иных принципах и ценностях, исповедуем и любим одно и то же или не одно и то же, придерживаемся одинаковых или разных взглядов на жизнь, - все это, так сказать, содержательное наполнение наших душ. Но сверх этого наполнения люди сходятся или не сходятся по самому восприятию, по стилю принятия в себя Истины, по характеру работы Совести в душе, по переживанию покаяния, Веры (даже одной и той же), Любви, по своему идеалочувствованию, по своеобразию хода духовного своего развития в жизни - по особости горения духовного Я в себе, по своему **типу одухотворенности**, который связывает души в самой глубине их. **"Ближние" по Сару** образуют душевное единство, осуществляемое одним и тем же типом одухотворенности.

Мои авторские духовные переживания и откровения полнее всего и вернее всего воспримут те, в ком внедрен тот же, что и во мне, Сар. Мы свободно встретимся мыслью и чувством друг с другом, уже зная друг друга духовно, будучи заочно сообщены через одного и того же Сара. В мире Сарим мы принадлежим к одному и тому же духовному роду. У нас один и тот же тип духовной жизни, один и тот же "вид своеобразности" духовного Я. Я, через нашего общего Сара - Ваш духовный друг, "другое духовное Я". Вы ищете меня и мне рады. И я пишу, бессознательно ища Вас. Нам важно найти друг друга в этом Мире.

Каждый Сар создает в человечестве некоторую **семью духовных Я**, включающую в себя людей разных народов и исторических эпох, принадлежащих к разным культурам, к разным психофизиологическим типам, разным вероисповеданиям и прочее, - но объединенных общим для всех характером одухотворенности, **родом рабочего укоренения духовного Я в душе**.

Все птицы и гады, звери и скот с самого начала созданы Господом "по роду их". Один человек, созданный по образу и подобию Божьему, - не "по роду". Внедрение Сарим в человека и разделение Единой души человечества на Общие души есть акт дополнения Творения - сотворения человека "по роду его". Человек обрел общедушевный "род" и духовный "род", род духовного Я. Сар объединил духовные Я "по роду".

Сар - как тип одухотворенности человека или как семья духовных Я - фундаментальное качество целостной души человека. Как найти, различить и определить это качество? Я думаю, что систематизировать Сарим можно легче всего, изучив **виды святости** человечества - общепризнанные и малопризнанные, признанные отдельными людьми и те, которые еще ясно не обозначили себя в мире людей.

Конечно, сознание своего Сара, именно **своего**, в лично-душевной жизни надо вытрудить. Это - одна из задач на Путь восхождения, которую мы разбираем в другой книге². Способность явить своего Сара в себе обретают только те люди, которые на Пути восхождения прошли личностное рождение. Таких людей всегда немного в человечестве: даже сегодня ими едва ли можно заселить крупный город. К тому же личностное рождение человек проходит не ранее 28-30 лет. Среди людей, не прошедших личностное рождение, есть такие, которые стремятся **узнать** своего Сара в работе другой души, ища "ближнюю" себе по Сару душу. Некоторые из них способны более или менее смутно ощутить свой тип одухотворенности через восприятие другой души. Подавляющее же большинство людей совсем не в состоянии найти своего личного Сара и в жизни следуют установлениям того или иного Сара, действующего в Общей душе, - **общедушевного Сара**.

²первый том "Пути восхождения" выпущен в издательстве "Гендальф" в 1992 году; второй том готовится к печати.

Далеко не все Сарим общедушевы. Многие из них обитают (всегда? пока что?) только в лично-душевной сфере, не выходя наружу, на позицию Общей души. Общедушевные Сарим суть те Сарим, которые Общая душа выбрала из лично-душевной сферы, которых она задействовала в себе и которые обитают в ней. Быть может, эти Сарим не из состава самых активных и продуктивных духовных Я, но они всегда - могучие Сарим. И вот в каком смысле.

Каждый Сар, будучи общим корнем семьи духовных Я, проникает в души людей и несет в семью духовных Я то, что получает из этой почвы. Души людей для Сара - плодородное поле, дающее урожай. Урожай этот собираем Саром для питания его самобытной энергии, для усиления его метафизической, иноматериальной мощи.

Плод, который потребляет Сар, это плод напряженной душевной работы человека. Немного людей способны на такой труд и желают его. Сарим, скорее всего, сидят на голодном пайке. Общая душа для Сарим прежде всего огромное освоенное поле, обещающее метафизическую сытость и, следовательно, мощь. Общедушевный Сар выделяется из других Сарим не духовной глубиной, а своей "полнотой", бестелесным своим "объемом", величиной, силой.

Общедушевными становятся только те Сарим, тип одухотворенности которых взят на вооружение Общей душой, и превращенный ею в один из нормативных образов установления, используемых в Общей душе. Общедушевный Сар - **Сар Силы**. Как более метафизически сильный, он давит на более слабых (хотя и нередко более глубоких, более явленных), чем он, Сарим, подавляет их своей мощью, тормозит их развитие, не дает им проявить себя - дело, к сожалению, обычное в народной жизни. Человека привлекает Сар Силы, и он стремится стать под знамена того или иного общедушевного Сара, - изменяя, бывает, Сару своему! - чтобы воспользоваться его мощью для самоутверждения и духовного подавления других душ.

В трудах лично-душевной жизни Сар самопроявляется, выявляется на Пути восхождения и в результате личностного рождения ставится в центр души. Лично-душевная сторона человека должна сама, своими путевыми усилиями выявить в себе Сара и подчинить себя ему. Личный Сар лишь мягко назначает духовно свободной душе человека, не более того. Иначе действует общедушевный Сар.

С самого начала, с Вавилона, властная сила общедушевного Сара призвана как власть духовная, "небесная", необходимая в противовес "земной" властной воле ловца душ Нимрода. Власть Сара наложена на власть Нимрода. Сила Сара должна править, диктовать, являть жесткую волю и узду, которые человек и **переживает в общедушевной стороне души как Власть**. Чтобы поставить себя под управление общедушевного Сара, никаких особых духовных усилий делать не нужно. Напротив, власть общедушевного Сара опирается на некоторое духовное бессилие людей, которые обычно **никакого** Сара в **своей** душе не знают и потому охотно подчиняются общедушевному Сару Силы. Чтобы послушаться общедушевного Сара, Сара Силы, надо обладать достаточным могуществом духовной свободы в душе, идущим от своего Сара.

Теперь мы, наконец, в состоянии обозреть ту проблему душевного основания власти, с которой некогда приступали к осмыслению Общей души. Подчеркнем сразу же: **Власть Есть одно из фундаментальных свойств Общей души в целом**. Явление Власти не может быть приписано какой-либо инстанции или функции Общей души. Мы видели, что Власть есть свойство и интерпсихического Строя и филического творчества и филио-эротической Государственности. Со стороны сторгической общедушевности Власть предъявляет себя в качестве Отца Общей души. Патерналистское отношение к Власти возникает в народе, как только Общая душа его склоняется работать в режиме Народности. В переживании Власти через процесс исповедания участвует и общедушевный разум. Духовно же Власть обеспечивается общедушевным Саром.

Сар - источник **духовной власти** в Общей душе, власти не светской и не Божьей, а собственной высшей духовной инстанции над Общей душой. Спустив Сарим в души людей, Бог установил в них духовную власть, которая правит сама по себе, но через которую может при нужде править и Он Сам. Не Он выбирает Сара Силы Общей душе, - это каждый раз делает она сама, - Он же, когда пожелает, управляет миром Сарим.

Отношение Общей души с Богом - через ее общедушевного Сара, который может быть более, а может быть и менее пригоден для этого. Бог правит (если и когда правит) Общими душами, не лишая их духовной свободы. Только через Сара Он пожелал обращаться к Общей душе и воздействовать на нее. Без Сара Общая душа существовать может, но - в Богооставленности.

Общедушевной стороной человек принадлежит Сару Силы и формируется им. Таково одно из условий существования Общей души вообще. Общедушевная сторона человека служит общедушевному Сару. Это идеальное служение Сару Силы переносят на Страну, Государство, Вождя, Царя, через которых человек выражает свою принадлежность общедушевному Сару, - не всем Сарим Общей души и не каждому из них, а какому-то одному из общедушевных Сарим, который становится в Общей душе **Саром Власти**.

Сар Власти - высшая инстанция Общей души в данный момент, ее несущий стержень, ее глубинное выражение и духовная персонификация. Обладая Сарим, Общая душа укореняется (может укорениться) своей высшей духовной инстанцией в Престоле Господа, - и народ получает Имя, которое и хотели "сделать себе" вавилонские строители. Сар Власти - основание персоналистической целостности Общей души. Без общедушевных Сарим, и Сара Власти прежде всего, Общая душа безличностна, духовно безвольна, живет, как человеческая стая.

Через свою высшую духовную инстанцию, через Сара Власти Общая душа обращена к Богу. Чувство Сара Власти в Общей душе есть жизнеощущение Общей души перед Господом. Сар Власти - носитель особого, только данной Общей душе присущего отношения к Всевышнему. **Общедушевное чувство Сара Власти - религиозное чувство Общей души**. У каждой Общей души свой стиль религиозного чувства. Общая душа знает присутствие своего Сара, Сара Власти в себе, чувствует себя в его присутствии и под его присмотром. Общая душа изнутри ощущает духовное ярмо Сара Власти.

Сар Власти един с Общей душой. Он "подмешан" к ней, чтобы, изнутри скрепляя ее, создать новое структурное качество - осуществить качественно новую целостность Общей души, обладающее своей **общедушевной Верой** и своей **общедушевной Совестью**.

Соборный и этнический разум светят через ту или иную общедушевность, но сами не в состоянии дать им свою волевую установку на жизнь и властно присутствовать в конкретном течении общедушевной жизни. Вероисповедание или этническая разумность сами по себе слишком неопределенны, нечетки, чтобы устанавливать ясное руководство движениями витальной стороны Общей души. Нужен выбор, ценностный отбор и точная расстановка ударений, которая и создается во властвующем типе одухотворенности Общей души. Сар воспринимает данные общедушевного разума, пропуская их **через** себя, производит личностный, соответствующий его типу одухотворенности отбор, устанавливает **основы** и затем превращает их в Веру, заставляя Общую душу **исповедовать** их. Без Сарим Силы общедушевный разум слабосилен, и вся Общая душа тускла и духовно аморфна.

Соборный разум возвещает общедушевную Истину, которая переводится общедушевным Саром в Веру, становится общедушевной Волей и, как воля, - исповеданием - внедряется в национальную Самость и Народность. Тем самым Сар оказывается посредником между сторонами структуры Общей души. Место общедушевных Сарим - между общедушевным разумом и общедушевными полями жизни. Место Сарим Власти - **в центре структуры Общей души**. Этот центр единит Общую душу, сцепляет части ее в совокупно живущую и работающую цельность. Без Сара Власти и, шире, без Сарим Силы ничто не мешает Общей душе начать разваливаться по частям.

Сар отбирает, устанавливает и усиливает воздействие общедушевного разума на общедушевные поля жизни, придавая этому воздействию идеальный статус должного, непререкаемого. Сар Силы - носитель Веры и генератор исповедальной мощи Общей души. Мало того, Сар Силы способен **будить** Общую душу, вершить суд Совести в ней. Сар Силы - внутренний Судья Общей души. Он накладывает узду общедушевной Совести и подает Общей душе сигнал нравственной боли, как только требования

общедушевной Совести нарушаются ею. Чем полнее звучит Сар внутри Общей души, тем слышнее в ней призыв и сигнал общедушевной судебной инстанции. По силе и слышимости этого сигнала можно, наверное, судить о степени присутствия Сара в Общей душе и об ее зрелости.

9.(35)

В лично-душевной сфере своего Сара надо вытрудить, явить в тяжких трудах души своей. Общедушевный Сар - сила и власть, действующие принудительно, к которым душа человеческая стремится прильнуть постольку, поскольку она вообще руководствуется назначениями Общей души. Два Сара - личный и общедушевный - могут даже встретиться в одной душе: столкнуться в ней или в ней начать сотрудничать. В такой встрече общедушевный Сар, каково бы ни было его собственное достоинство, действует в качестве несвободной духовной силы в человеке, ограничивающей и подавляющей свободное сознание личного Сара. Драматизм их взаимоотношений уместно осмысливать в составе учения о Пути восхождения.

Мир Сарим "спущен" в мир людей до распада Единой души. Общедушевные Сарим - это те Сарим, которые смогли выйти из лично-душевной сферы на просторы Общей души. Каждый Сар может стать общедушевным Саром. Но сам по себе отдельный Сар сделать этого не в силах. Чтобы выйти на общедушевные просторы, нужна связка Сарим, близких "по духу" (в прямом, непосредственном смысле слов) и решивших овладеть Общей душой.

Те из нас, чей личный Сар оказывается одновременно и общедушевным Саром, те и живут в согласии с собой и априори обеспечены поддержкой всего общества или каких-то его слоев. Особенно если это Сар Власти. Те же, чей Сар персоналистически не готов состыковаться с Саром Силы или Саром Власти, обретают дополнительную и мучительную задачу на Пути жизни.

Столкнувшись с такой задачей, личный Сар может постараться одолеть общедушевного Сара в себе, а может попытаться противостоять ему на его же территории, в Общей душе. К чему, я думаю, стремится всякий Сар. Еще раз обозначим отличие Сарим Силы, активно действующих в полях Общей души, от Сара Власти, обладающего преимущественной или господствующей духовной властью и находящегося в центре Общей души.

В Общей душе всегда происходит противостояние Сарим. В некоторые моменты их соперничество разгорается и решает судьбу народа, страны, Общей души. Российская интеллигенция в предреволюционные времена противопоставляла себя господствующим силам в обществе более всего как новый тип одухотворенности, как новый Сар Силы, диктующий свою мораль, свое переживание идеала, свой кодекс чести, свой образ жертвенного служения и свой стиль работы мысли. Именно в таком качестве она стремилась перехватить духовную власть в обществе. Оружием атеизма этот новый духовный орден сокрушил конкурента - русскую Церковь, то есть другой и враждебный ей тип одухотворенности, традиционно владеющий духовной властью на Руси. Кстати, интеллигенты, порывавшие со своим духовным орденом, обычно уходили опять в Православную Веру. Русская Общая душа стала поприщем отчаянной борьбы двух кланов Сарим за власть - борьбы не Света и Тьмы, а Света и Света. В результате этой борьбы оба Света обессилили себя и отдали духовную власть совершенно бездуховным и безсарным силам в обществе.

Классы или партии своего Сара, конечно, не имеют. Сар одухотворяет такие духовные движения, которые часто не представляются политикам решающей общественной силой. Однако соперничество Сарим имеет не меньшее практическое значение, чем борьба социальных классов или партий. Более того, борьба Сарим между собой, в отличие от наносной борьбы классов и партий, имеет реальный общедушевный смысл.

Мир Сарим, будучи включенным в общедушевную сферу человеческой жизни, решает в ней проблему Власти, **которая без Сарим нормально решена быть не может.** Без Сарим Власть общедушевно не обеспечена, безосновна, непрочна и легко вырождается, становится порочной. В человеческом обществе задумана не "власть

народа" или "власть сословия", класса, партии, одного лица или группы лиц, а Власть Сара, некоего типа одухотворенности, который придает всей Общей душе определенное направление духовного развития. Властные функции должны использовать те устройства народовластия, через которые Сар, ставший Саром Власти, способен полнее и лучше проявлять себя. Государственная власть должна **изнутри** руководствоваться установлениями властвующего в Общей душе Сара. В противном случае она - сама по себе, руководствуется собственными интересами и теряет всякий смысл, независимо от того, диктатура ли на дворе или демократия, бесконтрольна ли власть или подконтрольна.

Каждый Сар по своей внутренней потребности стремится сообщить себя той или иной Общей душе и тем в полный голос спеть в данный исторический момент свою партию в хоре Сарим. Сар, ставший в Общей душе Саром Власти, в свой "звездный час" исполняет свою заглавную партию. Разумеется, он желает продлить этот час и не рад соперникам.

Как всякое одухотворенное живое существо, Общая душа внутренне развивается и растет. **Смена** Сарим Власти обеспечивает в данный исторический момент тот стиль и тип одухотворенности, который сейчас свойственен Общей душе для ее дальнейшего восходящего развития. Это значит, что в Общей душе в любой момент должны иметь возможность открыто проявлять себя **все** Сарим, которые в силах заявить о себе. Конечно, это идеальное требование. Но и в реальности для перехода в новое качество Общей душе непременно потребуются соответствующий этому качеству и ей ныне еще неведомый Сар, достаточно развитый и окрепший, чтобы в нужный момент перехватить духовную власть; или - что не менее важно - способный духовно возродить нацию после стагнации или краха, вызванного (обычное дело) ослаблением влияния мира Сарим в Общей душе.

Здоровье Общей души непосредственно зависит от ее стремления включить в себя из лично-душевной сферы наибольшее число Сарим. Общей душе крайне важна **инакодуховность** относительно Сара Власти. Институты общественности и государственности должны служить свободе выражения одухотворенности (а не нелепой сегодняшней "свободе слова", чаще всего забивающей одухотворенные голоса). Это тем более важно, чем выше степень духовного развития Общей души. Широкий выбор Сарим Силы обеспечит Общей душе и развитие и самовосстановление. В мире Сарим наверняка существуют и Сарим возрождения. В лично-душевной сфере они всегда есть, весь вопрос - есть ли они в необходимую минуту в общедушевной сфере, в распоряжении Общей души.

Хотим мы того или не хотим, но развитие Общих душ замыслено Господом в смене Сарим, которая имеет основополагающее значение в жизни Общих душ. Духовное восхождение Общих душ - ломаная кривая, на каждом сломе которой новый Сар перехватывает у прежнего духовную власть. Хорошо бы увидеть, скажем, эпоху Просвещения или Реформации с этой точки зрения. Смена Сарим в Общей душе происходит постоянно. Так что сопоставлять исторические эпохи (тем более, делать прогнозы из этого сопоставления) надо крайне осторожно. Во времена Александра III на Руси действовали не те Сарим, что сейчас, - не та, значит, была и Общая душа, не тот народ. И возврата к тому народу нет, хотя многие психофизические черты его и сохранились.

Чем больше общедушевных Сарим, Сарим Силы у Общей души, тем она богаче. Сар Власти, выделяемый из действующего состава Сарим Силы, не должен подавлять их. И не может. Диктатуру Сара Власти в обществе устраивают желающие духовной власти люди, всегда стремящиеся ввести общедушевную жизнь в состояние духовной неподвижности, заморозить ее, остановить ее восхождение. Долгий духовный застой, осуществляемый функционерами духовной власти, ведет к краху Общей души и, как следствие, к разного рода общественным потрясениям. Говорят о неподвижности общественно-духовного бытия Востока. Возможно, в каком-то отношении так оно и есть. Но это явно не духовный застой в нашем смысле. Общие души Востока живут весьма долго и устойчиво. Не исключено, что по причине своевременной смены Сарим.

Каждый работающий в Общей душе Сар действует не для блага или благополучия Общей души. У него своя задача в хоре Сарим, и он действует в видах

грядущей Единой души Сарим. Сар живет через Общую душу, но ее не обслуживает, а выражает определенное общедушевное направление развития в человечестве, этим направлением заведует, за него отвечает, его предсказывает в мире Сарим и мире людей. По разным причинам заданное Саром Власти направление развития в реальности общедушевной жизни раньше или позже исчерпывает себя. Потому-то смена Сарим и, следовательно, смена или коррекция направления духовного развития есть жизненная необходимость для каждой Общей души.

Легче всего рисовать благостную картину духовного мира Сарим. Но Сарим - отдельные существа и по своей отделенности друг от друга способны дружить и конфликтовать друг с другом. В мире Сарим через мир людей идет своя напряженная интердуховная жизнь, сокрытая от нас. Согласный хор Сарим звучит только в конце времен.

Конфликтующие Сарим придают разность потенциалов, создают духовное напряжение между душами в обществе. Само по себе это - рабочее напряжение, вызывающее души на трудное духовное действие и взаимодействие. Душевные пороки людей превращают создаваемое Сарим рабочее напряжение в драку между людьми и народами, в ненависть и зло. В Общей душе Сарим всегда действуют не непосредственно, а через характерные типы (см. гл. 26), обладающие своей волей и разумом и могущие в порядке самодвижения выйти из-под духовного назначения Сара.

Сар Власти никогда не господствует сам, непосредственно; даже в теократии. Всегда от его имени господствует некоторый филио-эротический тип людей. Обязательно есть связь, даже взаимосвязь между определенными характерными типами Общей души и Саром Власти. При смене Сарим один характерный тип людей поднимает свой общедушевный статус, получает господство вместо другого. И наоборот: если по историческому случаю один характерный тип вытеснит с места Власти другой, то это легко может привести к затенению Сара Власти и к смене Сарим. Видимо, между Общей душой и миром Сарим существует динамическое взаимодействие. И оно сокрыто от нас. Сар вообще сокрыт в одеждах характерных типов и без них плохо видим. Люди еще не научились смотреть на него самого.

Тайный ход общедушевной жизни обусловлен взаимопроникновением двух связанных по воле Господа самостоятельных миров: мира Сарим и мира Общих душ. От движений в духовном мире Сарим изменяется что-то в жизни Общих душ И наоборот: от жизни Общей души зависят процессы в мире Сарим. Быть может, враждующие Общие души отравляют весь мир Сарим. Мы еще поговорим об этом.

10.(36)

Бытуя в общей душе, Сарим не всегда бодрствуют. Для каждой Общей души наступают времена, когда ее Сар как бы засыпает, уходит в тень, теряет силу. Тогда чувство Сара в Общей душе меркнет, и она все более перестает сознавать себя перед его судом, наблюдением, путенаставлением. Чем дальше общедушевные Сарим уходят в тень, тем опаснее угроза безрелигиозности и бездуховности. Общая душа задыхается и заболевает. Всеобщее обмещанивание, например, одна из таких болезней. Бодрствующий Сар - источник духовной неудовлетворенности народа, тогда как мещанство души основано на поисках довольства, житейского и морального комфорта и сопровождается духовным приглашением. Мещанская цивилизация, господство мещанских ценностей в Общей душе легко устанавливается при затененности Сара или его отсутствии. Многонациональные страны, не рассчитанные на работу Сарим, страдают мещанством.

Смена Сарим в Общей душе происходит не в любой момент. При бодрствующем Саре власти такая смена граничила бы с общедушевной катастрофой. Смена Сарим совершается тогда, когда Сар Власти сам уходит в тень. Тогда его место естественно может занять другой.

Ушедший в тень и затем благополучно вернувшийся обратно Сар Власти застаёт свою Общую душу в искаженном состоянии, и должен либо выправить ее, либо, если это ему не по силам, ее покинуть. Не исключено, что Сар уходит в тень для того, чтобы испытать свою сферу существования, - ту Общую душу, в которой он пребывает и в которой ему предстоит пройти отрезок дороги к самоосуществлению в Единой душе.

История - не кара и не искупление, а полигон ходовых испытаний Общих душ на выносливость, проверка их жизнестойкости и пригодности для осуществления задач Сарим. К тому же Общая душа, как и душа личная, духовно растет на преодолении испытаний - или рушится. Тяготы и угрозы Истории поставляют горючий материал для духовного восхождения Общих душ. Путь Общей души и Сара в ней - через беды Истории. История (поскольку она История, а не преддверие Царства Божьего) всегда беда или угроза. Историческое благополучие иллюзорно, хотя всегда, видимо, можно избежать катастроф. Мир и согласие на Земле возможны только в Единой душе, в которую Сарим должны привести народы.

Момент помрачения Сарим в себе каждая Общая душа переживает по-своему. Одни Общие души, искушаясь, пускаются в исторические авантюры и заболевают самовозвеличиванием. Другие Общие души перестают чувствовать самих себя, свою задачу и свои основы, становятся уязвимыми, легко поддаются чужеродному влиянию, изменяют себе и своему Сару Власти и по прошествии времени ощущают себя "соблазненными" и "поруганными". На самом деле они не выдержали данное им испытание временной покинутостью Саром.

Помрачение мира Сарим в Общей душе опасно еще и в другом отношении. Момент этот наиболее благоприятен для Кнаана и кнаанства.

Кнаанство - явление допотопного раствления человека, вынесенное Хамом через ковчег в наш мир. Перетворение потопа совершено Господом для уничтожения кнаанства в людях. Кнаан - порча Творения. Сама человечность помутнена и раствлена в Кнаане. Это род нежити, которая бытует в обличи человека с испоганенной душой.

Кнаан - грозная опасность для всего существующего. В том числе и для Общей души и для Сарим в ней. Зараженная кнаанством Общая душа исключается из человечества, выходит из существования, губя другие Общие души. Кнаанство - смертельная болезнь Общих душ. Симптомы кнаанства - симптомы бытийственной и метафизической гибели Общей души. Кнаанство - абсолютное беспутие, несовместимое с устанавливающим направлением развития Сарим. Кнаанство неподвластно Сарим и им противно. Противно и в смысле гадкого, отвратного, и в смысле противоположного, обратного. Кнаанство противостоит Сарим, способно выдавливать его из души человека и Общей души - духовно крушить души. Кнаан - не просто духовно неполноценный или душевно порочный человек, он - **саропротивник**, раздухотворяющий Общую душу. Он замуровывает в душах вход в мир Сарим и тем окончательно гасит духовную жизнь в них. Излечения от кнаанства нет. Кнаанство можно либо уничтожить, либо обратить в рабство.

Сар питается тем, что исходит из той Общей души, в которой он обитает. Общедушный Сар пасется на лугах Общей души. Кнаан для Сарим - отравленная пища, нечто совершенно отвратительное. Кнаан лишает Сара общедушного питания и отравляет его. Кнаан - отравитель Сарим и, в этом смысле, **губитель** их.

Вирус кнаанства содержат в себе почти все Общие души. Одни менее нетерпимы к кнаанству, другие более. Русь почему-то к кнаанству притерпелась. Кнаанство - топор, который постоянно занесен над русской (и - над украинской) Общей душой. По чувству самосохранения русская Общая душа всегда боится дать своему кнаанству волю, выпустить его наружу и потому, терпя кнаанство, тяготеет к жестким формам правления. В национальный тип одухотворенности русского человека, в его Сарим Силы включено мистическое сознание Дьявола и сознание духа Власти. Вопрос Дьявола и вопрос Власти - важнейшие духовные переживания на Руси. И очень болезненные переживания, по-разному выражающие себя в народе и в интеллигенции, даже самого рационалистического толка. Общедушные Сарим России особенно заострены на вопросах Власти, и светской и духовной. Не в последнюю очередь к этому вынуждает необходимость держать собственное кнаанство в рабстве.

Борьба с Кнааном была поручена еще Аврааму-еврею. Кнаанов практически нет среди евреев, нет и запаха их глумливости. Многие жесткие заповеди Торы, подтвержденные установлениями еврейских мудрецов, нацелены против возможности возникновения кнаанского зла в человеке. Сар Израиля победил Кнаана, обезопасил себя от него; еще и поэтому Общая душа Израиля так живуча в мировой Истории.

Сар Власти - в центре структуры Общей души. Сар держит целостность верхней половины Общей души, ее Собора, и нижней половины Общей души, ее Этноса. Сар воздействует на национальную Самость и Народность, руководя их совместным проживанием.

Приливно-отливные процессы Общей души в целом идут, наверное, не без участия Сарим. Качания "Самость-Народность" (см.гл.26) либо понуждаются общедушевными Сарим, либо ими санкционируются или при стечении соответствующих обстоятельств допускаются ими.

Вертикальные структуры Общей души несут отпечатки персоны Сара Власти. Снаружи Общей души, в ее национальной Самости (наружной "особости" Общей души) виден неясный отпечаток внешнего выражения этого Сара. Народность несет на себе внутреннее, имманентное Общей душе выражение Сара Власти и, шире, всех тех Сарим, которые когда-либо исполняли в Общей душе заглавную партию. Сар Власти расставляет ударения в воздействиях соборного разума. Его влияние заметно и на самом общедушевном разуме. По этим трем отпечаткам можно попытаться составить общее впечатление о персоналистических особенностях того или иного Сара Власти.

Сар Власти вовсе не управляет всякими движениями Общей души. В качестве высшей инстанции он задает ей общепутевую и общечеловеческую творческую задачу и ориентирует Общую душу на данном этапе ее развития. Ориентировка внутреннего развития, указываемая Саром Власти, обращена к Народности. В исторической же жизни Сар Власти более или менее определенно ориентирует национальную Самость. Но надо отметить, что находящийся в сокровитии Общей души Сар Власти не воспринимает то, что делается вне Общей души; он "видит" только, что происходит внутри Общей души, воспринимает собственные движения различных общедушевных инстанций, не ведая и не нуждаясь знать о воздействующих на них извне силах. Так что ориентация Сара Власти, даваемая национальной Самости, не прагматична и не учитывает реалий текущей политической жизни. Сар Власти направляет национальную Самость в исторической жизни **как таковой**. С этой оговоркой мы можем сказать, что в деле исполнения творческой задачи Общей души Сар Власти сотрудничает как с Народностью, так и с национальной Самостью.

Мало того, что Общая душа раздвоена на национальную Самость и Народность, - в ней национальная Самость преобладает над Народностью и часто подавляет ее. В текущей Истории Общая душа живет преимущественно в режиме национальной Самости, в котором она самовозвеличивается и вступает в борьбу с другими Общими душами. Так что без укрощения национальных Самостей - гибель. История и так кровавый ад, но необузданность национальных Самостей превратила бы Историю в непрерывную войну всех народов, в только бойню на всеобщее взаимное уничтожение. Сар Власти обуздывает агрессивные потенции национальной Самости. Если он почему-либо дело это не выполняет, то Общая душа неминуемо подпадает под диктат гипертрофированной национальной Самости, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Сар Власти - держатель Веры в ту Истину, которой светит общедушевный разум. Эту Истину Сар Власти передает Народности и национальной Самости в качестве исповедания: **исповедальной Верой** передает Народности и **исповедальной Властью** - национальной Самости. В самой Власти есть это исповедальное начало, которое не допускает распушенности национальной Самости, сдерживает ее, заставляет ее знать ответственность. Без Сара Власти, без исповедального начала Власти, национальная Самость разъяряется и желает Нимрода.

Более всего мы знаем Сара Власти по общедушевым идеальным переживаниям в Общей душе. Само переживание Идеала в Общей душе исходит от Сара Власти. Этим переживанием определяется специфика самочувствования Общей души. Смена Сарим Власти означает смену идеальных переживаний Общей души.

Чем полнее и четче сознает Общая душа присутствие Сара Власти в себе, тем рельефнее встает перед ней в данное историческое время ее собственный общенародный

идеал, то есть тот маяк, на который Общая душа призвана сейчас двигаться в своем духовном развитии. Чем слабее чувствует Общая душа своего Сара Власти, тем больше она блуждает в потемках: ей легко заблудиться, сбиться, зайти в тупик и прожить свой срок впустую.

Действие Сара Власти в общедушевной сфере напоминает действие духовного Я в лично-душевной жизни. Есть даже одно высокое переживание человеческой души, в котором Сар Власти и духовное Я оказываются вместе. Это - **зубство чести**. Честь схожа с религиозным чувством - и личным и общедушевым. Честь это прежде всего верность себе высшему - своему личному духовному Я и своему Сару Власти. Но субъект, переживающий чувство чести, не духовное Я и Сар, а самость человека. В качестве общедушевного переживания чувство чести есть высшая ступень, полная духовная наполненность чувства преданности, которое испытывает человек перед ликом Сара Власти. Сар Власти возводит преданность в честь. В чувстве чести Сар Власти представлен верностью голосу общедушевной Совести, идеальными переживаниями своего долга, достоинства и благородства. Общественная жизнь, не знающая чести, духовно неполноценна.

Говоря о чувстве чести, нельзя не упомянуть о чувстве **античести** - тяги к бесчестию, которым Кнаан нагло противостоит Сару Власти. В чувстве античести Кнаан открыто **отрицает** и духовное Я и Сара Власти. Это вызов, имеющий свой **Кодекс античести**. Кнаанство имеет темного рода идеальные переживания и в состоянии морально узаконивать их. Это дает кнаанству возможность действовать, мимикрируя человеческую мораль. "Право на бесчестие" выдвигается альтернативой чувства чести и силится заместить его. Кнаан подавляет воздействие Сара Власти на национальную Самость, освобождает ее от него.

Национальная Самость основана на одной и той же с Народностью интерпсихической основе. Национальная Самость обретает особость в Общей душе в культурном, интеллектуальном, филио-государственном действии. Фундамент своего склада характера национальная Самость наживает сама. Сар Власти поддерживает или не поддерживает эту работу и определенным образом акцентирует ее.

Два примера. Немецкая Общая душа охотно и умело трудится в филическом поле жизни. Она, видимо, любит эту работу. У нее свой особенный яркий моральный и культурный климат. Германский Сар побуждает национальную Самость переживать себя как носительницу высшей культуры. Спокойная тевтонская самоуверенность и достоинство основаны на сознании могущества от обладания всей филио-эротической жизнью национальной Самости. Таково всем знакомое внешнее выражение Германского Сара Власти.

Германский Сар Власти не только сам работает на национальную Самость и вместе с нею, но и побуждает активно работать на нее соборный разум немецкой Общей души. Германский Сар Власти накрепко соединяет соборный разум и национальную Самость, жестко внедряя в нее установки соборного разума. Отсюда нормативность немецкой мысли. Поэтому же немецкой Общей душе нужна собственная религиозность (что при всей самобытности культуры не столь необходимо, скажем, во Франции). Вряд ли найдется еще одна Общая душа, в которой Сар Власти столь непосредственно **правил** бы национальной Самостью. Германский Сар Власти - Сар "порядка". Он требует все на свете организовывать, упорядочивать и, главное, ставить на свое место. В жизни все должно иметь место, должно найти свое место, быть на месте - не любом или пригодном, а на одном, единственном, своем. Требование закреплённости всего существующего на свойственном себе месте не житейская черта, а идеальное переживание, духовный пафос, происходящий от Сара Власти. Германский Сар Власти страдает от беспорядочного, незакрепленного, неприкаянного. Это духовное мучение, глубинная боль Общей души. Отсюда и прусская дисциплина, и организованность, и культ долга, то есть долженствования своего места в морали. Отсюда же добропорядочность (добро порядка), благоустроенность, чинность, педантизм немца.

В отличие от германского Сара российский Сар Власти вовсе не склонен усиливать или активно задействовать филическую жизнь своей Общей души. Создается даже впечатление, что Сар этот в пору своей активности подает сигнал торможения на самостоятельное и бурное развитие чисто филической общедушевной жизни. Российский

Сар Власти, конечно, не враждебен к филической жизни вообще, но он к ней и не привержен и насторожен. Поэтому русская национальная Самость так легко брала напрокат плоды немецкого филио-государственного творчества и спокойно приспособлявала их к нуждам своей государственности.³ И это при том, что русский человек вовсе не страдает духом от беспорядочности и неприкаянности бытия. Филио-государственная жизнь по самоощущению Руси чем **проще** (по видимости, по схеме хотя бы), тем лучше. - Другой вопрос, что от такого стремления получается на деле... Нам тут важно исходное русское побуждение - не к сложности филической и, в частности, филио-государственной жизни, а как раз наоборот, к ясности и простоте ее.

Российский Сар Власти стремится привести всю общедушевную филио-эротическую жизнь к "смирению". Не допустить "гордыни" человека - требование общедушевное, глубинное, идеальное, исходящее от Сара Власти, действующего в данном случае через национальную Самость и таким образом обуздывающим ее. Но, вообще говоря, русский Сар Власти обращен спиной к своей национальной Самости. Каково внешнее выражение Российского Сара Власти? - неприметность, тихость, круглость. Российский Сар Власти не желает твердо исполнять прямое свое дело: стыковать Истину соборного Разума и национальную Самость. Непосредственное влияние Православия на собственно государственную жизнь (как и на русскую филио-эротическую общедушевную жизнь вообще) не столь значительно и более сказывается через канал этнического разума.

Другое идеальное требование русского Сара Власти - бескорыстие. Пожертвования и подаяния на Руси - не благотворительность, а выражение исконно русской одухотворенности, демонстрация достоинства духа бескорыстием подающего и жертвующего. Маммонизация русской Общей души - дело крайне легкомысленное.

Конечно, наши утверждения о германском Саре и российском Саре весьма относительны и приписаны к определенному историческому моменту. Если они и действительны для другого исторического времени, то, несомненно, в другой мере. В историческом завтра режим работы Общих душ может измениться.

12.(38)

Сар живет Общей душою и в Общей душе. Ею и в ней должен совершить свой нелегкий труд самосозревания. Судьба Сара зависит от Общей души. И судьба Общей души зависит от Сара. Будучи своего рода духовной конструкцией, Общая душа, как всякая конструкция, способна распасться, погибнуть. Но Сар - не гибнет. Сар бессмертен. Сар - бессмертная инстанция Общей души, продолжающая быть и после ее гибели.

Ноева Единая душа держалась сама по себе. Конструкция же Общей души держится на Саре. Не в том смысле, что, как таковая, она не может существовать без Сара, а в том, что покинутая Саром Общая душа обесмыслена и обречена. В историческом и провиденциальном смысле существование Общей души без Сара лишено высшей необходимости.

Общая душа - субъект Истории, но Истории текущей, совершающейся в настоящем. Исторические сюжеты, рисунок Истории во многом создаются взаимодействием и столкновениями Общих душ. Субъектами же глобального общедушевного хода в историческом времени являются Сарим, направляющиеся в Единую душу Царства Божьего с теми Общими душами, которые они при этом приведут с собой.

С Общей душой может случиться катастрофа - биологическая, этническая, историческая. Общие души сплошь и рядом рушатся и сходят со сцены Истории. Но их Сарим не исчезают. Сар Власти продолжает нести память о той Общей душе, которая питала его и в которую он вкладывал себя. Он продолжает жить и трудиться в человечестве - в качестве ли одного из Сарим Силы или в лично-душевной сфере. Когда-нибудь через лично-душевную сферу он, может быть, опять станет Саром Власти в

³Русская Общая душа делала усилия перенять от немцев "порядок", но не как стиль жизни, а только как атрибут властвования, и то теоретически.

другой Общей душе. Тогда он внесет в нее прежнюю свою Общую душу, сочленит эти две Общие души в одном и том же направлении духовного развития, одухотворит вторую наподобие первой.

Сар в разные эпохи способен сочленять различные Общие души в одном и том же векторе духовного развития. Однако общедушевный Сар все же, по-видимому, привязан к месту на Земле, к определенному природно-человеческому общедушевному полю, которое лежит в фундаменте Общей души, где первоначально этот Сар обитал. Вряд ли Сарим Общих душ Африки или Индии смогут прочно прижиться в Общих душах Европы.

В духовном отношении Народность - наиболее устойчивая инстанция Общей души. Существенно Народность изменяется, пожалуй, только при смене Сара Власти. И именно Народность несет в себе память о всех Сарим Власти, побывавших в контакте с ней. Иное дело национальная Самость, которая **меняет лицо** с каждым качанием Общей души, а то и с каждым новым поколением. Каждый раз национальная Самость стремится предстать в обличи новой Культуры, которая настаивает на своей "современности" как на достоинстве высшего духовного порядка. Это опасно. И вот чем.

При заходе в тень Сар оставляет после себя и вместо себя определенные характерные типы людей, которые он же сформировал, обогатил и которые теперь должны, замещая его, присутствовать в Общей душе. Духовная власть в таких случаях переходит от имени общедушевных Сарим к этим характерным типам. Конечно, для таких целей хороши соответствующие типы Народности. Но лучше других на роль заместителя Сарим годятся культурные или, расширяя понятие, интеллектуально-филические типы.

Воздействие Культуры и всей филической жизни на Общую душу близко воздействию Сарим. Культура судит моральным судом, схожим с судом общедушевной Совести. Идеальность культуры и ее идеалотворчество напоминают установление Идеала в Общей душе. Чувство центра филической жизни, как явление Культуры, напоминает религиозное чувство Общей души. Филио-государственная жизнь выставляет филический центр Власти свободно сочетающимся с установленным Саром духовным центром. Филические типы, подобно Сарим Власти, способны внедрить назначения разумности (интеллекта) в эмоциональную культурную жизнь, сочленя тем самым обе стороны структуры Общей души.

Действие культуры как бы параллельно действию Сарим. Для современного поверхностного наблюдателя общедушевной жизни Культура и общедушевная одухотворенность вообще одно и то же. Сар, конечно, не заменяет Культуру, действуя в Общей душе на другой глубине, нежели Культура. Но Культура на какое-то время способна замещать общедушевных Сарим.

Культура, созданная под лучами Сара Власти, в состоянии перехватить его функции, временно подменить его в Общей душе, продолжить заданное им направление развития. Это особенно важно на отливе, когда Сар, уходя в тень, переключается на национальную Самость. Культура - верхняя часть национальной Самости, ее голова. Одухотворенная общедушевными Сарим, Культура обеспечивает здоровье национальных Самостей. Национально одухотворенная Культура - могучая сила, сохраняющая и укрепляющая национальное бытие в Истории.

Филическая жизнь может исполнять в Общей душе функции резервирования общедушевных Сарим. Но, призванная исполнять эти функции, Культура, прикрываясь "современностью", способна установить свой автономный центр общедушевной жизни, независимый от действующих типов национальной одухотворенности; или подделывающийся под них, а то и конкурирующий с ними. Достаточно развитая культурная жизнь желает автономии и может - будем называть вещи своими именами - предать Сара Власти или своих, породивших ее общедушевных Сарим. Для Общей души в некоторые моменты это особенно бедственно.

Мир Сарим и мир Общей души вместе напоминают плод. Кожура и мякоть Общей души защищают своих Сарим и питают собою их всход в себе. Каждый всход Сара в Общей душе имеет свое направление - к Единой душе Сарим. Процесс всхода Сара в Общей душе мы будем называть **Путем Сарим**.

Как в личной жизни мы различаем событийную биографию своей жизни и биографию внутренней жизни своей души, ровно так же следует различать Историю и Путь Общей души. Путь запущен вместе с Историей. История Общей души по большей части вершится национальной Самостью. История - неразрывная цепь событий, непрекращающийся их разворот, она - сюжет, имеющий задачу быть сюжетом. История цели не имеет, ее нельзя "разрешить", привести к завершению ее сюжета.

В глобальном плане текущую Историю следует рассматривать как постоянное, но в каждый момент по-особому звучащее **хоровое** разноголосие Сарим, некоторые из которых находятся в латентном состоянии, но, тем не менее, не бездействуют в земных делах. Путь Сарим прокладывается в этом хоре и в событиях Истории.

Типы национальной Самости и типы Народности участвуют в Истории по-разному. Первые задействованы в сюжете Истории и сами ткуют ее событийную ткань. Вторые пребывают в этом сюжете, принимая его как нечто от них не зависящее, как историческую судьбу, в которую вписана их собственная внутренняя жизнь... Это, конечно, не значит, что Народности общедушевно пассивны или безответственны. У них иной общедушевный план жизни. Они живут не столько в Истории, сколько на Пути. Путь совершается во взаимоотношениях Сара и Народности. Замысел Божий осуществляется не в Истории, а на Пути, в совместном труде мира Сарим и Народностей. Путь Сарим имеет ясную цель и направление - Единая душа Сарим.

Делающие ход Истории национальные Самости никогда не смогут прочно спаяться в единое целое. Человечество в Истории обречено жить по своим скорлупам. Единая душа это единая Народность, одна и та же возрожденная сафа ахад - при, возможно, сохраняющихся, но теряющих звучание национальных Самостей. Единая душа восстанавливается на такой общедушевной основе, в которой национальная Самость опоры не имеет - на основе сторгической общедушевности, в области Шема, в поле самостоятельности Народности, а не национальной Самости, которая вне Пути, но не уничтожается в процессе Пути. Бог не уничтожает незаконно возникшие национальные Самости, но Свое Дело делает не ими. Единая душа - не единый народ, где одна речь, одна и та же культура, одинаковые интерпсихические особенности и прочее. Общие души войдут в Единую душу Сарим со своими национальными Самостями, но жить будут не в режиме национальной Самости (и, значит, не в Истории).

Путь проходят Сарим, сменяющиеся в общедушевном мире. Конечная задача и заданная программа Сарим - пройти Путь самим и привести Общие души друг к другу. Но не через чудо устройства Истории и либерализацию национальных Самостей, а внутренним образом, через то, что Бог Общей души есть **Бог Шема**, в шатры которого должен вселиться Иефет, то есть верхняя инстанция национальной Самости. Ной верно наметил Путь, но не он мог задействовать Божественных носителей и исполнителей Пути - Сарим.

Между Саром и Шемом (сторгической общедушевностью) особые отношения. Сар обладает способностью усиливать или ослаблять сторгическую общедушевность (ослабленная сторгия часто подменяется филической сентиментальностью). Зачем Сар это делает и что ему нужно? Быть может, он так учится работать с Шемом? Или, напротив, оставляет Шема, переходя на режим преимущественной работы с национальной Самостью в Истории? - Вопросы, вопросы...

Индусский Сар, кажется, вообще не желает жить в Истории, скорее, держит, а не совершает ее, останавливает, а не движет. Видимо, с какого-то момента Пути индусский Сар взял нулевой темп Истории, не обращая сугубого внимания на нужды национальной Самости. Значит ли это, что он исключительно занят Народностью и Богом Шема? Да нет же. У индусского клана Сарим **свой труд** на Пути, своя общедушевная путевая задача, постигаемая при ее выполнении в Единой душе Царства Божьего. Так же равно, видимо, и со всеми другими кланами Сарим и их путевыми ходами в Общих душах.

Сарим призваны в Общие души не для того, чтобы жить в сюжете, совершать Историю, создаваемую столкновениями национальных Самостей, а затем, чтобы

восходить на Пути к Единой душе. Сарим, составляющие Престол Господа, едины изначально. После вавилонского падения они спущены в душу человека, чтобы восстановить сафа ахад и заново собрать человечество. Принципиально важно знать, что они это могут и должны делать не через общедушевность Хама и не через общедушевность Иефета, и не во внеобщедушевном агапическом слое жизни, а **только через Шема**, в поле духовной близости.

14.(40)

Общая душа работает на два фронта: в Истории и на Пути. История - внешнее развитие Общей души в сюжете ее хождения в мире с другими Общими душами. Путь - внутреннее развитие семени Общей души, труд восхождения ее жизни; процесс творения ее собственной темы в возводимой Единой душе Сарим.

Задача Общей души на Пути - **пройти** Путь, **войти** в Царство Единой души. Задача Истории - **длиться** и быть фабулой; длиться, покуда не совершится весь Путь. Сюжет Истории должен дать совершиться Пути. История не имеет иного смысла, иной цели, она не завершается **сама**, она делает сюжетные ходы, поставляя напряженность, испытания, тяготы и драматургию дела внутреннего восхождения Общей души, проходящей **свой** Путь. Общая душа имеет смысл и цель только вместе с миром Сарим. Общая душа имеет путевой смысл, но не смысл исторический, путевую цель, но не цель историческую. Сама История никуда не ведет, тем более - в Царство Божье. Она вся в прошедшем. История не направлена и непредсказуема. Она стремится в следующий момент, но не в будущее, где завершается Путь.

Задача Пути - структурно окончательно собрать, взрастить Общую душу и включить ее в Единую душу Сарим. Зло на Пути - от духовных немощей Общей души, отрывающих ее от мира Сарим, срывающих ее восхождение и заводящих в тупик. Зло Истории крушит народы, обрывает Историю народа, не дает ей дальше длиться. Путевое здоровье - дело Божье и только иногда человеческое. Историческое здоровье - дело человеческое и редко когда - Божье. Сохранять же или не сохранять свое историческое здоровье - дело самого народа, его произвол.

Как события жизни отдельного человека оказывают влияние на душевную жизнь и процесс восхождения его духа, так и История народа влияет на Путь Общей души. С общедушевной точки зрения следует изучать не Историю саму по себе, а воздействие ее на работу Пути. Но и Путь сказывается на ходе Истории.

Не имея Цели, История постоянно ставит себе временные "цели", решает ближайшие задачи, мучается вопросом "что" ей конкретно **делать**. Путь участвует в историческом процессе, указывая "как" следует в данное историческое время **жить** народу. История нужна для того, чтобы дать возможность Сарим указать Общей душе, **как** ей следует жить во всегда меняющихся условиях существования во внешнем мире. История ставит задачи: как жить и как выжить. Сарим должны решать эти задачи в самой по себе общедушевной жизнедеятельности. История дает возможность активной жизнедеятельности общедушевному Сарим, обеспечивает их горючим материалом для их работы. Ставя сходные исторические задачи, Общие души живут различно, в зависимости от достигнутой ими высоты путевого развития. Тут История зависима от Пути. Но и Путь зависим от Истории, могущей предъявить Сарим препятствия или испытания не в подъем или не вовремя, поставить такие задачи, на которые у Сарим нет решения. Вот еще когда Общей душе необходима смена Сарим...

Общая душа может погибнуть в Истории и не состояться на Пути. История, бывает, мешает Пути, а то и сбивает с него Общие души. Безопаснее всего - но полноценнее ли всего? - Путь творится тогда, когда История не бурлит. Однако, без бурления Истории нет качественных перемен Пути, его взлетов. История же хаотично убыстряется при обвалах на Пути.

В Истории задействуются не те общедушевные инстанции и чувства, что на Пути. История опирается на материнское национальное чувство, на Этнос, национальную Самость, на Государственность. Общей душе на Пути свободнее живется сторгической жизнью, которая в этом случае привлекает к себе и для себя интерпсихическую жизнь. В Истории Общей душе вольготнее живется интерпсихической жизнью, которая включает

в себя и для себя жизнь культурно-моральную и интеллектуальную. Сар участвует в работе Пути непосредственно, совершая Путь. Участие Сара в Истории опосредовано, в основном, через национальную Самость. Сам Сар выходит (и выводит за собой Народность) на тропы Истории редко.

Общедушевный разум ментально включен и в Историю и в Путь. Общедушевный разум внедряется и в Волю народа, действующую в Истории, и в народную Веру, в народную исповедальную мощь, действующую на Пути. Для Воли нужны "цели" и вопросы "что делать?"; Вера указывает на образ жизни: этнической, культурной, сторгической.

Кто ответит, каково различие сторгического чувства в русском народе времен Екатерины и Александра II? Или: чем разнится народное вероисповедание начала XIX и начала XX века? Изучать Путь куда сложнее, чем сюжеты и роли Истории, культуру и экономику, интерпсихический климат или социальные пружины. Однако, Путь не тайна, совершается не в темноте, он может быть освещен и увиден разумом. Надеюсь, что знание структуры Общей души позволит аналитически подступиться к проблемам Пути.

Конкретное движение Общих душ в Истории не прогресс и не регресс. У Истории в каждый данный момент - веер векторов развития и множество конкурирующих предпосылок. Каждый из векторов имеет свои "причины", но История есть все же цепь **осуществленных** направлений внешнего развития Общих душ, и поэтому в Истории задействованы только ретроспективно познаваемые "причины" случившегося. Не следует поддаваться соблазну представить Путь в качестве глубинной причины Истории. Историософия, стремящаяся постигнуть глубинный ход Истории, спекулятивна.

Путь это восхождение. Но все же не прогресс. Прогрессирует ли мальчик, ставший юношей? Он перешел в другой возраст. И Общая душа на Пути переходит из возраста в возраст, меняя при этом Сарим. В Истории Общая душа использует или не использует те или иные исторические возможности, но не проходит возрасты. На Пути Общая душа взрослеет, но не с природной необходимостью, как взрослеет человек и животное, а самовластно, обладая свободой входить в следующий путевой возраст или не входить. Но и возвратиться назад, в предшествующий возраст, Общей душе тоже нельзя.

Увидеть Путь значит суметь различить смену возрастов внутреннего развития Общей души. В отличие от всего живого Общая душа, переходя в следующий на Пути возраст, не стареет, а приближается к состоянию полной зрелости и силы, в котором она только и может войти в Царство Единой души Сарим. Человек в первую половину своей жизни (когда он, взрослея, еще не стареет) с каждым новым возрастом обретает душою что-то новое, задействует нечто еще незадействованное в нем, включает в себя новые духовные возможности и качества. Душа человеческая, идя к зрелости, как бы все более и более собирает себя. То же и Общая душа. Конструкция Общей души не только разваливается под ударами Истории или собственной духовной неполноценности, но и **собирает себя на Пути**. Несостоявшиеся на Пути Общие души - те, которые не могут прочно собирать самих себя. Самособирание Общей души - трудный многоэтапный процесс, который иногда удается, чаще нет, который на каждом этапе может остановиться и не состояться. Хотя должен быть, я думаю, некоторый **критический возраст**, пройдя который Общая душа при всех бедах Истории остается на Пути.

Общедушевные поля жизни и ментальные уровни общедушевного разума изначально пусты, их необходимо **заполнить и собрать** вместе. Заполняются они в процессе самодеятельности Общей души. Дело это делается всегда, во всех возрастах Пути и при любых сюжетах Истории. Собирает же Общую душу на Пути Сар, сам наполняясь от нее. Возрасты Общей души это и этапы духовного произрастания ростка Сара в питательной среде Общей души.

Место Сара Власти - в центре структуры Общей души. Это значит, что он **всегда** более или менее отчетливо воздействует на все общедушевные инстанции и единит их. Сар не организывает саму структуру Общей души. Он, как оператор, поочередно **задействует** инстанции этой структуры и **собирает в работу им запущенное**.

При переходе из одного путевого возраста в другой путевой возраст центр Общей души перемещается - все выше и выше, в направлении из Этноса в Собор. Периоды и возрасты Пути определяются тем, на каком общедушевном уровне структуры находится

ее центр, из которого Сар фокусирует Общую душу. В соответствии с этим весь Путь удобно разделить на три путевых периода.

В первом периоде центр структуры Общей души устанавливается в Этносе; в этом периоде Сар фокусирует Общую душу на этаже Хама. Во втором периоде центр структуры Общей души перемещается вверх, на уровень филической общедушевности; в этом периоде Сар фокусирует Общую душу на этаже Иефета. В третьем периоде центр структуры Общей души поднимается еще выше, на уровень сторгической общедушевности; в этом периоде Сар фокусирует Общую душу на этаже Шема.

В первом периоде Пути - **возрастах Хама** - заполняется и обогащается по преимуществу этническая общедушевная жизнь. Контакт с миром Сарим осуществляется тут по этому, нижнему, этажу Общей души. Во втором периоде Пути - **возрастах Иефета** - ударение Сара выставляется на филической жизни Общей души. В этом периоде Общая душа контактирует с миром Сарим преимущественно через ментально-интеллектуальный этаж Общей души. В третьем периоде Пути - **возрастах Шема** - под особым ударением и заботой оказывается сторгическая общедушевная жизнь, которая объединяется с миром Сарим. Достигнув возраста Шема, Общая душа изготовилась вступить в Царство Единой души.

15.(41)

Структура Общей души задана, а не дана. Общую душу надо **собрать** на Пути, собрать и запустить в работу. Путь Сарим прежде всего и есть это собрание, осуществление, строительство, возведение Общей души и ее постепенное задействование. Периоды и возрасты Пути - этапы этого процесса. Каждому периоду и возрасту соответствует определенная степень собранности Общей души и степень ее готовности продолжать движение по Пути.

Структура Общей души, которую мы предъявили в первой части книги, не есть нечто окончательно завершенное, законченное; структура эта выражает определенный этап структурного становления Общей души - тот этап Пути, до которого дошли ныне действующие Общие души. И прежде структура Общей души была иной, соответствующей ныне уже пережитому возрасту или возрастам Общей души. И впредь структура Общей души будет меняться соответственно тому периоду и возрасту, в который войдет Общая душа. Правда, то, что осуществлено и задействовано в ее структуре, то в ней уже не отменяется. Общая душа, конечно, постоянно изменяется, но не на Пути, а во внепутевых процессах. Общая душа - конструкция, собранная из звеньев. Звенья эти из века в век, а то и из десятилетия в десятилетие изменяются. Бывает, что изменяется только одно звено (интерпсихическая общедушевность, скажем, или филическая общедушевность), но это влечет за собой более или менее значительные изменения во всей структуре. В каждый момент Истории: вчера не тот народ, что сегодня. Но - один ли и тот же народ? Вопрос всегда болезненный и, думаю, неправомерный. Другое дело - гибель Общей души, ее структурный распад или ее поглощение другой Общей душой. Моменты такого рода можно фиксировать в действительности. Но как зафиксировать перерождение народа в другой народ? В какой момент? По какому параметру? По Сару Власти? По общедушевному разуму? По Культуре? По сторгической общедушевности? Или по Народности? Ни то, ни другое, ни третье. На Пути Сарим идет такой процесс, который исключает саму постановку этого вопроса.

Общая душа не перестраивается или перерождается, а собирается на Пути - звено к звену, конструкция к конструкции, пока не соберется вся, целиком. Каждый новый момент в восходящем развитии Общей души - новый этап структурного самостроительства, новый возраст, в чем-то отменяющий прожитой возраст. Но отменяется ли при этом народная душа пережитого возраста - нельзя сказать. Важно только: нацелены или не нацелены данные общедушевные превращения к завершенной конструкции, которая явит себя в конце Пути как цельная структура Единой души Сарим. Вот что нужно знать. Попытаемся в общих чертах разглядеть основные этапы самостроительства Общей души на Пути.

Строительство Общей души началось сразу же после прекращения Вавилонского возвеличивания. Вавилонская Единая душа несла в себе некоторые тенденции структурного развития, осуществленные затем в Общих душах на разных этапах Пути. Но в первые послевавилонские времена Общих душ, собственно говоря, еще не было.

Люди в Вавилоне перестали понимать друг друга, их язык взаимопонимания - сафа ахад ноевой Единой души - "увял". Встречные сторгические движения душ сохранились в лично-душевной сфере, но сторгической общедушевности, как общенародного поля духовной близости в которой только и может осуществляться заповедь любви к ближнему, видимо, не было. Не было, значит, и сторгио-эротической Народности.

Существует человек - существует, разумеется, и его культура, мораль, религия. Но в первом, **варварском возрасте** Хама, с которого всякий народ начинает хождение по Пути, соборной народной жизни не существовало. Масса филической жизни только-только набиралась. Были и зачатки соборного разума. Но в варварском (потому и варварском) состоянии Общей души ее сторгиа и филиа активно не задействованы и плохо знакомы с соборным разумом. В варварской Общей душе нет ни Народности, ни национальной Самости, ни верхней половины Общей души, ее Собора.

Варварский возраст Хама - допутевой; но и предпутевой. Тут своего рода подготовка, вступление к Пути. В современном мире немало вторичных общедушевных образований, проживающих в Истории и **свой** Путь не проходящих. Но Общих душ, находящихся в преддверии Пути, давно нет. Они жили только в эпоху первичного расселения, когда человек по Воле Бога осваивал Землю. Вся целостная жизнь формировалась тогда **Его** Землею. Человек в те времена - "часть Природы" и погружен в природный круговорот. В Общей душе создавался ее нулевой этаж, ее фундамент, природно-человеческое общедушевное начало. В варварском возрасте Общая душа держится магическим сознанием. Роль соборного разума в ней играют духи Природы, которые обуславливает главенство магического сознания в душе человека и в обществе. Единящая способность магического сознания и по сей день заметна в Общей душе.

На фундаменте общего природно-человеческого начала в варварском возрасте Хама идет процесс созревания этнического разума и интерпсихической общедушевности, которые магическим сознанием собираются в единое целое Этноса. Общая душа в первом возрасте Пути - Этнос и только Этнос.

Мир Сарим "спущен" в Вавилоне и "подмешан" к душе человеческой. Человек как таковой несет в себе Сара, все более и более проявляя его в трудах своего духовного роста. Духовно взрослея, человек включает Сара в жизнь, дает ему жить через себя, рождает его в своей душе. Момент рождения Сара в душе мы назвали личностным рождением на Пути восхождения человека. Только на ступени личностного рождения Сар вполне включается в человеческую жизнь, в некотором роде сам начинает жить человеческой жизнью. Надо ясно сознавать, что в общедушевной сфере Сарим неоткуда взяться, как только из лично-душевной сферы.

Предположим, что в мире людей задействовано столько Сарим, сколько на данный момент есть личностно рожденных людей. Их и сейчас мало. Я уже где-то говорил, что сегодня ими едва ли можно заселить большой город. В варварские времена личностно рожденных людей, скорее всего, не было. Да даже если и были, то они не смогли бы внедриться в Общую душу. Чтобы личному Сару стать Саром Силы, ему нужно обрести вес и влияние в Общей душе, найти свое положение в ней, одухотворить собою и подчинить себе некоторые влиятельные характерные типы в обществе, которые в варварском возрасте погружены в стихии Природы и вовсе неподвластны личному Сару. В этом возрасте Пути в Общей душе нет ни Сарим Силы, ни Сара Власти. Поэтому нет и Государственности.

В первом возрасте Хама племенная душа не имеет духовного центра, не знает отдельного общедушевного Сара и контактирует с миром Сарим как таковым. Задача мира Сарим в этом возрасте состоит в том, чтобы вырвать Общую душу из природного (вернее: из природно-человеческого) плена, оторвать ее от духов Природы, вознести ее над ними, сделать ее автономно живущей. Собственно, для этого дела Общая душа и подключена к миру Сарим.

Через погружение мира Сарим в варварскую Общую душу устанавливается связь Сарим и Природы. Сарим как бы расселяются по лику Земли вместе с людьми, привязываются к определенному **месту** еще до вхождения в общедушевную жизнь каждого отдельного Сара. Без этой привязанности к месту на Земле личному Сару впоследствии трудно стать Саром Силы в Общей душе. Не исключено, что многие Сарим Силы закреплены на **своей территории** - и общедушевной и природной. Это подтверждается практикой жизни. Чем евреи не удружили, скажем, украинцам или полякам? Тем, среди прочего, что древний Сар Израиля оказался и действует - или не действует, но хотя бы присутствует - на территории других Сарим. И те протестуют. Так будет до тех пор, пока Сарим не начнут в Общих душах путевой процесс обживания другой, внеприродной территории. Но тогда будут и другие проблемы.

16.(42)

В первом возрасте Хама образуется Этнос и намечена национальная Самость. Во втором - **языческом** - возрасте Хама этнический разум сформирован и задействован. Филическая общедушевность набирает массу, достаточную для образования в структуре Общей души национальной Самости. Языческая Общая душа это прежде всего Этнос и национальная Самость вместе. Народы Древнего Мира проходили именно этот возраст Хама.

Представления, смыслы и умозрения соборного разума, сколь бы ярки они ни были, лишены во втором возрасте Хама силы непосредственного управления витальностями Общей души. Соборный разум тут в состоянии воздействовать на интерпсихическую жизнь только через этнический разум, но не сам по себе. Второй возраст Хама потому и языческий, что в нем соборный разум играет, по сути, третьестепенную роль. Религиозные войны в языческом возрасте немислимы - и не из-за веротерпимости (как это выглядит для взгляда издалека), а по недостатку исповедальной мощи и религиозной ревности.

Во втором возрасте Пути соборный разум и филическая общедушевность свободно взаимодействуют. Филио-государственное, интеллектуальное и морально-культурное творчество языческого мира, достигая нередко высоких ступеней, все же более пользовало кладовые соборного разума, чем руководствовалось им. Эта филическая "свобода" язычества от соборного разума стала привлекательной для целого ряда мыслителей Нового времени. Хорошо бы помнить, что "свобода" эта проистекала от неполной собранности Собора Общей души и слабости собственной исполняющей воли соборного разума.

Варварская Общая душа погружена в Природу, в ней нет духовного центра. Языческая Общая душа - уже путевая душа и живет вполне автономно. В ее духовный центр включен и работает Сар Власти. Но в ней нет конкуренции Сарим. Лично-душевные Сарим остаются в своей сфере, не выходя на общедушевные просторы. В то же время центр языческой Общей души чрезвычайно прочен и установлен между этническим разумом и эротической общедушевностью. Во втором возрасте Хама Сар Власти жестко сочленяет обе стороны Общей души, но не на уровне ее Собора, а на уровне нижней ее половины, Этнуса. Сар Власти усиливает установки этнического разума языческой Общей души и всей своей духовной мощью внедряет их в интерпсихическую жизнь и национальную Самость. Отсюда господство несвободного духовного сознания во втором возрасте Пути, где нет места сознанию свободы жизни, где правит сознание Рока, неизбежности, Судьбы, предопределения.

Основное действие общедушевного Сара в языческом возрасте сосредоточено по линии: "этнический разум - Сар Власти - национальная Самость". Язычник переживает идола филио-эротической национальной Самости в качестве высшего духовного начала. Языческая Общая душа вся вовне, острее всего ощущает себя в столкновениях с другими национальными Самостями, в сюжетах Истории, обращена наружу, от себя. Внутренняя работа в ней только начинается. Общедушевная сторгиическая жизнь все еще слаба и едва ли в состоянии образовать полноценную сторгио-эротическую Народность. Языческая Общая душа мало способна работать в режиме Народности. Она работает в режиме национальной Самости; либо гибнет.

Общие души во множестве возникают и исчезают в Истории, не успевая пройти, а то и начать Путь. Далекое не все Сарим задействованы в каждый исторический момент. Им, видно, не хватает жизнеспособных, самобытных и в достаточной мере сработанных Общих душ. Некоторое историческое время Общая душа даже способна функционировать сама, не через Сара. Интерпсихическая, морально-культурная и сторгическая жизнь в таких Общих душах подражательна и соборный разум взят напрокат. Эти переимчивые образования, бывает, живут по воле случая долго, имеют свою богатую Историю, но не продвигаются на Пути.

Сама по себе имитационность культурной, моральной и интеллектуальной жизни вряд ли является препятствием для полноценной соборной работы Сара в Общей душе. Общие души естественным образом соединены по филическим каналам и культурно влияют друг на друга. То же и соборный разум, в полноте своей обычно создаваемый усилиями многих Общих душ. Эротическая общедушевная жизнь испорчена Хамом, и ее своеобразие не должно быть существенно для путепроходца Сара.

Судя по всему, языческая Общая душа тогда становится пригодной для дальнейшего путепрохождения, когда начинает жить своей, только ей присущей сторгической жизнью. Языческий возраст Пути - это время постепенного накопления сторгической жизни, которая вкупе с этническим разумом формирует соответствующий сторгии интерпсихический характер нации и, следовательно, ее Народность.

Сегодня нам трудно представить, что в Общей душе может не быть внутренней жизни, что нет ни Народности, ни самодовлеющего соборного разума. Нам так трудно это представить потому, что человек нашего века живет в мире, где обитают Общие души, распростившиеся с языческим прошлым. Но как таковая путеносность Общей души определялась именно в языческую пору Пути Сарим. Тайна зарождения Общей души, живущей в третьем возрасте Хама, кроется, видимо, **в рабочем сочетании** начал своей сторгической жизни и своего этнического разума. Вот, видимо, главное условие образования Народности в структуре Общей души.

17.(43)

В третьем - **вероисповедальческом** - возрасте Хама существенно изменяется роль и значение соборного разума. Во втором возрасте Хама соборный разум выделяет себе более или менее обширную сферу жизнедеятельности и ею довольствуется. В третьем возрасте Хама соборный разум - главная действующая сила и претендует на руководство всей жизнедеятельностью Общей души.

Мощь соборного разума в вероисповедальческом возрасте Пути выражается в исключительной осязаемости сознания наивысшего духовного состояния - всего ли общества, монашествующей ли группы, или отдельного человека. Степень автономности соборного разума в Общей душе вероисповедальческого возраста видна из того, что соборный разум может быть перенят извне, быть по сути внациональным и наднациональным.

Разумеется, для вероисповедальческого возраста Хама потребно совсем другое содержание соборного разума, чем для возраста языческого. Для целей третьего возраста Пути соборный разум прицельно и заранее приготавливается задолго до вхождения Общей души в вероисповедальческий возраст. Прорыв Истины, на котором впоследствии воздвигается новый соборный разум, совершается в общем случае за 5-7 веков до вхождения Общей души в третий возраст Хама. Войдя в вероисповедальческий возраст Пути, соборный разум обретает официальный статус **вероисповедальческой власти**, которая успешно конкурирует с филио-государственной властью.

Место центра Общей души в периоде Хама перемещается в соответствии с возрастающей ролью соборного разума. Изменение сознания общедушевного центра влечет за собой изменение сознания Власти в Общей душе. В варварском возрасте Хама это сознание выражает себя в Вожде племени, в языческом возрасте - в обожествляемом Властелине, в вероисповедальческом возрасте - в Помазаннике Божьем.

Для совершения путевого перехода Общей души в третий возраст Хама человеку надо узнать себя, свою душу и тело иначе, понять свою жизнь и ее задачи по-новому, достигнуть другого качества самопостижения. Сакральные истины соборного разума должны быть одновременно и возвышенны и глубокомысленны и доступны широким массам и интеллектуально продуктивны и пригодны для филического творчества. Новый Собор поначалу обкатывается не в Общей душе, а в изолированных группах или сектах. Недаром первохристианские или первобуддийские общины выдвигали себя за пределы Общей души, создавали как бы отдельный Собор, со своими особенными сторгическими связями, со своим филическим творчеством, но с приглушенным, старательно безударным этническим основанием. По образцу такого изолированно созданного, по сути уже внеобщедушевного Собора затем и строился Собор Общей души в вероисповедальческом возрасте Пути.

Сар вероисповедальческой Общей души подгоняется под соборный разум и обслуживает его. Во втором возрасте Хама наиболее эффективно действует Сар, духовная сила которого принудительно внедряет установку этнического разума в Общую душу. В третьем возрасте Хама наиболее эффективно в Общей душе действует соборный разум, который как бы завладевает общедушевными Сарим, пользуется их мощью для своих целей.

Вероисповедальческая Общая душа, в отличие от языческой Общей души, духовно неоднородна. Из лично-душевной сферы в нее прорываются многие Сарим, конкурирующие между собой и составляющие конкуренцию Сару Власти. Такова причина всех сектантских движений. Противостояния общедушевных Сарим - характерное явление вероисповедальческого возраста. Только с этого возраста идут процессы смены Сарим, при которых заново расставляются смысловые и исповедальческие ударения в соборном разуме.

Третий возраст Хама потому и вероисповедальческий, что соборный разум жестко навязывает себя Общей душе. Веро-исповедальческий соборный разум стремится подавить всю филическую жизнь, лишить ее самостоятельности, взять и ее себе в услужение. Сторгическая жизнь общества, хотя и пестуется соборным разумом, но не напрямую зависима от него и им контролируется. Вся Общая душа поставлена под начало соборного разума, но сфокусирована она все же на эротической общедушевности, на подавлении Хама соборным разумом через Сара. Символы вероисповедальческого возраста - рыцарь и монах - постоянно сосредоточены на том в себе, что вне Хама и выше Хама, и горят пафосом одоления собственной природы Хама путем вознесения себя над ней. Служа соборному разуму, Сар Власти и Сарим Силы всей исповедальной мощью давят на эротическую общедушевность. Основное действие вероисповедальческой Общей души сосредоточено по косой линии: "соборный разум - Сар - интерпсихическая общедушевность".

Общая душа в вероисповедальческом возрасте тяготеет к теократии (и теократической культуре), аскезе, к борьбе с неверными, более или менее агрессивной в зависимости от требований момента и темперамента нации. В этих целях соборный разум использует и национальную Самость, возбуждая ее на религиозную ревность, и Народность, прививая ей обостренное (а то и трагедийное) сознание греха, бедственности человеческой жизни или ее субстанциональной зыбкости. И все же соборный разум весьма равнодушен к национальной Самости, задействованной еще в языческом возрасте, и требует от нее немногого: явно не противоречить ему.

В вероисповедальческой Общей душе идет глубинный процесс вызревания Народности. Задействованная в структуре Общей души Народность начинает собственную жизнь наравне с национальной Самостью. О качаниях "Народность - национальная Самость" можно смело говорить только в третьем возрасте Общей души. В качаниях этих участвует Сар Власти: в активную пору он активно взаимодействует с Народностью, в пассивную пору это взаимодействие слабеет. Идет проверка способностей Общей души работать в режиме Народности. Зараженные кнаанством и темным сафа ахад народные души могут существовать и творить зло в Истории, но не могут жить в режиме Народности и проходить свой Путь Сарим.

Важно подчеркнуть, что взаимоотношения Сара и Народности - самостоятельны, независимы от диктата соборного разума, хозяйничающего в Общей душе третьего

возраста Хама. У Сара и Народности в этом возрасте возникают **свои** - путевые - отношения. Путь Сарим в Общей душе, начиная с вероисповедальческого возраста, начинает быть Путем Сарим и Народности.

История течет, как течет жизнь человека, с ее трудами и отдыхом, заботами, делами и болезнями, общественными катаклизмами и стихийными бедствиями. И в этом сложном течении жизни идет сокрытый процесс встречи Сара и Народности. В вероисповедальческом возрасте их взаимоотношения напоминают предбрачные: Сар и Народность словно приглядываются друг к другу, сходятся и расходятся, незаконно брачуются или женихаются. Но выбрать друг друга - не могут. Это не входит в задачу путевого периода Хама.

18.(44.)

При переходе из языческого возраста Хама в вероисповедальческий возраст функции и действие соборного разума и Сара изменяются. В языческом возрасте соборный разум слаб и ограничен в сфере действия, но Сар, вводящий и усиливающий установку этнического разума в этническую жизнь, выполняет свои функции и жестко и мощно. В вероисповедальческом возрасте Пути картина меняется: соборный разум становится духовной властью, Сар же, переносящий веления соборного разума на интерпсихическую жизнь, работает мягче, словно уступая главенствующую роль в Общей душе соборному разуму. Если во втором языческом возрасте Хама духовная сила Сара используется для **принуждения** души человека, то в следующем, третьем, возрасте Хама Сар рассчитывает уже на личное духовное **сотрудничество** каждого.

В вероисповедальческом возрасте Пути человек с общедушевной стороны закабален соборным разумом и вместе с тем высвобожден в лично-душевной жизни и даже поощряем на личную духовную свободу. В ладонях Промысла Божьего для лично-душевной жизни куда больше свободы, чем в тисках Рока. Монах и рыцарь, как бы они ни были ментально закованы соборным разумом, в лично-душевной сфере несравненно более свободны духом, чем жрец и воин Древнего мира. Люди вероисповедальческого возраста обретают большую свободу добра и большую свободу зла. Эта тенденция личного высвобождения человека продолжается на Пути Общей души и дальше, в периоде Иефета.

В периоде Иефета общедушевная жизнь в целом перефокусируется с эротической на филическую общедушевность. Но заряды филической жизни, как нам известно, добываются или получают с помощью личной филической воли человека, воли творческой; и поэтому Сар, переставляя место центра Общей души на филическую общедушевность, опирается на **творческую свободу человека** - не только, конечно, в искусстве и науке, но и во **всех** иных делах, инициативах, затеях его и прочее.

В периоде Иефета от человека ожидается творчество своей жизни. Общая душа в этом периоде Пути рассчитывает на потребность творчества в людях. Иефет предусматривает личную свободу человека в обществе.

В периоде Иефета Общая душа выдвигает творчество и свободу человека в качестве наивысшей ценности общественной жизни и наделяет творческую волю наивысшим достоинством. Период Иефета это тот этап Пути, на котором **должно** происходить свободное раскрытие всех творческих человеческих сил, этап, на котором человек обретает самостоятельность в избрании дорог жизнепроектирования. Этого нельзя добиться переустройством общества или его институтов, это происходит само, но только при достижении Общей душой возраста Иефета.

Филическая жизнь идет всплесками, и каждый всплеск ее, каждое действие творческой воли вносят новый заряд в морально-культурное поле жизни. Жизнь в это поле не внесена Творением, а создается творчеством человека, накапливается капля за каплей. Филическое поле должно быть наполнено настолько, насколько это нужно для Общей души периода Иефета. Вхождению в период Иефета должно предшествовать наращивание массы филической жизни (см.гл.16). Только при накоплении некоторой

достаточной массы филической (морально-культурной и интеллектуальной) жизни. Общая душа может **стать готовой** к переходу из периода Хама в период Иефета.

Один из признаков вхождения Общей души в период Иефета это установившийся в обществе культ социальной и личной волюности. Я говорю не о конституционных установлениях, а об общедушевных и личных переживаниях человека, не воспринимающего ограничения своей **самоценной** "свободы". Общая душа вошла (или входит) в период Иефета, когда в ней достаточно высоко поднят авторитет любого творческого акта в любой области жизни. Отсюда установление статуса **авторства**, авторского достоинства и безусловного права каждого на плод своего творчества. Я опять же имею ввиду не юридические нормы, а новое качество общественного сознания, выделяющее и возвышающее личное творчество и становящее человека "автором", то есть носителем и обладателем творческой воли, творческой свободы и продукта творчества.

В ныне существующих иефетовых Общих душах люди более всего ценят филическую (в том числе и гражданскую) свободу. Не следует как преувеличивать, так и преуменьшать духовное значение этого явления. Важнее понять, **что** в человеке становится ударным и обретает свободу. Разумеется, филическая жизнь свободнее и, значит, духовно значительнее эротической жизни. И поэтому, перейдя из периода Хама в период Иефета, общедушевное существо человека становится одухотвореннее. С другой стороны, Общая душа, самосфокусированная на филической жизни, тем самым выпячивает на передний план филическую индивидуальность, то есть назначающее звено **бамости** человека. В реально наблюдаемых иефетовых Общих душах утверждается именно филио-эротическая самость, то есть внешняя и в духовном отношении не самая высшая инстанция души. Иефетова освобожденность самости означает и вольную борьбу самостей в любых сферах общественной жизни, и равенство всех самостей, и священное право самости, не ущемляя других, стремиться жить так, как ей желается, верить во что ей угодно, любить что и кого хочется. В современных нам царствах Иефета все устроено ради **благ самости**, которая превыше всего. Тут ценится моральный комфорт, интеллектуальная сила и физическая бодрость. К духовному благу, то есть благу духовного Я, все это, разумеется, не имеет отношения.

В вероисповедальческом возрасте Хама творческая воля прислуживает соборному разуму, который крепко держит в узде самость человека. Понятно, что для вхождения в период Иефета соборный разум не может оставаться, каким был. Нарождение Иефетова соборного разума происходит постепенно и вместе с накоплением массы филической жизни в Общей душе. В Европе процесс этот начался издавна, с "возрождения" античности, то есть культуры тех "языческих" (находящихся во втором возрасте Хама) Общих душ, которые некогда особенно талантливо трудились в филической области и оставили после себя образцы своего творчества. Смысл Возрождения в том, чтобы выдвинуть и подчеркнуть саму по себе филическую общедушевность. Но главное совершилось позднее, в эпоху Просвещения, когда опровергался вероисповедальческий соборный разум. Преподобной вере противопоставилась вера новая, в конце концов приведшая к вере во всемогущество человеческого интеллекта и науки. Дело разрушения прежней ментальности и духовной власти брал на себя пантеизм, и материализм, и, особенно, атеизм, необходимый в служебных и чисто негативных целях. Атеизм - средство разрушения, а не орудие для выковывания новой ментальности и на ней основанной духовной власти Иефета. Атеизм расчищал место, которое мог бы занять общедушевный разум Иефета.

Европейские Общие души вошли в период Иефета век-два тому назад. По сути же дела, свет разумности Иефета стал господствовать в этих Общих душах только со второй половины нашего века. Иефетов общедушевный разум еще очень молод, только-только набрал полную силу, и нам следует четко уяснить его общедушевную суть.

19.(45)

В нашем рассказе об Общей душе нет ученых ссылок, цитат из авторитетов, подтверждения многими фактами и прочего потому, что мы не стремимся к доказательности. Нам важно явить новую точку зрения, продемонстрировать взгляд, а не

изучать и достигать точности видения. Тот взгляд, с помощью которого мы обзираем свой предмет, обеспечен некоторым изначальным знанием - знанием структуры души человека как такового. Знанием этим мы поделимся с читателем в другой книге, где и объясним его истоки.

Общая душа на Пути возводится по модели одной из областей структуры души человека - его природно-душевного Я. Структура Общей души - не более, чем околица структуры природно-душевного Я. Но структура природно-душевного Я вполне сработана в Творении и прочно установлена, неизменна, **дана**, тогда как структура Общей души **задана**, не сработана еще, только осуществляется, становится. В конце концов Общая душа должна повторить структуру природно-душевного Я. Так что, излагая Путь Общей души, мы заранее знаем, куда придем, и без этого предварительного знания не смогли бы двигать изложение.

Если нам суждено еще подробно разобрать структуру лично-душевной жизни человека, то мы узнаем, что в структуре этой больше уровней разумности, чем мы до сих пор обнаружили в Общей душе. Один из таких уровней - уровень **интеллектуальной разумности** - расположен **между** уровнем, соответствующим соборному разуму, и уровнем, соответствующим этническому разуму. Если этнический разум работает преимущественно магическим сознанием, соборный разум - мистическим сознанием, то интеллектуальный разум работает преимущественно аналитическим сознанием. Вот этот интеллектуальный свет разумности вместе со своим аналитическим сознанием и поднят в возрасте Иефета наружу - из лично-душевной сферы жизни в общедушевную сферу. Процесс такого выдвигания шел в европейских народах последние столетия.

В Общей душе возраста Иефета не два, а три пласта общедушевного разума. Поднятая из лично-душевной жизни новая общедушевная ментальность принесла с собою авторитет аналитического сознания, которое, став общедушевым, обеспечило расцвет наук, технологической цивилизации и всей деловой сферы общественной жизни. "Дело" превалирует в общественной жизни времен Иефета не из-за бурного развития производственных отношений, науки и техники (это следствие, но не причина), а потому, что некоторые Общие души, задающие тон времени, сфокусированы не просто на филической, а на **интеллектуально-филической**, в том числе и хозяйственной области жизни.

Экономическая и производственная деятельность, опирается ли она на активность бизнес-творчества или на изощренность чиновничьего творчества, или на изобретательность ума человека, от начала до конца интеллектуально-филична. "Дело" как поприще интеллектуально-филической жизни становится заглавным в переживаемом Западом возрасте Иефета. Бизнесмен, изобретатель, экономист-чиновник творят так же, как художник, поэт, естествоиспытатель, политик, законодатель, и чувствуют себя полноценно на тех же основаниях, что и они.

Капитализм и буржуазность, как параметры социально-экономической формации, обеспечены вхождением Общих душ в возраст Иефета, их сфокусированностью на интеллектуально-филическом этаже и работой аналитического сознания. То же надо сказать и про общекультурную жизнь, высокое значение которой в общественной жизни вызвано взрослением Общих душ, вступивших в период Иефета.

Иефетово мировоззрение: гуманизм, плюрализм, свобода совести. Вера в Бога, на которой зиждется вероисповедальческий соборный разум, и теперь не тушится в человеческой душе. По принципу свободы совести Вера в Бога есть личное дело каждого. Что подразумевает стремление изгнать Бога **из Общей души**, передав религиозное чувство в лично-душевную область жизни. В полной мере сделать это не удастся. И потому в нынешних Западных Общих душах общедушевный разум **раздваивается** на унаследованный и значительно ослабленный соборно-этнический разум и вновь образованный **интеллектуально-этнический разум**. Мы видим, что интеллект весьма активно воздействует на этнический разум нации, более или менее конкурируя в этом отношении с вероисповедальческим соборным разумом, вплоть до подавления его. Раздвоенность общедушевного разума - новая реальность, реальность уже возраста Иефета.

В структуре Общей души периода Иефета четко обозначены три этажа. Первый, нижний этаж: интерпсихическая общедушевность и соответствующий ей этнический

разум. Другой, верхний этаж: сторгическая общедушевность и соответствующий ей соборный разум. И третий, средний этаж: филическая общедушевность и соответствующий ей интеллектуальный уровень разумности. Свет интеллектуальной разумности, оперирующий аналитическим сознанием, в духовном отношении **на ступень ниже** вероисповедальческого соборного разума, оперирующего мистическим сознанием. Общий духовный уровень ментальности Иефета **падает** и в той мере, в которой интеллектуально-этническому разуму удается подавить или отодвинуть соборно-этнический разум. На следствия, вытекающие из этого обстоятельства, мы обратим внимание в третьей части этой работы. Сейчас только одно замечание.

Идеология - продукт интеллектуальной разумности. И вместе с тем идеология задействована в Общей душе **как** вероисповедальческий соборный разум. Идеология - это суррогат вероисповедальческого разума, опущенного на нижний уровень ментальности. Идеологический разум светит с уровня интеллектуального разума, но сфокусирован в Общей душе не столько на филической, сколько на эротической общедушевности, то есть так же, как вероисповедальческий соборный разум. Идеологизированная Общая душа - псевдоисповедальческая, она **Хамова еще**, а не Иефетова. Или - другое: идеологически Хам рецидивирует в Иефетовой Общей душе. Легче всего поддается идеологизации вероисповедальческая Общая душа, утерявшая свой соборный разум и принявшая идеологию вместо него.

Гуманизм демократического общества - не результат возросшего света разума, а общедушевная черта возраста Иефета. Правовое сознание, на котором он держится, - род аналитического сознания, работающего на среднем этаже Иефетовой Общей души. Интеллектуальный свет разумности становится в Общей душе времен Иефета **правовым разумом**, стремящимся установить священное отношение к действующему Закону.

Правовой разум современного Запада диктует Общим душам юридическое мировоззрение, по которому все люди предстают равными носителями юридических прав и обязанностей. Право само и осуществляет равенство самостей друг другу и перед Законом. Юридический Закон и законническое правосознание - явление сугубо интеллектуально-филическое. Юридическое искусство накладывается на действительную жизнь, как бы с высот обзирает ее и переводит ее на свой, правовой язык, в свою филическую сферу существования, где действуют прецеденты, процедуры, доказательства, статьи, казус и прочее. Именно перевод происходящего в действительной жизни в происходящее в филической жизни обеспечивает стабильность и справедливость демократического общества.

Правовой разум исполняет в первом возрасте Иефета роль верхнего общедушевного разума. Инициированная им юридическая Вера - такое же фундаментальное явление общедушевной жизни конца нашего века, как религиозная Вера Средних веков. Переживание **правовой Совести** - еще один реальный факт общедушевной жизни в странах западных демократий. В отличие от вероисповедальческого соборного разума, правовой разум нацелен на овладение филической общедушевной сферой и только через нее предполагает овладение сферой интерпсихической.

Вход в период Иефета означает качественное изменение состояния Общей души. В ней возникает новый общедушевный - правовой - разум и вместе с ним выделяется целый новый этаж Общей души - **Единое морально-правовое и интеллектуально-культурное поле**. В периоде Иефета **собирается** филио-интеллектуальный этаж Общей души, который в качестве особой общедушевной целостности склонен к автономии, самоценности, самодостаточности и даже самозамкнутости. Тут, на этом этаже и установился в наше время центр Общей души, сознание которого обуславливает сознание Власти в демократическом обществе.

Власть в первом возрасте Иефета преимущественно становится явлением интеллектуально-филической общественной жизни, в которой Право подменяет Власть и овладевает ею. Исполнительная власть исполняет Закон, судебная власть - Закон трактует, законодательная власть - определяет содержание Закона. Гуманизм новейшего времени оберегает самость от Власти как таковой, направлен против нее и ставит Власть относительно Закона явно в служебное положение - признак правового государства. Происходит это от того, что точка центра Общей души - место Сара - переместилась в

стремящееся к автономии филио-интеллектуальное общедушевное пространство, где Сару, собственно говоря, нет места.

Правовой разум, подменивший на низшем уровне ментальности соборный разум, не нуждается в Саре. Да и Сар не для того спущен в Общую душу, чтобы обслуживать и утверждать автономию филио-интеллектуального существования. По сути своей правовой разум вненационален, хотя и общедушевен. Сар не опровергает и не подтверждает его требования. Место центра Общей души, место Сара в демократии подменено тем, что называют "четвертой властью".

Журналист и юрист в наше время такой же символ эпохи, как прежде монах и рыцарь. Иефетовы Общие души нашего века нашли для себя новый вид общедушевного сознания - публичное газетно-телевизионное сознание, наиболее пригодное для автономно-самоценного морально-правового и интеллектуально-культурного образа жизни. Сразу же отметим, что **газетное сознание** (называя обобщенно) **сродни магическому сознанию** - тому самому сознанию жизни, которое главенствовало в варварском возрасте Общей души. Газетное сознание - творчество **филио-магического** самосознания новейшего времени; им люди ориентируются и руководствуются в текущей жизни, им же они сопереживают, получают знания (информацию), им заклинают действительность; и без него не мыслят общую жизнь. Именно через газетное сознание современная Иефетова Общая душа выражает себя. Не аналитическое и не художественное, а газетное сознание есть базовое ее сознание.

Невольно покидая Природу, человек в значительной мере лишается того интерплотского природно-человеческого начала, которое составляет нулевой этаж Общей души (см.гл.11) - фундамент ее нижней половины, ее Этноса. И как бы вместо утрачиваемого природно-человеческого пласта жизни Общая душа в периоде Иефета строит себе **другой фундамент**, но не в Этносе, а в верхней половине Общей души, в Соборе. Опора морально-культурно-интеллектуального этажа держит на себе Собор так же, как интерплотский этаж держит на себе Этнос. Магическому сознанию и сознанию Страны (своей "Земли") последнего соответствует неомагическое газетное сознание и сознание морально-культурной общности.

Наше время есть время образования нового интеллектуально-филического фундамента Общей души. Со строительства этого фундамента и на этом фундаменте Собора начинается новое поприще общедушевного восхождения. Мы переживаем эпоху, когда Иефет утверждает самого себя. Ему еще предстоит начать то путевое дело, к которому он призван по пророчеству Ноя.

20.(46)

Веками люди мечтали о том времени, "когда народы, распри позабыв, в единую семью объединятся". Позабыть (заглушить) распри и объединиться можно не только по завершении Пути в составе Единой души Царства Божьего. В финале Пути - не просто семья народов, а единство Сарим. На разных этапах Пути хору Сарим предшествует самые разномастные межобщедушевные соединения.

В первом варварском возрасте Хама Путь по сути не начался. Сар занят вытаскиванием народной души из природно-человеческого в общедушевное, этническое. Этнический разум достигает интерплотской и интерпсихической общедушевности через магическое сознание, сам особо не нуждаясь в Саре. Для большей ясности и схематизации мы прилагаем к этой главе рисунки путепрохождения Общей души в периоде Хама.

Возраст Общей души (определяемый по ее сфокусированности) обозначается положением вектора, направленного из правой ментальной стороны структуры на ее левую витальную сторону. Место центра Общей души, место Сара, отмечается зачерненной точкой на том или ином краю этого вектора. В варварском возрасте Хама Сара нет в Общей душе. Влияние филической жизни и соборного разума отражено пунктиром.

Во втором языческом возрасте Хама Сар мощно задействован в Этносе. Точка Сара на векторе второго возраста Хама зачернена. Сарим в этом путевом возрасте замкнуты каждый в своем Этносе и на Этносе. И - совершенно разобщены. В язычестве

каждый Сар звучит по-отдельности, изолированно друг от друга. Древний мир - это мир предельно разъединенных Сарим. В Древнем мире слышны отдельные голоса, но нет общего разноголосия Сарим. Древний мир - нехоровой. Тут все солируют, не слыша друг друга.

В грядущем хоре Царства Божьего каждый Сар звучен своим голосом. Не исключено, что именно в Древнем мире, в разобщенности Сарим чище всего звучал голос каждого Сара, четче проявлялась персоналистическая фактура Сара, замкнутого в избранной им на старте Пути Общей душе.

Вектор основного действия структуры второго возраста Хама направлен от этнического разума к эротической общедушевности или, при достаточном развитии филического пласта жизни в Общей душе, к национальной Самости. Влияние сторгической общедушевности на эротическую и взаимовлияние филической жизни и соборного разума обозначено пунктиром.

Структура вероисповедальческого возраста Общей души - это уже та самая структура, с которой мы знакомы по первой части нашей работы. Тут четко выражены все известные нам составляющие Общей души: национальная Самость и Народность, Собор и Этнос, соборный разум и этнический разум. В отличие от языческого возраста вектор основного действия структуры направлен не к эротической общедушевности и национальной Самости, а к эротической общедушевности и Народности. Духовная власть Сара переключена на соборный разум, который держит теперь всю структуру вероисповедальческой Общей души. Влияние соборного разума на инстанции левой стороны структуры изображено пунктиром.

На этом же рисунке удобно иллюстрировать и действие идеологического разума. Идеологический разум подобен вероисповедальческому соборному разуму, но не нуждается в поддержке Сарим. Он сам стремится держать под контролем и этнический разум и интерпсихическую область и филическое общедушевное поле. Идеологический разум силится подменить этнический разум и берет на себя руководство национальной Самостью.

Вероисповедальческие Общие души легко объединяются под началом одного и того же соборного разума. Разграничение "правоверных" от "неверных" - главенствующая общедушевная установка третьего возраста Хама. Вероисповедальческая враждебность - черта этого возраста. Но и связанность Общих душ, осуществляемая соборным разумом, весьма и весьма относительна. Говорить о процессах сроднения Народностей, Общих душ или их Сарим в третьем возрасте Хама рано. Совокупные путевые судьбы Общих душ только тут намечаются, зачинаются.

Современные западные Общие души, несомненно, вошли уже в возраст Иефета. Попробуем в линиях рисунка выразить структурное состояние их. Основное действие иефетовой структуры ныне концентрируется на интеллектуально-филическом этаже, на который с другой стороны Общей души фокусируется правовой разум. Вектор основного действия этой структуры направлен от правового разума к филической общедушевности. Соборный разум продолжает оказывать влияние и на сторгическую общедушевность и на этнический разум, но все эти его воздействия периферийны. Главенствующая его роль утрачена. Его место занял правовой разум, который не опирается на исповедальную Веру и исповедальную Власть Сарим. Для Сара Власти в этой структуре нет места. Функции Сара Власти взяли на себя разного рода филические и филио-эротические характерные типы.

Сравнивая вероисповедальческую структуру Общей души и ту иефетову структуру, которую мы только что рассмотрели, ясно видишь, что между ними **нет преемственности**. Вторая в сравнении с первой разорвана, разрушена, опустошена. Сар и Народность в ней выведены из активного действия. Интерпсихическая общедушевность осталась под контролем всего лишь филической общедушевности. Связь соборного и этнического разума значительно ослаблена. Путевое значение этого структурного образования в целом не ясно. Закрадывается подозрение, что как раз путевого смысла в нем и нет...

Единственное путевое оправдание существования этой структуры состоит, видимо, в том, что сам по себе иефетов этаж Общей души - филическая общедушевность плюс интеллектуальная разумность - есть именно та сфера, в которой естественно

происходит общение между Общими душами. Сконцентрированные на филической витальности иефетовы Общие души, при некоторой близости друг к другу по другим параметрам, создают единое межобщедушевное морально-правовое и интеллектуально-культурное поле, сцепленное одной и той же правовой Совестью и юридической Верой, одним и тем же правовым разумом, диктующим одну и ту же установку этническому разуму всех находящихся вместе Общих душ. Пусть иефетов возраст, который мы переживаем, не совсем подходит для путевого восхождения Общих душ. Но, может быть, его смысл именно в общедушевном объединении?

Мощные объединяющие тенденции в мире Общих душ, вступивших в период Иефета, очевидны. Мы привыкли только радоваться этому. Однако в иефетовом мире по схожим причинам раньше или позднее неизбежно должен пойти другой процесс - процесс **размежевания национальных Самостей**.

В значительной мере филио-эротическая национальная Самость наживается в культурной работе Общей души. От чего сознание культурной личности нации возрастает, становится предметом гордости и самоутверждения. Конечно, вместе с этим набирает силу и национальная Самость, с которой к тому же снята узда Сарим. Филически возбужденная, окрепшая, духовно предоставленная самой себе, национальная Самость непременно будет заправлять в Общей душе.

В языческие времена национальная Самость тоже выдвигалась на передний план общедушевной жизни. Но тогда эротическая составляющая национальной Самости испытывала мощное давление этнического разума. То был **национализм этнический**. В наши времена, во времена нового **филического язычества** национальная Самость грозит стать совершенно самовластной инстанцией, подавляющей этнический разум. Вектор основного действия **филио-националистической** Общей души переворачивается; он направлен от национальной Самости на подавление общедушевного разума - разума и этнического и соборного и, конечно, правового. Такова структура Царства национальной Самости, **фашистского режима** работы Общей души.

И вот в этом-то гибельном режиме Общие души начинают филически искать друг друга, находят себе партнеров или размежевываются. Представляете те исторические беды, которые воспоследуют в результате этого процесса?!

В союзе филио-языческих Общих душ трудно участвовать разнородным Общим душам, даже если они существуют в условиях одного и того же государственного устройства, равно исповедуют и даже обеспечивают принятые тут гражданские "свободы" или "повинности". Для такого союза важнее всего филио-эротическая сродственность национальных Самостей, а не принципы и государственные структуры.

Близость национальных Самостей друг к другу, как правило, нажитая в вероисповедальческие времена, и их взаимное тяготение обеспечат прочность создаваемого националистического союза разных стран. Хорошо это или плохо? - Надо ясно сознавать, что в конечном счете союз этот создается **в борьбу** с другими "блоками" национальных Самостей - **в раздор** Человечества. И подчинен он будет не столько интересам союзничества, сколько интересам межблоковой вражды. В ней, надо полагать, примут участие и межнациональные объединения, состоящие из веро-исповедальческих Общих душ. Истории XXI века кипеть, наверно, в адовом котле, который готовит и разогревает для него век XX.

Филио-националистические неязыческие тенденции общедушевного развития ведут к гибели Человечество. Мы уже живем в ситуации путевого **падения Иефета**. Чтобы выбраться из этой дыры Пути, необходимо знать подлинные задачи возраста Иефета на восходящем Пути Общих душ, их правильное развитие в этом возрасте, нормальную рабочую структуру Общей души периода Иефета.

21.(47)

В этой книге мы сначала постарались узнать устройство Общей души, ее духовную структуру. Затем мы обратились к ее истокам, к ее зарождению, поняли Общую душу как становящуюся конструкцию, собирающую себя на Пути Сарим. Наконец мы дошли до нового времени, то есть до того момента, в котором вполне задействована прежде разобранный нами структура Общей души. Теперь же нам следует

вторгнуться в область будущего, еще не состоявшегося и неизвестно - осуществляемого ли?

Чтобы смочь дальше - в возрастах Иефета и Шема - проследить Путь Сарим, надо знать или угадать не просто дальнейшее, на следующий этап нацеленное развитие Общей души, а то, куда развитие это в итоге ведет, то есть знать ту структуру Общей души, которую в конечном счете следует построить человечеству.

Общедушевная структура, которую мы определили в первой части книги, - это нечто недостроенное, окончательно не сработанное, не собранное. Хорошо бы определить следующий, предстоящий этап строительства Общей души, но сделать это, к сожалению, можно только ретроспективно. Легче, как это ни странно, перепрыгнуть через несколько ступеней и, не пугаясь столь отдаленной перспективы, руководствоваться прямым направлением, непосредственно ведущим к завершенной структуре Общей души.

В этой гипотетической завершенной структуре - два кольца, или два треугольника: левый, витальный треугольник Общей души и правый, ментальный треугольник Общей души (см.схему).

Витальный треугольник Общей души составлен из сторгио-эротической составляющей, которую мы назвали Народностью, филио-эротической составляющей, которую мы назвали национальной Самостью, и филио-сторгической составляющей - нового общедушевного образования, замыкающего и завершающего левую сторону структуры Общей души.

Ментальный треугольник Общей души составляет соборно-этническая разумность, которую мы называли общедушевным разумом, интеллектуально-соборная разумность и интеллектуально-этническая разумность, задействованные в Общей душе вместе с возникновением в ней нового этажа интеллектуальной разумности. Присутствие этих двух новых составляющих структурно завершает правую сторону Общей души.

Итак, дальнейшее строительство левой стороны Общей души ведет к образованию филио-сторгической ее составляющей. Нельзя сказать, что процесс этот не начался. Установка современной Общей души на гуманизм, несмотря на то, что в ней моральное и культурное доминирует над сторгическим, есть все же филио-сторгическое явление. Филическая общедушевность нашего времени обеспечивается "любовью к ближнему", понимаемой, к удивлению потомков, более эротически (интерпсихически и интерплотски), чем сторгически, интердушевно. Культурные блага и моральный комфорт приравнены ко всем другим "благам" частной и общественной жизни. В общедушевной сфере вместо сторгической боли ответственности царят чувства морального неудобства, моральные волнения. Нынешние переживания за социально "обездоленных", за попираемых в "человеческих правах", за "женщин", за сексуальные и прочие "меньшинства" - откровенно (до смешного!) филичны и грубо филичны. Филична и только филична наша Культура, прежде всего наше искусство. Мысль **сторгического искусства**, которую пытался проповедовать Лев Толстой, никто всерьез так и не воспринял. В Приложении 1 я вкратце познакомил читателя с этой мыслью.

В лично-душевной сфере ныне, как всегда, немало образцов самых и чистых и высоких сторгических и филио-сторгических переживаний. Но они не влиятельны в Общих душах. Филио-сторгические типы едва намечены, - и то скорее по памяти второй половины прошлого века, еще до падения Иефета, когда типы эти (сужу по русскому обществу) набирали реальное общедушевное влияние.

Засилье филических типов и, соответственно, филио-магического неоязыческого сознания, неизбежно ведет к усилению, а то и гипертрофии национальной Самости. И в результате фашизирует Общую душу. Филио-сторгические типы национальную Самость не обслуживают, протестуют против ее проявлений. Филио-сторгическое образование есть новая самостоятельная вертикальная конструкция. Ее еще нет, но она-то и должна образоваться в Общей душе периода Иефета.

Эта новая конструкция филична и, следовательно, живет наружной душевной жизнью. Но на этом ее сходство с национальной Самостью завершается. Внешняя жизнь филио-сторгической составляющей есть продолжение ее внутренней жизни, которой в Общей душе живет Народность. Это есть новая, вторая, филическая или, если угодно, морально-культурная Народность, имеющая, в отличие от первой, своим фундаментом не

эротическую, а филическую общедушевность. Она вся принадлежит исключительно Собору. Новый фундамент Собора, о котором мы упоминали выше, создается для того, чтобы на нем смогла впоследствии воздвигнуться новая **соборная Народность**.

В здоровой, путевой Общей душе периода Иефета должны быть образованы и должны жить две Народности: сторгио-эротическая хамова Народность, которую мы будем называть **этнической Народностью**, и филио-сторгическая соборная Народность. Филио-эротическое общедушевное образование национальной Самости уходит с передовой общедушевной жизни, начинает служить связью, замыкающим звеном этих двух Народностей и постепенно лишается самостоятельного значения на Пути.

Фундаментом ныне существующих Общих душ все еще является природно-человеческое общедушевное начало с его природно-магическим сознанием. Мы говорили (гл.38), что общедушевные Сарим как-то сопряжены с этим началом еще со времен первичного расселения человечества по лику Земли. Сарим, как и Общие души, распределены по территориям Природы.

В завершенной, полностью собранной структуре Общей души не один, а два фундамента: прежний, природно-человеческий фундамент первого этажа Общей души и другой, интеллектуально-филический фундамент третьего этажа Общей души. Природно-магическое сознание дополняется и отчасти замещается филио-магическим сознанием, принявшим в наше время порочные формы газетного сознания. Чем дальше, тем больше филио-магическое сознание будет перенимать функции природно-магического сознания в Общей душе. В структурно завершенной Общей душе полномерно и гармонично взаимно-действуют оба этих магических сознания.

При создании "другого фундамента" Общей души общедушевные Сарим приписываются к нему, расселяются по филио-интеллектуальному этажу так же, как некогда они расселялись по природно-человеческому этажу. Каждый общедушевный Сар в возрасте Иефета должен обжить свою филическую территорию. Полноценно жить в возрасте Иефета Общая душа может только тогда, когда она своей творческой волей создала и обжила свою филио-интеллектуальную территорию. Процесс этот уже начат и идет весьма активно. Но важно, чтобы общедушевные Сарим основательно поселились на этой территории и освоили ее. Возможно, что падение Иефета будет преодолено, как только произойдет это. Для чего Общая душа должна хотя бы нести в себе Сара, способного поселиться и освоить третий этаж ее. Не все Общие души готовы к этому.

Сар Силы, утвердивший себя на филио-интеллектуальном фундаменте, естественным образом сообщен с соборной Народностью и быть может сам является тем, кто образует ее. Таким образом в возрасте Иефета Сар оказывается помолвлен совсем не с той Народностью, к которой он пригляделся в вероисповедальческом возрасте. В третьем возрасте Хама Сар женился с этнической Народностью, но в возрасте Иефета он входит в рабочую связь с соборной Народностью. Один ли и тот же это Сар?

22.(48)

"И раскроет Бог Иефету, что будет он обитать в шатрах Шема" (Б.9:27), а не Хама. Исполнение этого пророчества Ноя - вот первая задача периода Иефета. Чтобы выполнить ее, необходимы существенные изменения, и не столько в морально-культурной, сколько в сторгической нашей жизни, в самом по себе переживании чувства ближнего.

Есть на Пути одна важная тенденция, определяющая возможность перехода Общей души из возраста в возраст. Путь не совершается, Общая душа не взрослеет, когда она сторгически не обогащается. Общая душа нежизнеспособна на Пути и, я думаю, обречена в Истории, если она прекращает расти сторгически. **Духовный сторгический рост - главенствующее условие путепрохождения Общей души**. Чем взрослее Общая душа, тем сильнее проявляется в ней ее чувство ближнего и тем она прочнее и жизнеспособнее. Для перехода в последующий возраст Пути каждый раз необходим новый бросок сторгического роста. Так что варварский возраст - наинизший по сторгии. Возраст Шема сторгически наивысший.

Как всякое самобытное и отдельное духовное существо, Общая душа изначально своеобразна - и не только этнически, но и сторгически. У каждой Общей души свое особенное чувство ближнего, свой стиль сторгической одушевленности и, следовательно, свой внутренний образ Народности. Сторгический духовный рост, разумеется, укрепляет Народность. Жизнеспособность Общей души и ее переход в следующий на Пути возраст прямо зависит от одушевленности Народности. У каждого возраста Пути своя степень одушевленности Народности, свой народный душевный образ.

Сторгический рост, все большая и большая одушевленность народа в чувстве ближнего - ведущий параметр путешествия. Культура, мораль, соборный разум могут быть переняты одной Общей душой из более высоких источников другой Общей души или более зрелой в путевом отношении. Но без нового качества одушевленности Народности всего этого недостаточно, чтобы продвинуть Путь Общей души вперед. Чужую сторгию заимствовать нельзя. Новую ступень одушевленности Народности неоткуда взять, как только из самой себя. Народность - в этом все и дело! - должна обогащаться **сама**; тогда только возможно ее восхождение на Пути.

Путь Общей души устремлен к наивысшей степени одушевленности Народности, где восстановлена сафа ахад и исполнена заповедь любви к ближнему как к самому себе. Возрасты Пути - ступени сторгической полноты жизни в Народности, духовной освещенности и просветления чувства ближнего в людях. Чем старше на Пути Общая душа, тем полноценнее и чаще работает она в режиме Народности.

У прежней, **этнической Народности** две составляющие: сторгическая и эротическая. Работа Общей души в режиме этнической Народности зависима от соотношения и роли двух этих сочлененных начал. В наинизшем по сторгии варварском возрасте Хама Народность, по-видимому, еще бездействует. Поэтому предпутевой возраст - самый неустойчивый и наименее жизнеспособный этап путевого развития Общей души. "Детская смертность" Общих душ, надо полагать, была огромной. Тысячелетия сторгического роста вывели Общие души в языческий возраст. Этническая Народность в этом возрасте Пути не задействована или, что то же самое, в ней правит Хамова эротическое начало, на котором установлен центр тяжести всей языческой общедушевной жизни. Язычнику знакома солидарность по чувству ближнего. Язычники - это те, у кого солидарность душ забивается эмоциональными возбуждениями в интерпсихической сплоченности, повелевающей по первой необходимости глушить в себе ростки сторгического взаимочувствования. В то же время достигнутое к этому возрасту новое качество сторгической общедушевности сказывается на яркости, полноте и массе филической жизни и, следовательно, на глубине переживания национальной Самости.

Опора вероисповедальческого возраста - Собор, отцовское национальное чувство, Народность. Чувство ближнего высвобождается из эротической неволи. Нужны столетия и столетия, чтобы режим этнической Народности обрел силу в Общей душе. Это обстоятельство и определяет переход (вернее, возможность перехода) из второго в третий возраст Хама.

В вероисповедальческом возрасте, как мне видится, происходит упомянутое выше раздвоение эротической общедушевности на ее наружную сторону, принадлежащую национальной Самости, и внутреннюю сторону, замкнутую со сторгическим началом Народности. Результат: национальная Самость обособляется от этнической Народности. Этим Новый мир отличается от Древнего мира.

Дальнейшее ускорение сторгического роста ведет не только к укреплению этнической Народности и содержательности интердушевной жизни, но и способствует усилению и накоплению филической жизни, все более и более высвобождающейся из-под надзора вероисповедальческого разума. Питаемая от пополнения сторгии филическая жизнь обогащает, возвышает, облагораживает национальную Самость и самость отдельно взятого человека.

Вот мы говорили, что демократические сообщества нацелены на самость, и обслуживают блага самости человека, и что тем самым такое общество более приземленно, чем возвышенно. Это так, конечно. Но все же следует отметить, что самость человека нашего времени качественно отличается от самости человека вероисповедальческих времен. Сами блага самости теперь иные, духовно более высокие.

Произошедший со Средних веков сторгический общедушевный рост вызвал гуманизацию и лично-душевной самости и национальных Самостей. Благо Народности, как и душевное благо отдельного человека, разумеется, и сейчас отличаются по существу от благ отдельной самости и национальной Самости, но самости эти и блага их более филически возвышенны и стали в этом смысле одухотвореннее. И это имеет путевой смысл. Современный либерализм - результат возрастания общедушевной сторгической жизни, переведенной в область филического действия. Что, тем не менее, привлекает Общую душу работать более в режиме национальной Самости.

Следующая ступень сторгического роста Общей души должна привести к образованию соборной Народности, которая вначале поддерживает, а затем и замещает на Пути Сарим этническую Народность. Это можно понять как новую, высшую ступень в развитии Народности, сменившей фундамент с эротического на филический. Не Бог и Его ангелы, а сами люди должны подготовить и осуществить этот переход, который не произойдет сам собой, без сознательных, целенаправленных наших усилий в Общей душе.

23.(49)

Каждому возрасту на Пути соответствует свой соборный разум. Чем взрослее Общая душа, чем она ближе к Царству Единой души Сарим, тем достойнее и глубокомысленней ее соборный разум. Духовный рост соборного разума - неперемное условие восхождения Пути Общей души.

При переходе из языческого в вероисповедальческий возраст происходит могучий начальный рывок роста соборного разума, делающий его главенствующей инстанцией в Общей душе. Но соборный разум третьего возраста Хама весьма статичен, консервативен и, главное, придает своей вероисповедальческой неподвижности статус высшего духовного достоинства. Несомненно, что это обстоятельство, духовно обессиливая Общие души, сыграло свою роль в разрушении соборного разума в современных Общих душах. Само же по себе резкое понижение значения соборного разума есть одно из явлений падения Иефета - явление, дай Бог, временное и преходящее. Соборный разум периода Иефета должен быть динамичным, но, скорее всего, сохранять исповедальную специфику вероисповедальческого соборного разума, очищенного, конечно, от замораживающего догматизма, кумиропоклонничества, конформизма и суеверий. Вероисповедальческий соборный разум во времена Иефета вычищается, возвышается, переоборудуется и подымается выше на ступень.

Соборно-этнический общедушевный разум вероисповедальческих времен не только действовал, но и создавался именно как консервативный разум. Его можно очистить, возвысить даже, но самого по себе его нельзя переоборудовать. Нужен интеллектуальный разум, который своими усилиями способен разработать, сконцентрировать, поднять и перестроить соборный разум до степени, необходимой для исполнения задач возраста Иефета. Переоборудование прежнего соборного разума состоит в том, что интеллектуальная разумность, переставая быть оппозиционной соборному разуму (тоже явление падения Иефета), вступает с ним в равноправное и органическое сочленение и тем образует **новый общедушевный разум** - интеллектуально-соборный. Более того, интеллектуальная разумность в составе этого нового разума должна стать острием его, непосредственно воздействующим на витальное кольцо Общей души.

Необходимость формирования нового интеллектуально-соборного общедушевного разума - не только яркая декларация. Опыт его четкого и продуктивного функционирования есть в человечестве. Интеллектуально-соборный правовой разум два тысячелетия действует в Общей душе Израиля, раньше всех вступившей в период Иефета. Опыт этот, как эмоционально ни относиться к нему, бесценен для всех Общих душ, вступающих в возраст Иефета.

Интеллектуальный разум сам по себе обладает такой, предельной, коммуникабельностью, что кажется: он - общечеловечен. На самом деле интеллект специфически национален или, лучше сказать, специфически общедушевен. Но интеллектуально-этническая (как и интеллектуально-соборная) составляющая

общедушевного разума слабо задействована и только-только включается в работу. Это небезопасно. При отсутствии интеллектуально-соборного разума и соборной Народности интеллектуально-этническая составляющая общедушевного разума поддерживает национальную Самость и неязыческие тенденции развития в Общей душе; и тем самым еще усиливает процесс падения Иефета. Интеллектуально-этническая разумность, как и национальная Самость, найдет свое законное место тогда, когда и витальное и ментальное кольца Общей души будут замкнуты в ней.

В вероисповедальческом возрасте каждая Общая душа выражает себя в особенности национальной Самости, в неповторимой одушевленности своей сторгио-эротической Народности и в отдельных, собственных чертах соборно-этнического разума. Общедушевные Сарим (среди них и Сар Власти) в третьем возрасте Хама проводят через себя установку соборного разума в этническую Народность. Филическое творчество лучше или хуже ассистирует этому процессу. Роль Сара Власти тут не слишком сложна и в некоторой степени служебна.

В собранной иефетовой Общей душе не три, а шесть специфически действующих инстанций, каждая из которых имеет свое лицо. Уже сейчас, на начальных этапах возраста Иефета, видно, что установившиеся типы этнической Народности и нарождающиеся типы соборной Народности, - не одно и то же; и далеко не всегда удачно стыкуются между собой. Типы же национальной Самости нередко самоцентричны и трудно сочетаются с типами этнической, а тем более соборной Народности. Собрать вкруговую эти три инстанции - одна из трудных проблем возраста Иефета, но она должна быть разрешена именно на этом периоде Пути.

Такого же рода проблемы возникнут и в правой стороне Общей души. Между "религиозной" интеллектуально-соборной и "научной" ("правовой", "юридической") интеллектуально-этнической разумностью вполне может образоваться - и уже на наших глазах образуется! - пропасть. Но и этого мало. В Общей душе возраста Иефета должно установиться прочное взаимодействие и гармоническая связь между витальным треугольником левой стороны и ментальным треугольником правой стороны Общей души. Вот еще задача периода Иефета. Задача, видимо, на многие века...

Многочисленный факт: согласно гл.10 первой книги Библии, первоначальных Общих душ от Иефета было в два раза меньше, чем от Хама или Шема. Вполне может быть, что число Общих душ, живущих в возрасте Иефета, с течением времени сократится. Напомним и то, что число первопрестольных Сарим, предназначенных к исполнению заглавных партий в хоре общедушевных Сарим, ограничено, как говорят, семьюдесятью. Сегодня же Общих душ в мире тысячи...

Собрать зрелую цельную иефетову Общую душу может только Сар Власти, единственный, предназначенный для этого дела главенствующий тип одухотворенности, способный сфокусировать на себя все шесть общедушевных инстанций. Задачу собирания Общей души в иефетовом возрасте решает Сар Власти.

В конце возраста Иефета структурно завершенная Общая душа монолитна. Эту ее монолитность обеспечивает один из семидесяти Сарим Власти. Заново образованная иефетова Общая душа должна, наконец, выбрать, найти **своего** жениха, отдать себя своему Сару Власти. Возможно, что все смены Сарим в Общих душах происходят ради этого конечного результата. Достигшая полного иефетова уровня зрелости Общая душа нерушима на Пути и не гибнет в Истории.

Выше, в разных местах мы упоминали о том, что Сар придает Общей души персоналистическую целостность. Потом мы видели, что Общая душа начинает свой ход на Пути, не имея Сара Власти, будучи безлично подключенной к миру Сарим. Затем мы говорили о смене Сарим и их полуслужебном положении в Общей душе языческого и даже вероисповедальческого возрастов. Теперь мы видим, что персоналистически, в Престоле Господа, Общая душа укореняется **своим Саром Власти** только в результате исполнения всей иефетовой общедушевной работы, которую еще предстоит сработать человечеству. Для персоналистической целостности каждой Общей душе нужен **один** Сар, который ставит в ней себя на Царство. Вот когда Общая душа сможет стать Персоной и укорениться в Престоле Господа. Неблизкое еще будущее.

На пороге вхождения в период Шема Общая душа реально становится персоналистическим природно-душевно-духовным существом. Власть не ликвидируется

в ней (как все мечталось в прошлые века), а, напротив, жестко воздвигается Саром Власти, укорененным в Престоле Господа. Что это будет? Во всяком случае, не правовая теократия или софократия. По смыслу явления надо полагать, что Власть в обществе будут призваны осуществлять люди, наиболее полно и всесторонне воплощающие и выражающие тот тип одухотворенности, который устанавливался в Общей душе Саром Власти. Властные функции будут осуществлять в обществе те характерные типы, которые одухотворены так же, как и главенствующий тип одухотворенности, и способны исполнять эти функции. - Вот та **подлинная Власть**, основания которой заложены в душе человека. При соответствующих способностях и потребностях можно попытаться теоретически разработать тему грядущей САРОКРАТИИ, "диктатуры" Сара Власти.

24.(50)

Когда один народ уважает другой народ или любя, перенимает его культуру, то это всем вроде бы понятно. Но что значит одной Общей душе полюбить другую? Трудно представить. А это-то и должно стать возможным при вхождении Общих душ в период Шема. единым любовью Единым любовью человечество становится только в возрасте Шема.

Прежде, чем объединиться самим в общий хор, Сарим связываются друг с другом через структурно завершенные Общие души. В период Шема Общие души входят по двое, по трое, группой, чтобы жить в Доме Шема. Начальный возраст Шема это эпоха Шатров, Домов Шема.

Прежде, чем вступить в период Шема, Общая душа должна быть готова к нему; в первую голову, - сторгически. Уровень общедушевной сафа ахад должен достичь такой полноты, при которой чувство ближнего возвышается до любви к ближнему. Только при таком состоянии душевной сплоченности в любви Общая душа способна жить в Доме Шема, сцентрировав себя на сторгической общедушевности.

Разумеется, такого рода сторгическая готовность осуществима только при условии снятия угрозы кнаанского заражения в Общей душе. Быстрый сторгический рост в присутствии кнаанов невозможен. Так что подавить кнаанскую силу нужно еще до подступов к периоду Шема. Это очевидно. Но есть еще и другая труднейшая проблема, без разрешения которой нельзя рассчитывать на вхождение в период Шема.

Так случилось, что в общедушевном мире есть "ближние" друг другу Сарим и есть Сарим друг другу "чуждые". Причем чуждый тип одухотворенности (скажем, индуистские типы для типов одухотворенности христианского мира) могут и не восприниматься враждебно, а могут и вызывать вражду. Приходится констатировать, что запах враждебного типа одухотворенности крайне трудно переносим для Общей души. Англофобия, русофобия, антисемитизм - явления этого плана. Нужно признать очевидное: между Сарим есть распри. Не исключено, впрочем, что эти **духовные распри** возникли при прохождении вероисповедальческого этапа Пути Общей души, суть явления этого возраста, только этого возраста, их не было раньше, в язычестве, и их не должно быть позднее, на подходах к эпохе Шема. Противостояние Сарим должно быть полностью прекращено в возрасте Иефета. Вот еще одна трудная задача периода Иефета. Она или решается, или усугубляется через возбуждение и самовольство национальных Самостей, вражда между которыми может обрести характер духовного противостояния.

Начальный возраст Шема это эпоха **сторгического сближения** некоторых народов и образования локальных союзов, Домов Шема. Дом Шема прочен при сторгической близости Общих душ, даже при неизбежном сохранении интерпсихических различий между ними. Основной процесс в этом возрасте Пути - **встречные сторгические движения** разных Общих душ друг к другу. Залогом этого движения служит непрерывно совершающийся сторгический рост и целенаправленное давление одного и того же интеллектуально-соборного разума Шема.

Шемов Дом предполагает единение в общем духовном самочувствии. Если в возрастах Хама и Иефета самочувствие Общей души, основанное на чувстве ближнего, выражается через чувство-сознание **справедливости** и действие сторгической воливерности, то в возрасте Шема общедушевная солидарность перерастает в **филио-сторгическую Совесть**, становящуюся **Волей соборной Народности**.

Можно предположить, что центральное действие этого возраста Шема - по линии: "интеллектуально-соборный разум - Сар - соборная Народность". В филио-сторгическом общедушевном чувстве, возведенном в ранг сторгической Совести, отчетливо звучит **свой** Сар. Дом Шема с самого начала основан на мощном и едином **действии** Сарим в Общих душах, действии, выражающемся в одной для всего Дома филио-сторгической Совести. В периоде Шема Общая душа живет через Сара, при неослабном его воздействии.

В начальном возрасте Шема Сарим объединяются не сами по себе, а в совместном действии, образующем единую Совесть Дома Шема. В следующем возрасте Шема процесс объединения Сарим углубляется.

В первой части книги мы говорили о "пустом месте" Отца в сторгическом общедушевном поле и об отцовском чувстве Общей души. Смею предположить, что соединение Сарим в следующем, втором возрасте Шема есть их объединение через одно и то же отцовское чувство Общих душ - при сохраняющихся, наверно, различиях материнских национальных чувств. Сарим в этом возрасте работают **внутри** сторгического поля жизни.

Единство отцовского чувства - совершенно новый и высший уровень сафа ахад в Домах Шема. Во втором возрасте Шема национальные Самости растворяются в высшей сафа ахад. История прекращает длиться. Наступают хилиазмические времена.

Последний возраст Пути совершается уже в едином человечестве. Это возраст Единой души Царства Божьего. Для Царства нужен Престол, который создают **на Земле** Сарим, спущенные в начальной точке Пути и Истории. Путь восхождения Сарим в Общих душах ведет к сотворению земного Престола Господа - Бога Шема, благословляющего Его. Вот та задача, к которой они призваны. Сарим спасают человечество в Пути - **в общедушевном деле** созидания Престола Отца на Земле. Под сопровождение общего хора Сарим место Отца должно перестать пустовать.

Кроме общедушевного дела на Земле у Человека есть и связанное с ним лично-душевное дело. Намерение Бога на Человека выявляется не только в общедушевной, но и (не более ли всего?) в лично-душевной сфере жизни - и в Пути Общей души, и в Пути восхождения отдельной души Адама. Общая душа - сфера жизни отдельных душ. То, к чему ведется Человек, заключено в лично-душевной и в общедушевной жизни разом.

Широк диапазон духовной работы Человека. На одном краю диапазона он совершает работу одухотворения в составе Общей души и служит путевосхождению общедушевных Сарим. На другом краю диапазона он проходит Путь восхождения сам, упоая на свое духовное Я и свои персоналистические возможности духовного роста. В какой степени человеку быть общедушевным, а в какой лично-душевным, решает он сам. И то и другое, повторим еще раз (см.гл.6), достойный труд души. И все же, чем выше Общая душа на Пути, тем шире возможности и сильнее поддержка духовному росту отдельной личности.

Отдельный человек своим духовным Я может быть дальше или ближе к Богу при любом возрасте Общей души. Это вопрос его личной духовной силы. От человека, совершающего одиночный Путь восхождения в общедушевных условиях периода Хама, требуется куда большая духовная сила, чем для того, кто проживает в Общей душе периода Иефета и тем более Шема. Духовно богатых, щедрых и высоких людей в периоде Шема много. Тут они заправляют жизнью. Но и задача одухотворения у них выше, чем наша. С возрастом Общая душа все более и более раскрепощает духовные возможности восхождения отдельной души. Последняя, в свою очередь, все более и более влияет на путевое продвижение Общей души. И не только тем, что находится в ее составе.

Роль и значение лично-душевной жизни все время возрастают на Пути Общей души и становятся определяющими в возрастах Шема. Неведомо, будет ли место Отца Общей души занято в результате духовного восхождения отдельной личности или восхождения Общей души. Но период Шема и представить нельзя, не видя вектор лично-душевной жизни, не зная цель и стратегию Пути восхождения отдельной души. Понятие "свободного пути жизни", которое мы ввели в "Пути восхождения", продуктивно лишь с наступлением периода Шема.

Последний возраст Шема, где собирается земной Престол Господа, имеет неведомое нам мистическое значение. Это неведомое мистическое значение, определяющее конечный смысл жизни человеческой, обретается как на вершине Пути Общей души, так и на последних вершинах Пути восхождения лично-душевной жизни.

часть третья

ПАДЕНИЕ ИЕФЕТА

"Под все здание нашей жизни
вместо камня подложены надутые
воздухом пузыри. Как же не ва-
литься этому зданию?"

Лев Толстой

1.(51)

Если бы не название толстовского рассказа, - "Крейцера соната" - вряд ли кто из читателей придал особое значение тому месту в нем, где исполняется музыка Бетховена. Герой рассказа Позднышев вершит суд над своей жизнью и современной семейной жизнью человека вообще. Причем тут соната Бетховена?

Как только жена Позднышева взяла первый аккорд сонаты, так с ней, как и с ее партнером, музыкантом Трухачевским, "сделалось" что-то, отчего она словно одухотворилась, обрела внутреннюю значительность, глубину, строгость духа в душе. И сам Позднышев под влиянием музыки как бы переродился. Его состояние Толстой описывает теми же словами, которыми он часто описывал действие откровения, пробоя духа в душу. Различия не в понижении тона, а в неприметных оговорках, вкрапленных в текст слов: "как будто", "казалось мне".

"На меня, по крайней мере, вещь эта подействовала **ужасно**; мне **Как будто открылись** совсем новые, **казалось мне**, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, **как будто говорилось** мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, **я не мог себе дать отчета**, но сознание этого нового состояния было очень радостно.

Это состояние "как бы одухотворения" Позднышев видел и в своей жене, и принял его за подлинное. В чем он, вспоминая этот эпизод, задним числом корит себя. Действительное одухотворение возносит душу, раскрывает ее зрение, заставляет ее видеть все в истинном свете и, что здесь главное, подвигает душу на сближение с чем-то подлинно духовным. То же, что "сделалось" с женою Позднышева, произвело обратное действие: произвело ложное душевное сближение с "дрянным человеком", с ничтожным Трухачевским, любовная связь с которым без действия музыки была бы для нее невозможной.

В рабочей записной книжке Толстого, где формируется замысел рассказа, это положение выражено так: "Только теперь я понял, как неизбежно было ее падение **от средств мерзавца**", то есть от исполнительского мастерства Трухачевского.

Гениальная бетховенская музыка производит в рассказе Толстого грандиозный **обман души**.

Позднышев вспоминает, что он никогда не видел жену такой, какой она была в вечер игры Трухачевского. Музыка Бетховена совершила чудо: пробудила духовно непробужденную душу. Это-то искусственное пробуждение души и имело столь роковые последствия в судьбе героев.

"И вообще страшная вещь музыка", - восклицает Позднышев и спрашивает: "Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что делает?"

"Я сливаюсь с ним (с автором) душою, вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем **я это делаю**, я не знаю, - объясняет Толстой. - Ведь тот, кто писал хотя бы Крейцерову сонату, - Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии - это состояние привело его к известным поступкам, и потому **для него это состояние имело смысл, для меня же никакого**".

Музыка настроила душу на что-то, но при этом в самой душе серьезно не предполагается, что надо **сделать** то, на что она настраивает. "Сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое и говорить о последней сплетне". Душевная энергия вызвана, чувства возбуждены, а ничем **в действительности** не проявляются. Вот это-то, по мысли героя Толстого, и "не может не действовать губительно" - действует "ужасно".

Музыка, **как будто** открывая "совсем новые, незнакомые чувства, новые возможности", тем самым призывает душу к чему-то и зовет куда-то, в какие-то дали. Эти новые возможности, извне полученные душою, в подлинность душевной жизни трудно реализуемы. Но как радостны душе! Потому и реализуются фиктивно, в самообмане чувства, как у Лизы Позднышевой. Отсюда же и необходимое для самообмана ослабление душевного зрения.

Жена Позднышева под влиянием музыки находилась не в состоянии одухотворения, а в состоянии, **подобном** состоянию одухотворения. Хотя ее переживания вне всякого сомнения совершенно искренни. Она не делает вид, не фальшивит душой. Душа ее испытывала блаженство благосостояния такой же силы, какой она пережила бы в истинном благосостоянии. Но с одним существенным различием.

Состояние подлинного откровения и одухотворения - состояние душевно рабочее, то есть действительно переделывающее душу, переводящее ее из одного, духовно низшего уровня, на другой, духовно более высокий. Это тяжело! Это - труд, взлет тяжело груженной машины. Состояние же, подобное состоянию откровения и одухотворения, - это легкое состояние, подъем надутого теплым паром воздушного шара. В таком состоянии действительной душевной работы почти нет. Но есть иллюзия ее. Душа жены Позднышева под влиянием музыки испытывала то же, иллюзию того, что она бы испытала, работая духовно. Но в последнем случае ей было бы трудно, - она работала бы, находясь в рабочем благосостоянии, наполнялась бы радостью духовного удовлетворения. Под впечатлением же музыки Бетховена душа ее самораздражалась и нежилась в праздности, доставляющей ей отдых и наслаждение, тем не менее, схожее с радостью духовного благосостояния.

Говорят, что музыка духовно возвышает душу. "Вздор, неправда! - парирует герой Толстого. - Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, **мое истинное положение**, она **переносит** меня в **какое-то другое, не свое положение**: мне под влиянием музыки кажется, **что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу**".

Слова эти приложимы не к одной музыке.

В темноте зала я все более и более проникаюсь чувствами лиц на сцене, театр завораживает меня и, выходя из него, я все еще знаю себя не собой, а захватившим меня героем драмы. Я живу его чувствами, чувствую то, что чувствовал он, и что я, - а может быть и никто на свете, - не в состоянии почувствовать в реальности. Я чувствую то, что не чувствую и при этом - искренен.

Судьба и поступки персонажа книги так впечатлили меня, что в момент чтения я твердо убежден, что на его месте я сделал бы то же, а то и лучше его. Уже не чувствами, а самою волею я знаю в себе силы, достаточные для свершения того, что в реальных ситуациях я никогда бы не смог сделать. Мне искренне кажется, что я смогу то, что - совершенно очевидно - в действительности не смогу сделать.

Можно ли понять явления высшего порядка, сводя их к явлениям низшего? Высшее потому и высшее, что в основе образующих его сил дополнительно действует новая жизнеосновывающая сила, которой нет в низших явлениях, которая и создает высшее. Обезьяна станет человеком, если в обезьяну вдунуть нечто свойственное только

человеку, то есть совершить дополнительный акт творения, сообщающий началам жизни обезьян высшие духовные образующие человека. Нам кажется, что рассуждая о самопроизвольных превращениях низшего в высшее, мы понимаем процессы, которые не понимаем и которые пониманию нашему вряд ли доступны.

Любители философии могут заметить за собой, что мысль философа чаще всего им нужна, когда нет своих мыслей или нет сейчас, либо нет привычного наслаждающего состояния мышления - что мысль философа нужна вместо своей мысли и в подмену своего процесса мышления.

Вы чувствуете, что не чувствуете или чувствуете чувствами, которых в вас нет; вы понимаете, что не понимаете, знаете в себе силы и возможности, которых нет, твердо убеждены, что в состоянии совершить несовершенное, - но все это не самообман, не фикция, не самообольщение, не ложь. Вы словно забываете и себя и реальности вокруг себя, переносясь в какую-то иную сферу душевной жизни.

Толстой пишет, что музыка заставляет забывать свое истинное положение в жизни и переносит в какое-то другое, не свое положение. Здесь ставится особый упор на заимствовании душевных состояний, возбужденных извне. Но то, "другое положение" жизни, в котором чувствуешь и знаешь, что не знаешь, не обязательно внушено "раздражающим душу образом". В него почти каждый человек может переходить и переходит сам, без помощи со стороны. Вернее говорить о двух различных сферах жизни души. Или, с некоторой условностью, о "двух" душах. Я живу то действительной душевной жизнью **в рабочей душе**, то праздной душевной жизнью **в мнимой душе**. Но и там и там я живу; хотя в одном случае я живу, работая, а в другом живу, отдыхая. Последнее, как и первое, не обман, а проживание в особой сфере жизни, у которой свои каноны и задачи.

Мнимодушевность относится к рабочей филической жизни так же, как "изящная словесность" относится к большой литературе, выражающей, по словам Льва Толстого, личное "откровение нового познания жизни" автора. Первая - приправа, возбуждающая аппетит, вторая - имеет значение основной пищи, хлеба, а не пряности. Можно вдаваться в разнообразные достоинства приправ морально-культурной жизни, и можно констатировать, что они не хлеб для жизни, что **этим** никто в действительности не питается, а только делают вид, что питаются.

Только особыми усилиями искренности в себе распознаешь где мнимодушевность, а где рабочие душевные движения. Первое - дополнительные душевные наслаждения от сознания чуткости своей совести, беспокойности и творческих возможностей своего ума, от остроты переживания любви и самовозведения идеала и веры. Второе - **гнет** ответственности своей души, **боль** задыхающегося разума, **муки** сознания неполноценности своей любви, **стыд** за свои недостатки и свое маловерие.

Мнимодушевные чувства всегда примечательны тем, что они не соответствуют подлинно достигнутому уровню духовного сознания в душе. Одно дело самовозвышающее и самонаслаждающее возгорание совести (или гневливости от вспышек гражданских чувств) и другое - терзание от вины своей, без чего в действительности нет работы совести. Поймите себя на состоянии переживания совести без переживания вины, признайте поддельность этого чувства, рискуя остаться ни с чем, даже без уважения к себе, и вы без дальнейших разъяснений распознаете явление мнимодушевности.

Когда человек убежден, что он понимает то, чего не понимает, когда ему всерьез кажется, что он может то, что выше его сил, то это само по себе **создает впечатление действия какого-то высшего** духовного начала в себе. Мнимая душа держится на мимикрии действительно действующих духовных сил. Нахождение в мнимой душе подобно благосостоянию души при духовной работе в ней. Даже решение вопроса бессмертия можно перенести в искусство, скажем, или в науку. Зыбко? Конечно. Но в мнимодушевности такого рода проблемы просто решаются. По мнимодушевному жизнечувствованию современного западного человека **действительная жизнь началась только сейчас** - с ним; до нас как бы ничего не было, что было, то не существенно и вело к нам, цивилизованным людям, как к цели.

Мнимодушевная жизнь похожа на духовную жизнь, держится некоторым сходством со взводом духовной жизни души. В мнимодушевности создается искусственная атмосфера полноты и активности душевной жизни, ее "возрождения", "облагораживания", глубинного очищения. Искусство для эстета, обряд для священника, строгость эксперимента для ученого, изящная мысль для философа суть неисчерпаемый источник самоощущения духовной высоты и, особенно, чистоты, обеспеченной их служением.

Если свое земное болото мы превращаем в псевдонекснмый омут мнимой души, то делаем это прежде всего потому, что хождение по болоту действительности жизни трудно, тогда как вращение в мнимодушевности легко и создает иллюзию беструдности добывания или восстановления чего-то важного в душе. В мнимой душе живет как в действительной жизни, только несравненно легче. Боль сопереживания в действительности столь тяжела и требовательна, что человек по большей части бежит от того, что может ее вызвать. В мнимой душе эта боль - не боль даже, настолько она безопасна, даже приятна. Добывание истины в действительности - мучение; в мнимодушевности эти муки превращаются в раздражающий и наслаждающийся трудностями процесс мышления. Мы так возвышаем и восхваляем мнимодушевное влюбление только потому, что полюбить душе нашей тяжело и трудно. Мнимая душа тем и хороша, что в ней как будто производится подлинная и свободная работа, но без настоящей боли душевного страдания реальной жизни - со всеми радостями, тоской, грустью, смехом и слезами, с самыми сильными переживаниями, но без опасности личного краха. Отсюда ставка мнимой души на утонченность, на очарование, на чары, а не на работу духа.

Подмена работы одухотворения восторгами и чаяниями мнимодушевности мутит, дурманит, обессиливает труд личного духовного восхождения человека, анестезирует его душу, иллюзорно высвобождает ее, облегчает и разум, и совесть, и любовь, и религиозное чувство, и, главное, мимикрирует работу души, оставляя ее в праздности. Раздор между мнимодушевностью и одухотворенностью неизбежен. Борьба эта, по-видимому, входит в задачу возраста Иефета. Прежде, чем войти в возраст Шема, общедушевная филическая жизнь должна встать на свое место и делать свое дело.

Лев Толстой был один из первых, кто высветил противостояние мнимодушевности и одухотворенности и призвал его в мир. Однако проповедь антимнимодушевности Толстого обращена только к лично-душевной стороне человека, а не к его общедушевной стороне, не к Общей душе.

Век назад, во времена первой публикации "Крейцеровой сонаты" мнимодушевность еще была широко распространенным явлением филической жизни определенных слоев европейских обществ. Ныне мнимодушевность обрела иной статус, стала явлением всеобщим и общедушевным; и, мало того, - главенствующим в Общей душе периода Иефета.

2.(52)

Со всех сторон обсуждая пороки современной жизни, мы не примечаем главенствующей ее черты - ее тотальной мнимодушевности - черты, своим существованием обеспечивающей многие другие черты самых разных режимов и обществ. Мир XX века не более безумен, не менее ведает, что творит, чем века предшествующие. Но он иначе безумен, безумен мнимодушевностью.

Сегодня не сознание определяет бытие и, тем более, не бытие - сознание, а сознание и бытие определяются мнимой душой.

Кто-то создает мнимую психоаналитическую жизнь души, кто-то проповедует мнимое представление о человеке как продукте его же хозяйственной деятельности, кто-то учит мнимости сотворения автоматизмом "естественного отбора"; историки рассказывают мнимое прошлое, утопист вещает мнимое будущее, а диалектик посвящает желающих в тайны мудрости, которая особенно хороша тем, что даже у бездуховного человека способна создать мнимое самочувствие одухотворения Разумом.

Наука нашего века в значительной мере построена на своего рода мнимости. Ставя микроскоп и разглядывая клетку, ученому **кажется**, что он проникает глубже в

жизнь, тогда как он в действительности удаляется от живого к материальной фактуре, от живого к неживому. Видя движения в клетке, он на деле исключает жизнь, - ту самую несомненность, которую каждый знает в себе и непосредственно определяет в другом живом существе. Удаляясь от жизни, мы полагаем, что изучаем ее, - что возможно только в особом роде отречения от реальности, от сознания подлинности жизни. Мнимодушевная утрата силы сознания подлинности жизни - одного из проявлений духовной способности узнания истины, то есть разума, - лишает нас силы разума, а значит, жизненности и жизнеспособности.

На принятом в науке образе Мира как самовзводящемся и самодейтельном автомате оказывает мощное воздействие эстетика. Представляющаяся величественно прекрасной точность и строгость хода подзаконного мира, красота математической утонченности и стройности, поэтика грандиозности, сложности и вместе с тем порядка и "гармонии" плюс эффектность для воображения и занимательность для ума - вот зачаровывающий мнимодушевный образ вселенского автомата. В своем разрастании мнимая душа выковала этот образ, и сама охотно подпала под его власть. Охотно потому, что из Мира как автомата изымается Свобода, а значит, и духовная работа. Это Мир ставший, установленный, как умная машина, могущая в конце концов быть послушной руководству высокообразованного и изощренного ума.

Образ потенциального владычества человеческого ума во Вселенной тоже не лишен героико-эстетической лихости, особенно обольщающей душу мнимодушевника.

Природа, Жизнь, Мир в нашей мнимой душе таковы, что их, зная их устройство, можно перехитрить и использовать для себя. Отсюда псевдосознание всемогущества науки, основанной на действии низшей способности разума - ума. Отсюда же аннулирование вопроса о сущности явления и подмена его вопросом о происхождении явления. Отсюда же отрицание внеопытного знания, внеучных умений, сомнения во всех преданиях, отвергание случившегося и прочие научные достижения, свидетельствующие об утрате силы зрения от растления мнимодушевностью.

Истинный рыцарь науки, как прекрасную даму, оберегает и чтит чистоту того образа, о котором мы говорим. Казалось бы, опытная наука, именно потому, что она опытная, должна для собственного творчества стремиться пустить в оборот новые для нее явления, особенно не боясь ошибиться в достоверности факта. Наша же наука требует абсолютной достоверности (требование чисто эстетическое) и занята не столько доказательством достоверности, сколько обнаружением недостоверности и иногда в весьма достоверном. Она недоверчива, подозрительна, боясь допустить к лицу прекрасной дамы все, что может нарушить ее целомудрие. То-то - придумано людьми, плод их пустого воображения, то-то - обман, шарлатанство, то-то - только так кажется. Эти "кажущиеся" явления стали столь повсеместны, что составляют постоянный предмет борьбы науки, то, от чего она, отталкиваясь, утверждает себя.

Пафос - один из самых звучных сигналов, подаваемых мнимой душой. Наука века нашего облачена в пафос недоверия, прикрыта боязнью инородного и выстроена на запрете душе знать что-либо без нее. В сознании человеческом (то есть в духе) уже нет ничего несомненного, - все недостоверно, все обманывает, подтасовывает, кажется нам. Нужны ли еще примеры подавления одухотворения мнимодушевностью?

Нынешний человек не стал разумнее и глубже, но над умами людей властвует теперь мысль как бы глубокая - мысль тонкая, изощренная. Она везде: в ученых трудах, в судах, в "серьезных" статьях, в островах, бюрократических циркулярах, в парламентских дебатах, у героинь фильмов и в беседах школьников. XX веку нужен блеск умственных способностей, а не глубинное свечение разума в Мир. На поверхность общественной жизни выдвигаются знатоки и умники, а не мудрецы. Век наш утратил вкус к мудрости, ему потребовались идеологи, поэты, ученые, трибуны, сценаристы, но не пророки. Это век всевластия идей, "убеждений" и провозглашений, а не проповедей. Тихое духовное учительство - вот совершенно чуждая ему область души и Разума. К филической общедушевности прошлых веков XX век добавил еще один вид мнимодушевности, **мнимодушевности интеллектуальной.**

Техническая культура создает мнимое впечатление усиления энергии и возможностей человека, его могущества, его силы овладения. Техника - как бы инициативность духа и выдает себя за нее. Изобретения и "научные открытия" - как бы

откровения Разума и в подмену ему. Робот - символ совершенной технологической мнимодушевности - как бы человек.

Оскудевая разумом, человек изощряется в уме, изучении, изобретении. Оппозиция уму - глупость. Оппозиция Разуму - легкомыслие или лучше сказать, **«легкомысленность»**. Легкомысленность не исключает ума и таланта, можно быть умнейшим и легкомысленным человеком. Дело уже дошло до того, что, видя умные глаза, начинаешь бояться как бы за ними в очередной раз не скрывалось легкомыслие, замешанное на эрудиции, профессиональных способностях и прочем, что имеет в мнимодушевном мире статус достоинств духа.

Мнимодушевности филической жизни соответствует легкомысленность интеллектуальной мнимодушевности. То и другое входит составной частью в иефетову Общую душу нашего времени.

"Мы шалили, под солнцем и на земле, не сознавая, что солнце видит, а земля слышит" - писал В.Розанов в 1918 году. Так продолжалось весь наш век. На всякого мудреца этого странного века довольно легкомысленности, сокрытой и явной. Только по легкомысленности общего сознания жизни можно признать образованность, интеллект, культуру за духовность; знания и обилие мыслей за знание и движение к Истине, тонкость, остроту и изящество ума за полноту одухотворенной углубленности, а зрелость души за примитив.

При переходе в возраст Иефета Общая душа порушила свой прежний соборный разум. Это пустующее место заняли шалуны духа своего, определившие характер мышления века. Черты этой субстациональной легкомысленности мышления XX века мы все знаем в себе, видим разрушающее действие этой "шалости" в наших злободневных спорах и со страхом ждем, что победная интеллектуальная мнимодушевность еще раз, на повороте Истории агрессивно проявит себя, захлестнет и погубит нас.

Интеллектуальная мнимодушевность рассчитана на беглость душевного потребления: на запойность чтения, например, или упоение чем-то. Люди отвыкли вдумчиво, с расстановкой читать, слушать и слышать, серьезно вникая в слова и мысли. У современного человека множество интересов, профессиональных и непрофессиональных, но нет главного интереса: интереса к основным вопросам жизни, назначающих ее. А без этого интереса все остальные поневоле легковесны и легкомысленны, не нужны для труда духа, праздны по существу.

Справимся ли с этим? И - как? Менять "интересы"? Но как благо не блага, так и интерес к жизни не интересы в жизни. Интересы прививаются, интересами руководят. Интерес же к основным вопросам жизни прививает Хозяин ее; и Он же руководит им. Наша ближайшая общедушевная задача - расчистить завалы мнимодушевности, которые не дают людям осознать и прочувствовать, что есть подлинная духовная жизнь.

3.(53)

Многие люди нашего века проводят в сфере мнимой души часть, а то и весь свой срок на земле; и уверены, что живут полной и настоящей жизнью. Мнимодушевность стала для множества людей жизненной позицией и мировоззрением, руководством к действию и высшим оправданием человеческого существования. Весь современный мир опьянен мнимой душой, заражен ею. Болезнь мнимодушевности овладела Миром. Не сила и вера, и не секс и голод правят европейским человечеством, вступившим в иефетов период Пути. Правит им мнимая душа.

Были ли материалисты и атеисты прошлого и начала нашего века религиозными людьми? Они были как бы нерелигиозными или на свой лад как бы религиозными. Чувствуют ли вчерашние декаденты и их нынешние наследники внутреннюю свободу? Нет. Они как бы чувствуют и как бы свободу. А что значит все эти быстро гаснущие и друг друга сменяющие увлечения и заблуждения, страсти общественных волнений, чехарда сочувствий, скоро превращающихся в равнодушие? Откуда такая легкость движения души, легко принимающей на веру и легко от нее отказывающейся? Власть "как бы" стала всезахватывающей. Мы ценим не подлинные чувства, мысли и представления, при наличии выбора едим и одеваемся в то, что разрекламировано,

читаем и смотрим то, чему обеспечили паблисити и многое другое, что мнимодушевливает даже быт.

Более всего современный человек западной цивилизации желает "жить красиво". Красивость жизни - чуть ли не главный мотив ее, цель всех устремлений людских. Красивость, ей-Богу, погубит Мир. Уже сегодня "духовной жизнью" все именуют жизнь "культурную" и под "духовными интересами" понимают все то, что не является интересом вещественным. Дошло до того, что люди повсеместно лгут и фальшивят не под подлинные чувства - как было во все века, - а делают вид, что переживают мнимодушевные чувства и представления.

В последние десятилетия невиданно возрастает массовый интерес к зрелищам. Серьезный признак все продолжающегося расширения области мнимодушевного захвата человеческой жизни. А казалось бы, куда дальше? И так не жизнь, а всеобщий спектакль. Кто в нем в качестве ведущих, кто в качестве статистов, гримеров, либо играют зрителей, наконец. Остальные, те, которые не исполняют ролей, являют из себя декорацию спектакля или, на худой конец, служат материалом для этой декорации. Недаром столь успешна нынешняя научная теория "ролей", по которой человек с утра до вечера входит в разные роли, меняя их в зависимости от обстоятельств, в которых он находится. Как ни вульгарно такое описание жизни, оно в известном смысле соответствует нашей действительности.

Характерный только для XX века образ спортсмена в большой степени обеспечен страстью к зрелищам игр и соревнований, мнимодушевно подменяющей чувство азарта жизни, и мнимодушевным самоудовлетворением в культе рекордов и рекордсменства. Спортсмен демонстрирует неестественное и фиктивное физическое совершенство, которое вне нормальных возможностей человека. Он уродует то, совершенство чего призван демонстрировать.

Ровно так же и "демонстрант" живет не подлинной, а мнимой общественной жизнью. Какова бы ни была современная манифестирующая толпа, самодеятельна она или собранная для специальной цели властью, охраняемая или, наоборот, охраняющая, какова бы она ни была, все ее чувства: возмущения ли, одобрения ли, борьбы или ликования - по большей части мнимодушевные. Как мнимо и само состояние убежденности человека в ней. Сопоставьте образы возмущенной толпы из истории прошлого или начала нынешнего века и современной демонстрации, собравшейся для выражения протеста. Первые действительно возмущены, вторые как бы возмущены и участвуют в инсценировке.

Демонстрант убежденно играет роль действующего в общественной жизни человека. Только обоснование этой деятельности он берет из реальной действительности, все же остальное - лозунги, речи, выдуманные чувства, даже сознание солидарности в толпе - мнимо и служит средством самовпечатления и возбуждения друг от друга. Важно само участие, возвышенность которого обеспечивается конкретным поводом. Все такого рода общественные движения - лишь **норма бытия** в определенном обществе, бытия, во многом обуславливаемого мнимой душой.

Еще более, чем фигуры спортсмена и демонстранта, показательна фигура "общественного деятеля" (того паче общественной деятельницы). Как в любительском спектакле, где самодеятельные актеры подражают профессионалам, так и на общественной сцене общественные деятели играют настоящих политиков. Конечно, и политик - игрок, разыгрывающий свою партию на массах или в узком интриганском кругу близких к власти. Но он всегда имеет реального противника и в случае неудачи ему грозит реальная опасность. Общественный же деятель конкретного противостояния себе не имеет и сам создает его в лице правительства ли, или другого, такого же, как и он, общественного деятеля. При этом он постоянно подвергается опасностям, которые не угрожают, дает клятвы, которые не связывают, бросает вызов врагам, которые ему не страшны, и выдвигает лозунги, которые всегда преувеличены, обязательно превышают требования его личной и общественной совести, да и его собственное разумение. И что удивительнее всего, общество пасует, когда его или события в нем судят с мнимой высоты кривляющейся совести.

Мнимодушевное самовращение везде и во всем. Подобно искусству ради искусства (и корысти ради), науке ради науки (и ради корысти), сексу ради секса и

прочее в нашем мире возникли общественные движения ради общественного движения (и, понятно, ради корысти), соотносящиеся с подлинными общественными движениями в Истории как страсть актера на сцене и настоящая страсть в жизни. Нынешнее общество переполнено слепыми движениями, которые исторически не работают, хуже того - как бы работают и тем самым могут способствовать чему угодно, в том числе и осуществлению целей, противоположных тем, которые они же провозглашают.

Что, скажите, выражает голый подсчет голосов многих тысяч людей, не знающих друг друга? "Волю народа"? Да разве доля одного человека в напоре и направлении общедушевной воли равна доле другого? - Никогда. Признать сумму поданных голосов, составляющих большинство, волей народа можно только в мнимодушевном смысле. Верее сказать, что общество стремится создать видимость осуществления совокупной воли и само **вполне удовлетворяется** этой видимостью. Да и как иначе реально живущее общество, сохраняя себя, может поступать с требованиями господствующей в ней мнимой души? - Только обмануть их! Выборы и призваны для того, чтобы обойти общедушевные требования справедливости, обмануть их самым грубым образом: числом, арифметикой, пропорциональностью, процентом. Чем скрупулезнее внедрена в общество эта арифметика, тем выше считается правовой статус общества, тем доброкачественнее выглядит власть в нем и "законнее" правовой разум.

На выборах, конечно, изъясляется не общедушевная воля и не мудрость Общей души, а, в лучшем случае, настроение большинства на момент голосования. Понятно, что так выраженная "народная воля" не бывает мудра. Избранный при этом глава государства или правительства тем лучше, чем он умнее избравшего его общества, но ловко умеет скрыть от него это.

Голосование - выражение **мнимой воли** народа. Общество, опирающееся на мнимую волю, живет в режиме самообмана. В таком обществе человек в той или иной степени перестает различать, кто добр и кто зол, кто врет и кто говорит правду, где подлинник и подделка, мудрость и дурость, свобода и рабство. Где мнимо все, даже воля народа, там все равно недостоверно, там нет веры и безверия, и люди верят тем, кто наглее и впечатляюще кричит.

Заглавное явление внеобщедушевного общества - "общественность". Что она выражает? Общедушевный разум, Народность, национальную Самость, Этнос, Собор? В Общей душе нет такой инстанции, которая говорила бы через общественность. "Общественное мнение" - не из недр Общей души. Общественность отвлеченна, отвлечена от жизни Общей души, но вместе с тем (скажем, "научная общественность") претендует на практическое и теоретическое руководство.

Общественность чужда общедушевности и потому делает крен в сторону лично-душевной жизни. В противовес Общей душе она провозглашает права личности (вернее: личной самости), проживающей на Земле и только на Земле и потому желающей наилучшим образом (то есть вместе с "небесными" своими потребностями) устроиться на Земле по лозунгу: пусть каждый, не мешая жить другим, живет как хочет. Демократические стандарты подменяют требования Общей души.

Общественность не нуждается в руководстве Сара, не знает его, и потому принципиально исключает себя из трудов Пути Общей души - живет вне Пути, вращаясь сама по себе. Вероисповедание заменяется "образом жизни", а соборный разум - правовым разумом, необходимым в качестве ментального основания. Правовой разум - **внесоборный и несоборный разум** общественности. И этот внесоборный разум усилиями общественности удачно конкурирует с подлинным соборным разумом, погашая его. Для своего существования и самоутверждения общественности необходимо некоторое затенение общедушевности.

Главное изобретение общественности - газеты, газетное сознание. Начать с того, что газетное сознание производит искажение душ публичностью. Ничто не оставляется им таким, какое оно есть. Газетное искусство (говорю без всяких кавычек) держится на умении автора выглядеть в глазах публики выше ее и самого себя. Умение бойко писать всегда чрезвычайно подозрительно.

Разум и правда газет не то, что разум и правда жизни. Представить мудреца из народа, излагающего свой взгляд на газетной полосе, невозможно; его слова - не газетный материал. Газетный ум призван не для успешного руководства в реальной

жизни, а для ввевшийся в мозг и воображение забавы делания вида руководства повседневной действительностью. Люди раскрывают газету для злободневных разговоров и слухов или, в лучшем случае, для отыскания аргументации тем положениям, которые априори выработаны или выраздражены в голове и сердце.

Один и тот же человек по разному рассуждает в газете и думает сам. В реальной жизни важна и волнует подлинность; в газете - трансформация подлинного для нужд читающей публики. Газетное сознание не требует доподлинности. Оно требует умения представляться условно совестливым, благородным, храбрым, чистым - даже если сам газетный провозвестник равнодушен ко всему на свете. На газетном языке нельзя быть искренним, газетные словосочетания и интонации - инструмент выражения публичных чувств и дум, необходимы для сферы, куда искренность неприложима, где правит стиль газетного лицемерия, принятого в данном обществе на данный момент и в данном издании. Газеты - разносчики фиктивных душевных свойств. Регулярно потребляющим газеты неминуемо сообщается подложный ум, наклепная совесть, искусственное равнодушие, поза благородства, доброты или негодования и прочее. Газетное сознание профанирует зрелость души и тем держит человека в состоянии духовной инфантильности и облегченного сознания.

Газета - функция кратковременности общественного бытия и рассчитана на короткую память. Однодневное скоропалительное газетное творчество совершается в беспамятстве. Газетная творческая воля направлена на то, что ей ежемгновенно выигрышно; ей чужда перспектива и ответственность высшего порядка. Это - разврат творческой воли человека: и филической воли и воли интеллектуальной.

Хуже всего то, что газетное слово замещает слово проповедническое. Если проповедничество стремится поднять человека над собой, то газетное сознание нацелено на то, чтобы либо остановить духовное развитие человека, либо спустить его ниже самого себя. Мало того, что газетность духовно безосновна и творчески развратна, она - псевдопроповедническая, узурпирует соборное сознание справедливости, заменяет честь имиджем и престижем. Бесцензурность - вот суррогат духовной свободы для потока слов газетного сознания. Впечатление такое, что все совершающееся в природе, народе, мире - происходит для этого потока слов.

Кто-то очень хитрый внушил современному человеку дьявольскую мысль, что беды его проистекают от того, что он не может публично высказаться так, как ему угодно. На самом же деле беда наша в том, что в обществе чрезвычайно активны силы, которые, говоря и говоря, не дают голосу духовного Я из человека пробиться к другому человеку, к другому духовному Я, препятствуют ему в поисках человека сродственной одухотворенности, не дают явить из себя миру нечто важное, свою истину и свою любовь. Сегодня большинству людей надо **замолчать**, чтобы стало слышно звучание того, что нужно и важно людям.

Человек обладает той и только той свободой, которая предоставлена ему Богом. Свобода слова - не самовольность прессы, а **свобода живой мысли**, свобода Разума и любви, свобода духовного свечения из себя людям. Такая свобода может быть обеспечена если газетно-телевизионная магия перестанет почитаться духовной властью и займет в жизни то положение, которое соответствует ее достоинству и сущности.

4.(54)

Мнимодушевность филической жизни и интеллектуальная мнимодушевность не ложь и обман. Живя в мнимой душе, люди, говорил Толстой, "**серьезно верят**, что они действительно то самое, чем притворяются". Такое становится возможным только благодаря тому, что мнимая душа это своего рода **забытие** действительного существования. Забытие, вообще говоря, законная сущность мнимой души, идущая ли во вред подлинной жизни, в подмену ее, или, подобно сну, в ее поддержку. Переключаясь на мнимодушевность, человек тем самым желает поскорее забыть и забыться. Современное общество широко пользуется этим свойством мнимой души.

Апофеоз мнимодушевности - советская мнимодушевность, не утратившая актуальность и после распада социалистической системы. Качество общественного самозабвения особенно явственно проступает тут.

Советский образ жизни вернее всего представляли многочисленные Общие Собрания. На первый взгляд люди на них откровенно терпели время, исполняя привычную формальную процедуру. Но всмотревшись в лицо сидящего на Собрании, видишь, что в нем нет тяготы терпения и скуки. Он пребывает в каком-то особом состоянии, где он погружен в полузабытие, находится в забвении себя и окружающего. Может показаться, что он в дреме, но это не дрема, а род мнимозавороженности. Он внемлет и, вместе с тем, не слышит, и присутствует и отсутствует, аплодирует и голосует, но так, словно это не он. Идет обязательный спектакль - такой же, как и вся окружающая жизнь! - и что-то изнутри заставляет людей участвовать в нем в качестве хотя бы пассивного действующего лица. Уклониться от этой роли нельзя - тогда надо вообще не участвовать в спектакле общей социалистической жизни, выпасть из нее и пойти против ее хода. Чего невозможно ждать от человека толпы.

Сидящего на Собрании нельзя призывать не лгать. Он не лицемерил и не лгал себе. Он брал на себя роль, которая была предустановлена ему какой-то явно непререкаемой инстанцией. То, что исполнял он, было важно для него самого. В одно и то же время он как бы внимателен и сосредоточен, как бы признает значительность происходящего, но и вполне серьезен, серьезен даже тогда, когда поднятием руки как бы выражает свободу своего волеизъявления. Все это - не фикция, а особое действие, особая жизнь в особой и неотъемлемой от жизни всех сферах. Как отдельный человек бессилён нарушить ход ритуальной процессии, в которую он вовлечен, так ровно же он не в силах был противостоять завораживающему течению Собрания, которое, как храмовая жизнь, живет надличностной жизнью. У Общего Собрания свои душевные каноны, отличные от канонов рабочей душевной жизни отдельного человека, той самой, живя в которой, он действительно страдает, любит, борется, разочаровывается, решается, колеблется между добром и злом, надеется и обманывается. Здесь иная сфера жизни, где ничего этого нет, - или как бы есть, но не так, как в подлинной жизни. Сферы эти смешивать нельзя; их никто и не смешивал.

Есть чуткие люди, которые ищут мистику в самодовлеющем общественном действии Общего Собрания. На Общем Собрании присутствовал не "я", а "как бы я" - мой заместитель в советской жизни, мое советское я. Общее Собрание протекало в мнимодушевной сфере жизни, захватывавшей **всю** общедушевную жизнь. Высказываемое на Собраниях (и, что то же самое, в газетах, по радио и телевидению) не оцениваемо в категориях лжи и правды, искренности и лицемерия, глупости и ума, так как оно перенесено туда, где эти понятия как бы нереальны.

Раздвоение на две души, на две сферы жизни занесено в само чувство жизни советского человека. Это не цинизм, а как раз наоборот, нечто общепринятое и морально узаконенное. Из души человека известной формации выделено общественно специализированное "советское я", мнимый двойник, замещающий в общественной жизни подлинное "я". Это мнимое "советское я" обладало (и до сих пор обладает!) в душе огромной, и бывало, абсолютной властью. Почему?

Жить в атмосфере советской мнимодушевности приучали с раннего детства. Год из года, на каждом уроке школа трудилась над одним и тем же: старалась перевести всю наличную действительность в мнимую жизнь. Современное, прошедшее и даже будущее сначала переодевалось в советскую мнимодушевность, а затем преподносилось в качестве действительного - словно действительного и не существует. И все убеждены, что так и должно быть или иначе быть не может.

Мало-помалу душа каждого человека переводилась в режим советской мнимодушевности, обретала как бы твердость и напор, как бы убежденность и непреклонность и как бы преданность. И - главное - вместе со всем этим обретало, обязательно обретало **сознание легкости общедушевного бытия**, лишённого трудных душевных движений. Выработывалась властная потребность души жевать пустышку советской мнимодушевности, в которой пребывать и удобно и спокойно. Тут есть место всем человеческим чувствам, но не работающим в душе, вращающимся легко и вхолостую, бурно, радостно и праздно. Зачем дьяволу силой уничтожать любовь и разум, когда их можно подменить, сделать мнимодушевными... Дело это делается даже само собой: жить с открытыми глазами в подлинной душевной жизни человеку тяжело, тогда как спать в советской мнимодушевности легко и приятно. Основная сила мнимого

"советского я" - в легкости общедушевного проживания. Не отсюда ли общая нацеленность на жульничество, обман, воровство разных видов, на добывание без труда, с наименьшими затратами сил и труда? О какой "рыночной экономике" может при такой ситуации идти речь... И это еще не все.

В ученых советах, в редакциях, просто в беседах, в полуночных трепах, за праздничным столом или на лестничной площадке проектного института - везде, где культурные люди вступают в общение, царит стихия интеллектуального блефа. Общий тон советского культурного быта - ирония. Серьезность неприлична, всех раздражает, почитается занудством. Глубокая мысль, постоянно замешанная на иронии, существовать не может. Ироничность и интеллектуальный блеф прикрывают порочно облегченную жизнь, где нет живого интереса к мудрости и душевной потребности в истине.

В атмосфере советской мнимодушевности действительно работают, всерьез делают свое дело одни балерины, музыканты, редкие энтузиасты науки, искусствоведения, ультрасовременных областей техники. Все остальные исполняют некоторую роль, выпарены, за что их, хотя и нежирно, но кормят. Общественное существование во всех областях специфически облегчено. Мнимая экономика, стремящаяся выполнить "показатели". Не дело, а отчетность правит любой деятельностью, даже суда и милиции, действующих по мнимому законодательству. Разговаривая с советским инженером, никогда не знаешь, говорит ли он то, что знает, или то, что как бы знает - лишь бы казаться другим (и себе самому) знающим, ловким и опытным человеком. Фикция и плагиат, прочно вошедшие в научный быт, делает существование ученого интеллектуально беструдным. Легко в советском обществе работать и рабочему, о чем свидетельствует стремительное падение трудовой этики. А как вольготно жить пишущему человеку в культуре девальвированных слов...

Европейские социалистические общества 70-х и 80-х годов были основаны не столько на страхе наказания (что характерно в другую эпоху), сколько на советской мнимодушевности, которая крепка другим страхом, страхом разрушить **легкость своего жизнечувствования** и, значит, лишиться чего-то похожего на опору в жизни. Пьет советский человек не от трудностей бытия, а для легкости жизнеощущения и для сохранения позы душевного безразличия. Замена легкости общественного бытия на трудность его, а тем более жизнечувствования, разом, конечно, невозможна. В третьем-четвертом поколении советский человек предпочитает легкость бытия и жизнечувствования всему: и достатку, и свободе, и возможности самореализации.

5.(55)

Потомство Иефета в библейские времена расселилось по преимуществу на европейском континенте. Европейские народы и европейская цивилизация - иефетова цивилизация, созданная народами, особенно пристрастными к филической общедушевности. При путевом продвижении от средневековья, от третьего возраста Хама к новейшему времени, к возрасту Иефета ударение Общих душ перемещалось в их интеллектуально-морально-культурную область, то есть на тот самый этаж общедушевной жизни, на котором европейские народы, как иефетовы народы, всего увереннее знают себя. Изначальная склонность иефетовых Общих душ и их путевой возраст, казалось бы, счастливым образом совпали. Несколько угнетенная в вероисповедальческом возрасте филическая воля европейца высвободилась, активизировалась и раскрыла свои возможности. Наступление веков науки, культуры, техники и гражданственности предрешиено путевыми движениями европейских Общих душ, бодро задействовавшими в себе филио-государственную, морально-культурную и интеллектуальную волю людей.

Период Иефета, возможно, звездный час на Пути Общих душ Европы, их наиболее звучная партия в человечестве. Они и звучат сейчас во весь голос, господствуя в мире. И чем дольше, тем вроде бы сильнее и больше. Но как раз в наше время стало выясняться, что в увлечении творчеством Общие души все более предпочитают исполнять свою партию сами по себе, без участия своих высших духовных инстанций: Сара, соборного разума, Народности. Стало как-то тревожно. Восход стал несколько напоминать закат...

Филическая общедушевность, став ударной, ныне желает быть без руля, идти только под напором собственного ветра и во всех направлениях разом. Именно в самоцентричности, самовыраженности и самовращении видит она и свою ценность, и свою "свободу", и свое назначение, и свою сущность, и залог главенствующего положения в Общей душе.

Филическое поле жизни отличается от других полей жизни тем, что оно наполняется зарядами жизненности не от акта Творения, а от творчества человека. Филическая жизнь столь же подлинна, что и любая другая, но при одном условии: филическая воля жизни (творческая воля человека) должна совмещаться с волями сотворенных полей, ассистировать им, работать вместе с ними и для них. Филическая жизнь, идущая сама по себе, не знающая свое положение относительно сторгической и эротической жизни, теряет подлинность, становится мнимодушной.

Иефетова область жизни не корневая в Общей душе. Масса филической жизни добывается творческой волей из резервуаров эротической или сторгической жизненности. Филическое поле - собственно человеческое поле жизни, задействованное **вместе** с корневыми полями ("шатрами") Общей души: с интерпсихическим шатром Хама (филио-эротическая национальная Самость) или с шатром Шема в поле духовной близости (филио-сторгическая соборная Народность). Выдвижение иефетова шатра на ударное место в Общей душе, мнимодушное утверждение его в качестве совершенно самостоятельного центра ее - небезопасно, чревато разрывом гипертрофированного Иефета с Шемом и Хамом и, следовательно, грозит развалом Общей души.

Во второй части книги мы предположили, что для дальнейшего продвижения по Пути Общей души необходимо стать на "другой фундамент", закладываемый именно на иефетовом ее этаже. Строительство нового фундамента неизбежно сопряжено с самоцентрализацией филической жизни. Фундамент - основание здания, необходимо зданию, закладывается **для** здания, вместе с ним. Опасность периода Иефета состоит как раз в том, что закладываемый фундамент принимается за воздвигающееся здание, выдается за основное жилое помещение - и потому-то форсированно обживается. В результате еще невыложенный фундамент размягчается, пузырится, становится непригодным служить основой дальнейшего путевого строительства Общей души.

Каждый шаг на Пути Общей души (как и путевосхождения отдельного человека) грозит обвалом, схождением, распадом. Так оно должно быть, так всегда и есть. Угрозы иефетова отрезка Пути столь же законны, что и опасности хамового путепрохождения. И те, и другие предусмотрены, необходимы для путевого продвижения через трудности преодоления. Такова стратегическая установка работы Пути. Что ж: закат западного мира только мерещится нам? Что если мы временно буксуем на некотором промежуточном этапе Пути, его законном повороте, где одно путевое поприще завершилось, а другое не началось? Не есть ли мнимая душа **только** болезнь переходного возраста, неизбежный болезненный этап становления нового фундамента? Как правильно оценить нашу эпоху?

Да, несколько веков тому назад, с рассветом возраста Иефета, все творческие силы европейца активно возбудились. Волна культурного творчества, интеллектуальная и моральная воля набрали такую скорость, такую силу и такую власть над душами людей, которые и необходимы для начала строительства нового и прочного филио-интеллектуального фундамента Общей души. В мощном филическом оживлении европейские Общие души испытывали радость свежего притока полноты жизни, наполнялись ею, желая еще большего и все большего своего оживления.

Казалось бы, они открыли в себе неиссякаемый источник живой воды. Иефет справлял пир и, пируя, все более и более взвинчивая себя. Живой воды естественного творчества стало не хватать. Пришлось вносить в филическое поле и на интеллектуальное осмысление все, что ни попадя. Все, что возникло в эротическом и сторгическом пластах жизни, тотчас перегонялось для нужд, а затем и запоя филио-интеллектуального творчества. Доступ в общедушевное морально-культурное поле оказался открыт всем и не требовал для проникновения в него и пользования им серьезных усилий творческой воли. Филическая жизненность раздавалась беструдно, бесплатно, открытой струей. В результате человек западной цивилизации морально, культурно и интеллектуально закипел, его собственно-человеческое начало стало

алчным, потребовало себе "благ", "интересов", комфорта, "красот", развлечений и удовольствий телу и душе. Иефет заметался в горячке.

Зло Истории зачалось в общедушевном грехопадении Хама. Хам совершил "эрва" и тем извращенно взвинтил человеческую психику как таковую, незаконно разгорячил эротическое тепло жизни в человеке и порочно индивидуализировал его. Нечто похожее произошло теперь и с Иефетом. Мы стали свидетелями беспредельного и бесконтрольного **разгорячения самой по себе филио-интеллектуальной воли человека**. Человек забурлил в творчестве, на иефетовом этаже жизни и разума. Филическое и интеллектуальное разгорячение сделалось его порочной потребностью. В иефетовых Общих душах возник новый вид похоти, похоти филической и интеллектуальной, которая стала сладостно-привычной массе людей и диктует им хождение по жизни.

Мы, люди XX века, переживаем эпоху **второго общедушевного грехопадения**. Первое было - Хамово; второе, нынешнее - падение Иефета.

Мнимодушевность и легкомысленность не просто болезнь иефетова периода Пути, а суть последствия и проявления процесса чрезмерного филио-интеллектуального разгорячения и, в то же время, явные признаки готовящегося или, скорее всего, состоявшегося грехопадения Иефета.

Хамово падение принесло человечеству историческое зло. Какое новое зло несет нам общедушевное иефетово падение? Несомненно, что угроза экологической катастрофы или термоядерной войны есть плод непотребного разгорячения иефетова этажа общедушевной жизни. Но это, так сказать, внешний результат. Иефетово падение включает в себе внутреннюю угрозу для европейского человечества, для его путевосхождения, для всего дела исполнения Воли Бога.

Пока Господь еще раз не "спустился" к нам, как в Вавилон, и не принял Свои меры, у нас есть шанс **самим** увидеть, в чем состоит падение Иефета, чем оно чревато, и попытаться - коли еще возможно - "отстать" от того, что мы "думаем" и что "делаем".

6.(56)

Быть может, Бог работает человекам так, как сказано в одном из псалмов: позволяет ему самому дойти до предела заблуждений и несчастий, а потом говорит: вернись сын Адамов. Наверное, этот призыв Бога к человеку - "вернись!" - звучит всегда. Вернуться сыну Адамову означает понять свое рабочее назначение в жизни. Мы ищем цели жизни, смысл нашей жизни, свое **предназначение** по указу Бога. Нужно же прежде всего искать **назначение** - заданную работу. Мы приставлены к работе, которую мы же и обязаны найти для себя своим свободным сознанием. Душа наша одновременно должна - всегда должна - и работать и искать себе работу. Мало того: работать и искать **свою** работу. Таково наше "назначение", но не по указу свыше, не по повелению какого-то высшего устанавливающего **закон** жизни сознания, не по указу Бога, а по росту нашего же понимания своей жизни, понимания, все более и более проявляющегося от мощи свободного сознания в себе.

Что жизнь человека значит и что такое жить? Вопрос назначения жизни это и вопрос о том, каково ее значение для Создавшего жизнь и Пославшего нас в нее. Каковы бы ни были ответы на эти трудные вопросы, ясно, что мы посланы не просто в жизнь: нас послали служить в "Я". И, конечно, в рабочее "Я", которое есть порученный нам пост. Когда же люди "серьезно верят, что они действительно то самое, чем притворяются", то это не просто ошибка, а духовное дезертирство в поста жизни. Уклоняясь от душевной работы в мнимодушевную личность, люди покидают предназначенное им место в жизни, убегают от своего назначения (каково бы оно ни было) и, значит, изменяют Воле Установителя жизни человека.

Сам факт подавления одухотворенности мнимодушевностью, сама по себе необходимость и неизбежность грядущего противостояния мнимодушевности и одухотворенности уже указывает на серьезное повреждение филической жизни в человеке, на его падение как существа общедушевного. Все то, чем так гордится нынешний человек западно-европейской цивилизации - наша наука и техника, культура и государственное устройство, наша изобретательность и деловитость - все это в конечном

счете плод обещушевного падения Иефета - его измена тому делу, которому он призван служить. "Вернись!" сын Ноев!

Грехопадение праотца Хама испортило сафа ахад и надорвало структурную связь Шема и Иефета. Падение Иефета отрывает Иефета от Шема и подменяет обещушевную сторгическую близость филическим и интеллектуальным взаимопониманием.

Не трудно различить сторгического ближнего и филического ближнего. Сторгический ближний тот, с кем я состыкован в поле духовной близости, к кому испытываю "любовь к ближнему", с кем связан чувством душевной ответственности, к кому привязан душевным взаимопониманием с полувзгляда. С филическим ближним я совместно живу в другом поле жизненности; мы с ним связаны общими культурными переживаниями, признаем одни и те же моральные критерии и руководствуется одним образом мысли. Чтобы узнать филического ближнего друг в друге, мы должны подать друг другу "голос", сообщить словом (хотя бы полусловом) или другим средством выражения. Мы оба выносим себя в филическое поле жизни, в нем встречаемся и знаем близость друг в друге в качестве одинаково заряженных филических единиц. Филическое взаимопонимание и взаимопроникновение основано на общей филической заряженности, на сходстве филического чувства жизни, на культурной, моральной и интеллектуальной раскрытости друг другу, которая назначена людям в качестве преддверия сердечной сторгической близости и для обеспечения осуществления ее.

Падение Иефета состоит прежде всего в том, что он отпал от Шема, стал самовольным, самоценным, самовластным, отдельным - и при этом ударным в Общей душе. Поэтому внесердечный филический ближний смог выдать себя за сторгического ближнего. Но если сторгический ближний чувствует и понимает душу другого **как свою**, то филический ближний чувствует и понимает ее как **как бы свою**. В результате падения Иефета люди стали **мнимоближними**. Наша гуманность, гражданское милосердие, либерализм, демократическое общественное человеколюбие, права меньшинств, женщин и прочее восходит не к сторгической любви к ближнему, а как бы любви к ближнему - к мнимой сафа ахад, мимикрирующей ту сафа ахад, которой должны были обладать сыны Ноя.

С наступлением возраста Иефета центральную партию в человечестве стали исполнять иефетовы народы, некогда образовавшие христианский мир. Падение Иефета привело и христианство к кризису. Настойчиво возвещаемой в христианстве нового времени дело "любви к ближнему" не приметным образом выпарено в мнимую сафа ахад, обернулось гуманистическим чувством ближнего, гуманизацией человеческой самости, утратило свою библейскую сущность, обнищало, переродилось, перестало быть заповедью Единого Бога и стало человеческим морально-культурным установлением. Всеохватывающий формализм человеческих чувств и мыслей, тотальная формализация жизни, - еще один явный признак падения Иефета.

Культура, разумеется, объединяет людей и смягчает их нравы. Но когда такое объединение провозглашается основой сафа ахад, когда оно не в подмогу сторгическому чувству, а в подмену ему, тогда люди сторгически неизбежно отчуждаются, сближаясь на почве красоты и удобства быта, массовой или элитарной культуры, стереотипов филической эмоциональности данного времени или Дела. Участвующие в общем Деле, деловые друзья - как бы ближние, филически специально сближенные друг с другом, культивирующие и поддерживающие свою мнимую кампанейскую близость. Ту же мнимоблизость, только иного стиля и назначения, демонстрируют "товарищи" по партии, клану, какому-либо другому сообществу. Всякое такого рода "товарищество" - отметим особо - чисто филического рода и было бы невозможно без атмосферы мнимости сафа ахад и ее подмены.

Создавая Общие души, Господь одновременно произвел "увядание" сафа ахад. Падение Иефета - его саморазгоряченит и самозамыкание - явило нечто обратное увяданию: произвело оживление филического языка взаимопонимания. "Увядание языка" после Вавилона вводило человека внутрь себя, заставляло его концентрироваться на своей личной жизни, глубже сознать и решать ее проблемы. Филическое оживление языка в наше время, напротив, выводит человека наружу, заставляют его расконцентрироваться, направлять - и перенапрягать! - свою творческую волю наружу,

от себя, вовне. Филическое оживление задействует наружную область человека, его самость.

Подмена сторгической близости на близость филическую является ближайшим результатом усиления ощущения полноты жизни из-за резкого филического оживления человека. Отсюда и другой результат: перенос центра тяжести из внутренней области души, из сторгио-эротической сущности человека в наружную область его души, в самость, в филио-эротическую индивидуальность человека. В этом смысле Иефет вместо сторгического шатра Шема вселяется в эротический шатер Хама. Вселение Иефета в Хама облегчено именно потому, что происходило оно на мнимодушевном фоне. Мнимодушевность стала жизнечувствованием вселенного в Хама Иефета, его воздухом и орудием, его опорой и знаменем.

7.(57)

На хамову разгоряченность, на разгоряченность плоти-психической теплоты жизни наложилась разгоряченность творческая, филическая, иефетова. Хамо-иефетово единение в разгоряченной самости - вот бездна зла нашего времени. Второе, иефетово грехопадение возводит результаты первого, хамова грехопадения на более высокую ступень жизненности, подкрепляет животнo-человеческую порчу жизни порчей интеллектуально-филической, чисто человеческой. Чем это так страшно?

Психическая и интерпсихическая (эротическая) жизненность разогревается и остывает в темноте бессознательности. Воды Хама текут в подземелье души, незримо для человеческого сознания, безотчетно и подспудно. Таково их естественное состояние. Вышедший из мрака на свет Хам безобразен, противоестественен, в противоестественности своей неконтролируем и неуправляем. Обычный и ясный пример - эротика: естество в ночи, с закрытыми глазами, в тайне, пока не переведено в дневное сознание; будучи же вынута на свет, исследуема, раскрыта и освещена, эротика наяву обретает противоестество образов такой мощи, которая неодолима душевными силами среднего человека.

Помещенный во тьму бессознательности Хам сам по себе выйти на свет сознания не может. И не должен. В этом ему способен помочь только Иефет, которого, видимо, всегда тянуло к Хаму. Но в прошлые времена, прикасаясь к Хаму, Иефет в страхе запретного еще более закапывал его своей надплотской красотой. В новые времена падший Иефет с вожделием прильнул к Хаму, освятил его филическим благоволением, выдернул Хама из его исконной тьмы, вывернул его наизнанку - к свету. И все это - под знаменем естества и счастливости жизни. Справиться с дневным Хамом, высвеченным Иефетом и находящимся с ним в единстве, практически невозможно.

Иефетово падение злостно реставрирует язычество, но с атомом, спутником, компьютером, телеэкраном и газетами. Опирающееся на Хама **филическое неоязычество** опаснее древнего язычества, хотя и принимает безобидный вид полушалости. И мнимодушевность и легкомысленность явления филиоэротические и прежде всего в таком качестве противостоят одухотворенности. Сытый филиоэротик требует зрелища, как хлеба, и почитает зрелища духовной пищей.

Язычество второго возраста Хама служило нижней половине Общей души и выражало Этнос, еще не знающий над собой господство Собора. Филиоэротическое возраста Иефета утверждает филио-эротическую самость, которая все более и более желает поднять сторгио-эротическую область души. Древнее язычество - момент путевого развития Общей души. Филиоэротическое беспутно, а то и внеобщедушевно и всегда противодушевно. В языческом возрасте Общая душа несла в себе Сара, жила при нем. Филиоэротическое, созданное Иефетом отпавшим от Шема и самовластно объединившимся с Хамом, в Саре откровенно не нуждается. Филиоэротическое перерастает в филиоэротическое.

Религиозное чувство Общей души - от Сара. Без Сара "Бог умер". Кто же вместо Него? - Идол, конечно. Но есть существенная разница между поклонением древним божкам и новейшим филическим идолопоклонничеством. В качестве возбуждающих самость филических идолов нынешний неоязычник признает и великого писателя и очередную рокзвезду. Предметом филического идолопоклонничества при случае

оказывается политический деятель или идеолог, знаменитый ученый или журналист. Черты филического идолопоклонничества заметны в отношении к искусству, науке, технике нашего времени.

Принято считать, что западное общество с 70-х годов переживает религиозное возрождение. Но и Будда и Кришна редко когда становятся объектами живого и всепоглощающего соборного религиозного чувства. Они - Центры филической жизни, к которой направлена разгоряченная и не знающая своего места творческая воля прозелитов. На подходе **Подлинные** идола филиоязычества - духовные миражи трансфизических существ, космического разума и прочее. Уже в ходу "Тайная доктрина", "Роза мира" и другие. Уже филические идола в разгоряченном воображении филиоязычников всюду воюют между собой. Филиоязычество на наших глазах религиозно оформляется и, следовательно, готовится овладеть падшими от Иефета Общими душами.

Укажу на одно обстоятельство, которое предвещает успех филиоязычеству.

Для общества все имеет свое значение: и экономика, и независимость государства, и права на собственность, и правовой режим, и международное окружение, и конкретная политика правительства и многое другое. Но для бытия Общей души главное значение имеет то, как решается и решается ли в людях **вопрос бессмертия**. Много в человеческом обществе само собой образовывается, когда в душах решен вопрос бессмертия. Он всегда так или иначе был решен в людях. Наше время в этом смысле исключительное. Откуда, скажите, эта странная тяга людей христианского мира к совершенно им чуждым религиозным учениям Востока? Они, видимо, обещают потерявшим веру в загробное существование людям возможность некоторого несмертия, которым веками цементировались Общие души Востока. Верно поймите мою мысль: не то важно, что цементировались на обещании несмертия или бессмертия, а то, что цементировались **на самой по себе решенности** для человека этого вопроса. Общая душа и душа отдельного человека как бы угомоняются, зная, что есть ответ на вопрос бессмертия.

Современному западному человеку кажется, что в филическом поле жизни можно себя обессмертить или хотя бы оставить в нем после себя следы своей самости. Это тем более понятно, что в филическом "свете человечности" (в отличие от эротического "света животности) человек выглядит выше себя самого. Особенно, если удастся добраться до места Центра филической жизни или присоединиться к нему. Если это удастся каким-то одним людям, то может удастся и другим. В таком деле важна вероятность.

Наука, отказавшись ставить вопрос бессмертия, тем самым оказала дурную услугу человечеству. Рационализм, прагматизм, рассудочность, объективность наставляют людей вместо бессмертия на машинное могущество и благополучие срока земной их жизни. Есть ли что-то более бесплодное и вредоносное?

Первое общедушевное падение Хама ввело в сознание человека трагедийность вопроса смерти. Второе иефетово падение оставило человека без всякого решения вопроса бессмертия, сделало его духовно предельно неустойчивым, душою растерянным, взвинченным умом и творчеством, мистически неукорененным, подвешенным, безсущностным. Может ли в такой ситуации Общая душа не страдать, не рваться куда-то?! - Она будет разрывать самое себя, пока не угомонится. Падение Иефета рано или поздно ставит Общие души на грань самораспада.

Широковещательные попытки перенести бессмертие из душ в природу, в космос, в ноосферу не много что дадут Общим душам. Тайны древнего магизма и разного рода оккультные учения будут продуктивно использоваться и уже используются для нужд филиоязычества, решающего вопрос бессмертия по-своему - в религии филического идолопоклонничества. Нерешенность бессмертия - вот тот пункт, в котором таятся угрозы и решаются судьбы Общих душ, оказавшихся в результате иефетова падения в дыре Пути.

8.(58)

Человек нашего времени с особенно страстью живет в своей самости.

Укорененная и в эротической и в филической жизни самость способна жить как по преимуществу эротической, так и по преимуществу филической жизнью. Всегда находятся люди "из бумажки", схемы, из картинки воображения, которые предпочитают жить одной культурной, этической, интеллектуальной жизнью. Во все времена они оказывали определенное влияние на общество, но оставались при этом не общедушевными, а лично-душевыми явлениями своей эпохи и народа. Будучи "филическими людьми", они не становились характерными типами Общей души, возникшими только на подходах к возрасту Иефета.

Еще несколько веков назад художественное творчество подтверждало те идеалистические установки, которые создавались в филио-эротической или, реже, сторгио-эротической жизни того или иного общедушевного типа. В начале же прошлого века многие люди известного круга стремились действовать в жизни строго по образцам, создаваемым образами литературы. В европейских народах новейшего времени народились особые характерные типы, автономно бытующие в Общей душе и эманипированные как от Народности, так и от национальной Самости. Эти филические типы - внеэтнические и, вместе с тем, общедушевные. Чем дальше, тем больше они определяли движение Общих душ Европы в историческом времени. Мысль о братстве, равенстве, свободе, социальной справедливости и высшем человеческом достоинстве возникла во времена Просвещения не так, как у Моисея и у Исаяи, не пророческим откровением, а действием моральной и творческой воли, то есть чисто филическим путем. Возникшие чуть позже филические типы взяли готовые плоды этого творчества на свое вооружение.

Именно филические типы отождествили (а потом и подменили) Истину Законом и Веру Правом. Благодаря им филическая общедушевность перестала служить испытательным полигоном для соборного разума. Разумеется, они нуждались в интерфилической солидарности и потому в продомальных целях и подменили сторгического ближнего филическим ближним. Они же превратили пытливость духа к Истине в интеллектуальную пытливость, на которой выросла "положительная наука". В результате потребность духовного роста души превратилась в потребность филического самовыражения самости. С этого-то момента омут мнимодушевности стоит в глазах доброй половины "мастеров культуры".

Поначалу мнимодушевность была родовой чертой филических типов, состоящих из людей, "искренне веровавших, что они то самое, чем притворяются". Я менее всего намерен третировать это явление; оно совершенно законно и неизбежно в периоде Иефета. Более того: только филические типы способны совершить труд, и огромный труд, по строительству соборного филио-правового фундамента общедушевной жизни, без которого нет дальнейшего продвижения по Пути. Но надо видеть и иное.

Герой Достоевского, совершенно филический человек и мнимодушевец Степан Трофимович Верховенский нежданно-негаданно оказался в сентиментальных "крестных отцах" Ставрогина, Верховенского-сына и через них всех остальных "бесов". Но ведь и "бесы" эти - и героико романтические и циничные - тоже ведь чистой воды филические типы и как таковые возникают только в периоде Иефета. Русские (и не только русские) филические типы первой половины прошлого века оказались питательнейшей средой, вскормившей **филических бесов** второй половины века.

Путевое падение Иефета произведено филио-интеллектуальными бесами. XX век - их век, произведение их бесовской творческой воли. Это они пробили в европейских Общих душах ту дыру Пути, в которую мы попали и безостановочно вращаемся. Как жить дальше с этими исполнителями исторического зла новейшего времени? Попробуем хотя бы вчерне осмыслить их появление.

Гипертрофия общедушевной филической жизни - дело в пору Иефета, пожалуй, неизбежное. Но неистовые филические бесы - порождение порочной разгоряченности Иефета, вызывающей своеволие, человекобожество, самовеличие, культурное и интеллектуальное суперменство. Филическое бесовство - превратившаяся в злодейство шаловливость духа творчества, взвинченного и перегретого до степени, при которой созидательный процесс фиктивен, невозможен. Филические бесы талантливы в борьбе и разрушении и бездарны во всем том, что требует духовной ответственности и глубины проникновения. Они, говоря словами Николая Ростова, "люди без веры и совести,

которые рубят все сплеча". Им кажется, что надо начинать жизнь заново, с чистого листа и, значит, существующее разрушить до основания. Это их жажда, но не хамова, эротическая, психическая, а филическая, иефетова.

Филические бесы растлевают поле филической жизни: бурлят моральным негодованием, влюблены в то общественное дело, которому жертвенно служат, накаляют себя и других "энтузиазмом", самопожертвованием, героико-экстремистским самоощущением, неистовым переживанием какой-либо, часто случайной, идеи и прочее. Да, большевики или нацисты понимали то, что не понимали и искренне верили в то, во что не верили - но как фанатически и страстно понимали и верили! Политический авантюризм, конечно, стар, как мир: но идейно-поэтический политический авантюризм - новейшее творчество филических бесов. У этих идейных борцов - видимость мировоззрения, но нет здравого смысла, - вообще нет, - а есть общественная спортивная страсть, азартность филической жизни, прикладываемой к поприщу действительности и доводящей ее и себя до самоиступления, самоистребления.

Филический бес - актер и только актер, и бредит о своем участии в общественной жизни, как о спектакле, в котором он смог бы сыграть собственную (желательно заглавную) роль. Надо ли удивляться, что на судьбы реальных людей он смотрит со сценических небес. На подмостках общественной жизни нет подлинного интереса к живой действительности, и филический бес всегда нацелен вперед и ввысь, в "туда и тогда", весь в порочно-нетерпеливом ожидании грядущего при отрицании прошедшего.

Российские филические бесы начала века возвещали всеобщее счастье коммунизма. Нынешние российские филические бесы ввергают народы - опять через многие страдания и несчастья - к светлому капиталистическому (или национал-капиталистическому?) будущему. Это - вплоть до манер и слов - одни и те же люди. Но совсем не те, что у Достоевского. Бесы - нечистая сила, нынешние же российские филические бесы формируются парадоксально: **из лучших душ**, из людей вовсе не обойденных любовной духовностью, способных переживать идеальные чувства и имеющих душевную потребность в духовной жизни. Беда их только в том, что они не знакомы с подлинностью духовной жизни и потому, удовлетворяя высокую потребность своей души, принимают недоступную им ранее политическую жизнь за проявление духовной жизни.

В спортивном лексиконе есть слово: "болельщик" - не "больной", не страдающий телом и душой, а азартный суррогат страдания, как бы страстно переживающий за то лицо или команду, которую он почитает "своею". Наши филические бесы живут словно вокруг ринга, радуясь и огорчаясь "чувствами болельщика" за "своего" любимца и за "свое" движение на арене общественной жизни. Они, конечно же, слепы, непоследовательны и легковесны. Такие люди были и есть везде, не только в российских столицах и не только в 80-х годах нашего века.

Все политические, социальные, экономические кризисы в обществе не причины событий, а необходимые условия, сухой лес для пожара. Для таких, как в веке нашем, исторических катаклизмов нужен запал, нужна особая категория запалителей пожара современной истории. В Европе XX века зачинателями разрушительных процессов повсеместно были филические бесы, которые сидели и сидят, словно в засаде, и ждут своего часа. Час этот может завтра пробить и во Франции, и в Израиле и в Канаде...

Филические бесы самопроявляются в критические минуты Истории. Ими не рождаются. Это явление, как сугубо общедушевное, должно быть разрешено и востребовано. Нельзя говорить о человеке как о филическом бесе. Филический бес сидит в культурном человеке, на какое-то время вспыхивает в нем и ... гаснет. Филическое бесовство - явление не личное, частное, а сугубо общественное, оно стихийно охватывает культурный слой в качестве общедушевной эпидемии.

Филические люди, которых полным полно в Общей душе иефетова возраста, становятся бесами при наличии соответствующих исторических обстоятельств и, конечно, в соответствии со своей собственной потенцией. До этого момента своего бесовства они часто и отзывчивы, и благородны, и терпимы к другим. Они, конечно, навсегда остаются таковыми в личных отношениях, в лично-душевной сфере. Но как они общедушевно преображаются, как только прозвучал какой-то только им внятный сигнал! Это происходит с ними даже не само по себе, а как бы вынужденно, по запросу времени

и общества. Вот они - в борьбе и гнев, с бесстрашием легкомысленности идут широкими воротами, стоят горой, восторженно крушат и ненадолго побеждают... И остывают. Их выносит на общественную сцену и смывает с нее волна. Какая?

9.(59)

Гнев - характерное проявление филической жизни как таковой (см.гл.10). Гневливость души - верное знамение ее филической бесноватости. Гнев - филический запал эротической ненависти, порождающей насилие и убийство. Гнев - тот грех, который "лежит у дверей" души (быт.4:7) и влечет человека к себе. Каин позавидовал брату Авелю, морально озлился и, будучи человеком страсти, убил его. Каин, введший в мир зло убийства, есть первый филический бес, возбудивший себя до филио-эротического самовольства. Показательно, что он же первый из людей, посмеявшийся разорвать сторгическую связь: "что я сторож брату моему?"

Иисус в Нагорной проповеди, приравнивая гнев к человекоубийству, напоминает слушателям ситуацию каинова преступления: "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойдешь помиришься с братом своим, и тогда приходи и принеси дар твой." (Мф.5:23-24). Но ведь не Авель, скажете Вы, разгневался на Каина, а Каин "имел что-нибудь против" Авеля. Да и не гневающийся Каин - уже не Каин. Следовательно, чтобы заповедь "не гневись" имела практический смысл, нужно, видимо, чтобы за ее исполнение были совместно ответственны и Каин и Авель, и гневающийся и объект гнева. В разгорячении гнева Каина повинен не только он сам, но и тот, кто, неся жертву к жертвеннику, не погасил прежде гнев на себя в брате своем - брат, истинно любящий брата своего, не должен так поступать.

Быть беде, когда в Общей душе надышится атмосфера гневливости. У каждого народа бывает трудная пора, когда моральная обида и страсть гнева переполняют его. Тогда-то и наступает час филических бесов. Разрядить атмосферу гневливости, предотвратить беду можно только, опираясь на силу сторгического чувства ближнего. Так что уровень гнева и характер гневливости, с одной стороны, и качество сторгической жизни общества, с другой, есть серьезный показатель возможности как исцеления, так и погашения Общей души.

Сопоставьте накал злобы в людях, делавших революцию 17 года, и сегодняшнюю злобную раздражительность. Той окаянной страсти, той жестокой жертвенности во гнев уже, конечно, нет. Но филические бесы все те же. Хотя прежде они больше ругали идеи, классы, белых, красных, теперь же - отдельные лица. Злость сегодняшних филических бесов скандальнее, личностнее, мелочнее. Видимо, сознание жизни стало до того уже вяло и аморфно, что люди даже в политической страсти гнева не в состоянии подняться над текущей действительностью, полностью погружены в нее, не имеют обзора и возбуждаются исключительно на физиономию перед собой.

Всеобщую гневливость, как и обычную нашу психическую раздраженность, только отчасти объяснишь очередями, пестицидами, давками и прочими прелестями. По большей части дело в сторгической разобщенности людей, которые от душевного бессилия не могут не реагировать на ежесекундные раздражения. Сторгически слабый человек склонен впадать в гнев по любому поводу; и чем беспричиннее его гнев, тем "праведнее" он распаляется, тем круче взвинчивается общественная злость, тем страшнее слепые и разрушительные общественные страсти. Сплоченность жизни в такой атмосфере легко осуществима на основании солидарности в гнев, обиде, злобе. Горные утесы митингового интеллекта - с их позой страстного разоблачения и умением нагнетать раздражение толпы - как нельзя лучше работают на темную сплоченность толпы во гнев.

Комментируя Нагорную проповедь, Толстой заметил, что люди никогда не позволяют себе гневаться на человека, которого они считают выше себя; и, напротив, малейшая неприятность от того, кого считаешь ниже, произвольно оскорбляет и вызывает гнев. Достаточно признать другого "рака" (ничтожным, безумным, темным), чтобы привести себя в состояние готовности к гнев.

Когда Господь предпочел жертву Авеля, Каин был унижен потому, что считал себя выше брата. Униженная **самость** Каина выиграла и реализовала гнев на брата в братоубийстве. Филический бес это всегда бес самости, бес-самость. При сторгической распушенности разгул самостей неизбежен и, следовательно, неизбежно обращение Общей души в скопище душевно отделенных друг от друга самостей, утверждающих либо "свою глупую волю", либо своеобычность, либо свою, пусть даже мелкую, власть над другими людьми.

Другая заповедь Нагорной проповеди опротестовывает возможность развода супругов, производившегося в древней Иудее с тщательным соблюдением "прав человека". Нагорная проповедь печется о сторгической полноценности общества, составленного из семей. Сторгическая прочность и верность семьи - не только величайшая ценность лично-душевной жизни, но и, как это всегда знали люди, основа жизнеустойчивости и прочности Общей души. Разрушение семьи - могучий факт иефетова падения и становления бесов самости.

Нынешним людям приходится объяснять самые простые вещи: секс, конечно, дело естественное и приносит всяческие наслаждения телу, но по этой причине вводить душу человека в состояние блудливого беспокойства значит помрачить и ее и Общую душу. Бесспорно, падению Иефета во многом способствует дневная наполненность сладострастных изображений и описаний, поставивших мораль, науку и воображение на услужение телу. Филическое культивирование половой похоти делает все естественные потребности тела противоестественными.

Общее расположение людей к блудливости, сторгической неверности и гневливости - признак либо содомского общества, основанного кнаанами в результате хамова падения, либо другого, каинова, общества, основанного филическими бесами в результате иефетова падения. Проповедовавший в Иудее Иисус точно выделяет эти признаки. Но тогда Израилю Содом никак не грозил. И Иисус обращается не к кнаанам (которых в еврействе отродясь не было), а к филическим бесам, которые как сейчас, так и всегда, "говорят доброе, будучи злы". Значит ли это, что Общая душа Израиля уже тогда вступала в возраст Иефета?

Я думаю - несомненно. За три века до того Израиль впервые в мировой истории вел религиозные войны, что указывает на вероисповедальческий возраст еврейской души времен Макавеев. Несомненно и то, что Общая душа Израиля могла в продолжении двух тысяч лет сохраниться в условиях диаспоры потому, что смогла взамен природно-этнического фундамента создать другой, соборно-интеллектуально-правовой фундамент, необходимый для путевого возраста Иефета. Выходит, трагические события еврейской истории первого века нашей эры приходятся на переходный путевой момент Общей души Израиля - из вероисповедальческого возраста в возраст Иефета. То была в высшей степени творческая эпоха - и моральной, и интеллектуальной, и религиозной, и культурной общедушевной жизни. В такие сложные эпохи опасность иефетова падения Общей души более, чем реальна. Те беды еврейского народа, которые ему довелось пережить перед рассеянием, не обошлись, надо полагать, без героических провокаций тогдашних филических бесов.

Впрочем, я говорю не о них и не о Христе, а об угрозе, возникающей всякий раз, как только интеллектуально-морально-культурный этаж жизни становится особенно звучным в Общей душе. В этом отношении, я думаю, есть определенное сходство той и нашей эпохи. Но есть между ними и различие: сегодняшней европейской цивилизации на нашей планете некуда расселяться... Этим соображением и оправдывается, быть может, не совсем корректное усиление и подчеркивание именно современного значения Нагорной проповеди.

Первейшая забота филических бесов, как мы знаем и из практики жизни и из свидетельств художественных исследований, это осуществить в Общей душе режим самокабаления совести, который наступает, если людям удастся как-то обойти свою совесть. Клятва - чисто филическое действие, и вместе с тем прием духовной несвободы, с помощью которого подменяется живое и личное чувство совести. Не отказываясь от нравственной ответственности как таковой, человек в клятве заменяет ответственность перед святынею своей совести ответственностью по вперед данному обещанию, по

групповой солидарности, клятве, присяги или, говоря шире, ответственностью по **совести гражданской**. Это совершенно особый род совести.

Лично-душевная совесть - воздействие духовного Я на отдельную душу. Общедушевная совесть - воздействие Свободы на Общую душу. Совесть же гражданская - иефетово чувство жизни, которое может быть и общедушевым и внеобщедушевым, но не лично-душевым. Это и клятва филищеской верности (преданности) некоему гражданскому идеалу (скажем, идеалу справедливости или справедливого возмездия), и острота переживания какого-либо высокого принципа (или поруганности принципа), и пафос кристальной моральной чистоты и непреклонности так или иначе возбуждаемых гражданских чувств. С 70-х годов помню человека многих достоинств, искреннейшего и мужественного, хотя и не отличавшегося углубленностью и светом любовности. Он взял на себя труд московского знаменосца дела восстановления на земле предков крымских татар, к которым по духу был совершенно чужд. Жертвенно взывая к филищеским небесам гражданственности и присягая идеалу справедливости, он, раз выбрав диссидентскую специальность, верою и правдой горел свечой перед властями, перенес все гонения от тайной полиции, дожил до сомнительного торжества своего дела, но так и не понял произошедшей в нем (и - что хуже - через него!) подмены совести.

"Да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет", - учит Иисус - а что сверх того, то от беса". Этим Христос, разумеется, не уничтожает сам соблазн духовной несвободы в душе человека, а только прием подстрекательства на зло духовной несвободы, идущей от призывающих клясться Небом и Землей филищеских бесов.

Главное - не поддаваться на душевную провокацию самость-бесов. Чтобы разоружить их, надо лишить их важнейшего оружия: оружия душевной провокации **соблазном борьбы** и душевной провокации **соблазном ненависти**.

К тому, что люди причиняют тебе, можно отнестись различно. Можно считать, что тебя оскорбляют для того, чтобы унижить перед чужой волею, бьют, чтобы болью отомстить или заставить покориться. А можно понимать и так, что то же самое делают с тобой для того, чтобы поставить тебя в положение, при котором ты будешь вынужден перенести внимание сознания со своей души на действие чужой воли. Как только снят контроль сознания с души своей, так человек автоматически вводится в состояние борьбы. Таков закон нашей жизни. Чтобы не поддаться на искушение борьбы, следует не переключать свою душу на чужую волю.

"Непротивление" Нагорной проповеди возможно только для того, кому дела нет до той внешней цели, которую ставит себе воздействующая на тебя злая воля. Если действие враждебной силы воспринять как ее стремление привести тебя в искаженное состояние духа, в борьбу, то тогда процесс межличностной борьбы заменится внутриличностной борьбой. Когда тебя бьют по щеке, но ты при этом не переключаешь душевное внимание на обиду и на обидчика, то ты, тем самым подставляешь другую щеку, отдаешь кафтан и прочее. Человек, держащий сознание на душе своей, уже отрекается от самости и не подпадает под искушение борьбы. Тут совершается не победа над злом в мире, а посрамление каина, самость-беса, которому нужно свергнуть людей в драку.

Впрочем, чтобы вызвать человека на враждебные чувства, совсем не обязательно совершить по отношению к нему агрессивные действия. Люди легко и просто заражаются враждебными чувствами друг от друга. Ненависть в одном сама собою индуцирует ненависть в другом. Заражаясь и перезаражаясь ответной ненавистью, человек достигает высокого потенциала гневливости. От направленной на тебя ненависти нельзя уклониться, запах чужой ненависти к тебе всегда достигнет души и вызовет в ней переживание врага. Это-то сознание врага и есть главное искушение, которым пользуются самость-бесы.

Избежать заражения ненавистью можно только агапически, то есть надобщедушевыми силами жизни. Справиться с возникшим сознанием врага в общедушевной жизни нельзя. Надо признать: это оружие самость-бесов неодолимо. И именно в этом месте Нагорная проповедь по Матфею отталкивается от несуществующей заповеди Торы: "Вы слышали, что сказано: люби ближнего своего и ненавидь врага своего". Ненависть к врагу - глубоко языческий принцип, который помогает какой-нибудь орде победить на поле сражения. Такого принципа, что бы ни говорили

толкователи Нового Завета, в Торе нет. Да и агапическая любовь, любовь небесная должна быть противопоставлена другому роду любви, любви земной - эротической или филической, - но уж никак не ненависти. Заикнись Иисус в первой своей проповеди о "заповеди ненависти", его никто не стал бы дальше слушать.

Выяснить подлинный смысл этого места, я думаю, не трудно. Все были согласны в том, что главная заповедь в Законе есть заповедь любви к Богу и ближнему. И Христос противопоставляет не любовь и ненависть, а "ближнего" и "врага". Вам сказано: люби ближнего твоего, и только ближнего - говорит Иисус. А я говорю: люби не только ближнего, но и врага, люби всех, ибо все сыны Бога. Чтобы избежать заражения ненавистью, надо не делать из ближнего врага, не разрушать сторгическое чувство ближнего. Ненависть к тому, кто из ближнего стал врагом, преодолима уже только агапически. Знайте, что **самость-бес, сумевший превратить ближних во врагов, непобедим.**

Основное зло, проистекающее от филических бесов, состоит в их каиновой способности переделывать "ближнего" в "чужого" и "братьев" во "врагов". Каин - родоначальник борьбы и вражды между братьями, первооткрыватель братоубийственной бойни. Без него не обходится ни одна революция, тем более, гражданская война. Это он, правя в Общих душах периода Иефета, повинен во всех бедах новейшей Истории! Умение распознать его - для нас важнейшее умение. Не по плодам, когда поздно, а заранее - хотя бы по его страстности возвещения "врага", по призывам к борьбе и ненависти, по всегдашней бесноватой его гневливости.

10.(60)

Наиболее талантливы филические бесы в искусстве делать тьму светом. Отсюда предостережение: "Итак, смотри! Свет, который в тебе, не есть ли тьма?" Филически взвинченная самость **светит тьмою** - лучше не скажешь! - гневливости, блудливости, свободной любви, восторженного духовного подданства, светит темным огнем борьбы и вражды.

Филически беснующемуся человеку, введенному в состояние свечения тьмы в себе, дана всяческая творческая сила, но не дано ни воспринимать истину, ни выражать ее, ни различать истинное от ложного, а следовательно не дано находить верные решения проблем даже повседневной жизни. Такой человек растерян и слеп: не ведает, что хорошо, что дурно, что унижает, а что возвышает, как жить следует и как нельзя. Слепленные светом тьмы люди, какими бы умственными способностями они не обладали, лишаются простой житейской пронизательности, раскрывающей, кто есть кто, что главное, а что второстепенное, что прежде делать, а что потом, чего следует бояться, а чего не следует. Даже обремененные многими знаниями, они обречены заблуждаться, жить в безрассудности, не чувствуя течения ни своей, ни исторической жизни. Как бы эстетически ни воспитывать эту душу, она останется сторгически растерянной, будет любить не то, что ей стоит любить, и не любить то, что ей для самой же себя любить надо.

Особенно поврежден разум, смотрящий не туда, куда нужно смотреть, искажающий само представление о совершенстве мысли, лишенной серьезности, глубины, интуиции и, более всего, интуиции на современное воплощение зла. Немудрено, что люди поврежденного разума, свободно выражая свое мнение, одобряют безрассудства и выдвинут над собой тех, от кого потом сами же будут страдать. Установить правильные и благополучные отношения под светом тьмы нельзя ни при каком государственном строе и социальном устройстве. Когда слепые берутся вести слепых, то все вместе при любой погоде рухнет в яму. - Апофеоз иефетова падения!

В конкретно историческом плане падение Иефета производят филические бесы. Но они сами по себе не формируются; их формирует определенная среда, где царствует извращенное отношение ко всему: к любви и творчеству, к своему телу и семье, к вере и развлечениям, к мысли и деятельности, к природе и цивилизации. Тема эта для проповеди, и здесь неуместна. Укажу на то, на что указал еще Федор Достоевский.

Николай Ставрогин - человек выдающейся творческой воли. Он мог бы быть и большим ученым, и Иван-царевичем, и знаменитым публицистом, и, только захоти, ярким моралистом. Оставаясь человеком духовно совершенно равнодушным при всем

том. Вот это-то сочетание огромных филических (творческих) ресурсов и духовного равнодушия и есть, я думаю, то, что более всего способствует делу иефетова падения.

Человек ставрогинского типа всегда большой актер и игрок, хотя "игрок" (в отличие от самого Ставрогина) не в смысле потребности риска. Все на свете для него - творческая игра, и ничего более. Вот причина, по которой он подменяет глубину чувств утонченностью чувствований, глубину мыслей интеллектуальной изощренностью. Он желает превратить все в мире и весь Мир - в объект для своей творческой воли. Все в мире и весь Мир существует для него как реальность только в качестве такого объекта и только с точки зрения эффективности игры творчества. Именно творческая воля духовно равнодушного человека делает мир для него реальным - и все более и более реальным. Отсюда, в частности, подмена природы машинной цивилизацией, отношение к технике словно к плодородной земле, и весь раж интеллектуально-рационального изобретательства и исследования.

Великое множество сегодняшних молодых и не молодых людей играют в разные творческие игры: научные, технические, филологические, общественно-политические и последнее время - религиозные, в которые вдруг стало особенно интересно играть. Всем им кажется, что, играя, они живут духовной жизнью. Творческая игра стала сегодня и главным интересом человеческой жизни и ее смыслом, и ее высшим наслаждением, и образом проживания человека на Земле, и основным состоянием его духовной жизни. Филические бесы рекрутируются более всего из тех, кто кладет жизнь на творческую игру, на нее употребляет отпущенные ему одному ресурсы филической жизненности.

Филический бес выражает собою **беспредел творческой энергии при неспособности души к духовному росту**. Духовная неподвижность творчески одаренных людей - вот бич нашего времени.

Духовная неподвижность культурных людей - еще одна важная черта падения Иефета. Именно отсюда проистекает принципиальная агрессивная приземленность поколений технических, научных, гуманитарных "знатоков". Отсюда же подмена глубокого на изощренное, одухотворенного (Сара) на талантливое (Иефета). Отсюда и другая подмена: понятия бездуховности, бесцельности на понятие бездарности. Отсюда неизбежность интеллектуальных и информационных спекуляций. Отсюда культ научной истины, то есть истины надежно установленной, ставшей, а не становящейся, как всякая Истина живого духа.

По причине неподвижности душ их глубинная потребность в **становлении** превращается в потребность подражания некоторым филическим образцам. Не стать выше себя (и других), а представляться другим (и себе) выше самого себя - вот главная забота нынешней филической жизни. Отсюда открывается прямая дорога к филическому идолопоклонству и жертвоприношению кумирам.

Духовно неподвижные филические люди мало что не ждут нового слова или новой ступени истины и не рады ей, они блокируют ее, не допускают ее в мир, игнорируя ее, либо представляя ее старой, делая вид, что она лишь иное выражение чего-то имеющегося у них в наличии. Они держат сознание человечества в узде, не давая ему качественно измениться. Им необходимо статус-кво. Что, вообще-то говоря, не дурно.

Духовный консерватизм и неповоротливость больших масс людей необходимы нации для ее устойчивого исторического существования. Иное дело узкий культурный слой, призванный, хочу думать, предвещать ход развития народа и потому обязанный жить движениями духовного роста. Культурный круг осуществляет свое предназначение в Общей душе времени Иефета тогда, когда он сохраняет способность направлять духовное развитие народа на поворотах Истории. Творческие потенции и совокупная мощь творческой воли должны служить этой цели. Общедушевное достоинство культурных людей иефетова времени - в энергии и глубине работы их духа.

Не могу удержаться от злободневности и скажу еще два слова о роли культурной толпы во второй русской революции 80-90-х годов. Тем более, что эти рассуждения ниже пригодятся нам.

Эпоха, в которой мы прожили жизнь, породила слой специализированно образованных, нередко талантливых, но духовно замороженных людей, мало способных к росту своего сознания в новое и высшее качество. Конечно, если застойное сознание возбудить, то оно движется, - но не по восходящей кривой, как при духовном росте, а

либо быстрее вращаясь в одной своей точке, либо устремляясь по касательной к исходному состоянию сознания, утверждая его и не меняя его качество. Все, что так или иначе стремится сдвинуть установку неподвижного сознания в сторону качественного изменения, немедленно и агрессивно исключается им. Противодуховная агрессивность - еще одна важная черта творчески активных и духовно неподвижных душ.

Русской интеллигенции давно нет; взгляды же ее наследников на общественную жизнь создавались не для конкретного и активного участия в действительной жизни, а более для самовпечатления и прикрытия дискомфорта душевного проживания в полуподполье реального социализма. Встряхнуть и порушить выработанные эпохой застойное духовное сознание могло, казалось бы, только чудо. И оно произошло у нас на глазах.

Те, кто годами вздыхал о свободе и демократии, должны были бы, естественно, и составлять опору начавшихся сверху исторических перемен. Но одно дело, сидя по ямкам, иронично взирать на окружающее, фрондировать к косноязычной власти, всласть острить и анализировать, и другое - пробудиться, стать "светочами" (пользуясь словом Нагорной проповеди) и духовно повести за собой. С очевидностью свершившееся при нашей жизни историческое чудо призывало души всех и, более всех, культурных людей, освободиться, взмыть, перейти в новое высшее качество духа, обозреть и происходящее и себя с иной точки зрения. И что же?

Тот, кто по замороженности духовного сознания непригоден к росту жизни в себе, тому, как это и известно из священной истории, никогда не достает сил души для того, чтобы поверить в подлинное чудо. И весь наш образованный люд в свершившееся на глазах его историческое чудо не поверил. Чудо это в культурном кругу было признано чем-то само собой разумеющимся, экономически и социально неизбежным. Удобства ради культурные люди исхитрились признать чудо не-чудом, закономерностью. Невероятное дело!

Не будучи способны подняться над собой и усвоить точку зрения, соответствующую новой реальности, наследники российской интеллигенции продолжали озираться прежним взглядом, мало что отменяя в нем, думать в прежнем ключе, и все так же скрыто панически ощущать жизнь и себя в ней; и оттого вдруг обрели лихость и смелость. Вместо того, чтобы пересмотреть свои установившиеся за десятилетия представления, они с новым жаром продолжали презирать и восхвалять то, что им привычно было презирать и восхвалять. И все же новая реальность востребовала от культурных людей их ум и навык оппозиционности; но это только вынудило их заявить такую общественную активность, которая никак не соответствовала энергии их духа. Вялое и косное духовное сознание не выдержало динамики происходящего и, сбрасывая с себя тяжесть и сложность действительности, ушло по касательной, психически взбудоражилось, филически самовзвинтилось, разгневило самости и стало судорожно раскачивать и без того шаткое сознание общества. Вся их незаурядная творческая энергия, все ресурсы их творческой воли создали идеальную среду обитания для филических бесов, которые сами, конечно, погибнув, имеют все шансы вскоре создать из счастливо представившейся исторической возможности самый антисправедливый и порочный мир, какой только знавало человечество.

Это будет еще одна ситуация иефетова падения, черты которой - творчество и духовный застой - легко обнаружить во все критические моменты нашего века и, судя по всему, века грядущего.

11.(61)

Филический бес - родня мнимодушевнику и пользуется его поддержкой. Современный Каин выныривает из мнимодушевной среды и пользуется ее в своих целях. Поразительно, как свободно удаётся ему передавать в мнимую душу заряд филического бесовства, растлевающего людей культурной толпы. Мнимая сафа ахад - первичная сфера деятельности самость-бесов. Зло не в мнимодушевности и легкомысленности как таковых, и не в мнимой сафа ахад, а в том, что эти явления формируют среду заражения каинианством (что, кстати, точно выражено еще в "Бесах" Достоевского).

Каинианство филических бесов - результат второго общедушевного грехопадения, падения Иефета. Вспомним здесь и результат первого общедушевного грехопадения Хама - кнаанство. И отметим, что когда Иефет вселяется в шатры Хама, тогда Каин впускает в шатер к себе Кнаана, берет его себе в услужение, защищает, а то и возвеличивает его. Неизбежность этой связки очевидна. Каином движет порочное стремление в ненависти, борьбе и гневливости переделать брата во врага. Для этого он, конечно, нуждается в носителях эротической ненависти - кнаанах. Каин новейших времен предпочитает убивать авелей руками кнаанов, которых уже для собственного удовольствия глумятся над жертвами. Эротическое глумление тут осуществляет идейные установки глумления филического - кощунства, вводит кощунство в повседневность и в повсеместность. Филические бесы и эротические черти, каины и кнааны, находят общий язык и служат друг другу. - Вот ужас XX и XXI веков!

Филические бесы живы пищей извращенных общественных страстей. Хоть на одно мгновение вскочить и занять место филического Центра Общей души - лучше всего, конечно, ее филио-государственного Центра - вот задача их жизни. Кнаан, находящийся в симбиозе с Каином, продолжает жить в интерпсихической похоти: но он и рабская натура. Кнаан побуждает Каина (который живет общественными страстями так же, как Кнаан похотью) стать Нимродом, установить деспотию, в которой у кнаанства нашелся бы и статус и законное место. XX век знает режимы, в которых кнаанство служило опорой филиоэротической власти "великих ловцов душ". Кнаан и Нимрод уже были вместе в новейшей истории. Самое время еще раз припомнить библейский рассказ.

В Вавилоне Господь увидел Кнаана и Нимрода в действии и оценил их опасность для человечества и Своего Замысла. Оказалось, что хотя "зло человека от юности его (Б.8:21), но юность-то эта - допотопна и зло ее в какой-то части перешло в зрелость сынов Ноя. С Кнаанским злом человечеству надобно бороться **не так**, как со всеми другими видами зла. Это сразу понял Ной.

Выбирая Ноя в качестве родоначальника обновленного, очищенного от кнаанства человечества, Всевышний заключил с ним завет. это тот закон гуманности, которым должно руководствоваться все человечество. Но после того, что произошло между Хамом, Кнааном и Ноем, последний своей властью предписал в отношении Кнаана исключение из закона гуманности. Гуманность по постановлению нашего общего праотца Ноя не действует в отношении Кнаана, который **должен быть в рабстве**. Его нельзя освобождать из состояния рабства, ибо Кнаан, вселившись в любую Общую душу, смертельно опасен. Он провозвестник душевной катастрофы народа и ее исполнитель в конкретной Истории.

В предшествующие потопу времена Сам Всевышний, раскаявшись, что создал человека, истребил его, стер с лица земли. В послепотопные времена оказалось, что извратившийся человек сохранился в душе Хама, прошел в нем через воды потопа и воплотился в Кнаана. Кнаан - существо, в создании которого раскаялся Бог и которого Он хотел окончательно истребить на земле. Из одиннадцати кнаанских Общих душ шесть были выведены из существования еще в древности. Остальные продолжают заражать человечество, возникая **в качестве грозной общественной силы каждый раз, как только Общей душе того или иного народа грозит катастрофа**.

Все человечество до сих пор подпольно заражено кнаанством. И когда народу или обществу угрожает крах, тогда выходит на свет Кнаан, который требует себе заглавное имя в обществе и внедряет в него себя - внедряет в него свои взгляды, чувства, шкалу ценностей, свое презрение к добродетели и тягу к глумлению. Изнутри овладевая обществом, Кнаан тем самым присваивает ему себя, делает **себе** имя.

В этой связи показательно, что усвоившие либеральную идеологию филические бесы настаивают на отмене завета Ноя, убеждая общество в нецелесообразности и негуманности содержания кнаанов в рабстве. Мы помним и таких филических бесов, которые считали своих кнаанов "социально близкими"; не отсюда ли явная приклатненность советского общества, например, агрессия "одесской" культуры в сталинские времена?

Филические бесы, какие бы титанические цели они не намечали, всегда почему-то ставят ставку на **самые** худшие в нравственном и соборном отношении слои общества - на провозглашенные messiанским российский пролетариат и германский люмпен или,

уже в сегодняшней бедствующей России, на мародерствующего в родной земле делягу и коррумпированного политика. Симбиоз кайна и кнаана всегда порождает одновременно интеллектуально-идейно-газетную и морально-уголовную стихию, в одни времена экспроприирующую и реквизирующую, в другие времена строящую социально-разбойную экономику и национальную политику.

Кнаан нашего времени - не каторжник старых времен. У него теперь своя идея жизни, свой моральный закон, свой пафос существования, свой язык, своя блатная (в широком смысле) культура. Грань между кнааном и филическим бесом все больше стирается.

По обычаю Кнаан вместо имени собственного присваивает себе кличку, пытаясь под нею скрыть свою персону. Филический бес, напротив, стремится превратить свое собственное имя в символ общественного течения или партии. В европейской истории нашего века кайны и кнааны не могли делать себе имя друг без друга. И по сию пору символические имя очередного верховного филического беса и подпольное имя кнаана грозят где-нибудь вместе укорениться и начать под одним именем делать одно дело.

Филическому бесу, как и допотопному кнаану, требуется "право на бесчестие", но иного рода. Кнаан эротически глумится над человеком, кайны же испытывают потребность в кошунственном глумлении над самим по себе духовным интересом в человеке. Они не просто выпаривают одухотворенность в мнимодушевность, а стремятся унижить духовное Я человека - представить его чем-то немощным, растленным, порочным, мешающим людям жить, срывающим цветы жизни.

Филические бесы - не только начинатели разрушительных процессов, передающие эстафету наиболее темным силам общества. В едином пучке с кнаанами филические бесы могут породить ударно действующий филио-эротический тип **Общей души** - дьявольски агрессивный **каино-кнаанский тип национальной Самости**. Памятуя значение итальянского слова *fascio* (пучок) мы назовем этот тип фашистским.

12.(62)

Общая душа - совокупность характерных типов: филио-эротических, составляющих национальную Самость, и сторгио-эротических, составляющих Народность. Нация расслоена на типы, которые ищут свое место в обществе, сменяют друг друга, сталкиваются между собой или вступают в союз. В Государственности правят одни характерные типы, в общественном мнении - другие, прессой завладевают третьи, хозяйственную жизнь захватывают четвертые. Это крайне важно: какое место отводится в данном обществе каким общедушевным типам.

Общедушевный критерий оценки общества - не его процветание или социальная прогрессивность, справедливость, гражданские свободы, разделение властей, права собственности и так далее, а качественная расстановка людей в жизнедеятельности народа. То общество лучше, которое способствует выдвижению лучших филио-эротических или сторгио-эротических типов людей и в котором общедушевно подавляются худшие типы. Не позволить завладеть той или иной сферой жизни худшим из существующих типов - вот ведущий принцип внутривластной жизни. Принципу этому особенно важно следовать в кризисные моменты истории народа, когда решается его судьба. Ведь можно предельно активизировать стимулы внешней жизни (скажем, экономические интересы, деловую инициативу и прочее) и общедушевно погубить свой народ, если при этом отдать его в руки наиболее маммонизированным, лживым и ловким людям, живущим одной языческой жизнью. , **первую голову необходимо знать общедушевные последствия реформ**. Худшая беда - власть худших, пусть в сопровождении изобилия и гарантий прав личности.

Социальная, экономическая, культурная политика должна быть **общедушевно перспективна**, то есть рассчитана сначала на лучшего, а потом на каждого, поддерживать и охранять высокое и высшее, а потом среднее - дать набухать семени и попутно тому, в чем это семя высеяно. Хороша не демократия или монархия, социализм или капитализм, хороша то устройство, которое позволяет в данное время задавать тон в обществе и государстве духовно наиболее полноценным людям народа. Худшая из общественных систем потому худшая, что дает преимущество и свободу действий самым

бездуховным и безнравственным людям, их побуждает и их выдвигает. Самая худшая общественная система та, в которой заправляет и самовоспроизводится кайно-кнаанский, фашистский тип национальной Самости

Опасность фашизма возникает не по одним же только социальным мотивам и обстоятельствам хозяйственной жизни. Когда в Общей душе не разрешен вопрос бессмертия, тогда носителем бессмертия вполне естественно становится национальная Самость. По этой причине она абсолютизируется и идеализируется. Что проще всего происходит в возрасте Иефета, когда из-за пассивности Сара в Общей душе национальная Самость предоставлена сама себе, бесконтрольна и самовольна. Фашизм состоялся тогда, когда кайно-кнаанским типам удастся отождествить себя с самовольной национальной Самостью и главенствовать в ней. Одним филическим бесам или, тем более, одним кнаанам такое не под силу. Только совместно, опираясь друг на друга, они в состоянии осуществить царство фашизма. У каждого из них своя функция в фашизме.

Фашизм выдает себя за этнократию, но в общедушевном смысле ею не является. Фашизм живет не материнским национальным чувством Этноса и вообще не на почве трезвой этнической реальности, а идеями и воображением. Во главе угла он ставит соответствующим образом обработанную культуру, мораль, язык и, разумеется, генетическую **зистоту** - не общедушевный дух нации, в псевдоприродную этническую чистоту, переживаемую вполне филически. Этнос - не более, чем декларация фашизма и точка приложения его темной творческой воли. (Поэтому фашизм всегда охотно выдвигает культуртрегеров.) Сама же эта творческая воля принадлежит филическим бесам, обыгрывающим самоцентрированную национальную Самость. Первое дело филических бесов - возвестить величие "мы" в составе национальной Самости, создать учение, утверждающее национальную Самость мистически, как единственный субъект бессмертия. По фашистской идеологии отдельное человеческое "я" предельно умалется, но это прежде всего и более всего должно быть не интерпсихическое, а именно филическое самоумаление и самопожертвование - род идейного и морально-культурного переживания своего "я" в "нации", воспринимаемой не как Общая душа, а как самостное мистическое существо.

Другая задача фашистских бесов - создать Вождя, в образе которого фашизированная национальная Самость могла бы олицетворить себя. Фюрер - высочайшее художественное произведение филио-государственного творчества фашизма, без которого фашизма попросту нет. Фюрер - филио-идеологический Центр, подменяющий собою и Отца Общей души и ее Сара. Отцовское национальное чувство через фюрера переводится в план извращенной филической общедушевности, где становится чувством жизни национальной Самости.

Особенно важно подчеркнуть, что фашизация Общей души происходит за счет Народности. Сторгическая общедушевность как бы вычитается, стирается, незаметно подменяясь суррогатом сторгичности - филио-эротической сплоченностью. Фашизму нужна сторгическая бесчувственность человека. Только филические бесы могут своими средствами привести людей к такому состоянию жизни. Вот почему, кстати, время фашизма должно переживаться потом как время национального душевного затмения.

Со структурной точки зрения Общая душа, зараженная фашизмом, сжимается, сужается до границ национальной Самости, и в током качестве **завершается**, завершает Путь. Фашизм - один из выходов Общей души из Замысла Бога. Среди других выходов из Пути Общих душ выход фашизма замечателен тем, что он **характерен** именно **для возраста Иефета**. Фашизм - путевая (а, следовательно, и историческая) смерть **Иефетовой** Общей души, своего рода самоубийство, совершаемое творчеством соответствующе раскаленных филических бесов.

Фашистские бесы искажают саму структуру Общей души. Фашизированная Общая душа вся, целиком, вмещается в национальную Самость, становится расширенной национальной Самостью. Она, как циркуль, имеет одну вершину - в филической общедушевности (и уже, в филио-государственном идеологическом Центре) - и два основания, две опоры: в интерпсихической общедушевности и в общедушевном разуме.

Одна ножка этого циркуля - филическая общедушевность плюс общедушевный разум - действуют в качестве Собора фашиствующей национальной Самости, ее "церкви" (в виде нацистской партии, например), со своим псевдособорным (а в действительности

филио-эротическим) "дружеством" со своим Отцом-фюрером, со своим учением национальной избранности, подменяющим общедушевный разум. Есть два рода самосознания избранничества. Одно исповедует глубинное и внеисторическое избранничество для службы данной Народности Богу - Народности, взваливающей на себя неподъемную тяжесть повседневной ответственности перед Ним и его Замыслом. Другой вид избранничества это избранничество национальной Самости, избранничество Божьего фаворита в Истории, которому по его сановному превосходству даровано право господствования над другими народами, вплоть до права решать за Господа их судьбу на Земле.

"Соборный разум" фашизма не светит назначающим светом, а обслуживает, создает удобное освещение, ментальное обрамление чувству жизни национальной Самости. С этой целью он сливается с этническим разумом. Поглотившей Общую душу национальной Самости необходимо теоретическое обеспечение, а не свет разумности. Поэтому фашизм принципиально не признает Закон. Власть и Закон в фашизме сливаются.

Филио-ментальная ножка циркуля фашизма - назначает Общей душе. Другая, филио-эротическая ножка сжатой фашизмом Общей души - исполняет, поддерживает, устанавливает режим убивающей себя национальной Самости. Тотально осуществить этот режим могут только те, которые в состоянии средствами темного ОНО утвердить культ бессмертия в избраннической национальной Самости. Это должны быть идеалистически настроенные, жертвенные и вместе с тем безжалостные люди, одушевленные темной фашистской соборностью, **свято** верующие в ее темную установку жизни и выполняющие как бы высшую миссию. В сторгическом смысле это, конечно, совершенно безнравственный тип людей. Но в филическом значении такие люди моральны, даже высоко моральны. Однако их мораль и культура - ничто, если они не внедрены в нацию. Их главная практическая задача - не только внушить в сознание всех свою самоубийственную мистику, но и продиктовать народу соответствующий ей полукнаанский стиль психики и интерпсихических отношений. Для этого следует опьянить Общую душу, в своем роде **взбесить** ее - не только ментально и филически, но и эротически. Практика такого помрачения человека и толпы невозможна без участия кнаанов.

Жуткий кнаанский эрот не укоренен в сторгии народа, вненароден, беззвучен в Народности. Ему нет места на свету, на открытом пространстве народной жизни. Филио-фашистский бес создает условия для легкости высокоморальной мимикрии, и тем представляет кнаану уникальную возможность выйти из подполья, куда он загнан по решению Ноя, стать на свету (что исключительно для него важно) и даже заявить о себе как о рыцаре чести и сверхчеловеке, призванном воспитывать нацию практически.

Кнаанство необходимо фашизму в качестве эротического основания его "порядка". Кнаанство неизбежно становится реально действующей, исполняющей силой установки филио-фашистских бесов, мимикрирует под них и сродняется с ними, образуя единый кайно-кнаанский тип национальной Самости, являющийся гарантом прочности фашистского режима. Филическая гневливость и накаленность борьбы с врагами диффундирует в кнаанскую глумливость (пример - искусство политического глумления) и гипервозбуждается на этой совместной основе.

Вместе с кнаанами к возрасту Шема Общей душе подойти нельзя. Кнаанская опасность должна быть изжита Общей душой в периоде Иефета. Кнаан - начало смерти Общей души. С вхождением в возраст Иефета Кнаан дает свой последний смертный бой в Общей душе. Вся трудность победы над Кнааном в этом последнем бою нам только теперь начинает открываться...

В эпоху падения Иефета Кнаан уже не одинок в Общей душе. Вступая в союз с филическими бесами, он многократно усиливает свою разрушительную мощь, образуя новый филио-эротический тип людей, хищно заявляющих о себе в Общей душе и стремящихся овладеть ею. Фашизация национальной Самости - не единственная его возможность проявить себя.

Родившиеся в 1900-ые и в 1910-ые годы в России уже ушли из жизни, так и не осмыслив, что же произошло с ними. Поколения 20-х годов выбиты войной или навсегда травмированы ею. Поколения, родившиеся в конце 30-х и в 40-х годах, сознательно в Царстве темного ОНО не жили. И только мы, родившиеся в начале 30-х годов, мы, которым на момент смерти Сталина было 18-25 лет, и помним подлинную атмосферу общедушевной жизни того трагического времени и понимаем загадочность его. Но и нашего поколения скоро не будет. Грозная тайна тьмы сталинских времен, которую описал Гроссман, навсегда уйдет вместе с нами. На нас, еще живущих "детей войны", лежит ответственность осмысления той неовавилонской опасности, которая приоткрылась во времена "большого террора".

Историческое беспамятство - одно из проявлений болезни мнимодушевности. Наше историческое беспамятство таково, что мы не помним, не видим принципиального различия между "ленинской" и "сталинской" порою жизни страны. "Но пристальное изучение нашей новейшей истории - пишет знаменитый писатель века - показывает, что НИКАКОГО СТАЛИНИЗМА (ни - учения, ни - направления жизни, ни - государственной системы) не было (...) Сталин был, хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель ДУХА ленинского учения" (подчеркнуто автором цитаты).

Так ли это? Сталин - ЗЛОЙ ГЕНИЙ человечества. Он совершил то, о чем никто и не помышлял, даже не догадывался до него. Вполне сознательно и целенаправленно Сталин стал создавать - и ведь создал! - **новый тип** народа, **новый советский народ**, обладающий своей дотоле неведомой человечеству общедушевной жизнью. Сталинизм - это и государственная система, и учение, и направление жизни, и сверх того глубинная мистика души советского народа.

Гроссман и другие зря так сближают Сталина и Гитлера. Гитлер апеллировал к внешней сфере Общей души, к существующей национальной Самости, возбуждал ее и ее эксплуатировал. Сталин же поставил и на практике разрешил грандиозную задачу, которую и вообразить-то трудно: осуществил на базе живущих тысячелетия народов, на миг оказавшихся в его власти, новую, общую всем и совершенно особого типа **внутреннюю** сферу Общих душ - **советскую Народность**.

Из многих Общих душ, проживавших в Российской империи, Сталин начал плавить **Единую душу**, с единой универсальной Народностью. Любой народ Мира - французов, китайцев, негров джунглей - можно было подвести под задуманную и за краткий срок выстроенную Сталиным советскую Народность. Такого опыта у человечества со времен Нимрода не было. Да что Нимрод! Во времена Нимрода и самих Общих душ еще не было. Нимрод - ловец всего нескольких сотен душ. Сталин же - ловец многомиллионных Общих душ современного человечества. Открытие Сталиным возможности преждевременного и противобожеского построения Единой души еще далеко не исчерпано. Наше счастье, что у него не оказалось конгениальных восприимчивых. Сталин ввел в человечество нечто такое, что остается его постоянной угрозой. Человечеству потребно не "разоблачение сталинщины", а глубинное осмысление совершенного в годы его правления. Я намечу лишь контуры.

Этническая Народность - сторгио-эротическая общедушевная целостность. Преобразовать этническую Народность значит преобразовать сторгическое чувство ближнего и сочлененную с ним сторону интерпсихической сплоченности народа. Для Единой души советского народа Сталину необходимо было создать универсальную интерпсихическую сплоченность и универсальное сторгическое чувство, то есть воссоздать то самое сафа ахад, которым обладало поколение вавилонских строителей. Однако Бог предусмотрительно разделил человечество на Общие души и тем вроде бы исключил такую возможность. Попытка воссоздать новую сафа ахад с тех пор обречена. Но есть, оказывается, сатанинская возможность осуществить Единую душу на иной основе. Эту возможность и использовал Сталин. Хотя, конечно, работал он не с чистого листа.

В результате многолетнего российского бесовства, войн и революций, всех противорелигиозных и противодуховных движений прошлого и начала нашего века представления о должном и недолжном, дурном и хорошем стерлись в России. Стало можно, что нельзя, и не стало ясно, что нельзя и что можно. Нравственные понятия

окончательно размылись. Люди сторгически ослабли, зачерствели и эротически ожесточились. Оказавшиеся в таком состоянии Общие души обычно долго выздоравливают, восстанавливая себя, или гибнут. На какой-то стадии того или иного процесса поврежденная Общая душа пытается внутренне консолидироваться на основании сторгической ненависти, силами совокупной ненависти к врагу. Мы знаем (см.гл.10), что сторгическая ненависть требует такого же самоотречения и на нее кладут жизнь так же, как и на сторгическую любовь. В выздоравливающей Общей душе темная сторгическая одухотворенность мало помалу изживает самую себя. Сталин же, напротив, взвинтил и катализировал ее. Зачем? Для борьбы за власть? И это, конечно. Но в результате ему удалось прочно объединить новую советскую Империю, сочленив всех людей и все народные души в Единую душу, **скрепленную темной сафа ахад**.

Сталинское Царство темного ОНО это Царство темной сафа ахад, в котором душевная близость по сторгической любви заменена близостью по сторгической ненависти. Само чувство ближнего в этом Царстве основано не на любви, а на совместной с ближним ненависти. К кому? К "врагу", конечно. Но по каиновой душевной потребности и в целях темного сафа ахад "враг" этот - не "чужой", а непременно "свой", из своих рядов, из состава тех, на кого распространяется светлое чувство ближнего. Мало (да и не столь важно) выявить "врага", надо обнаружить его в самых близких - в отце, муже, друге, брате. Вот что особенно ценно! Вот - подвиг!⁴

Атмосфера всеобщей подозрительности, которую за короткий срок надышала страна под водительством Сталина, поиски "врага" в ближнем служили для того, чтобы зачернить в людях светлое сторгическое чувство, заменив его принудительным "товариществом" в сторгической ненависти. Только в условиях Царства темного сафа ахад возможно было вызвать искусственный голод, совершить раскулачивание и коллективизацию, вывернувшие корни нации, уморившие носителей народной сторгии - российское крестьянство.

Узнавание в ближнем "врага" - это сторгическая встреча со знаком "минус". "Враг" - тот ближний, кого следует вычестить из жизни. На темное чувство ближнего тратятся все те ресурсы общедушевного поля духовной близости, которые душа накапливает для сторгической любви. Сторгическая ненависть стремится разодушевить ближнего своего, изгадить его душу, догола раздев ее. Выше мы упоминали об огромной разоблачающей пронизательности сторгической ненависти. Вот почему **разоблачение** в Царстве темного ОНО было своего рода культовым действием. От человека требовалось публичное отречение от своих родителей, детей, жен, друзей. Органы НКВД - священны в Царстве темного сафа ахад, ибо они раскрывают врага, который везде. Госбезопасность - главный источник темной сторгической одухотворенности.

В сталинские годы сторгическая ненависть возводилась в ранг внутреннего благородства, высшего душевного достоинства всех лояльных режиму граждан. Ни часу без ненависти! Так воспитывали детей и перевоспитывали взрослых. Сторгическая ненависть была основой морали всех "товарищей".

В отличие от действия сторгической любви, действие сторгической ненависти направлено во-вне и лучше всего единит людей в совокупном внешнем действии, требующем слепого энтузиазма для, скажем, строительства огромного масштаба. В этом, иногда бессмысленном (как Беломорканал) строительстве "враги" через "энтузиазм" получали шанс возвратиться в общий советский строй, стать товарищами, ближними по борьбе с вражеством.

Конечно, Общие души того времени были сторгически обессилены. Совершить труд сторгического единения на основании светлого чувства ближнего им было трудно. Что и говорить: единение по сторгической ненависти **«егче**, чем трудом сторгической любви. Сталин обольстил Общие души тем, что облегчил работу сторгической солидарности, - пусть и в содомском варианте. Сталинская империя не нимродова, а каинова. Чувство гневливости, борьбы и ненависти никогда не должно было оставлять советский народ. Для этого была создана индустрия возбуждения гнева, ставящая две основные задачи.

⁴Недаром Сталин считал необходимым репрессировать жен или братьев людей ближайшего своего окружения.

Во-первых, стихия общественного гнева, будучи направлена на "своих", надежнее всего чернила светлое сторгическое общедушевное чувство. И, во-вторых, гнев сам собою становился запалом сторгической ненависти. Пение темной сафа ахад шло в обязательном сопровождении гнева масс. Для поддержания накала гневливости создавался постоянно действующий условный **темный лик** - капиталиста, попа, космополита, морганиста, кого угодно. Надо понимать, что **эту же самую** гневливость испытали в последнее время на себе и коммунисты...

И все же: зачем потребовалось Сталину фиктивные открытые процессы, казни поверженных оппонентов и своих верных сподручных, часто лично ему преданных? Все они были широко известны в стране, городе или крае. Их поругание и гибель служили, конечно, тому же делу моментального превращения "друзей народа" во "врагов народа", в объект для гнева и сторгической ненависти. Но была тут, видимо, и другая цель.

В Царстве темной сафа ахад тоже должен быть свой сторгический Центр, явленный всем "отец народов", воплощенный темно-сторгический Отец, грозный батька, фокусирующий на себя, **на одном себе** поток общедушевного сторгического чувства. Все остальные фигуры на поверхности общественной жизни - нули без него; и могли по воле Отца исчезнуть в любой момент.

Чтобы Царство темной сафа ахад было прочно, необходимо, чтобы оно цементировалось собственным "отцовским национальным чувством", направленным к единственной вершине, к одному лицу. Сталин - не фюрер национальной Самости, а сторгический Отец Царства темного сафа ахад. Ни Ленин, ни Троцкий, никто другой на роль эту не годились. Годился - Иосиф Сталин, качества именно его личности, вызывающие неподдельную сторгическую любовь людей своего Царства, их счастье и восхищение. Властители поменьше тоже пользовались расположением советского народа, но любовь к ним - отражена от Отца. Никак иначе.

Все земляне в те годы делились на две категории: те, кто обладал сталинским отцовским чувством - советский человек или зарубежный товарищ - и те, кто не обладал этим отцовским национальным чувством - "иностранец". Общение с "иностранцем" каралось. Он причислялся к темным ликам. Сталин сажал в лагеря бывших за границей советских людей за то, что, общаясь там, они могли утратить в душе темный лик "иностранца".

Сталин строил свое Царство **только** на темной сторгической силе и на самом себе. Он - образ и образец самоотверженного борца, всегда побеждающий "врага". Он один ответственен за всех, один за всех думает ночами. Он - Отец, который дает жизнь всем и на котором жизнь всех сходится. Он - вершина конуса всего советского народа, установитель общесоветской солидарности и сплоченности, источник сторгической воли в темной сафа ахад. Он же объект чувства верности и религиозно-сторгического сознания советского народа, тот Центр, в котором честь и совесть, он же и - гарант справедливости. Как сторгический Отец, он определяет сам стиль одушевленности народа и его характер переживания сторгической воли. Он - управа на всех и каждого. Перед его божественным могуществом все равны, все равно ничтожны, никто не больше другого.

Сторгическое складывание, как мы знаем, идет через идеальный образ Отца Общей души, в переживании отцовского национального чувства. Общая душа творится по образу и подобию своего Отца, желает быть с ним во главе. Стремление это в любой Общей душе остается неудовлетворенным. Сталин удовлетворил его и тем сторгически оживил - оживил собой! - народы огромной страны. Без него, без **темного сторгического Отца**, Царство темной сафа ахад существовать не может.

В сталинском влиянии на людей, в самой вере в Сталина, во всеобщем обожании его есть какая-то тайна, тем более поразительная, что издали он видится человеком безличностным и малосимпатичным. Да и в кавказском облике его нет вроде бы ничего, что могло бы привлечь славянина или монголоида. Но, несмотря ни на что, его все неподдельно любили и почитали великим. Он вызывал самый искренний восторг подданчества, которым равно горели военные и ученые, актеры и рабочие, конторские служащие и директора предприятий. Сталин несомненно был бы тогда выбран на свободных выборах подавляющим числом голосов. Имя Сталина прочно стояло рядом с именем Родины и олицетворяло нечто, чему человек склонен служить. Что же это такое?

Если в банальной мысли выставить верное ударение, она часто становится глубокой мыслью. Говорят: Сталин являл народам сильную руку, и толпы уважали его за это. Все так. Но скажем иначе: Сталин призвал именно сильного человека явить свою силу и обеспечил ему почет в обществе и главенствующее положение в структурах Государства. Сталин сделал ставку на возвеличивание Силы в человеке и тем **обольстил сильного человека**, в чем бы ни проявлялась его сила. Большевик - синоним сильного человека. Сталина сперва признал и полюбил сильный человек и тот, кто особенно желал быть и притворялся сильным, **за ними** - весь народ, все народы.

В глазах целого поколения Сталин являл Силу, и его обожали как олицетворение всего Сильного; вся сталинская система работала дабы внедрить и утвердить в глазах народа его сверхчеловеческую силу. Тут действовал не кнут, а свойственный человеку восхищенный трепет перед Богатырством как таковым. - Вполне филическое переживание.

Власть Сталина - это декларация высшего достоинства Силы и правления сильных и только сильных - тех, у кого не дрогнет рука, кому все по плечу, кто сильнее всех личных бед и утрат, кому никакие испытания не страшны, кто способен пожелать и смочь. Мигом возвести на ровном месте город, прорыть канал от моря до моря, проложить метро за невероятно краткий срок! И совсем не важно, зачем и какой ценой. Если летный подвиг, то не обязательно впечатляющий: перелететь через Северный полюс в Америку, пойти на таран в небе; если трудовой подвиг, то непременно сказочный: добыть за смену невозможные тонны угля или столько смолотить, сколь не под силу былинному богатырю. Ученый - не высокий интеллект, а крупная научная сила (так прямо и называлось), способная на могущественные открытия. Спорт - кузница чемпионов, а физкультура важна по официальному презрению к хилости. Сдавшийся на войне в плен проявил слабость и потому не заслуживает отношения к себе, как к человеку. Сломанный житейскими обстоятельствами достоин только презрения. Умение подавить властным взором, сломать других своей волей, напором, чем угодно - вот качества негибкого сталинца, обеспечивающие высокое положение в обществе тех лет. Все, что делается, должно делаться со сверхчеловеческим размахом: высотные дома, станции метро, плотины, статуи вождей. Сталинские репрессии - не просто злодейство, а великое злодейство, подавляющее тотальностью, на что оно и было рассчитано.

Символы сталинской эпохи - герой, рекордсмен, чемпион. Причем все равно - действительный герой или фиктивный, выдуманный по "политической необходимости". Царство темной сафа ахад, конечно, разведальсь фикцией, показухой, фальшью. Но пафос Силы в человеке и пафос сильного человека был подлинным. В качестве темного сторгического Отца Сталин был воплощением сверхчеловеческой силы как таковой, силы, не нуждающейся в людском признании и одобрении. Мы уже выше упоминали, что русский человек особенно ценит Мощь и связывает с ней и Доброту, и Простоту, и Мудрость - все качества, которыми народная молва наделила Сталина. Быть может, другой народ менее чувствителен к идеалу доброго Богатыря-спасителя, но каждый человек любит Силу в себе. Благоволение же перед Сильным - общедушевное свойство, не отменимо в Общей душе и, видимо, составляет важное условие осуществления Царства темной сафа ахад, использующее темное ОНО для целей демонстрации Силы. Роль тотального насилия в Царстве темной сафа ахад, как ни странно, фиктивна - создает фикцию действия руки Сильного, подтверждает голое могущество Силы в человеке, все равно действительно или мнимо проявляющееся.

14.(64)

Царство темной сафа ахад воспитало в людях те чувства подозрительности и недоброжелательства, которые отчетливо чувствуешь, выйдя на улицу советского города. Разумеется, светлое сторгическое чувство не исчезло, но оно заперто в лично-душевной сфере и не выпускается в сферу общедушевную, наполненную всеми оттенками сторгического неприятия. Эта раздвоенность сторгической жизни на светлую лично-душевную (чувство друга) и темную общедушевную (чувство "товарища") - характерная черта советского человека.

Говорят о "черно-белом" тоталитарном сознании. Но темное сторгическое чувство не умеет переживать "белое". Оно переживает только "черное". "Белое" для него это абсолютное "не-черное". В Царстве темной сафа ахад следует не просто грязнить светлое, сохраняя хоть какую-то достоверность, а невзирая на достоверность, превращать светлое в исчерно-черное, и чем грубее делается это, тем лучше. Сказать про праведника, что он грешен, - будет неубедительно; убедительно для темного сторгического чувства, что он - подонок. "Черным" в Царстве темной сафа ахад не делаются, а **объявляются**. "Чувство товарища" требует ненавидеть любимого друга, если он объявлен "врагом".

По агапическому чувству любят врагов, которые ненавидят тебя. Вершина темного сторгического чувства - **каинова чувства** - ненависть к друзьям, которых любишь. Абсолютная вершина каинова жизнечувствования это, конечно, Павлик Морозов - общедушевная сторгическая ненависть десятилетнего сына к врагу-отцу. Благодаря сторгической раздвоенности любовь и ненависть к одному и тому же лицу могут совмещаться в душе. Любовь для советского человека - личное дело, ненависть же - дело общедушевное, общей Веры и верности.

Легковерие советского человека - особенно в 30-е годы - поразительно. Взрослые умные культурные люди, как малые дети, верили всему, что объявлено, верили против всякой очевидности, вразрез с тем, что прямо перед глазами. Неприкрытый блеф сталинщины был рассчитан не на силу хитрости, а на некритическую доверчивость всего населения, на его детскую ментальность - на общедушевное **магическое сознание** члена общества.

В 20 главе мы толковали о том, что в Общей душе сознание сторгического Отца, действующего в Соборе, стыкуется с магическим сознанием, действующем в Этносе. От этого сочленения, говорили мы, проистекает любовь-вожделение к Власти. В Царстве темной сафа ахад это душевно похотливое чувство превращается в род религиозного восхищения и умиления. Сталин занял и место сторгического Отца, и место магического Хозяина жизни. Он не только сумел направить на себя темную сторгическую волю людей, но и взял под управление их магическое общедушевное сознание.

Сторгическая раздвоенность в Царстве темной сафа ахад возможна тогда, когда в нем участвуют люди, превращенные в своего рода детей, воспринимающих действительность магически и потому совершенно легковерных. Но тут следует различать два вида магического сознания. Одно - природно-магическое - действует в Этносе и скрепляет интерплотский нулевой этаж Общей души. Другое - филио-магическое - должно скреплять фундамент Собора (см.гл.39), закладываемый в Общую душу возраста Иефета. Газетное сознание держится на филио-магическом сознании и пользует его.

Нельзя недооценивать того, что это филио-магическое сознание давящей тучей советской мнимодушевности обволакивало все Царство темной сафа ахад. В избах и кишлаках этого Царства не обязательно должно быть светло и сытно, но обязан звучать репродуктор, из которого с шести утра и до часу ночи лились слащаво-вкрадчивые звуки и голоса, каждой интонацией внушавшие слушателям досознательное самоощущение доверчивых детей. Филио-магические струны чувств и веры отчетливо слышны в сентиментальности, наивности и некритичности сознания того времени. Мы и до сих пор не брезгуем активно пользоваться (хотя и в новых видах) средствами филио-магического внушения.

Царство темной сафа ахад клубилось мифами и иллюзиями. К высоким интеллектуалам это относится в той же мере, что и к простым людям. В такой всеобщей магической живучести есть тайна, которая, я думаю, состоит в удачном совмещении филио-магического советского сознания с природно-магическим этническим сознанием. Ежедневная, ежечасная эксплуатация вместе филического и этнического магического сознания являлось обязательным условием поддержания бодрого существования Царства темной сафа ахад.

Только с помощью нового филио-этнического сознания стала возможна подмена национального самосознания на самосознание "советское". Оказалось, что завладевший совокупным филическим и этническим магическим сознанием легко внедряется в исподнее Общей души и через него получает реальную возможность управлять ею. Таков скрытый механизм советской "агитации и пропаганды", силами которой решался

"национальный вопрос" в Царстве темной сафа ахад. Этноты использовались как передаточные звенья от темного сторгического Отца к филио-природному магическому сознанию советского общества. Сознание это, в свою очередь, ставилось на службу интерпсихическим силам. В результате образовалась весьма жесткая и прочная общедушевная конструкция.

Чтобы добраться до природного магического сознания и, выдвинув, завладеть филио-магическим сознанием, их прежде надо искусственно активизировать. Усиление магического сознания во всех его видах достигается принудительным ослаблением Собора Общей Души. Для чего в максимальной степени следует перенести центр тяжести жизни людей в интерпсихическое поле жизни. Что легче всего достигается средствами всеобщего устрашения и гипернасилия, возбуждающими темное ОНО в душах. Атмосфера тотального устрашения 80-х годов катализировала эротическую жизнь Общих душ в такой степени, в какой это бывает разве что на войне. Показательна вера во всемогущество насилия у советского человека, никакими аргументами, фактами, соображениями не разрушаемая. Вера в насилие в нашей стране основана не на трезвой оценке реальности, не на аналитическом или интуитивном, а на магическом сознании и потому-то - неопровержима. Темное ОНО питается убежденностью масс в действенности и целительности насилия, магически отождествляемого с нутряной мощью народа. Темное ОНО высвобождает и усиливает филическое и природное магическое сознание, которое по кругу опять поддерживает темное ОНО.

Самое главное слово 30-х годов - "бдительность" - с абсолютной художественной верностью выражало Царство темной сафа ахад, включающее в себя и Царство темного ОНО. Под "бдительностью" понимали не только поиск "врагов" в ближних (темная сторгия), но и, одновременно, отыскания объекта для общедушевной эротической ненависти. Режим специально предоставил всякому желающему возможность удовлетворить и кнаанскую потребность, обратившись с доносом в органы темного ОНО. Удивительно, как жадна оказалась эта потребность...

В страхе того поколения перед органами тайной полиции спрессовались вместе и сторгический и эротический ужас. Это был страх сделаться адресатом надличной и всеобщей сторгической ненависти, исходящей вместе с тем от самой по себе коллективной интерпсихической силы. Гипнотическая сила этого сторгио-эротического страха была такова, что лишала даже самых бесстрашных людей воли, разума способности к протесту.

Кнаанова эротическая ненависть - необходимая подпорка для каиновой гневливости и ненависти. Эротическая ненависть несовместима со светлым чувством ближнего, гасит светлую сторгию как таковую и разрушает Народность. Роль темного ОНО в Царстве темной сафа ахад состояла в том, чтобы переключить центр тяжести жизни всякого человека в интерпсихическую сферу и тем одним пресечь все его попытки сохранить автономность личности. Подавленный темным ОНО человек делался более восприимчивым и к сторгической ненависти; в результате он становился добровольным строителем Царства темной сафа ахад. Нельзя было допустить, чтобы интервенция темного ОНО когда-либо прерывалась. Барабан, подающий знак готовности к бою, должен в Царстве темной сафа ахад бить всегда.

Темное ОНО, разумеется, разодушевляет каждого отдельного человека. Но оно разодушевляет и нацию. Общая душа как бы опускается, поглощается эротической жизнью; ударение с духовной жизни человека снимается и заменяется интерпсихическим служением под напором устрашения темного ОНО. Человек мало-помалу превращается в "общественное животное" (см, гл, 12), подвластное общему Строю, психически возбужденное, сжатое вместе с другими, эротически жадное и боящееся самого себя.

Общая душа, спустившаяся в сторону общей животности, подвластная темному эротическому "мы" и своему полудетскому магическому сознанию, **не нуждается в Саре**. Сар исключается из Общей души, Она входит в состояние, напоминающее первый варварский возраст Хама, когда общедушевный разум замыкается без Сара на этническую общедушевность через магическое сознание. Общество, доведенное до Царства темного ОНО, лишается Сара. Сар отлетает от Общей души, оказавшейся в руках темного сторгического Отца, ибо посланцу Бога нечего делать тут.

От Ноя и до Нового Времени человечество всегда жило в возрастах периода Хама. Это значит, что в Общей душе базовый взаимообмен жизнью происходил в интерпсихической сфере. Только в последнее столетие в некоторых Общих душах начался процесс сначала усиления их филио-интеллектуального этажа, а затем и установления его в качестве базового. В возрасте Иефета основным в Общей душе становится взаимообмен филической жизнью. Другое дело, что качество самой по себе филической жизненности может быть разным, но определяющим показателем для времени Иефета является не высота или низменность этой жизненности, в активность обмена филической жизнью и его значимость в Общей душе.

Перефокусирование Общей души с области Хама на область Иефета - процесс болезненный и опасный. И как момент путевого перехода не может быть иным. И все же надо яснее отдавать себе отчет в особой опасности этого отрезка Пути Сарим. Конечно, Общие души во множестве гибли (распадались) и прежде, и более всего при переходах из возраста в возраст Пути. Это явление, так сказать, естественное. Отметим также, что грядущий (даст Бог) переход их возраста Иефета в возраст Шема - благая пора Пути, до которой человечеству хорошо дожить бы. Только ломка из периода Хама в период Иефета, которую переживает значительная часть современного человечества, - смертельно опасна для него. Мы, быть может, проходим **критическую пору** всего Пути Сарим. Для этого момента нет и быть не может аналогов в Истории человечества.

И в вероисповедальческом возрасте сознание западного человека было приковано к концу Света, срок наступления которого определяется Божественной волей. Однако никогда никому не приходило в голову, что человек по самоволию способен сам себя изничтожить на Земле. Просто это не представлялось возможным. Теперь же сознание возможности глобального самоуничтожения внедрилось в сознание жизни западного человека. - Грозный симптом! Мы все живем и ждем: **откуда** грянет беда самоуничтожения? Не атомная, химическая, бактериологическая или иная война, так экологическая катастрофа, озоновые дыры, генетическое вырождение, неведомые или неизлечимые болезни или какой-то вид всеобщего растрепания. Чего или кого боится в нас наше сознание жизни?

Человек выпустил на волю, в бесконтрольность свою **творческую волю**, сначала обрадовался ее самовольству и могуществу, а затем ужаснулся, поняв, что она независимо от него обращается в волю самоубийственную. Именно Иефет, им вызванный бурный взаимообмен творческими волями, дал и рационально осмысляемые технологические возможности для дела самоуничтожения, и, сверх того, какие-то неведомые иррациональные последствия самовластного человеческого творчества, последствия, которых мы теперь страшимся как возможного рукотворного конца сынов Адама на Земле.

Наше собственное сознание настойчиво подает нам сигнал бедствия. Это не чьи-то фантазии. Это - реально. Но если мы живем на Земле не по слепому случаю, а для высших Сил и под Их началом, то как же может такое произойти с нами? Для самоуничтожения сынов Адама на Земле необходимы, хотя бы, какие-то веские духовные причины. Как, скажем, мир Сарим, прочно сочлененный с общедушевым миром для целей воссоздания Единой души, может допустить безответственное человечество до такого финала, не соответствующего Замыслу Бога?

Падение Иефета состоит в том, что Иефет, вместо того, чтобы вселиться в шатры Шема, взвинтил себя, самоцентрировался и самоизолировался. Дело дошло до того, что Иефет под легкомысленные овации своих бесчисленных адептов выскочил из Общей души, образовав свою, внеобщедушевную и мнимодушевную сферу жизни, которая стала двигать народами. Явление это, надо полагать, временное. Но мы с вами живем в этот злокачественный (нет сомнения) момент и страшимся. Куда ни глянь - все извращено и все более и более извращается: отношение к любви и творчеству, к труду и развлечениям, к своей семье и своему телу, своему здоровью и своей воле, к религии и друг к другу. Личностные общедушевные черты перестают быть чертами персоналистическими и становятся чертами специфической извращенности, свойственной данному иефетову сообществу в данный исторический момент.

С формально-структурной точки зрения это понятно. При вхождении в период Иефета Общая душа должна заложить "другой фундамент", филио-интеллектуальный фундамент верхней половины Общей души. Люди же нашего века, создав машинную цивилизацию, подменили Природу техникой, не создали нового фундамента, а только извратили прежний, природно-человеческий фундамент Этноса. Это, разумеется, весьма опасно, но все же не отвечает на вопрос о глубинных духовных причинах и основаниях того, что происходит и грозит произойти с нами.

Мы знаем, что Иефет (то есть филио-интеллектуальные характерные типы в Общей душе) вправе на какое-то время подменить действие соборного разума и общедушевных Сарим. Такова законная иефетова функция резервирования, необходимая Общей душе в разных ситуациях ее жизни и Пути. Так, при ослаблении ("затенении") Сарим именно мораль, культура и интеллект должны перехватить у них руль Общей души, побуждая ее продолжать развитие в прежнем направлении. Если оно и не во всем совпадает со стратегическими установками общедушевных Сарим, то происходит это, понятно, из-за несовершенства преемственности руководства от Сарим к Иефету.

Но падение Иефета, которое мы переживаем, не резервная подмена, а **замена** Сара на Иефета, филио-интеллектуальная узурпация духовной власти, грозящая Общей душе духовным разукоренением в мире Сарим, духовным безрулием, беспутием, срывом Пути Сарим. Иефет устанавливает **другой центр** в Общей душе, отличный от центра Сара и с ним более или менее активно конкурирующий, забивающий голос из мира Сарим. Впечатление такое, что Общие души лишаются Сарим, что идет процесс постепенного разъединения Общих душ с миром Сарим. Но, позвольте, откуда у Иефета такая дерзость и такая возможность решать дела Сарим, составляющих Престол Господа? Допустим, что падение Иефета есть лишь род путевого искушения. Что ж, однако, будет с нами в результате его?

В находящихся в состоянии падения Иефета Общих душах выдвигаются к управлению и в разных областях правят люди, которые серьезно верят, что они то самое, чем притворяются. Притворяются же они, как водится, людьми самого высшего духовного качества, носителями высших достоинств духа, которые подобающе по чину иметь существу, созданному по образу и подобию Божьему. Люди эти, конечно, душой больны, но не столько мнимодушевностью, сколько **мнимодуховностью**. Мы не раз выше обращали внимание читателя на такого рода подмену духа в ситуации падения Иефета. Подлинная одухотворенность выражает себя в любви к Богу и ближнему, в интуиции духовного Я на Истину, через Веру, Покаяние, Идеал. Мнимодухотворенность прежде всего выражает себя через просвещенность взгляда на жизнь, цивилизованность и этическое законодательство; наличие истинной одухотворенности в бескультуре и невежестве допускается здесь в качестве исключения и то только теоретически. Ясно: в самообольщении Иефет решил устроиться на Земле сам, без Сарим, и так, как будто Сарим и не существует. Это, надо думать, всего лишь общедушевное увлечение, временное затмение. Болезнь эта, будем надеяться, пройдет. Но, конечно, не без последствий для Общей души в целом.

Иефет, способный замещать, подменять Сара в Общей душе, оттеснять его в тень, может в конце концов превратиться в **псевдосара**, в антисара, пользующего мнимодуховность в качестве духовной своей силы.

В первом, общедушевном грехопадении человек, строя Башню, желал возвеличить себя до Небес, желал себе сделать бессмертное Имя, обрести бессмертие в сплоченности "мы". Таково хамово грехопадение, завершившееся распадом Единой души на Общей души. Второе общедушевное грехопадение совершает Иефет, **делающий себе имя Сара**. Человек наших дней самовозвеличивается через Иефета и через него пытается обрести бессмертие. Это - полная фикция, **мнимое бессмертие** и мнимое разрешение вопроса бессмертия в Общих душах. Что будет, если духовная власть в Общей душе полностью перейдет к псевдосару как к Сару Власти? Чем грозит человечеству псевдосарократия?

16.(66)

Интеллектуально-филическое разгорячение становится все более настоятельной потребностью души человека Нового времени. В результате этого филическая жизнь

поневоле отвлекается и от лично-душевности и от общедушевной сферы в сферу мнимой души. Кипение мнимодушевности филического поля манит возможностью межобщедушевного объединения и обещает покой и радость на Земле. В такой ситуации многим достойным людям начала века привиделось братство народов и скорое наступление Царства Божьего.

Если Царство Божье и будет осуществлено на Земле, то в результате не филического, а сторгического объединения. Сама по себе филическая жизнь в состоянии сблизить людей, пробить душу на душу, но не соединить их в любви и духовной близости. Филическая Единая душа - фикция.

Усиление звучания филической общедушевности в определенной мере создает благоприятные предварительные условия для продуктивной сторгической работы по сближению людей и народов. Но не белее того. С некоторого момента усиление филической общедушевности ведет не к объединению, а к разъединению народов.

Вхождение Общих душ Западных народов в эру Иефета произошло в начале прошлого века и сразу же ознаменовалось обострением националистического самосознания. Дальнейшее разгорячение Иефета в прошлом и нашем веке неминуемо вело к **разгорячению национальных Самостей**. Исторические условия XX века (в первую очередь, глобальное наступление коммунизма) жали народы друг к другу, нивелировали этот процесс, оттесняли возросшие претензии национальных Самостей на задний план. Самое недалекое будущее покажет, до какой степени дошло подспудное разгорячение национальных Самостей в нашем веке и сколь, следовательно, явление это станет определять ход Истории века XXI.

Еще большее, чем теперь, усиление филической жизни Общих душ приведет в условиях всеобщей образованности и засилия массовой культуры не только к обособлению Иефета, но к его доминированию в сознании жизни человека, к замене Сара на Иефета, к духовной власти псевдосара. Вслед за режимом национальной Самости может последовать режим националистической псевдосарократии, который мы также будем называть фашизмом.

Фашизм XX века, несмотря на мощную культурную и идеологическую базу его, опирался и на национализм староязыческого толка. Гитлер, как и Сталин, обольщал "сильных", язычников. Арийцы - самые сильные люди нации, как большевики - самые сильные люди социализма. И те и другие формировались из филио-эротических, а не чисто филических типов людей. Немецкий и итальянский фашизм - не более, чем репетиция грядущего псевдосарократического фашизма. Двадцатый век - вообще репетиция грядущего.

Символ фашизма 30-х годов - могучая и жертвенная воля националсверхчеловека, а не талант националистического культуртрегера, который в гитлеровские времена еще не был призван повелевать нацией. Вождями и сверхлюдьми **фашистской псевдосарократии** XXI века станут литераторы, профессора, киобестии, редакторы массовых газет. Уже нынешний национализм есть произведение высококультурных и, особенно, полукультурных людей, произведение, созданное на филиомагическом сознании образованной массы, которой управлять может только сродственный ей и филически авторитетный для нее человек. Культурная толпа нашего времени уже начала активно тянуться к магии филоязыческого национализма. Конечно, это сулит огромный успех творческим людям, ставшим под знамена нового фашизма. И они, надо полагать, не упустят шанс.

Мы много знаем о практической разрушительной силе темного огня филических бесов в новейшей истории. Сила эта пока что выплескивалась самостийно, от самоцентричности и самовольства человекобожества, свойственного филическому человеку. Но, не дай Бог, это человекобожество в своем поступательном развитии взойдет на новую ступень, где мнимоодухотворенные человекобоги станут служителями храма псевдосара. Кто-то из них достигнет заветного места филического Центра нации и "по должности" обретет статус филиофашистского идола, главы псевдосарократии, возглавляющей пирамиду власти режима. Интуиция на современное воплощение исторического зла должна указать ныне живущим людям на "новый порядок" псевдосарократии и уже начавших ритуальный танец филически и психически разгоряченных фашистских бесов.

У каждого народа в падении Иефета свой особый стиль разгоряченности национальной Самости. Поэтому фашистские бесы раньше или позднее потребуют национальной самоизоляции. Их первейший лозунг: самостийность и, как неизбежное следствие, национальное избранничество. Иерархия филических бесов и роль каждого из них в грядущей псевдосарократии будет определяться по тому, кто ярче и убедительнее сможет разработать и доказать постулат человекобожеского национального избранничества.

Деятельность филических бесов неизбежно столкнет народы в нашем тесном мире. Практически это приведет к объединению в блоки, к противостоянию одних политических союзов другим. Роковой политической вопрос этого момента Истории: кто с кем? Решать вопрос этот придется всем, и Франции, и России, и Эстонии. Решение одних наций вроде бы predetermined. Среди других - Россия, от решения которой зависит весь ход Истории будущего века. Грядет националистическое размежевание и союзническое разобъединение наций - в борьбу, в раздор Общих душ человечества. К какому союзу национальных Самостей примкнет гигантский российский мир? К Востоку? К Югу? К Западу? Какой блок укрепит собой Россия,- имеет решающее значение для развития сюжета дальнейшей Истории. Сейчас, на пороге 1993 года наблюдаются признаки того, что Россия отворачивается от Запада. На Юге ее ждет арабopersидский мир. На Востоке ей раскрывает объятия японокитайский мир. А на Западе полуслучайно избранные на несколько лет парламенты и президенты не смотрят далеко вперед...

Следующий этап иефетова падения наступит тогда, когда филическая общедушевность из по видимости объединяющего начала превратится в откровенно разъединяющее начало, обеспечивающее правящим в Общих душах национальным Самостям сознание самодостаточности, самозамкнутости и выделенности из всего состава человечества. Как только центр Общей души твердо установится на филической составляющей национальной Самости, так тотчас же Иефет, его фашистские филиобесы заменят Сара Власти, то есть главенствующий в Общей душе тип одухотворенности. Темные лучи фашистского филиобесовства, идущие от псевдосара к Собору и Этносу, возбуждают и культивируют не только филическую, но и так необходимую на войне эротическую ненависть. Но и это еще не все.

Уже в наше спокойное время многие Общие души сторгически обессилены. Сторгическая бесчувственность народа сама по себе способна стать причиной вырождения чувства ближнего в национализм. Еще один шаг и когда-то намеченное Сталиным Царство темной сафа ахад дозреет до полной спелости, до Царства фашистской псевдосарократии. Для этого нужен, во-первых, лик темного сторгического Отца, выполняющий функции духовной власти псевдосара, и, во-вторых, "ближний", переделанный во "врага".

В сталинские времена сторгическая ненависть разгорячалась на подсуном идеологией социальном материале. Условным объектом ее служили "социально чуждые" классы свергнутых капиталистов и помещиков. Теперь на наших глазах создается подлинный, этнический материал, на котором впредь будет накапливаться и разряжаться заряд сторгической ненависти. В условиях разгорячения национальной Самости превратить этнически ближнего в "национально чуждого" еще легче, чем некогда - в "социально чуждого". Так ли уж трудно на Украине, скажем, фашистским бесам возбудить каиново чувство на сторгическую ненависть к "москалям"? Для литовцев это может быть поляк, для грузин - осетин. Как водится, всем на руку придется антисемитизм и все темные легенды, с ним связанные.

До сих пор мы говорили о разгорячении национальной Самости в целом. Но этот процесс может идти и по частям ее. Внутри каждой нации непременно существуют (и трудно сосуществуют) различные типы разгоряченности одной и той же национальной Самости. На каждом таком типе вполне могут развиваться самостоятельные фашистские движения. Так что при переходе к псевдосарократии нации, скорее всего, начнут разваливаться на части, идеально подходящие друг для друга в качестве ненавистных "ближних".

Фашистская псевдосарократия сможет удержаться только на ненависти - филической, эротической, сторгической. Это - **царство ненависти**. Через эти Царства

человечество пойдет к самоистреблению. Я думаю, что то сознание угрозы всеобщего самоуничтожения, которое недавно вошло в наше сознание жизни, "спущено" нам и указывает на реальную угрозу Царств ненависти, как на инструменты глобальной исторической катастрофы. В нас есть духовные Силы, которые предостерегают нас. Но откуда исходит сама угроза? Только ли от нас одних? Если угроза эта так реальна, заранее известна духовным Силам и может привести к обрыву Пути Сарим, к срыву Дела Божьего, то, значит, некто в духовном мире, тоже заправляющий делами человека на Земле, должен же ее как-то санкционировать?

ГРЯДУЩИЙ ИЕФЕТ

(вместо заключения)

1.(67)

Путевые проблемы русской Общей души определяются несколькими постоянно действующими в ней факторами.

Первый - византийский фактор, определяющий (или определявший?) вероисповедальческий возраст Общей души и ее православный соборный разум.

Второй - языческий фактор, проистекающий как из собственных неизжитых корней, так и от плотного соприкосновения с многими азиатскими народами, находящимися либо во втором возрасте Хама, либо на переходе из языческого возраста в вероисповедальческий.

Третий - кнаанская стихия, зверским озорством которой Русь заражена то ли от скифов, то ли от орды. Русская Общая душа знает эту стихию в себе, боится ее и потому ищет на себя "варягов", управу власти.

Четвертый фактор составляет основу цельности, самобытности и автономности русской Народности, поток ее сторгической жизни, о котором мы не раз говорили выше.

Пятый - европейский фактор, определяемый тесным филическим контактом русской Общей души с западноевропейскими Общими душами, вступившими или вступающими в возраст Иефета.

Шестой фактор - особая роль природно-магического сознания в русском Этносе. Два слова об этом предмете.

Природно-магическое сознание одно из **основных рабочих мест** русской Общей души. Эти всегдашние фантастические слухи, рассказы, суеверия, знаменитое "авось", русская "наивность", "доверчивость", "простота души" в сочетании с "легковерием" (легкой внушаемостью), верой в злых и коварных магов - империалистов ли, масонов ли. Существенно магично и русское самодержавное сознание и русское мессианское сознание. Священник на Руси - не руководитель и не воспитатель совести, а свидетель и посредник, дело которого освящать и молиться. Образ "западной жизни", распространенный ныне в народе, мигом приобрел магические очертания.

Динамическая работа магического сознания - специфическая и опасная черта русской Общей души. Не будем упускать, что Сар на магическое сознание воздействует слабо, да и оно вовсе не нуждается в Саре. Всякий, кто добрался до узла русского магического сознания и завладел им, тем самым получил возможность стать у руля русского Этноса. Всегда надо считаться с опасностью магического совращения русской Общей души, отменяющего правление Сара и назначения соборного разума.

Величайшее, уже основательно зарытое достояние русской Общей души, - глубинная склонность русского к покаянию. Склонность эта, несомненно, придана русской Общей душе персоналистической сокровенностью российского Сара. В противовес Сару магическое сознание подсказывает русскому, что грех не в нем самом, а в том, что его "черт попутал". От самосознания вечно "попутанных" дьяволом проистекает темная мнительность психической жизни, подозрительность и настороженность, боязнь того, что кто-то, скрываясь и хитря, ищет погубить доброго русского человека. Дьявол тут вообще не объект мистического или метафизического сознания, а лазутчик в повседневности, объект магического мироощущения, по которому надо всегда быть настороже, чтобы не пострадать от "вражеских агентов", каковыми

быть могут все, кто угодно: революционеры, помещики, капиталисты, "административно-командная система", "демократы" и так далее. Неустраняемая потребность в присутствии дьявола, будучи чертой магического сознания, язычески противодействует стремлению духа к росту и покаянию. Это создает особые путевые трудности для русской Общей души.

В прошлом веке Русь прочно держалась в вероисповедальческом возрасте. Центр Сара сживался с центром магического сознания и нивелировал его. Общая душа руководилась православным соборным разумом, которым правилась и филическая народная жизнь.

Но что-то стряслось со сторгической народной жизнью.

Некоторые, и весьма чуткие и проницательные русские мыслители и писатели на смене веков указывали на признаки быстрого **оскудевания любви** в народе. Конечно, сетования такого рода слышны в любую эпоху, но то были не просто сетования и тревога, а растерянность и страх, прикрываемый надеждой на то, что все так или иначе образуется. Что это в действительности было? Начавшийся процесс духовного отлива в русской Общей душе? Тогда должно наблюдаться переключение Общей души с внутренней жизни сторгио-эротической Народности на внешнюю и экспансивную жизнь в филио-эротической национальной Самости. Вроде бы так оно и было.

Но только ли в этом причина произошедшей общедушевной катастрофы? Не странно ли, что не прошло и четверти века как вероисповедальческий соборный разум заменили марксистская идеология и "наука", филическую общедушевность - советская мнимодушевность, а интерпсихическая сплоченность выродилась в Царство темного ОНО. Конечно, войны, революции, террор до предела ожесточили этническую жизнь, измотали ее ресурсы. И все же...

Лев Толстой свидетельствовал, что люди начала века стали жить "без всякого определенного понимания смысла, назначения своей жизни и внутреннего руководства в поступках", что именно по этой причине все живут "особенно неразумной, мучительной, бурной жизнью". Заметьте: так оно продолжается до сих пор! В сегодняшней сторгической российской жизни произошел обвал, в котором повинны не одни только беды Истории и большевики. Истоки обвала русской сторгии - **в общедушевном разложении** начала века, приведшего - да как скоро! - к губительным результатам.

Несомненно, что именно в ту пору, в конце XIX начале XX века, русские люди стали значительно хуже "слышать" друг друга. Старшие и младшие, горожане и крестьяне, купцы и дворяне, культурные и народ, прихожане и безбожники, провинциалы и столичные жители - куда ни взглянешь, все разговаривают на разных языках. Всеобщее непонимание друг друга, недоверие одних к другим, душевный беспорядок и неслышание вызывались "увяданием" самого по себе чувства ближнего на Руси. Живое чувство ближнего подменялось где моральными "принципами", где "долгом" и "гражданской совестью", где умилением и сентиментальным взвинчиванием в сопровождении вольной бравады нравов одних и напускного ригоризма других.

Сторгически Общая душа катастрофически черствела. Обществу, как подмечал Лев Толстой, стали задавать тон сторгически бесчувственные люди, которых отличало то, что все они вовсе **не любили людей**, и пытались руководить ими так же, как управляют машинами - общая черта российских властей с начала века и до наших дней.

В русской Общей душе рушилось само чувство "мы", а, следовательно, гасло и общедушевное сознание народного бессмертия. В таком состоянии Общая душа неминуемо вводится в "особенно неразумную, мучительную, бурную жизнь", которая останется таковой до тех пор, пока в Общей душе не будет решен вопрос бессмертия.

Обнищание сторгической жизни сопровождалось ослаблением вероисповедальческой мощи соборного разума. Каковы бы ни были причины этого явления, ясно, что верхняя половина Общей души, ее Собор, гас. Ситуация в Истории народов не такая, надо полагать, уникальная. Когда Собор на какое-то время лишается необходимой для путепрохождения подвижности, тогда центр тяжести перемещается в нижнюю половину Общей души, в Этнос, в интерпсихическую жизнь и магическое сознание. Перемещение общедушевного центра в Этнос активизировало национальную Самость (за счет Народности) и тем самым внутренне изготовило народ к войнам. Конечно, первая мировая война только усугубила эти процессы. Наверняка

государственными мужами в защиту начала войны тогда приводились самые многоумные и серьезные соображения. Тут - урок: без учета конкретной общедушевной ситуации все политические мысли и расчеты подвешены в пустоте и недействительны.

Сторгическое оскудение усилило языческую стихию Руси, что в немалой степени способствовало обессиливанию соборного разума и катализации магического сознания. Равновесие между центром Сара (соответствующим вероисповедальческому возрасту) и реликтовым магическим сознанием нарушилось. Сар ушел в тень. Без Сара и соборного разума магическое сознание обрело значительно большую свободу и значение в Общей душе. Теперь историческая судьба России решалась теми, кому первыми удастся стать у руля ее магического сознания.

Еще с языческих времен народная филическая жизнь Руси осталась крепко связанной с магическим сознанием. Обнищание сторгической жизни, повторим еще раз, приводит к нездоровому взвинчиванию общедушевной филической жизни. Оба эти фактора вместе привели к возбуждению и выдвиганию на передний план общедушевной жизни филио-магического сознания. Но не газетно-культурного, западного, а другого, доморощенного, дикого, - того, которое рельефно описал Бунин в "Деревне", а затем, через годы, Платонов. Оно-то и породило порочное вождение ко "всеобщему счастью", мечтательное ожидание скорейшего установления Царства Божьего на Земле.

Все это, однако, не более, чем предпосылки того, что произошло на Руси. Роковое для Руси значение имело другое обстоятельство.

2.(68)

Общедушевная сторгическая жизнь - основа цельности, самобытности и автономности Руси. В отличие от других Общих душ, русская Общая душа, оскудевая сторгически, тем самым утрачивает цельность и автономность, делается податливой к влияниям извне, по межобщедушевному каналу сообщения. Это либо канал соборного разума, практически закрытый в вероисповедальческом возрасте, либо филический канал. Именно по этому каналу русская Общая душа со времен Петра стала все теснее контактировать с Общими душами европейских народов.

Несколько раз, в разных местах книги мы упоминали о специфической черте русской Общей души, в которой нет того пристрастия к трудам в филическом поле, которое очевидно в Общих душах западной Европы. Русь не принадлежит к иефетовым народам. Русская общедушевность сторгична и магична, а не филична и аналитична, как западная. По сравнению с интеллектуально-морально-культурной жизнью Европы русская филия производит впечатление тихо, без страсти, неохотно звучащей в Общей душе. Отсюда же и ее восприимчивость к культурным влияниям извне.

Филическое воздействие Европы на Россию шло не через непосредственное общение и культурное взаимопроникновение народов, а посредством русского культурного слоя, имевшего огромное влияние на государственную и, хотя бы в потенции, на собственно народную жизнь. Как и всякая другая нация, русская нация сознает себя в культурных людях, самовыражает в них свою национальную Самость и свою Народность. В русской культурной среде и XVIII и XIX веков действовали как филио-эротические, так и сторгио-эротические типы. Однако, во второй половине прошлого века настроение и взгляды русского культурного слоя стала определять интеллигенция - явление уникальное в общедушевной жизни народов. Уникальность ее в том, что состояла она из **чисто филических людей**, как бы вынутых из Общей души, но, тем не менее, составляющих определенное **общедушевное** явление.

Как таковые филические люди были везде и всегда, но жили лично-душевной, а не общедушевной жизнью. Русская интеллигенция это категория людей, стремящихся жить исключительно на III этаже Общей души, интеллектуально и культурно привязанном к интеллектуально-культурной жизни Западной Европы. Через русскую интеллигенцию западноевропейская филичность обрела в условиях час от часу гаснувшего Собора русской Общей души вполне реальное интеллектуальное и политическое руководство в стране. Более того, в тех общедушевных условиях русская интеллигенция ненароком открыла для западного влияния исподнее русской общедушевной жизни - ее магическое

сознание, уже приобретшее филический оттенок. Это-то неприметное обстоятельство и стало роковым для России.

Русская Общая душа в соответствии со своим путевым развитием закономерно проживала в вероисповедальческом возрасте; но ее культурный слой с некоторых пор сообщен с филической жизнью западноевропейских Общих душ, как раз в эту пору вступающих в возраст Иефета. Нужно ли это было и полезно ли это было для русской Общей души? Трудный вопрос. Особенно если вспомнить, что и в вероисповедальческий возраст русская Общая душа ввелась не сама собой. Влияние иефетова Запада, несмотря на некоторую преждевременность его, могло быть живительно в путевом отношении для России. Но оказалось опасным для нее.

Влияние иефетовой Общей души на вероисповедальческую Общую душу вообще говоря, имеет свои плюсы и минусы, о которых можно рассуждать и рассуждать. Но при этом хорошо бы строго разграничить филическое влияние иефетовых Общих душ, восходящих на Пути (как в Европе было еще в первой половине XIX века) и пагубное влияние Общих душ, **находящихся в ситуации иефетова грехопадения** - как в Европе стало к началу XX века. Таким образом, русская интеллигенция в самый критический момент общедушевной жизни России провела внутрь нее чужого и, главное, **испорченного Иефета**, справиться с которым трудно (если даже и посылно) и тем Общим душам, которые породили его на своем собственном Пути. Наваливать на недавно (по историческим меркам) перешедшую в вероисповедальческий возраст русскую Общую душу - да в момент ее соборного обессиливания! - груз второго общедушевного падения, значит поставить ее в безысходное положение.

3.(69.)

Есть один важный признак иефетова падения Общей души, о котором мы еще не упоминали.

"Внутренний пафос новейшей истории - **в стремлении ко всемирному** - сочувственно пишет в "Розе мира" Даниил Андреев. - На что указывает это **знамение времени**? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, **сделалась всеобщей потребностью**? Не на то ли, наконец, что **решение всех насущных проблем** может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?"

"Стремление ко всемирному", которое "сделалось всеобщей потребностью", - это и есть **вавилонское устремление** новейшей западной истории, "знамение времени", еще одно знамение падения Иефета. В вероисповедальческом возрасте Общие души чураются, а то и страшатся, образа Всечеловечества. Только в XIX веке развилась в Европе идея прогресса (еще одно детище грехопадения Иефета), по которой История сама собой и с нарастающим темпом стремиться к своему концу - к всемирному объединению человечества в единый организм. Установленное Господом общедушевное состояние рода человеческого стало почитаться несчастным случаем, недоразумением, ошибкой.

До сих пор западные люди переживают свои вавилонские устремления как нечто возвышенное. Несмотря на опасение всемирной тирании, единство и братство народов остается ведущим лозунгом эпохи. Были ли когда-либо и есть ли сейчас какие-то общедушевные основания для такого рода ожиданий и устремлений? - Никогда и никаких! Бог разделил Ноеву Единую душу на Общие души. Он же может опять их собрать через Сарим. Для чего они должны пройти долгий Путь, вступить в завершающий возраст Шема. Движения Общих душ друг к другу начинается посредством Сарим только в поле духовной близости, где становится возможным единение соборных Народностей. Но прежде Общие души должны научиться полноценно жить сторгической жизнью. Чего и контуров пока не видно.

Нигде идеи вавилонского прогресса не воспринимались так прямолинейно, как в России. Нигде они не брались с таким пылом в качестве руководства к практическому действию. Не поразительно ли, что странная речь Достоевского о Пушкине (в которой утверждалось российская устремленность "к единению всечеловеческому") была принята современниками с таким восторгом. Казалось, все только и ждали "общего дела" -

общеευропейского, общехристианского, общегуманистического, общечеловеческого, всемирно-исторического. Но то были пока еще одни **вавилонские настроения**. Отметим сразу, что общедушевная катастрофа в России зачиналась с **изменения сознания течения** исторической жизни как таковой.

В 80-ые и 90-ые годы прошлого века - на совершенно ровном месте Истории - в русском культурном обществе стали заметно преобладать взгляды, которые предвещали скорое и победное завершение Истории или, по крайней мере, светлый всеобщий ее перелом. Странно вспомнить. Дошло до того, что Владимир Соловьев всерьез искал конкретное лицо, способное занять кресло главы правительства в имеющем вот-вот быть Новом Царстве. Соловьевская "свободная теократия" - работа для автора злободневная. Чтобы подбодрить Историю, движущуюся напрямик к правде и счастью, культурные люди того времени совершали разные подвиги и, конечно, говорили, говорили, говорили, обещали и заговаривали себя. Даже Лев Толстой одно время твердо предвещал современникам конец века сего и наступление нового. Всех охватила какая-то легковесная, песенно-лозунговая, декларативная эсхатология, пародийно контрастирующая с грозной эсхатологией двухтысячелетней давности.

На таком фоне в русской Общей душе народились максималистические **вавилонские филические бесы**. Самое **святое** понятие и слово в лексиконе их - "Революция". Их гневливо взвинченная революционность выражала себя в оголтелости радикальных общественных преобразований самих по себе. Этой-то свято-революционной оголтелости и угодило марксистское учение с его принципиально внеобщедушевным классовым подходом, метаисторическим экономическим умничаньем, пролетарским избранничеством и прочее. Русские вавилонские бесы - это филически предельно возбужденные люди, самовольно и идеалистически выведшие себя наружу и над Общей душой, убежавшие и выбежавшие из нее. На русском вавилонизме лежит каинова печать **духовной измены** - не только своей Общей душе, но и глубинным основаниям человеческой личности. Это особенно видно в их самоотреченности и жертвенности.

Самоотречение в лично-душевной жизни это отречение от индивидуальной филио-эротической самости ради выявления жизненности духовного Я. Самоотречение в общедушевности - основа сторгической жизни нации, на которой держится отцовское национальное чувство. И в том и в другом случае самоотречение есть акт **свободного сознания** в человеке. Вавилонские бесы пылали и филическим самопожертвованием и сторгическим самоотречением, но это был пафос самоотречения от своего духовного Я и от своей Общей души. Самоотречение такого рода основываются на абсолютизации **несвободного сознания**. "Высшая революционная нравственность" (правильнее - мораль) требовала отречения от своей совести, разума, чувства ближнего, веры отцов. Разумно и нравственно то и только то, что полезно теоретической Революции, а практически - все то, что решила и приказала **"Партия"**.

Как для вхождения в вероисповедальческий возраст Хама необходимо было предварительное существование внеэтнических минисоборов (см.гл.11), так и для дальнейшего развития Вавилонского дела необходимы были особые внеобщедушевные структуры, организующие вавилонских бесов в политические "партии". Такая Партия, как носительница и средоточие высших человеческих ценностей, условна и мнимодушевна. И вместе с тем - соборна, образована по модели общедушевного Собора. И в этом ее сила.

У вавилонской партии свой соборный разум (своя идеология), своя сторгия (партийное товарищество), свои идеальные переживания, подменяющие общедушевное религиозное чувство, своя мораль и святость, свои интеллектуальные и культурные ценности, свое миропонимание и жизнеощущение, основанное на филической легкомысленности (в нашем смысле слова) и духовной несвободе. Это не парламентская партия, а **вавилонский орден**, запрещающий сомнения в его "курсе", требующий добровольной сдачи высшего основания человека, его свободного духовного сознания. Несмертие "я" переводилось в партию. Рыцарем партии уже в те времена владел страх, напоминающий "гипнотизирующую тяжесть" Штрума - страх оказаться "вне рядов" партии и, значит, утратить бессмертие, вмещенное в партийное "мы".

Вавилонский орден - это своего рода самозамкнутая филио-государственная целостность. Цель и задача вавилонской партии: максимально расширить свое воздействие на начинающее активно жить поколение с тем, чтобы образовать из него новое **вавилонское поколение**. - Вот задача, которая продиктовала культ сильной, чрезвычайно энергичной личности, волевого напора, несгибаемости, жертвенной мужественности, революционной страсти и других партийных "больших чувств". Отсюда ставка на сильного человека, которую Сталин ввел в государственный ранг Царства темного ОНО.

Сложилось так, что вавилонским партийным бесам удалось заразить порочной жадной исторических свершений поколения молодых людей начала века, внедрить в них свою соборность, превратить их в вавилонское поколение, которому оказалось по душе и "дело индустриализации" и "мировая революция" и соцреализм.

В революцию и гражданскую войну вавилонские бесы сделали свое дело: подменили общедушевное социальным, национальное пролетарским, захватили власть, возбудили эротические аппетиты и, главное, добрались до центра магического сознания Руси и завладели им. Роль их на этом закончилась. Но они любой ценой желали продлить "свое время" и самих себя в Истории. Что окончательно и погубило их. Место вавилонских бесов революции и гражданской войны заняли "сталинские соколы", темные советские бесы, сделавшие каинову Народность.

4.(70.)

Годы сталинского правления - годы прозрения в тьму мировой Истории. В принудительном и темном братании нового Вавилона раскрылась бездна общедушевного Пути. Угодить в нее и в ней погибнуть может всякая Общая душа. Нужно только уточнить: в каком путевом возрасте и в каких исторических условиях.

Библейское Вавилонское дело завершилось увяданием сафа ахад, распадом Единой души на Общие души, подмешиванием в них Сарим и включением в жизнь человека зла Истории. Чтобы самовольно возродить прерванное Богом, людям следует незаконно оживить "язык един" (на основании темной сафа ахад), убрать из Общих душ Сарим, искусственно (в том числе и насильственно) собрать человечество в единство Общих душ, в котором, умозрительно говоря, не должно быть международной борьбы, а значит, и зла Истории. Еще условие: править в вавилонском единстве нового образца должен не реликтовый деспот Нимрод, а обеспеченный всей массой филической жизненности Каин. Но немало важны и условия древнего Вавилона: урбанизация долины Шеннар, дисгармонизация природно-естественной и нравственно-душевной жизни людей, что, кроме прочего, способствует их этническому перемешиванию. Ну и, конечно, надо выдумать нескончаемое строительство до небес и делать на нем Имя.

В XX веке совершена первая попытка создания в Человечестве единой каиновой **неовавилонской души**. Неовавилонская душа - не Общая душа, а **суррогат Единой души**. Это совершенно иной, необщедушевный вид структуры. Национальные Самости и Народности в ней погашаются, но без Сарим легко забиваются общей для всех каиновой ("советской") Народностью. То же и этнический разум, который в Неовавилонской душе полностью подчинен неовавилонскому разуму. Увявшие Общие души становятся в положения "национальных форм" для воплощения обязательного "содержания", заключенного в Неовавилонской душе. Неовавилонская душа "в" и "над" Общими душами, прекращающими самостоятельное историческое действие и процесс путевого восхождения. Возвещаемая Неовавилонской душой "цель" человеку - фиктивное возведение Башни ради самого по себе ее возведения. Смысл человеческой жизни - в деле обжигания кирпичей для Башни и укладка их ряд за рядом до небес.

Чем же цель эта и этот смысл так прельщают людей? Но что, скажите, остается человеку, для которого нет Бога, не было Адама, нет и не будет Рая и личного бессмертия в Царстве Небесном? Чем и как компенсировать ему его исчезнувшее личное бессмертие? - Только, разумеется, бессмертием "мы", которое единым строем движется "туда", победоносно свершает великое Вавилонское Дело, строит Башню в Светлое Будущее. Тут, кстати, неценима роль мнимой души.

Мнимая душа несет в себе и в себе воплощает одно **настоящее состояние** духа. Это состояние предвкушения утоления душевного голода и общей **готовности души** к работе. Предвкушая могущество действительных душевных сил и выражая состояния изготровки души к работе, мнимая душа всегда нацелена с настоящего момента вперед, в будущее и грядущее - в "тогда и там". Мнимая душа **вся в ожидании** и сама есть ожидание, чаяние души о легкости добывания - счастья ли или Царства Добра и Правды на непригодной для него грешной Земле. Для мнимой души Царство Божье - вот оно, не за горами. У нее, собственно, нет живого интереса к "теперь и здесь", то есть к подлинной жизни. И потому, зовя человека вперед и ввысь, в "туда и там", мнимая душа действует на назначающую волю человека в обход производящих работу жизни духовностей и **вместо них**. Эта же подмена работы одухотворения и помогает представить решенным нерешенный вопрос бессмертия.

Неутоленность в решении вопроса бессмертия может толкать людей на строительство Башни, участие в котором дает мнимодушевную мечту о будущем и сладость сознания причастности к бессмертию "мы", с песнями составляющее себе нетленное Имя. Поколения, при которых в 20-х - 30-х годах возникла Неовавилонская душа, твердо знали, что они делают себе заглавное Имя в Истории. Царство темного ОНО и темной сафа ахад осуществлялось под прикрытием маршей филио-вавилонского самосознания. Они - "строили"! И в своем роде были причастны к бессмертию и счастливы.

Конечно, бессмертие в Неовавилонской душе это бессмертие каиновой Народности и смертность, даже прижизненная нежизненность отдельного человеческого "я". Царство темной сафа ахад внедряло в души эту нежизненность, полный нуль личностной жизни перед лицом "всех" и "Общего дела". Для филио-магического сознания бессмертие в Неовавилонском движении схоже с сознанием бессмертия в Природе или Этнотесе по природно-магическому сознанию. Та "гипнотизирующая тяжесть", которая заставляла Штрума "думать так, как ей хотелось", которая как "невидимая сила жала на него", "растворяла волю" его, "заставляла замирать сердце" действовала от имени каиновой Народности и Неовавилонской души. Сопротивляться ей было нельзя, непосильно для всякого человека, не обладавшего исключительной духовной силой.

Неовавилонская душа структурируется как ноева Единая душа, то есть в единстве сторгии, филиа и эроса, с одной стороны, и общего разума с другой. Соответствующая идеология разрабатывает стратегию Неовавилонского Дела, закладывает основы вавилонского мирозерцания и каинова жизнечувствования. Для этой цели в нашем веке подошел марксизм. В следующие века это может быть другое учение, иная "идея", не обязательно научно-материалистическая. Более того, материализм и вообще позитивизм в лице марксизма показал свою несостоятельность⁵ в качестве силы, способной руководить Неовавилонским Делом. Видимо, надо ждать появления другой идеи, более пригодной на роль такого рода идеологии или даже роль вавилонского соборного разума. Учтем на будущее, что не марксизм и не марксизм-ленинизм породил Неовавилонскую душу, а падение Иефета и вавилонские устремления века использовали марксизм в своих целях. Ровно так же при нужде может быть использовано и другое учение.

Поколения людей, оставленные без решения вопроса бессмертия, в ситуации иефетова падения заразились вавилонской "идеей", которая быстро "овладела массами". Отметим, что строители новой Вавилонской башни действовали не по вероисповедальческим, нравственным, патриотическим или маммониальным соображениям, а по соображениям **идеологическим**. Еще человеку XVIII века трудно было бы объяснить, что это такое. Идеологическое руководство исходит от псевдоисповедальческого соборного разума, но есть в нем и иефетовы черты.

⁵Псевдорационалистическому марксистскому мировоззрению не достает мистики, к тому же он понижает саму по себе разумность общественного человека тем, что создает впечатление будто "законы" в обществе работают так же, как в природном мире; достаточно познать эти законы, начать ими руководствоваться и они сами сработают свое. Именно это понижение человеческой разумности до разумности природной определяет принудительность методов осуществления желаемого.

"Идейность" Иефета подменила откровение вероисповедания, свойственное третьему возрасту Хама. Идеологию способны породить только умники, которым чуждо (а то и враждебно) всякое откровение, в том числе и естественное человеческое откровение, то есть глубокая мысль сама по себе. Те, кто не в состоянии различить глубокомысленное от легкомысленного, боятся откровения мудрости и ищут иной критерий качества мысли. Создаваемая умниками (какими были и Маркс и Ленин) идеология не может быть мудра и глубокомысленна.

Вавилонский XX век зачался от легкомыслия, мучил человечество по легкомыслию и с легкомыслием на челе уходит. Коммунистическая идея рассчитана на остроту филического восприятия, она элементарно и пошло филична - и потому тянула к себе прозелитов. Само представление "класса" (вместо народа и нации), тем более борьбы классов или классового мира, нивелирует Общую душу, и есть уже идея вавилонская. На подходах к возрасту Иефета все отвлеченные мысли обретают практический вес, тяжелеют и сильнеют. Как донести до современного человека, что социум или "экономика" - отвлеченные понятия, на которых нельзя устраивать жизнь людей?

Мы жили, живем и еще долго будем жить, неся в себе советскую Народность и Неовавилонскую душу. Анализ того и другого необходим для сегодняшнего и завтрашнего дня, независимо от того, в какой экономике и государственности мы станем жить. Общедушевные установки прошлого и ныне правят нами. Не зная их, нельзя прогнозировать реформы и ход событий, нельзя понять, что нам угрожает и какие силы имеют шансы выйти на поверхность общественной жизни и завладеть ею.

Советская мнимодушевность - особого рода мнимодушевность **общих** чувств, мыслей, стимулов к труду, к власти, к жизни и прочее. Ослабленная светлая сторгия подменяется извращениями филической жизни, мнимодушевностью всей общественной жизни, которая невытравима изменениями социального бытия. В Неовавилонской душе люди неизбежно жили не в реальности, а как бы в реальности - в партийности и соцсоревнованиях, экономических показателях и парадах, подчинялись несуществующим законам несуществующей советской власти. Понятно, что и разум у таких людей должен быть наполнен отвлеченными и легкомысленными доктринами и возбуждаться переживаниями фиктивных и отвлеченных идеалов. Присмотревшись к сегодняшней действительности, легко обнаружить, что люди все так же продолжают жить как бы в реальности и так же легкомысленно и мнимодушевно, как и прежде. Само религиозное чувство людей 90-х годов нашего века, так же как и людей Неовавилонской души - их идеалы, их вера, их убеждения и совесть - должны быть мнимы и только мнимы. Все то, что мы сможем сказать о людях Неовавилонской души, действительно и для нас.

Неовавилонская душа желала, чтобы в ней жили условные люди, с условной одухотворенностью, с мнимодушевными чувствами и логически красивыми и легкомысленными мыслями. Судите по себе, насколько это удалось ей.

Неовавилонская душа стремилась для своих целей выделить из человеческой души особую инстанцию - мнимого двойника, - и прикрепить его к себе. Мнимое вавилонское (советское) "я" одновременно находилось на службе у каиновой Народности и псевдособорного вавилонского разума. Советское "я" - не лично-душевное, а общедушевное, вернее, вавилонодушевное явление. Оно не исчезает в людях. Оно принимает на веру любые демагогические оправдания происходящего. Оно слепое. Оно бессильно перед злом и способно безотчетно потакать ему.

Советское "я" слилось с филической личностью, подмяло ее под себя, ее подменило, стало мнимым двойником внутри человека. Тут не двоемыслие, а **двоеличность**, с которой еще долго предстоит считаться. Мнимому двойнику легко было жить в вавилонской мнимодушевности, в которой культивировалось оптимистическое, всегда праздничное самоощущение жизни. Мнимый двойник был развращен этой легкостью ощущения жизни и дорожил ею. Мнимый вавилонский двойник - носитель особой морали, часто жесткой до ригоризма. И это не всеобщее ханжество, а чувство своего вавилонского достоинства и прочно укоренившееся сознание необходимости парадной стороны моральной жизни, составляющее непрременную часть

вавилонского существования. Неовавилонская душа создала невиданный моральный закон - **парадную нравственность** под неусыпным контролем всего общества. За "моральное разложение" принималось то, что становилось документально известным - например, официальная жалоба в общественные инстанции жены на измену мужа.

Обращенный к каиновой Народности мнимый двойник боялся ввести в активное действие обычное здоровое и нравственное чувство человека. Отсюда, кстати, и уважение к режиму секретности. Отгороженные секретностью люди внешне и внутренне изолированы друг от друга и уже по этой причине менее склонны чувствовать остроту уколов совести. К тому же, то, что обрاملено секретностью, обязательно обретает статус чего-то таинственного, какого-то высшего знания, высших интересов, недоступных простому смертному. Тут опять же слышен филио-магический мотив Неовавилонской души.

Возможности филической жизни через мнимого двойника свободно использовались для целей темной сафа ахад. Для чего морально-культурная жизнь делалась "идейной", "соцреалистической". То, что с точки зрения подлинной морали должно бы считаться подлостью или ложью, то с точки зрения парадной нравственности является **душевым знаком** принадлежности лица к Неовавилонской душе.

Триединство темной сафа ахад, вавилонской мнимодушевности (и легкомысленности) и темного ОНО образовывало тот суррогат Единой души, который стремилась создать Неовавилонская душа. Все три составляющие этого единства замкнуты друг на друга, поддерживают друг друга. Царство темного ОНО необходимо еще и для того, чтобы эротически подавить человека, ввергнуть его в состояние душевной протрации, довести каждого до такого состояния, при котором он мог воспринять каинову культуру и мораль в качестве основ своей жизни.

Советская филическая жизнь - не темная, она псевдосветлая. Особенно это заметно на псевдодушевлении "энтузиазма", где идеальные чувства переживаются без сознания идеала, в пафосе самопожертвования и несвободы. Энтузиазм - душевный восторг без работы совести, страстность подвластности несвободному сознанию как свободному. Отсюда и "монолитность рядов" - наиполнейшее выражение темного ОНО в Неовавилонской душе.

Царство темного ОНО состоялось на фоне интер-психического эротического ужаса и чисто филического энтузиазма масс. Личность Сталина для вавилонского поколения была высочайшим Центром общей филической жизни. Грозный вождь сам добивался этого культом насилия, гипернасилием и культом славы, гиперизвестностью. Никакой владыка в Истории не относился к общественным возможностям силы искусства так серьезно, как Сталин. Должность "корифея всех наук" в сочетании с непрерывным громоуханием его имени и образа была важна для его замыслов не менее, чем его абсолютная власть.

Сталин одновременно был темным сторгическим Отцом Неовавилонской души, ее главенствующим Центром, надмирным носителем Вавилонской идеи и Вавилонского сознания как такового, верховным распорядителем всего интерпсихического Строя жизни и плюс ко всему - Хозяином природно-магического сознания в Этносах. К нему одному стекались все потоки сторгической, филической и эротической жизни народов. Он один устанавливал для всех веру и убеждения. Его личность проецировалась на всех, заставляя всех быть такими, каков был сам, какими он желал всех видеть. Сталин **единил собою** Неовавилонскую душу. Он же вывел новый сорт вавилонских бесов, которых сделал носителями власти в советской стране. Это совершенно новый тип людей власти, который продолжал править и после смерти Сталина и продолжает править ныне, после распада Союза.

5.(71.)

Партия "ленинских" вавилонских бесов сделала свое дело, стала Собором Неовавилонской души, захватившей многочисленные Этносы. На смену ей пришла новая генерация "сталинских" вавилонских бесов, которые не в теории, а на практике, в интерпсихической жизни исповедовали, что жалость унижает, благотворительность

презренна, доброта смехотворна, что есть строители вавилонской Башни и есть враги этого строительства, без которых она была бы мигом выстроена до небес.

"Самоотречение наоборот", свойственное прежнему, "ленинским" вавилонским бесам, сменилось под влиянием "сталинских" вавилонских бесов на самоотрицание ставшей малоценной человеческой жизни, имеющей значение кирпичика в вавилонском строительстве. Филлические "большие чувства" ленинцев и их мессианское сознание обернулось нарочито детскими чувствами и филио-магическим сознанием, насаждаемым пропагандой и соцреализмом. "Ленинские" вавилонские бесы свято верили в конечную "победу коммунизма"; "сталинские" вавилонские бесы тоже верили, но в то, что можно приказать сделать коммунизм - лишь бы был тот, кто приказать сумеет.

"Тысячу лет Россия была страной неограниченного самодержавия, страной царей и временщиков. - Писал Василий Гроссман. _ Но не было за тысячу лет русской истории власти, подобной сталинской". То же можно сказать и о послесталинских временах. Нигде и никогда **сам вопрос власти** не стоял так, как для советского руководителя любого ранга и для советского человека вообще.

Человек в советском обществе сделался принадлежностью власти. В сталинском макете советского общества, на который ориентировались и последующие поколения властителей, власть есть единственный (!) моральный критерий, главнейшая общественная ценность и в то же время носительница совести и чести, источник разума и возвышенных переживаний. В идеале жизнь каждого должна сводиться к постоянной борьбе с другими за обретение большей власти, большего участия и причастия к ней. Одни **любыми средствами** должны приобретать, а другие хранить и увеличивать свою власть. Вот задача, цель и смысл всякой общественной деятельности там, где человеком более всего и эффективнее всего движет корысть власти. Такова система **КРАТОКРАТИИ** - власть власти, в которую плавно перешло сталинское Царство темной сафа ахад. Сталинские бесы превратились в **кратократов**, в филио-государственных бесов. Чрезвычайно важно осознать преемственность кратократии от Царства темной сафа ахад и кратократов от сталинских соколов.

В системе кратократии общество руководится кампаниями. Самое тяжкое преступление - не выполнить распоряжение начальства в кампанию. Объявляя кампанию, верховная власть не имеет в виду рациональный эффект; она сверху донизу подает во все звенья общества кратократический пусковой импульс, сигнал возбуждения, активности и проверки надежности системы, сигнал, на который - и в этом весь смысл - обязаны с максимальной готовностью и лояльностью откликнуться все задействованные в кратократии, а желательны и вообще все люди, до единого. Отклик снизу вверх на кратократический сигнал сверху вниз - это рапорт. Сделанное же дело - нечто функционально необходимое для рапорта. Исполнение - не деловой результат, а доклад о выполнении. Важна только демонстрация безусловного подчинения низших высшим, демонстрация на конкретном, предложенном в кампанию деле, требующая видимости предельной активности всех и каждого ради рапорта исполнения. Каждый кратократ твердо знает, что все на свете: экономика, здравоохранение, образование, любая сфера жизни - лишь поприще самодеятельности власти и важны как приложение к власти и для власти.

Для кратократа есть одна точка зрения: польза или вред для власти. Даже спорт (или балет) - дела престижа власти. Основная форма воздействия на нижестоящего кратократа - начальственный разнос, который должен уметь исполнять кратократ всякой ступени. Основное наказание - объявление выговора, то есть выражение официального недовольства сверху, что по кратократической идее должно быть страшнее всего. Самое худшее наказание - снятие с должности. Основное поощрение - объявление благодарности, награждение, присвоение звания или, в пределе, повышение в ранге. Основное орудие кратократии - негласное указание и вообще негласность. Проницательность кратократа, его ум состоит в том, чтобы суметь угадать еще не спущенное в документах указание свыше. Само собой разумеется, что всякая инициатива снизу для кратократа есть посягательство на прерогативу его ступени власти. Самоощущению кратократа соответствуют гигантские (для его масштаба управления) проекты, стройки, сооружения. Всего противнее кратократу личная независимость подчиненного.

Власть в кратократическом обществе - и работодатель, и устроитель отдыха, и раздаватель жилья, и установитель цен, и информатор, и судья, и законодатель, и следователь, и собственник всего, что в небе и на земле. Каждый всегда и везде вынужден соприкоснуться с властью - и без нее ни шага! Все, от букваря до погребальной ямы, "дает" только власть. Люди же "получают" - столько, сколько "дают".

Власть - везде, всегда, всюду. То, что называлось "наглядной агитацией" реально ни за что не агитировало, а призвано было создать впечатление, что кратократия не только в кабинетах и залах собраний, но и в любых коридорах, по которым человек ходит, и на безлюдных шоссе. Той же цели служили хождения людей по улицам с портретами вождей. Рассказывают, что кто-то из известных писателей в озарении подобострастия предложил в дни семидесятилетия Сталина начать исчислять новую эру со дня его рождения. Вот высшая степень кратократических чувств.

Власть в кратократии нечто большее, чем Чин, Начальство, правление и управление, пусть и диктаторское. Власть в кратократическом обществе явно претендует стать **духовным стержнем** всеобщей жизни, ее высшей духовной инстанцией, переводящей свои установки в общедушевные витальности. Общедушевная сторона каждого человека в системе кратократии должна знать присутствие Власти в себе, всегда сознать себя под ее наблюдением и руководством. Чувство Власти должно переживаться **Общей душой как религиозное чувство**. Кратократ, филиогосударственный бес, узурпирует место Сара в Общей душе. В общедушевной практике это нечто принципиально новое и, судя по всему, весьма перспективное. Вопрос в том, где кратократия лучше всего найдет себя.

В западноевропейских Общих душах кратократия внедряема принудительно. Прочность кратократии в качестве государственной структуры, обслуживающей Неовавилонскую душу (где она и возникла) после случившегося с Советским Союзом весьма сомнительна. Некоторый успех кратократическому режиму управления и организации следует ожидать там, где ударное значение придается общедушевному религиозному чувству. По достоинству оценить возможности кратократии могут Общие души, находящиеся в третьем возрасте Хама. Особенно если они жестко настаивают на своей вероисповедальческой неподвижности и претендуют на духовное верховенство в регионе или мире. Показательно, что наиболее прочно и органично кратократическая система вжилась в среднеазиатских советских республиках. Кратократия в их руках несомненно станет мощнейшим внутригосударственным оружием. Им осталось лишь заменить вавилонизм на панисламизм и тем заполучить в свое распоряжение куда более эффективную и жизнеспособную систему интердушевной сплоченности масс, чем та, которую создал, скажем, Саддам Хусейн. Качество переживания Власти, как общедушевного религиозного чувства, способно консолидировать религиозно-фундаменталистские Общие души и служить тем общемировым целям, которые они сами изберут себе.

Но может кратократия быть использована и в других целях.

Социалистическая кратократия - уникальный эксперимент, где все и вся скрепляет Власть и только Власть. До брежневских времен человечество не знало за Властью таких ресурсов и возможностей. Оказалось, что само по себе сознание Власти в кратократическом мире скрепляет и удерживает в скрепленном состоянии людское сообщество. Наверное, именно такое должно произойти при диктатуре Сара Власти, устанавливающейся в Общей душе на пороге ее вхождения в возраст Шема (см.гл.48). Кратократия - это гримаса, искаженная подмена **подлинной Власти**, ее суррогат, ее уродливый и преждевременный эквивалент.

Социалистическая кратократия дурно работала потому, что это была холостая система властвования, во главе которой стояла условная фигура генерального секретаря. В свою полную сатанинскую силу кратократия заработает если она станет функциональной структурой националистической "псевдосарократии", в Царстве ненависти. Создается даже впечатление, что сравнительно невинная брежневская кратократия обкатана для такого рода целей.

И сталинское Царство темной сафа ахад и брежневская кратократия вполне умещаются в филиофашистском Царстве ненависти и словно прорепетированы в Истории для ее нужд. Это значит, что падение Иефета и его конечный результат -

самоизничтожение человечества в Царстве ненависти - предусмотрено Сарим как возможность. Выходит, что человечество действительно в состоянии уничтожить само себя. Кратократия, темная сафа ахад и филионационалистические бесы - предвестники надвигающейся катастрофы.

6.(72.)

В романе Толстого Пьер увидел вымазанный и приставленный к стене дома труп - вот самообъявление Кнаана, его заявление всем о себе, о своем существовании в мире. Любая война выносит Кнаана из тьмы подполья, где он обычно обитает, на свет общественной жизни. Особенно гражданская война. Особенно в России. Кнаанство всегда было заметным явлением российской общественной жизни, составляющим темный ее полюс. В российской гражданской войне нашего века кнаанство стало важной военной силой, поддерживавшей красных и белых, анархистов и монархистов. По завершении гражданской войны кнаанство отчасти было опять загнано в подполье, но ему был дан уникальный шанс. Большевики считали Кнаана социально близким и отдали ему на растерзание своих политических врагов.

В сталинские годы Кнаан получил богатые возможности пировать паскудство и глумление, причем и над лучшими людьми нации и над высочайшими святынями. Примечательно, что язык Библии стал использоваться Кнааном в качестве блатного языка, а крестик на груди почитаться блатным шиком. Впервые за тысячелетия Кнаан так разросся в обществе, что включил в сферу своего непосредственного влияния массу душевно здоровых людей - так называемых "приблатненных" во всех слоях общества. Кнаанство вошло в дневной мир людей на правах одного из определяющих течений жизни.

Впрочем, кнаанство - стихия внетоталитарная, и потому сталинский режим, используя Кнаана, не особенно его жаловал. Кнаанских главарей время от времени уничтожали и так решали дело. Во времена Хрущева влияние кнаанства вроде бы пошло на спад. Но совершенно неожиданно возродилось в новом виде и в новом поколении при правлении Брежнева, в системе кратократии.

Впервые после Содома Кнаан вдруг обнаружил возможность не только выйти из рабства, но и стать в числе господ жизни. Кнаан оказался достаточно талантливым кратократическим игроком, чтобы занять место в низшем, а иногда и в высшем эшелоне власти. Стал Кнаан нужен и в другом отношении.

Самым разным слоям общества была все же необходима некоторая свобода от кратократии. Парадоксально, но жульничество в огромной стране стало чем-то вроде социальной и экономической свободы. Всеобщее жульничество и блеф - от прилавков до кафедр - призвано было обойти кратократию. Да и кратократ любой ступени мог вмиг лишиться всех благ Власти и должен был думать о самообеспечении на случай отставки. В таких условиях Кнаан оказался необходимым связующим звеном между кратократией и криминальной экономикой или в качестве исполнителей авторитарной воли любого рода. Реальная мощь Кнаана в 70-е годы постоянно возрастала. Хотя он и должен был скрывать себя.

Звездный час кнаанства пробил при разрушении кратократической системы и переходе на "рыночную экономику". Новые филические бесы в очередной раз приняли свои сновидения за действительность и легализовали Кнаана и его покровителей. Началась эпоха распада, безвластия и всеобщего расхищения, в которой, как всегда в пору народного бедствия, правят мародеры. Специфика эпохи в том, что мародеров возвестили спасителями отечества, самым перспективным слоем общества, способным в исторической перспективе обеспечить процветание народа.

Кнаанство стало признаком посткоммунистической эпохи. Сегодняшние газеты и журналы демонстрируют нечто невиданное - филическое кнаанство. Общество питается (и, конечно, отравляется) литературно-художественным и интеллектуальным глумлением всех видов. Действует **самоцельное** стремление осмеять, опозорить, "разоблачить", исчернить, уязвить, нравственно растоптать. На улицах городов Кнаан становится тем "сильным человеком", которому **должна** принадлежать власть. Новое поколение косит на мир откровенно кнаанским глазом, девушки, почти девочки прилюдно грязно ругаются,

ценят в мужчине рэкетира, нация эротически (в нашем смысле слова) растлевается, звереет и теряет представления о добре и зле. На очереди погромы.

Расположение кнаанов - первейший признак безария Общей души, ее разодухотворения. Место Сара Власти займет, скорее всего, националистический псевдосар, собирающий вокруг себя все духовно неукорененное и, не в последнюю очередь, Кнаана. Кнаан - идеальный гражданин Царства ненависти, в котором он наверняка станет ударной силой, устанавливающей господство темного ОНО в нации или нациях. Царство ненависти, возникни такое, будет кнаанским Царством. Как это уже было в Библейские времена. Тогда Господь покарал Содом и Гоморру. И Он же указал на то, что может и должно одолеть Кнаана в человечестве.

Сразу же вослед вавилонской истории - и вроде бы даже в продолжение ее - Библия начинает разговор об Аврааме. Показательно, что Бог обещал Аврааму **возвеличить его имя**, благословить его и благословить благословляющих его, проклясть злословящих его. "И благословятся в тебе все племена земные" - сказал Аврааму Бог, посылая его в землю, которую он указал ему. Земля же которую обещал Бог Аврааму, это Земля Ханаанская, где обитали и которой владели кнаанские народы. Авраам посылается Господом в борьбу (или хотя бы в противостояние) с Кнааном. Через всю библейскую историю проходит тема борьбы Авраама и Кнаана.

Каждый народ, каждая душа благословенна, несет авраамово начало как начало святости в себе. Духовная жизнеспособность народа зависит от того, сколь мощно начало святости в нем. Именно это начало и только оно оберегает народ от помрачения в зло кнаанства. И оно же спасает от него.

Образ святости, Авраам, всегда возбуждает на себя Кнаана. Кнаанова глумливая ухмылка постоянно сопровождает одухотворенных людей. Она менее приметна, если народ оберегает, ценит и покровительствует началу святости, и становится неприкрыто агрессивной, когда это начало не в чести. Без Авраама, как явствует из Библии, Вавилон превращается в Содом, где человек извращается в содомовом чувстве ближнего и так или иначе выходит из существования.

Внутри всякой Общей души идет скрытая или открытая борьба Кнаана и Нимрода, с одной стороны, и Авраама и Сары, с другой. Это борьба роковая, решающая народные судьбы. Судьба народа и его души в Истории зависит столько же от сюжета Истории, от экономических, социальных и политических условий его проживания, сколько от исхода этой борьбы. Одолеет Кнаан и Нимрод - Общая душа гибнет и Сар ее отлетает от нее. Побеждает начало святости в народе, и душа народа расцветает, оживает, крепнет, мужает и продолжает исполнять свое особое назначение в Человечестве. Дай-то Бог!

7.(73.)

Прежде, чем искать выход из того тупика Пути, в который мы уже идем, надо постараться понять структуру Общей души в режиме фашистской псевдосарократии.

Царство национальной Самости есть лишь первая ступень становления Царства ненависти. Зараженной кнаанством (и эротическим, и филическим) национальной Самости отводится в Царстве ненависти служебная роль. Некоторое значение в фашистской псевдосарократии может иметь и исчерненная темным сафа ахад сторгио-эротическая Народность, но не она все же составит основу режима Царства ненависти. Главенствующей в псевдосарократии станет филио-сторгическая **Каинова Народность**. Темная сафа ахад и фашистская филичность сочленятся в филио-сторгическую общедушевную инстанцию, **подобную соборной Народности**. Иефет - действительно! - вселяется в шатер Шема, но - падший Иефет в шатер темного и порочного Шема.

Реаностный служитель Иефета Дмитрий Мережковский некогда возвестил "грядущего хама". И был прав, конечно. Но пришли иные времена и мы скажем иначе: грянул падший Иефет, берет себе в помощь Хама и может уже на глазах наших детей вселиться в шатер порочного Шема. Вот угроза!

Важным предварительным условием полноценного путевого проживания Общей души в периоде Иефета является "другой", то есть филический, соборный фундамент Общей души. Он уже мало-помалу закладывается в современных европейских Общих душах, хотя еще и далеко не заложен. Фундамент этот в советском мире был создан, да

так крепко, что продолжает стоять и после крушения коммунизма неовавилонского образца. Нет сомнения, что его конструкции способны служить и дальше, для нужд фашизма.

Удачен ли или не удачен был опыт использования марксизма в качестве соборного разума Общих душ, но опыт этот показал, как легко целостно сочленив интеллектуальную разумность и соборную разумность любого, в том числе и необходимого фашизму идеологического профиля. При наличии соответствующих сил (не в последнюю очередь - определенным образом нацеленных мозговых теоретических сил) правый треугольник разумностей Общей души собирается так же просто, как и левый треугольник общедушевных витальностей. Так что мы имеем дело с вполне жизнеспособной конструкцией, собранной так, как ей должно быть собранной на Пути в периоде Иефета. Причем, завершить строительство конструкций Общей души для Царства ненависти куда легче, чем сделать это дело на Пути.

Четкость общественного функционирования псевдо-сарократии обеспечат инструментальные возможности кратократии. Но не советской кратократии брежневского образца, а иной, ныне зарождающейся маммонократии, в которой кратократ одновременно является крупным (в соответствии с его кратократическим рангом) собственником, а собственник - кратократом. С помощью усовершенствованных приемов маммонократия сможет поставить под тотальный контроль всю политическую, общественную, деловую и культурную жизнь.

Маммонократия, как и прежняя кратократия, это система мрачно копирующая "подлинную власть", которая в светлой зрелости Общих душ, на подходах к возрасту Шема должна бы установиться в них под началом Сара Власти. Кто-то же должен замещать его в системе маммонократии Царства ненависти! Кто же? Падший Иефет, делающий себе имя Сара? Да, конечно, такому псевдосару сподручно осуществлять однобокий режим национальной Самости в Общей душе. Но сочленив в прочное единство структурно завершенное кольцо витальных общедушевноностей и структурно окончательно собранное ментальное кольцо, то есть соединить **целостности** правой и левой сторон Общей души - так, как это должно бы быть на подходах к возрасту Шема! - не под силу псевдосару. Для осуществления Царства ненависти псевдосар должен быть поддержан из мира Сарим.

Если Царство национальной Самости - реальная сегодняшняя угроза, то Царство ненависти - всего лишь видение. Мы только допускаем его осуществление и говорим, что тут крах Пути Сарим и самоуничтожение человечества. Националистические бесы, делающие Царство национальной Самости, должны быть мнимоодухотворены псевдосаром. Для строительства Царства ненависти этого мало. Делающие его фашистские бесы должны быть одухотворены не мнимо и не псевдо, а действительно одухотворены и направляемы неким Саром Силы. Как это понять?

Мы уже упоминали о том, что не только Общая душа зависима от мира Сарим, но и сами Сарим зависят от того, что переживается и мыслится в Общих душах. Внедренные в Общую душу Сарим Силы питаются от нее, вбирают в себя ее образы, ее смыслы, ее внутренние движения. "Спущенные" в мир людей и укорененные в Общих душах Сарим получают ресурсы своей жизненности в том числе и от Общей души, взрослеют от нее, от нее болеют и здороваются. Общая душа переводит в Сарим свои чувствования и мудрствования - и в состоянии **отравить** Сарим Силы. Каждый Сар - живое духовное существо и, как всякое живое существо, заболевает от дурной пищи. Горячка филической общедушевноности, которую мы переживаем, сказывается и на общедушевных Сарим. По этой причине им, преодолевая мнимодушевноность, будет особенно нелегко восстанавливать Общие души после падения Иефета. Но если Общие души сорвутся в режим национальной Самости, то это может привести к серьезной и хронической болезни тех или иных общедушевных Сарим.

Больной и извращенный псевдосаром Сар Силы сам себя выдвигает из общего хора Сарим, лишается согласия этого хора, уходит в одиночество, самоотлучается от Престола Господа и прекращает служить Ему. Воображение тотчас подсказывает нам хрестоматийный образ исполненного гордыни и одинокого Демона - **падшего Сара Силы**, отравленного псевдосаром Иефета и заключившего союз с ним. Вот такой, падший, Сар уже пригоден для осуществления Царства ненависти.

Резонно предположить, что воображаемый падший Сар, одухотворяющий Царство ненависти, являет себя в нем через некий темный тип одухотворенности, порочно самоутверждающийся через вражду к другому типу одухотворенности, через вражду к другому Сару. Значит грядет борьба Сарим? Как только разразится борьба Сарим - вражда и борьба у Престола Господа - человечеству не выжить.

Царство ненависти - даже одно единственное! - несет реальную угрозу существованию всего человечества. Царство ненависти - видение предельной опасности, указующее дорогу к гибели. Все, что ведет к такому результату, должно быть старательно исключено из хождений любой Общей души. Первым делом, это, конечно, касается любого движения в направлении Царства национальной Самости.

8.(74.)

Еще недавно угроза всемирного Неовавилонизма была вполне реальна. После искусственного разрушения Союза правящие политики и идеологи много говорят о нежизнеспособности разрушенного строя. Но в том-то все и дело, что Царство Зла само по себе устойчиво и способно даже предоставить сладкую или полусладкую жизнь многим из желающих ее. В повседневности человеческого бытия Зло жизнеспособно и, только дай ему волю, правит прочно. В таких случаях недаром требуется вмешательство свыше.

На глазах ныне живущих поколений произошло историческое чудо и произошло так, как совершается историческое чудо: в единственно возможный момент и единственными руками. Подумайте: как на вершине пирамиды кратократии (и из самых ее недр!) мог оказаться **не человек власти**, вполне освоивший, но принципиально отвергающий тоталитарные методы кратократии, пользующийся ими для разрушения кратократии и, действительно, за невероятно короткие сроки - всего за пять лет! - разрушивший вавилонизм сталинско-брежневского вида. Тут все неправдоподобно!

Современные умники не заметили, что в наше время, как и в нимродовы времена, произошло непосредственное включение Господа в земные дела, в результате которого угроза Неовавилонизма снята с Человечества. Господь в очередной раз **благославил** нас, но это Его дело, быть может, еще делается, еще не закончено, и мы не ведаем, что ждет нас дальше.

Вспомните, что совершил Господь после первого, хамова грехопадения. Он не только прервал строительство Башни до небес, но и расселил народы по лику Земли, разъединил человечество на Общей души, заставил их жить асимметрично, замкнуто и несинхронно. В таком состоянии человечество и прожило весь период Хама. И вновь, при вхождении человечества в следующий период Пути произошло второе, иефетово грехопадение, повлекшее за собой Неовавилонское дело XX века. Господь рушит и его. Теперь мы ждем бед национализма. Однако, не есть ли националистические настроения нашего времени признак нового, еще глубже запаханного разделения на языки? После первого Вавилонского падения запущено Зло Истории. А что грядет после второго?

Люди Вавилона должны были расселиться по Земле, заселить всю Землю, и они заселили ее. Нам расселяться уже некуда и не нужно. Мы давно и вполне освоили все разнообразие природно-человеческой жизненности. Не исключено, что перед нами теперь поставлена другая задача - во исполнение новой заповеди: **расселиться по филическому полю**, освоить все разнообразное богатство филической жизненности. Я не первый говорю об этом. По сути о том же говорил Вернадский и де Шарден. Напомним еще раз, что Общим душам для дальнейшего продвижения по Пути необходимо разработать и заложить в себе филический фундамент. Что, если филический национализм, которого мы так боимся, имеет не только то значение, о котором мы толковали? Что если он имеет еще и законное, особое и положительное значение на Пути Сарим?

Если это так, то мир Сарим поддержит эти законные и путевые общедушевные движения. Предстоит, возможно, кардинальная смена общедушевных Сарим. На смену Сарим, действовавших в периоде Хама, придут другие Сарим, предназначенные для работы в Общих душах периода Иефета. Падение Иефета на Пути Общих душ может привести и существование падшего Сара. При восстановлении на Пути Общие души

ожидают **Сарим Иефета**, которые призваны привести Иефета в шатер Шема. Мы живем на развилке дорог.

Наше время есть промежуточное время и в другом отношении. С верстака Бога уже снимается Хамова общедушевность, но в работу Его еще не поставлена общедушевность Шемова. Нашими сердцами Господь начал возделывать интеллектуально-филическую общедушевность - иную ноофилическую Землю, по которой теперь предстоит распространиться (и разделиться?) людям.

Эта новая Земля - есть, нужна Ему, но трудно утверждать, что нам уже сказано наполнять ее. Почему? Не пришло время? Некогда люди, исполняя веление Господа, наполняли и приняли в себя Природу Земли. Вместе с людьми "расселились" и Сарим. Но все же Природа - место обитания человека, а не Сара. К ноофилической же территории приписан и человек и Сар; вернее: Сар и вместе с ним человек. С помощью человека Сарим сами должны разместиться и обжить эту территорию.

Падение Иефета более всего состоит в том, что духовно равнодушный культурный человек нашего времени пытается (именно благодаря духовному равнодушию) самостоятельно и без участия Сарим освоить и возделывать интеллектуально-филическое поле жизненности и разумности. Самость человека и его творческая воля не допускает Сара на это поле. Борьба одухотворенности с мнимодушевностью это борьба за место Сара на новой Земле, куда Сарим законно внедряют человека, а не наоборот. Человеческая мнимодушевность - это не Земля, а **ложное Небо**, в котором подлинный Сар, в отличие от псевдосара, существовать не может.

Пришло время, и Господь раскрыл перед людьми ноофилическую Землю, - но не для того, чтобы человечество шалило на ней и играло себе в удовольствие в игрушки мнимодушевности и мнимоодухотворенности. Ноофилическая сфера жизненности теперь уже не место игр человека, а то рабочее место, где решается **роковой** вопрос: быть или не быть человечеству и Пути Сарим.

В состоянии падения Иефета человечество более всего нуждается в самом признании этого рокового вопроса, в ответственном осмыслении всей серьезности своей культурной, моральной и интеллектуальной жизнедеятельности, в суровом понимании исходящей от нее на него мистической опасности. Либо нам удастся выбраться из падения Пути и повести Иефета в шатер Шема, либо мы погрязнем еще больше, поставим Иефета служить Хаму (а то и Кнаану) и, тем самым, лишимся оснований для дальнейшего существования, погибнем сами и растлим ноофилическую Землю, которая дана нам. Это уже раз было с человечеством и потребовало Перетворения Потопом. Хотим ли мы еще раз пережить этот опыт?

1990-1992г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Первоначально мною в Приложения намечалось поместить шесть частей:

1. О филио-сторгических типах в обществе и их борьбе с филическими и филио-эротическими характерными типами.
2. О значении и роли людей, находящихся на той или иной стадии Пути восхождения, в путевых процессах Общей души.
3. О демократии.
4. Взаимоотношения природно-магического и филио-магического сознания в Общей душе периода Иефета.
5. Израэль и Путь Сарим.
6. Учение Толстого о сторгическом искусстве.

Исполнение всего этого требует некоторого времени. Но по нынешним временам нельзя рисковать с задержкой печатания книги даже на несколько месяцев. И потому теперь я выпускаю книгу в свет только с одним Приложением. Остальное надеюсь поместить в следующих изданиях "Общей души".

Учение Толстого о сторгическом искусстве.

Трактат Толстого об искусстве композиционно построен на противопоставлении господского и народного искусства. Выигрышный прием этот был взят Толстым в проповеднических целях. Господскому искусству Толстой инкриминирует "обеднение содержания" передаваемых чувств, ограниченных тщеславием и гордостью в восхвалении сильных, чувствами тоски жизни и раздраженной чувственностью. Каждое из этих чувств в свое время становилось главенствующим и занимало соответствующее место в искусстве. Далее, Толстой ставит в упрек искусству его изощренность, вычурность, изысканность, сложность (или, напротив, "жажду простоты, свойственную чрезмерно утонченной душе"), туманность, загадочность, все то, что составляет особую прелесть для души, привычно вращающейся в омуте мнимой душевности. В отличие от труда жизни, вращение в таком омуте Толстой называет праздной забавой.

Толстой также отмечает в "господском" искусстве обилие того, что он называет "подделками под искусство". Это, во-первых, заимствование или, что то же, поэтичность, то есть украшенное повторение всего того, что уже прижилось в мнимой душе. Во-вторых, это подражательность потоку жизни, реализм хорошо подмеченных подробностей, демонстрирующий тренировку и способности автора и скрывающий его душевную жизнь. Того же добиваются и приемом эффектности, построенном на поразительности того, что никогда еще не изображалось, неожиданности контрастов, изображении ужасного, тщательной отделки чего-то одного в целом и т.д. Все эти эффекты бьют по нервам, нервические, а не душевные. В четвертых - занимательность, интересность, построенная или на возбуждении любопытства (запутанная завязка, например), или на интересе узнавания незнакомых отраслей жизни (фараонов, босяков, дикарей).

Далее Толстой говорит о профессионализме художников, зависящих от ежедневного успеха их произведений, об институте художественной критики, устанавливающей имена-авторитеты, руководствующейся авторитетами, и, наконец, об обучающих искусству школах, прямо тиражирующих услуги мнимой душевности. Такое безостановочно производимое, всегда готовое к употреблению, изукрашенное, материально и душевно корыстное, заманчивое, извращающее, духовно ослабляющее человека искусство Толстой попросту уподобляет проститутке.

Настоящее искусство, учит Толстой, не блудница, а жена, для которой зачатие ребенка есть плод всей предшествующей жизни, которой для заманки мужа не нужны украшения, которая зачинает по любви и которая рождает нового человека в жизнь. Произведения истинного искусства не может быть без "сознания художником чего-то нового, важного". "Истинное произведение искусства есть откровение нового познания жизни (!), которое по непостижимым для нас законам совершается в душе художника и своим выражением **Освещает тот путь**, по которому идет человечество" (30.224-225).

Искусство должно служить Пути. Но одного "откровения нового познания жизни" недостаточно, нужно, чтобы это "откровение" возымело действие на душу другого человека, было передано ему мз души в душу. А для этого необходимо единение душ, сторгический пробой от души автора на душу читателя, зрителя, слушателя. "Как бы ни был поэтичен, похож на настоящий, эффектен или занимателен предмет, он не предмет искусства, если он не вызывает в человеке того совершенно особенного от всех других чувства радости, единения душевного с другим (автором)... Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником..."(гл.XY).

Для того, чтобы художнику успешно функционировать в искусстве, ему необходимо иметь достаточно сильную волю творчества и талантливость в какой-либо области искусства. Во всем остальном он может смело руководствоваться повелениями

Общей души и поветриями, гостящими ныне в мнимой душевности. Последние (поветрия), обычно не совпадают с первыми (с повелениями), что дает возможность личного выбора направления или стиля, то есть оригинальности. "Господское" искусство (то, что Толстой еще называл подделками под искусство) полностью безразлично к душевным свойствам своих авторов. **Сторгическое искусство**, которое проповедовал Толстой, требует от своих работников (теперь можно употребить и это слово) дополнительно к творческой воле и таланту еще и душевных качеств, которыми определяется не достоинство, а сама принадлежность к этому роду искусства. Качества эти таковы.

Поддельное искусство может диктовать обязательную новизну и индивидуальность темы, стиля, выражения, приема, подхода, но до того "откровения нового познания жизни" в душе автора, которое Толстой считает идним из основных условий истинного искусства, ему дела нет. Напротив, всякое вновь выражаемое в поддельном искусстве движение души должно быть оригинальным или не оригинальным, но своевременным, то есть без особых усилий вливаться в данное духовное состояние общества. Сторгическое же искусство - дурное или хорошее - просто не может существовать без нажитого в душевной работе нового сознания, отношения, понимания, озарения. Дело не в его уникальности, исключительности, оригинальности, а в его "особенности", как говорил Толстой, особенности души, задушевности сугубо личностного путевого опыта. От поддельного искусства требуется особый настрой, новизна **настроения** без существенного изменения состояния души. Сторгическое же искусство призвано ввергать душу в новое для нее **состояние**, имеющее свою гамму настроений.

Поддельное искусство всегда стремится к совершенству формы, под чем в разное время может подразумеваться и утонченность, и упрощенность, и примитивизм, и элегантность, и изящная туманность. Оно может требовать ясности изложения, но не ясности выражаемых чувств - ясности души. Такая "ясность" достигается не работой над формой выражения, а душевной работой. Толстой столько раз переделывал собственный текст не потому, что не удовлетворялся его формой - об этом речи не было, да и не было проблем - или был недоволен его содержанием по существу (он всегда говорил много меньше того, что знал и мог сказать). Правя рукопись, Лев Николаевич каждую свою фразу все более и более начинял своей собственной душевной энергией, так что она раз за разом становилась душевно емче, богаче, вывереннее и, следовательно, сторгически выразительнее. Со второго тома "Войны и мира" каждая фраза Толстого - чистейший сгусток мощной душевной энергии автора, спресованной многоцветной душевной переработкой мысли или образа. Нужна душевная жажда, чтобы воспринять эту толстовскую ясность.

Искусство по Толстому - **Инструмент филио-сторгического единения**. Оно, более того, само и налаживает филио-сторгические связи, дает возможность встретиться и образоваться филио-сторгическим типам в обществе, то есть начать в Общей душе путевой процесс, свойственный возрасту Иефета. Битва филио-сторгического направления в искусстве с господствующим филическим направлением не состоялась. Ни тогда, ни сейчас. Пора бы уже.

Заявки на книги:

1. Б.Берман "Сокровенный Толстой"
2. И.Мардов, Б.Берман "Путь восхождения" I и II том
3. И.Мардов "Общая душа"
4. И.Мардов "Мнимый рост"

направлять по адресам:

В Москве - 125475 а/я 1.

В США - Alex Bragin,

1833 Stillwell, Brooklyn, NY, 11223, USA

В Европе - Alex Kamionsky,
Schwerin Str 64

5000 Koln 60 BRD

В Израиле - Avital Btrmman
Alon Shevut
POB 36 Gush Etsion
90940